

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Умение умирать или искусство жить

О памяти смертной, Заповедях Божиих и послушании, а также иных предметах, душеполезных

По благословению епископа Саратовского и Вольского Лонгина

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2003, 2004.

© Татьяна Астрова, иллюстрации, 2003, 2004

Содержание

От издательства

О времени и смерти

Загадка времени

Наш друг и наш враг

Ворон и сова, колокол и часы

Кто помнит о смерти, тот не может грешить

Как умирают люди

Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны...

Обманутые миром

Двадцать пять глав о памяти смертной

Глава 1	Глава 2	Глава 3	Глава 4	Глава 5
Глава 6	Глава 7	Глава 8	Глава 9	Глава 10
Глава 11	Глава 12	Глава 13	Глава 14	Глава 15
Глава 16	Глава 17	Глава 18	Глава 19	Глава 20
Глава 21	Глава 22	Глава 23	Глава 24	Глава 25

О заповедях

Я господь Бог твой

Не сотвори себе кумира

Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе

Помни день субботный

Почитай отца твоего и мать твою

Не убий

В качестве дополнения

Не прелюбодействуй

В качестве дополнения

Не укради

Не клевети

В качестве дополнения

Не пожелай...

Некоторые мысли о пути спасения

Таинство послушания

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5 Часть 6

Раб Божий

Искать не только Божиего, но Бога

Духовное и душевное

Трагичный век

Мистика и религия
Душевное заболевание
Христианка и в то же время язычница

О молитве

Дыхание жизни
Высшее делание человека
Войти в свое сердце
Свет, струящийся издалека
Освобождение духа
Враги молитвы
Встреча двух личностей

На псалмы

Псалом 51
Псалом 115
Псалом 133

Приложение к статье «Таинство послушания»

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5

Примечания

От издательства

В чем заключается это искусство – искусство жить? Автор настоящей книги, архимандрит Рафаил (Карелин), дает на этот вопрос ответ неожиданный, от которого многим, быть может, станет в первый момент не по себе. Искусство жить заключается, согласно его точке зрения, в умении... умирать. Да, действительно умирать – для мира, для царящего в нем греха, для поработивших наше сердце страстей.

Многое должно отличать христианина от людей, не знающих Бога и без Бога живущих. Но одно из самых коренных отличий - в отношении к вопросу жизни и смерти. Для человека неверующего смерть - последняя черта, за которой уже ничего нет. Для христианина - грань, отделяющая время от вечности, жизнь краткую и призрачную от бесконечной и истинной.

Если земная жизнь на самом деле так коротка, если она исполнена скорбей, если нет в ней подлинного, непреходящего счастья, то зачем же дал нам ее любящий, милосердный Господь? Для того чтобы, познав, как бессмысленна она сама по себе, мы искали смысл своего существования за ее пределами. Для того чтобы поняли, что она - время покаяния, а не радости и утех, время делания, а не время воздаяния. Для того чтобы увидели себя в ней путниками, идущими по дороге в вечность, по той дороге, на которой мы должны выискать и действительно обрести Бога.

Здесь, на земле, решается наша вечная участь. Решается она не Богом, но нами. Господь есть бесконечная Мудрость, неизреченная, недомыслимая Любовь. По любви Своей Он желает спасти каждого из нас. По мудрости Своей знает, как это сделать. От нас же зависит принять это спасение или отвергнуть его.

Соединяет человека с Богом исполнение Его всесвяти воли. Нарушает это единение, отторгает от Бога, становится как бы стеной между Ним и человеком жизнь по воле своего развращенного, испорченного сердца. Воля Божия открыта для нас, выражена самым полным и определенным образом в заповедях Господних, в послушании которым и заключается спасение человека. Вообще послушание – это такая добродетель, без которой, по слову преподобного Иоанна Лествичника, никто из оплетенных страстями не увидит Бога¹. Дьявол – непокорный, мятежный дух, дух противления, безумного своеволия. И потому послушание – как образ жизни, а самое главное, как внутреннее

¹ См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 4, глава 8. М., 2002. – Ред.*

устройство души, необходимо: оно как бы исторгает человека из демонских рук и передает его в руки Божии.

Все эти истины должны, кажется, быть совершенно очевидны для любого христианина. Но одна из тяжелейших душевных болезней есть забвение, забвение о должном, к которому приводит человека его рассеянная жизнь, его нерадение, а более всего обольститель-мир и еще худший обольститель – диавол. И если этот недуг – забвение – поражал и расстраивал внутреннюю жизнь людей (а при невнимании их к себе и совершенно губил) во все времена, то тем более – в наши дни.

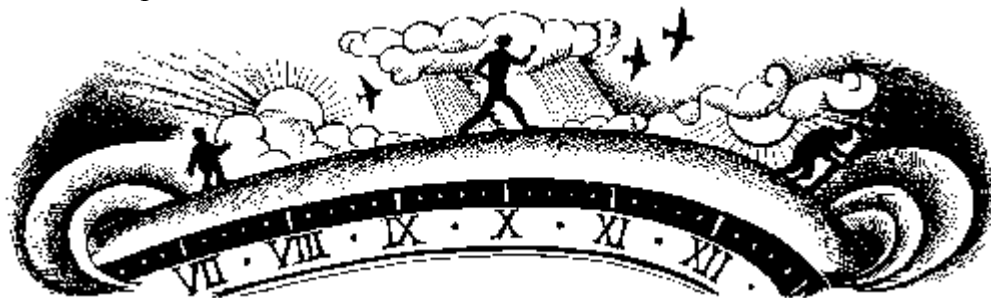
Вот почему так отрадно представлять читателю эту новую книгу отца Рафаила: она, как никогда, своевременна именно сейчас. Обращенная к душе человека, к его сердцу, она действует, словно рука, которая решительно отдергивает закрывающую внутренние очи христианина завесу забвения, открывает ему истину о том, что есть и что – будет. Иногда автор кажется чрезмерно категоричным в своих оценках, иногда его слова попросту представляются страшными – так, что у читающего их невольно рождается вопрос: «Да как же можно обо всем этом говорить?..». Но самое главное – то, о чем пишет здесь отец Рафаил, действительно правда, и об этом необходимо знать человеку, чтобы не потерять зря, не погубить данного ему Богом драгоценного дара – вечной жизни.

Статьи, из которых составилась книга, написаны в разное время. Поэтому в них порой встречаются некоторые повторы, они точно перекликаются друг с другом, отец Рафаил как бы возвращается к уже сказанному, чтобы взглянуть на него несколько иначе, дополнить, уяснить. Это совсем не затрудняет чтение, скорее наоборот, сообщает книге некую цельность, она оказывается словно прошита единой нитью – мировоззрением, мироощущением автора, его последовательностью и определенностью в своих взглядах. Кроме того, здесь отец Рафаил много говорит о смерти, о скоротечности земного бытия, о необходимости готовиться к переходу в вечность, к ответу за прожитую жизнь. Говорит о том, что важнее всего и о чем человеку бывает так трудно и так неприятно помнить. И «лишнее» слово тут не окажется лишним, а скорее войдет в сердце читающего, зазвучит в унисон с голосом совести, заставит пристальнее, требовательнее всмотреться в себя. Заставит по-настоящему захотеть научиться тому искусству, которому книга посвящена, – искусству жить, как подобает христианину.

О времени и смерти

Загадка времени

Загадку времени разрешить невозможно. Но древние мудрецы старались хотя бы как-то приоткрыть ее через символы и аллегории, представить время в неких осязаемых образах. Один из таких образов – Кронос^I – свирепое и беспощадное божество, пожирающее собственных детей. Время порождает дни и ночи: дни – как своих сыновей, ночи – как дочерей, и тут же пожирает их без остатка. Века и тысячелетия исчезают в утробе ненасытного времени.

У персов и мидян аналогом эллинского Кроноса выступает божество времени Зерван^{II}. Он изображается в виде человека со звериной головой и двумя крыльями. Зерван стоит на шаре, в руках у него жезл. Катящийся шар означает движение времени, которое никогда не останавливается, не прерывается, не возвращается назад; кроме того, шар означает космос, поскольку древние именно шар считали самым совершенным

геометрическим телом. Время царствует над космосом, оно попирает его своей ногой. Жезл в руках Зервана – символ высшей власти: ничто не может сопротивляться времени, никто не может противостоять ему.

Голова Зервана – голова чудовища: время не царь, а тиран, оно правит с неумолимой жестокостью, у него нет ни предшественников, ни потомков, оно рождено само из себя, оно умерщвляет всех, кого ни встретит на своем пути. У Зервана есть крылья: время вездесуще, от него нельзя укрыться ни в пропастях земных, ни на вершинах гор, ни в бездне неба, наполненной звездами. Своим жезлом Зерван разрушает скалы и свергает с небес звезды. Зерван всегда один. Он самодержец мира. Никто не смеет приблизиться к нему и встать рядом с ним. Только божество смерти выходит навстречу Зервану, чтобы получить из его руки свою добычу.

Другой образ времени – это египетский сфинкс^{III}, лежащий у подножия пирамид в пустыне и словно стерегущий царство смерти. Сфинкс отчасти похож на Зервана, только наоборот: у него туловище льва, а голова и грудь человека. Это божество философов, которое вступает в диалоги с людьми, задает им вопросы, предлагает загадки, а затем убивает их. Философы и мудрецы пытаются разгадать тайны, хранимые сфинксом, ответить на его вопросы, но оказываются беспомощными, как дети. И сфинкс играет с ними, как с детьми, а затем давит их своей львиной лапой. Мудрецы и философы не могут вырваться из-под власти времени, не могут разгадать загадок сфинкса, не могут защититься силой своей диалектики, которой они поражали и пленяли мир, и потому разделяют одну участь с невеждами, умирают, так и не узнав: откуда, куда и зачем². Ибо это может открыть людям только Тот, Кто выше времени.

У сфинкса голова и грудь женщины. Голова женщины – символ земной красоты. Время очаровывает людей, привязывает, влечет их к себе, словно змея взглядом – свою жертву. Одна грудь сфинкса означает жизнь, другая – смерть. Во времени начинается жизнь человека, во времени заканчивается его земное бытие. Одна грудь наполнена молоком, другая – ядом. Сфинкс выбрал себе место в пустыне, как бы на границе с вечностью. Тот, кто воздвигал пирамиды, думал победить само время, но владеет ими сегодня сфинкс. Эти рукотворенные горы, четырехгранные символы огня – только лишь иллюзия бессмертия.

Вавилоняне имели в алтарях своих храмов – зиккуратов^{IV} – странное спиралеобразное изображение, также представлявшее собой символ времени. Это как бы и круг, и прямая линия: время прямолинейно, но вместе с тем содержит в себе некие циклы, которые, не замыкаясь в сплошной круг, переходят один в другой. Эти циклы древние наблюдали повсюду: от космических явлений (движения светил) до событий человеческой истории. Это проекция времени в космосе, или космоса во времени.

Древние индейские племена майя и инки большинство своих храмов посвящали грозному божеству времени. Они строили их на высоком, подобном холму основании, каждая сторона которого представляла собой лестницу с каменными ступенями. Сам храм, стоявший наверху, имел вид усеченной пирамиды³. Ступени символически означали дни человеческой жизни. На площадке храма ежегодно приносились человеческие жертвы⁴, как бы в знак того, что ненасытное время требует жертв, что люди – его пленники и заложники, что смерть – это апофеоз времени.

Древние греки придумали еще один образ времени: лысый человек, бегущий по лезвию бритвы. Его нельзя догнать и схватить за волосы – так и время нельзя догнать и вернуть. Лезвие бритвы означает необратимость времени, его одномерность: бегущий по нему человек не может свернуть в сторону. Но здесь и еще один смысл: условность

² Вероятно, надо понимать это так: «Откуда явились мы в этот мир? Зачем оказались здесь, в юдоли страданий и плача? Куда пойдем, оставив ее, и где водворимся?».– *Ред.*

³ Интересно, что эти храмы послужили прообразом мавзолеев.– *Авт.*

⁴ Жертвы приносились страшным образом: жрец делал ножом надрез на груди человека, вырывал своей рукой его сердце и бросал на алтарь свирепому «божеству». В праздники таким образом предавали смерти до нескольких тысяч человек, преимущественно пленников.– *Авт.*

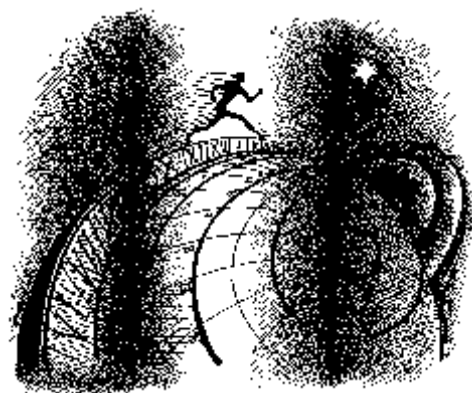
самого времени. Прошлого нет, так как оно миновало. Из реальности оно превратилось в нечто лишь мыслимое. Будущего также объективно нет, оно не наступило, оно всё – в области предположений, в некоей потенции бытия, опять-таки – в области мыслимого. Реально только настоящее, но и оно не более чем грань между прошлым и будущим, тонкая, как острое бритвы.

Древние не могли раскрыть тайну времени. Они не могли раскрыть тайну вечности, которая представлялась им какой-то статикой или паузой между циклами космической истории. Поэтому для древних время было знаком обреченности, было подобно страшной змее, намертво сжимающей в своих кольцах добычу.

Тайной времени владеет Церковь, но эта тайна проста. Бог создал время как приготовление к вечности. Время не безначально и не бесконечно, оно протекает на фоне вечности. Время – это состояние подготовки и выбора, перекресток дорог, где решается главный вопрос человеческого существования: с кем человек – с Богом или без Бога. Время – это возможность изменения, становления человеческой личности, проявления или утраты богоподобия, приобретения того, что раскроется в вечности.

Здесь, на земле, – пребывание, в вечности – истинное бытие. Время – поле испытания человека, а вечность – принадлежность Самого Божества, поэтому для христианина вечность открывается во времени, через приобщение души к предвечной благодати. Образно говоря, вечность – это как бы дыхание Божества, которое душа может ощутить во время молитвы. Для неверующего, как и для древнего язычника, время – лишь преддверие смерти, негатив бытия, крушение человеческих надежд. Поэтому у неверующих остается только один способ бороться со временем и смертью – забыть о них.

Для христианина время – это великий Божий дар и вместе с тем огромная ответственность: ведь вечность может стать для нас и бесконечной потерей Бога.

Наш друг и наш враг

Представьте ребенка, который хочет поймать своей рукой луч света. Он сжимает пальчики, ему кажется, что солнечный луч зажат между ними, но затем он раскрывает ладонь и видит, что в ней ничего нет. Так невозможно человеку удержать мгновение. Время течет, как широкая бесшумная река. Что ни делает человек: спит он или бодрствует, работает или молится, думает о смысле жизни или погружен в суету своих страстей, – час за часом, день за днем волны этой реки в неустанном беге стремятся друг за другом; как нельзя остановить течение реки, так же нельзя остановить время. Герои истории совершали великие деяния, одерживали победы над врагами, основывали огромные империи, возводили неприступные крепости, создавали висящие на цепях сады и цветники, сооружали здания, которые именовались чудесами света, но... никто из них не смог вернуть обратно ни одного прошедшего мгновения, ни один из величайших умов человечества не смог повернуть реку времени вспять. Эта река унесла их, как песчинку, в океан вечности; они проснулись из небытия и снова погрузились в сон.

Представьте другой пример: ребенок бежит за собственной тенью и хочет настигнуть ее. Он ускоряет шаг, но все равно не может ее догнать: чем быстрее человек гонится за тенью, тем быстрее тень убегает от него. Невозможно догнать крылатое время.

Время – в постоянном самоуничтожении. Древние изображали его в виде змеи, заглатывающей собственный хвост. Время – атрибут относительного бытия. Во времени нет прошлого: оно безвозвратно исчезло; во времени нет будущего: оно только предполагается; во времени нет настоящего: это луч, не имеющий ни длины, ни ширины,

бесперывно скользящий от уже потерянного прошлого к еще не существующему будущему. Пока наши органы чувств пытаются зафиксировать время как настоящее, оно уже прошло, превратилось в прошлое, эта волна пронеслась мимо нас. Значит, настоящее – лишь воспоминание о недавнем прошлом, косность органов наших чувств, которые доносят до нас мгновение, которого уже нет. Значит, настоящее – это только след прошлого и ожидание будущего.

Сама смерть – это не выход из времени; просто душа человека переходит в состояние нового восприятия времени, неведомое нам. Время исчезнет тогда, когда небо и земля сгорят в космическом пламени⁵, которое не уничтожит, а преобразит мир. До Страшного Суда время царит не только на земле, но и на небе и в преисподней. Души святых ждут воскресения тел, души грешников – милости Божией по молитвам Церкви и тех, кто творит милостыню за них на земле. Изменение предполагает время, это движение по горизонтали. Вечность – это движение по вертикали, в ней нет изменений как переходов из одного состояния в другое, в ней – раскрытие содержания человеческой души.

В вечности нет той потери бытия, которую философы называют асимметрией времени: там нет периодов, которые сменяются один другим; вечность – это не неподвижность, не статика, но движение, динамика, только иного характера, нежели динамика времени.

Время одномерно, а вечность многомерна. Понять это трудно. Предположим, плоскость, которая двухмерна, получила третье измерение, стала объемной. Так, образно говоря, и в вечности: то, что было одномерным, становится многомерным, и человек, не теряя прошлого, расширяет настоящее, и в этом настоящем через приобщение к благодати открывается все новое и новое: новые объемы бытия, новые емкости восприятия. Время – это перемена; перемена связана с потерей. В вечности – новое без потерь. Вечность – это истинное бытие. Время – это этап. Время не переходит в вечность, и вечность не переходит во время. Время проходит на фоне вечности. Это период становления, утробный период вечности. В Апокалипсисе говорится, что после Страшного Суда времени уже не будет⁶.

Есть два вида бессмертия. Первый – бессмертие святых, вечное приближение к Богу, поступательное движение к Божеству, все новые озарения Божественной благодати, когда прошлое не исчезает, а становится подобием настоящего, настоящее не превращается в прошлое, а становится подобием будущего. Но вечная жизнь – это не только самораскрытие, это общение, где существует два полюса: для спасенных – это Бог, для погибших – сатана. Общение с Богом – истинная жизнь, общение с сатаной – бытие как антижизнь, бытие как вечное умирание. Когда мы говорим о двух полюсах, то вовсе не ставим между ними знака равенства. Общение с Богом – это предназначение, цель, содержание самой жизни человека. Общение с демоном – вечный распад, где нет исчезновения как разложения на элементы простой и единой природы души. Здесь – распад и противодействие сил и энергий души, здесь – движение от центра к периферии, которое также не имеет предела; поэтому здесь смерть – в самом страшном и зловещем смысле этого слова – бессмертная смерть.

Некоторые недоумевают: как за грехи, содеянные во времени, душа будет осуждена на лишение вечной жизни. Но тайна этого в общении⁷: участь грешника – вечное общение с сатаной, вечное уподобление сатане, вечное удаление от Бога, вечная потеря. Здесь, на земле, определяется, с кем душа – с Богом или с дьяволом. Там, в вечности, уже не

⁵ См.: *Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят* (2 Пет. 3, 10). – Ред.

⁶ *И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам* (Откр. 10, 5–7). – Ред.

⁷ «Тайна этого в общении...». Очевидно, отец Рафаил хочет сказать, что лишение вечной жизни является не *карой*, но естественным *результатом* того общения, которое в жизни земной было избрано человеком добровольно. – Ред.

определение, а осуществление, поэтому так ценна земная жизнь, так дорого каждое ее мгновение, которое может быть ступенью лестницы, ведущей ввысь, к духовным небесам, или вниз, в бездну, поистине не имеющую дна. Поэтому время – наш друг и наш враг; первое или второе зависит от направления нашей воли.

Ворон и сова, колокол и часы

«Мысль о том, что после смерти нет ничего, дает мне большое утешение» – так или примерно так писал в своих мемуарах маркиз де Сад^V, по имени которого назван один из пороков, относящихся к области сексопатологии. Эта фраза в перевернутом виде могла бы стать беспощадным обличением того феномена, который называется атеизмом, а именно: «Я хочу найти утешение в мысли о том, что после смерти ничего нет, поэтому там ничего нет».

Пожалуй, эта надежда на будущее небытие – единственное утешение, которое нашел на дне греха и порока де Сад. Человеческая совесть имеет свой голос, неумолимо свидетельствующий о неотвратимости справедливого возмездия. Поэтому человек не может найти счастья в грехе. Совесть не только напоминает ему об адских муках, она дает ему почувствовать будущее состояние тоски и мрака, как бы подводит его к преддверию ада. Человек борется со своей совестью, как с врагом, и наконец находит жалкое утешение в той же мысли: «После смерти нет ничего». Свою книгу де Сад подарил Наполеону Бонапарту – верному слуге смерти. Но император, восприняв такой подарок как личное оскорбление, посадил в ответ дерзкого маркиза в тюрьму.

Духу человека присуще некое чувство вечности, чувство, которое невозможно передать словами. Дух – это око души; но, как и телесные очи, он очень нежен и уязвим. Греховная жизнь парализует силы духа, и человек практически теряет ощущение вечности. Она становится для него абстракцией и загадкой, великим «не знаю», неизвестным, которого он не может разгадать. Но даже после потери духовности и замены ее душевностью размышления о вечности и смерти мучают человека, живущего своими страстями. Совесть хотя бы шепотом напоминает ему, что в самом «не знаю» заключается «может быть», и даже смутные тени вечности наполняют его душу тревогой. Он хватается за мысль: «После смерти мое сознание погаснет, а тело истлеет, как труп собаки, перед которой у меня нет в этом смысле никакого преимущества. Я погружусь в бездонную пустоту, я исчезну. Какая разница, делал я добро или зло. Смерть сравнивает всех и всё. Ради чего, с какой стати я должен отказывать себе в чем-либо? Жизнь – это мыльный пузырь, сверкающий на солнце. От него через мгновение останется лишь мокрое пятно, которое высохнет без следа. Вера и нравственность – это старые предрассудки, цепи, которые люди сами надевают на себя. Раз нет вечности, то мне все дозволено, все можно».

Уверив себя, что вечности нет, человек в то же время настойчиво отгоняет мысль о смерти, чтобы не портить себе настроение. «Дайте мне спокойно докурить сигарету, а затем что будет, то будет», – откровенно сказал мне один современный интеллеktуал, готовый рассуждать обо всем на свете: от этики Аристотеля^{VI} до парадоксов Сартра^{VII}, от мифов Вавилонии до новелл Кафки^{VIII} – обо всем, за исключением вопроса о собственной смерти. Есть обычай: в комнате, где находится гроб с покойником, завешивают зеркала, чтобы в них не отражалось несколько гробов. Человек боится, что в зеркале его памяти останутся образы смерти, и потому старается заполнить свое сознание любым содержанием: работой, искусством, наукой, новостями, игрой в политику, вином и наркотиками, лишь бы забыть о неизбежном конце, лишь бы в душе не появилась, точно ночной призрак, картина гроба, в котором лежит знакомый ему покойник – он сам, с заострившимся желтым лицом.

Течет река времени. Она несет на своих волнах, словно в объятиях, плот, украшенный различными цветами. Это – наша жизнь. Люди на плоту любят берега, как будто плывущими им навстречу, беседуют друг с другом, рассказывают истории, небылицы... Они смеются, плачут и поют, но никто из них не думает, что за каждым

поворотом реки может оказаться водопад, и плот их, как путник, сорвавшийся с обрыва в бездну, будет разбит о камни, и кипящая стремнина реки станет для них могилой.

Гейне^{IX}, отличавшийся не только своими поэтическими дарованиями, но и наглостью, дерзко написал: «Пусть мертвые тлеют в могиле, живому дай жизни вполне» (так, или примерно так) – и, следуя собственному совету, получил известную болезнь, которая закончилась для него многолетним параличом и слабоумием. Еще до смерти он, как труп в могиле, лежал в своей комнате и, как в гробу, тлел на своей кровати. В расцвете своей славы он смеялся над Богом и над смертью и этот демонический смех сделал источником своего литературного дохода. Он был влюблен в земную жизнь с ее мимолетными наслаждениями, но мир, кроме которого он ничего не хотел ни знать, ни видеть, посмеялся над ним самим. Его судьба похожа на аллегория или на притчу со зловещим концом – о том, как человек полюбил змею, любовался ею, носил на своей груди, и она в благодарность за эту любовь ужалила его в сердце. Так поступает мир с теми, кто, забыв о своей душе и о небе, предается ему.

Здесь, на земле, о времени и смерти напоминают два существа и два предмета: ворон и сова, колокол и часы. Одиноким ворон, сидящий на ветке с опавшими листьями, похожий на знак вопроса, как будто задумался: что происходит в этом мире, где начало тому потоку, который называется временем, и где кончается он? Эта птица с черным оперением, похожим на траур, неподвижно сидит на заснеженном дереве, точно каменное изваяние, как будто хочет выйти из времени, из того, что меняется и проходит. Туча воронов, собирающихся над трупом, – это вестница смерти. Жизнь ворона – терпеливое ожидание чьей-либо гибели: для ворона труп – его пища, значит, смерть – его жизнь. Само хриплое карканье ворона похоже на удары сухих костей, на треск срубаемых ветвей, на шум падающих камней.

Сова любит пустынные места. Она поселяется вдали от шумных городов, в лесных тущобах или в расселинах скал. Один человек рассказывал, как однажды он посетил пустынников, живших в горах Сванетии⁸. Путь туда был долгий и трудный. Он со своими спутниками то переходил стремительные горные речки, то карабкался по уступам скал, то поднимался к вершине, за которой, как за волной волна, высилась другая гора, то спускался в ущелье, где даже днем царит сумрак. Наконец он добрался до убогих жилищ пустынников – нескольких домиков, сложенных из бревен и обмазанных глиной.

Пустынники особенно любили ночную молитву. Они делили ночь на несколько частей и спали урывками. Этот человек спросил: «Имеете ли вы, как обычно в монастырях, колокол или деревянное било, чтобы собираться в условленное время на молитву?». Они ответили: «У нас есть ночной колокол. Ты услышишь его». И вот около полуночи какой-то звук, похожий на плач, прорезал ночное безмолвие, как будто сама тишина гор застонала, как хрусталь от удара. Звук повторялся в каком-то протяжном ритме. Это был печальный крик совы, словно плакальщица над гробом оплакивала мертвеца.

Горы, лежащие к востоку от Сухуми, были для монахов излюбленным местом на протяжении многих веков. Там встречаются камни с вырезанными на них крестами, указывающие место чьей-то могилы, или человеческие кости в какой-нибудь заросшей

⁸ Сванетия – историческая область в Грузии, на юго-западных склонах Главного Кавказского хребта. Делилась на Верхнюю и Нижнюю. – *Ред.*

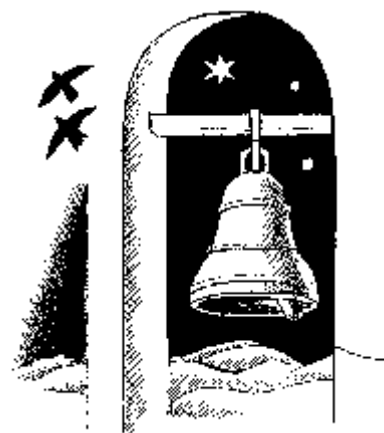
кустарником пещерке. Казалось, что сова по ночам оплакивает тех, кто жил здесь, и напоминает о неизбежности смерти. Говорят, что сова, хотя избегает обычно человеческих селений, тем не менее почему-то любит селиться около монашеских хижин. Куда приходят монахи, там появляется сова, как их спутница, и они слышат по ночам ее крик, призывающий к покаянию. Сова не спит по ночам в поисках добычи, и монах ищет по ночам в молитве свое единственное сокровище – благодать Духа Святого, пищу и питье своей души.

Ночью дивная картина открывается в горах. Вершины, озаряемые светом луны, приобретают темно-голубой цвет, как будто волны подземного моря выплеснулись из недр земли и застыли на лету. Деревья дремучего леса стоят неподвижно, точно изваяния. Ущелья кажутся черными безднами, глубокими, как само небо, непроницаемыми, как духовная тайна. Звезды кажутся искрами от пожара, который пылает за ночным горизонтом, искрами холодного огня. В горах особая тишина. Можно слушать эту тишину с таким наслаждением, с каким уставший путник пьет воду из горного ручья. А протяжный крик совы еще более оттеняет эту глубокую тишину. Этот крик, раздающийся по ночам, – песнь о смерти. Вид гор, сливающихся с ночным небом, – песнь о вечности.

Голос, который говорит: «Время проходит, спешу; ты не владеешь временем, оно дано тебе взаймы», – это бой часов. Он напоминает, что наша жизнь – умирание. Мы говорим: «Человек жил тридцать лет». Но можно сказать по-другому: «Человек умирал тридцать лет»; умирал с первого дня своего рождения. Часы – это шкала потерь и счет убытков. Чем мы заполнили минувшее время, с чем соединили прошедшее мгновение? Иногда мне кажется, что циферблат часов похож на картину космоса, а двенадцать цифр – это двенадцать знаков небосвода, двенадцать его мысленных частей. Центр циферблата – наша Земля, а стрелки – движение космоса. Раньше были песочные часы или водяные, где одна за другой падали песчинки или капля за каплей сочилась вода. Последняя песчинка в часах – последний удар человеческого сердца, последняя капля – последний вздох человека. Были солнечные часы, где время указывала тень. Утро – образ детства, полдень – зрелости, вечер – старости. А затем солнце заходит за горизонт, тени меркнут, наступает ночь; безмолвствуют часы, как будто умирает само время.

Голосом, напоминающим о вечности и о смерти, говорит звон колокола. Ударами колокола оканчивается погребение. В колокол звонят, когда мимо храма несут покойника на кладбище. Говорят, что в минувшие века во время эпидемий, особенно чумы, непрерывно били в колокола, чтобы очистить воздух от заразы. Звон колокола как бы расчищает путь для души усопшего, отгоняет от нее темных духов, которые, как стая хищников, окружают и преследуют ее. Звон колокола – это прощание живых с умершими. Гроб опускают в могилу при звуках колокола, как будто корабль отплывает от берега в бескрайние просторы океана. Звон колокола вызывает глубокие размышления о скоротечности земной жизни. Он

напоминает также о воскресении мертвых, о котором возвестит миру глас Архангела и звук трубный⁹. Колокольный звон призывает к богослужению: «Странники земные, спешите в свой дом, где пребывает ваш Небесный Отец; этот дом – храм». Звон колокола возвещает о Таинстве Святой Евхаристии. Он словно говорит: «Христианин, где бы ты ни был, остановись и подумай о вечности».

Говорят, что раньше на берегу моря, в местах, где были рифы и подводные камни, ставили колокол на высоком столбе и в безлунные ночи, особенно в непогоду, звонили в него, чтобы мореплаватели, сбившиеся с пути, не потерпели крушение и не погибли. Для нас страшная опасность – забыть о смерти. И здесь колокол пробуждает душу от глубокого сна.

Вороны, почуяв добычу, срываются с веток, как черные листья, и с хриплыми криками кружатся над лесом.

Звон колокола возвещает, что покойника внесли в кладбищенские ворота, из которых никого не выносят назад. Скрип железных ворот – точно скрежет зубов смерти.

...Настает ночь в горах, и пустыня оглашается протяжными криками совы. С первыми проблесками рассвета сова замолкает и погружается в сон, словно для того, чтобы не видеть тленной красоты этого мира и его суеты. А ночью она снова будет звать пустынников на молитву.

Кто помнит о смерти, тот не может грешить

Три вещи неизвестны человеку: когда он умрет, где он умрет и какая участь ожидает его за гробом. Поэтому человек должен всегда ожидать смерти и постоянно помнить, что день сегодняшний может оказаться днем последним. Поэтому именно сегодняшний день – день спасения. Господь обещал принять грешника, если тот покается от всего сердца, но Он не обещал какого-то точно определенного времени для покаяния, ибо ведал лукавство человеческой души.

Зная день и час своей смерти, человек будет говорить в сердце своем: «Это еще далеко, успею взять от этой жизни все, что она может дать, а затем, перед смертью, начну покаяние». Но покаяние – это желание быть с Богом, это начало борьбы с прежним хозяином, демоном, которому человек служил всей своей греховной жизнью, это возможность стяжания благодати. Лукавое сердце, которое хочет обмануть Бога, окажется не способным к покаянию: перед смертью оно окаменеет, и человек впадет или в холодное безразличие, или в отчаяние¹⁰. Поэтому Господь премудро сокрыл время смерти: ее не видно, как путника в тумане; она входит в дом без стука; она, как неожиданный гость, не предупреждает о своем приходе; она уводит человека за собой, как страж уводит узника на суд, – в том, в чем застанет его.

Человек всегда грешит, поэтому чувство покаяния должно быть для христианина постоянным чувством; враги же смертной памяти суть *многопопечительность, многословие и шутки*.

Многопопечительность – это напрасное расточение времени. Человек забывает о самом главном – о себе самом. Ему постоянно не хватает времени, чтобы наконец задуматься: кто он, зачем он на земле? Он похож на брошенный на зеленое поле бильярдного стола шар, который от невидимых ударов катится, как бы мечется из стороны в сторону. Человеку даже некогда подумать, зачем и кому все это нужно: эта спешка, этот вечный бег! Такой человек не оставил Богу в своей жизни места, он забыл о смерти, он не видит своих грехов. Метафизические вопросы интересуют его меньше, чем наличие жизни в далеких галактиках. Ему кажется, что подобными вопросами могут

⁹ См.: *Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде* (1 Фес. 4, 16). – Ред.

¹⁰ У преподобного Исаака Сирина говорится об этом в таких словах: «Кто, в надежде на покаяние, поползнется вторично, тот лукаво ходит пред Богом; на сего неведомо нападает смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели» (*Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические*. Репр. М., 1993. С. 429). – Ред.

заниматься только бездельники или мечтатели, а у него для таких пустяков времени нет. В этой постоянной суете, в этом водовороте дел он словно прячется от Бога. Смерть настигает его неожиданно. Он похож на бегуна, который внезапно падает, споткнувшись о камень. Умирая, он думает о том, что не окончил своих дел. Вечная жизнь и духовный мир для такого человека – неприятная, страшная неожиданность.

Второй враг памяти о смерти – многословие, одно из проявлений скрытой гордыни. Господь говорит в Священном Писании: *на кого воззрю? Только на кроткого и молчаливого*¹¹. Истинно так: смирение и кротость, столь любезные Богу, сопряжены с молчанием. Многословие – страсть, подобная пьянству, она поработочает человека, так что он становится как бы придатком собственного языка. Если человек, превративший себя в рабочего муравья, отнял у себя время, данное ему для приготовления к вечности, растратил его на внешнее и стал духовным банкротом, то болтун – вор не только своего, но и чужого времени.

Болтун в глубине души считает, что он уже все знает и ему остается только одно: учить других. А ведь на деле многие говорят лишь потому, что не научились молчать. Святые отцы утверждали, что человек, сделавший из великого дара – слова – развлечение для себя, похож на блудника. Поэтому многословный человек отвратителен для людей, чужд Богу.

Многословие – это бессмысленное расточение душевных сил. Молитва человека многословного делается немощной, рассеянной, сухой, подобно чахлому растению. Много говорящий теряет способность глубоко мыслить, не может остановить, сконцентрировать свою мысль на требующем внимания вопросе. Он становится похож на обжору, глотающего пищу, не разжевывая ее, уподобляется колокольчику, который звенит, потому что пуст внутри. Или – обтянутому ослиной кожей барабану, который своим грохотом заглушает все. Истинно: «Слова расточают, молчание собирает»¹². Конец многословия – опустошение души и потеря благодати. Всевидящий Бог как бы «не видит» человека-пустослова, потому что и тот неспособен в сердце своем видеть Бога, неспособен к богообщению, требующему сосредоточения мысли. Рыбак выуживает рыбу из воды, когда она заглатывает крючок своим ртом, а здесь диавол держит болтуна, как свою добычу, за язык.

Смерть – это тайна, а соприкоснуться с тайной можно только в безмолвии. Болтун может жить у самого кладбища, видеть, как каждый день мимо его окон несут гробы, и в то же время не помнить о том, что когда-нибудь придется умирать и ему. Память смертная требует того, что болтун потерял, – способности созерцать, как бы запечатлеть письмена на собственном сердце. Память о смерти, как и все, необходимое для спасения, это благодатный дар¹³, а болтун, за шумом произносимых им слов, не может услышать в своей душе тихий голос благодати.

Смерть приходит к словоблуднику так же неожиданно, как и к многопопечительному: ведь, перебирая и обсуждая чужие дела, он совсем забыл, что она существует. Но если человек, погруженный в суетные заботы, уходит из этого мира пустым, то болтун вовсе не пуст: у него за плечами целый мешок чужих грехов, ставших **его** грехами. По привычке он пробует заговорить с самой смертью, но не получает ответа.

Не меньше, чем многословие, противна памяти смертной и привычка постоянно шутить. Царь Соломон сравнивал смех с треском горящего хвороста, который дает дым, но не тепло¹⁴. Шутки и насмешки – то же пустословие, только пропитанное ядом,

¹¹ Ср.: Ис. 66, 2.– *Ред.*

¹² Преподобный авва Исаия-отшельник говорил: «Люби лучше молчать, чем говорить; ибо молчание собирает, а многоглаголанье расточает» (*Добротолюбие в русском переводе*. Репр. М., 1998. Т. 1. С. 395).– *Ред.*

¹³ «Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий, ибо часто, находясь и у самих гробов, мы пребываем без слез и в ожесточении, а в другое время, и не имея такого печального зрелища перед глазами, приходим в умиление» (*Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 6, глава 20).– *Ред.*

¹⁴ См.: Еккл. 7, 6.– *Ред.*

который, подобно змее, копит человек в своем сердце. Человек – образ Божий. Насмешка – желание представить его в безобразном виде, то есть лишить образа Божия, показать уродливым, как Квазимодо.

Шутка делает человека циничным и наглым. Это порождение гордыни: насмешник стремится унижить ближнего, чтобы показать свое мнимое превосходство. Мы испытываем удовольствие, когда слышим шутки, именно потому, что они дают разрядку потенциалу накопившегося в нас зла. Мы склонны выдавать шутку за благодушие, но ни один шутник не любит, чтобы смеялись над ним.

Синоним слова «диавол» – «шут». И действительно: диавол забавляется, играя с человечеством, он смеется над гибелью людей. Поэтому человек, который привык шутить, подражает демону. Как фантаст создает некую иллюзорную «реальность», так шутник строит музей уродств, в который приглашает посетителей. Его душа находится в мире зазеркалья, только у каждого зеркала – кривая поверхность. Помню, как однажды, когда я был еще ребенком, родители повели меня на какой-то аттракцион. На площади стояла большая палатка в виде шатра, внутри были размещены огромные зеркала с выпуклой и изогнутой поверхностью. Я видел в них себя то похожим на лилипута с огромным животом, то вытянутым вверх, точно меня растянули, как резину, так что голова касается потолка, то разрезанным на части, то перевернутым вверх ногами. Я не понимал, почему смеются вокруг люди, – мне эти зеркала внушали страх, как будто они похитят меня и сделают другим, как будто я исчезну в глубине зеркал, а оттуда выпрыгнут уроды, похожие на меня. Я стал прижиматься к матери.

– Тебе скучно? – спросила она.

– Да, – ответил я.

Как видно, этот балаган не понравился и ей самой, и она быстро вывела меня из палатки. Я обрадовался, что остался таким же, каким был...

Основа религии – благоговение. Шутки и смех уничтожают благоговение и делают душу мертвой и бесплодной, подобно тому как знойный ветер песков превращает цветущие сады в пустыню. Насмешник также не может размышлять о смерти, не может думать о метафизических вопросах: привычка шутить представит их в нелепом, уродливом виде. Говорят, что профессиональные шуты отмечают смерть своего собрата публичной клоунадой. Так, когда хоронили королевских шутов, то сама похоронная процессия превращалась в карнавал.

Господь сказал: *Горе смеющимся, потому что они будут рыдать*¹⁵. Смех заставляет человека забывать о существовании демонического мира, о том, в какой опасности находится его душа. Смех и шутки рождают дерзость. Сколько соблазнов и грехов начинается со смеха! Если пустослов быстро забывает о смерти, то острослов готов передразнивать смерть. Здесь – какая-то жуткая мистерия смеха, человек смеется над черепом, а череп смеется над ним.

О преподобном Исихии¹⁶ повествуется, что вначале он жил нерадиво и несколько не заботился о своей душе. Тяжело заболев, Исихий умер, но затем Промыслом Божиим вновь был возвращен к этой жизни. Он увидел воочию лицо смерти, увидел рай и ад. После этого он затворился в своей келии и плакал день и ночь. Никто не слышал от него пустого слова, никто не видел улыбки на его лице. Умирая, он сказал братии: «Простите, кто помнит о смерти, тот уже не может грешить». Первая смерть была для него неожиданной и ужасной, она застала его врасплох, как страж застигает вора на месте преступления. Смерть вторая исполнила его сердце радостью.

Кто не помнит о смерти, к тому смерть приходит как враг и ведет его в плен, точно закованного в цепи. Кто помнит о ней, к тому она приходит как друг и ведет его как освободитель от трудов и страданий в страну вечного покоя.

¹⁵ Ср.: Лк. 6, 25.– *Ред.*

¹⁶ О преподобном Исихии, иноке горы Хорив (VI в.; память 3/16 октября), подробнее см.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 6, глава 18.– Ред.*

Царь Соломон сказал: «Спеши в дом плача больше, чем в дом смеха»¹⁷, а нередко человек делает «дом смеха» из собственного сердца, «дом», где нелепо и бесцельно проходит вся его жизнь. В постоянных заботах о мирских делах, многословии и смехе он хочет укрыться от какого бы то ни было напоминания о смерти: так согрешивший Адам, забыв о всеведении Бога, тщетно и жалко прятался от Него среди деревьев.

Мы переживаем время, пропитанное фаустовским духом. Человек предлагает душу дьяволу, желая увековечить земное бытие. Дьявол – лжец, поэтому он охотно обещает то, что для него невозможно. Фауст выставляет для договора с сатаной, который подписывает собственной кровью, два условия. Первое – сатана должен дать ему наслаждение, которое наполнило бы его душу радостью, как наполняют кубок вином, до краев, когда он сказал бы: «Мне больше ничего не надо». Второе – сатана должен остановить мгновенье, сделать его продолжающимся бесконечно; время должно остановиться, как поток реки, внезапно превратившейся в лед.

Легенды о Фаусте собрал Гёте^X – оккультист высоких инициаций – и написал на основании их свою драму, которая является по сути своей розенкрейцерской мистерией. Здесь мы можем видеть сатанинскую стратегию: уничтожить память о смерти, употребив страсть. Страсть – это крючок, на который попадает человеческая душа. Страсть – это козырная карта в руках дьявола, когда он начинает свою игру с человеком. Дьявол обещает ему, как Фаусту, дать наслаждение, когда человек воскликнул бы: «Мгновенье, остановись!», и продлить это мгновенье, подобно тому как раскручивается нить шелкового кокона, только бесконечно. Всякая страсть противостоит памяти о смерти. Всякая страсть выбрасывает ее вон за пределы сознания. Память о смерти кажется человеку, ищущему счастья в наслаждениях, черной маской на свадьбе.

Для христианина же память о смерти, соединенная с молитвой, – это меч, направленный против демона. Пока человек помнит о предстоящем исходе, пока мистическое переживание смерти заставляет трепетать его сердце, он не может грешить, как не может, будучи в своем уме, спать у змеиной норы или веселиться в доме, охваченном пламенем.

Исполнение страсти – это ложная жизнь, это иллюзия того, что наслаждение может принести человеку счастье. И другая иллюзия – что наслаждение может продолжаться бесконечно (сердце должно поверить в такие нелепости, чтобы отдать себя страсти!). Вся человеческая жизнь – непрерывное крушение иллюзий – этих и иных, им подобных. Крушение иллюзий – урок, который человек постоянно получает и удивительно быстро забывает.

Дьявол не может остановить время. Он сам ожидает Страшного Суда и вечных мучений. Но он может сделать нечто иное: отнять у человека память о смерти и внушить ему уверенность в незыблемости земного бытия.

Есть странная секта, у членов которой желание жить на земле вечно превратилось в навязчивую манию. Учение этой секты утверждает: люди умирают потому, что они поверили в свою смерть. И, следовательно, чтобы не умереть, достаточно поверить, что ты... не умрешь. Когда же кто-то из членов этой секты все-таки умирает, то это вовсе не отрезвляет остальных. Они говорят: «Их смерть произошла из-за маловерия, они поколебались в вере в то, что смерти нет, они допустили в своем сердце, что умрут, и

¹⁷ См.: *Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья* (Еккл. 7, 2, 4). – Ред.

были наказаны смертью за сомнение. Но это их дело, а мы верим, что не умрем, и будем жить вечно».

Эта секта возникла в XIX веке там, где она должна была возникнуть – в Америке, и существует до сих пор. Члены ее медитируют на тему того, что они никогда не умрут, что смерти нет, а затем, неожиданно для себя, умирают и отправляются в крематорий или на кладбище.

Будем честны, посмотримся по-настоящему в свое сердце: не теплится ли там что-то похожее на надежду этих несчастных сектантов? Не утешаем ли мы себя мыслью, что смерть, закрыв глаза, пройдет мимо нас, что мы одни окажемся скрытыми от ее всевидящих очей? Ум говорит: «Я умру, Промысл Божий еще до сотворения мира уготовал мне могилу, где тело мое пребудет до Страшного Суда». Душа возражает: «Нет, я не умру, это слишком ужасно, чтобы могло быть правдой». Что делать нам в этом споре ума с душой? Просить, чтобы Господь даровал нам, как сказано в молитве святителя Иоанна Златоуста, «память смертную и умиление»¹⁸, которое рождается от этой памяти в человеческом сердце. Пусть наше сердце будет твердым, как камень, а слова молитвы мягкими, как вода, но струи воды, падая с высоты на камень, постепенно истончают его.

Есть картина: преподобный Макарий Великий размышляет о смерти. Египетская пустыня. Вдали видны пирамиды – эти надгробия над могилами древних фараонов. Около пещерных келий сидит на камне преподобный Макарий. Перед ним – человеческий скелет и брошенные лопата и кирка. Возможно, он хочет предать погребению земле монаха, жившего здесь до него. Преподобный погружен в размышление о скоротечности этой жизни. За его спиной стоит смерть. В одной руке она держит косу, в другой – песочные часы. Часы означают время, данное человеку. Коса – неизбежный конец. Справа от Макария стоит Ангел со свитком в руке. На свитке – надпись: «Макарий, спеши делать добро».

Иногда на этой картине изображаются солнечный день, песчаное пространство пустыни, груды камней, опаленных солнцем, почерневших и растрескавшихся, как после пожара. Тогда вся пустыня кажется образом смерти. Иногда же изображается ночь. Свет луны падает на кости и череп, как бы выхватывая их из мрака. Темнеющие где-то на краю горизонта пирамиды едва различимы. Здесь, у келии преподобного Макария, – точно битва темных и светлых сил. Макарий смотрит на останки почившего, чтобы мир не прокрался в какой-нибудь уголок его души, чтобы не привлек к себе ни одну из его мыслей, оторвав ее от молитвы, хотя бы это был помысл, тонкий, как волос, который трудно увидеть, который мы во мраке своей души не различили бы никогда. Кажется, что мир, словно птицелов, расставил свои сети, но преподобный, простерши два крыла – молитвы и памяти смертной, поднялся выше их и парит, подобно орлу, в необъятном просторе небес.

Как умирают люди

Больница – это тоже указанный Соломоном дом плача и школа памяти о смерти¹⁹. Приходилось ли вам видеть, как умирают люди? В больнице их помещают в особые палаты, чтобы другие больные не видели смерти, которая может прийти за любым из них. Впрочем, к умирающим допускают в виде милости родных и друзей, как к узнику, заключенному в камеру смертников, для последнего прощания.

Видимый мир отделен от невидимого непроницаемой стеной, но для умирающего эта преграда становится все более тонкой, прозрачной, проницаемой, как будто он, умирая, находится в двух мирах. Он слышит голоса, которые не воспринимает наш слух; кажется, что к постели умирающего приходят те, кто опередил его на пути к вечности, особенно с кем он был связан узами дружбы и любви. Умирающий тихим шепотом называет имена уже ушедших; особенно часто он произносит слово «мама». Наверное,

¹⁸ Из молитв на сон грядущий, молитва 7-я, святого Иоанна Златоустого (24 молитвы, по числу часов дня и ночи). – *Ред.*

¹⁹ См.: Еккл. 7, 2, 4. – *Ред.*

мать остается и после смерти самым близким существом для своего ребенка, хотя бы он и был уже глубоким стариком.

Нередко глаза умирающего человека становятся удивительно глубокими и ясными, как будто с них спадает пелена видимого мира – образы его вещей и предметов. Его взгляд устремляется куда-то вдаль, он не видит окружающих людей, но начинает видеть то, чего еще не видим мы, перед ним открывается что-то великое и необычайное. Меня поразили глаза умирающего, которого я видел в детстве. Они были похожи на две голубые бездны или на два кристалла, в которых отразилась вечность. Я видел смерть неверующего, он чувствовал, что умирает, и умолял врачей продлить его жизнь, как будто сами врачи не умирают, как будто бессмертие на земле во власти человека. «Скоро будет весна, – говорил он, – зацветут деревья, а я в это время буду лежать в земле. Какие вы врачи, если я умираю? Для чего вы нужны, если не можете спасти меня?». Одна из его соседок, верующая женщина, начала уговаривать его исповедаться и причаститься, намекая, что Причастие может исцелить его. Он неожиданно согласился, но умер в ту же ночь. Видимо, в душе он остался тем же, каким и был, и Господь, не найдя в нем покаяния, не допустил его до Причастия.

Я видел другую картину мучительной смерти: умирающий делал движения, точно отталкивал кого-то от себя, отстранял каких-то невидимых врагов, собравшихся вокруг него. Я видел на лице его печать страха, как у пойманного в капкан зверя.

Говорят, во время Причастия особенно видно внутреннее состояние человека, но оно приоткрывается также во время смерти. У одной монахини, которая страдала многие годы от туберкулеза костей и умерла в больнице, лицо после кончины стало таким светлым и прекрасным, что врачи собирались, чтобы посмотреть на это преобразование после смерти, как на чудо (монахиня Любовь умерла в Сухумской больнице в семидесятых годах минувшего столетия). И наоборот, есть люди, лица которых после смерти темнеют, принимая тяжелое, мрачное выражение.

Те, кто читает Псалтирь над мертвыми, знают, как легко бывает молиться за некоторых людей, как будто вместе с ними молится душа усопшего; около некоторых гробов чувствуются покой и отрада: там нет ощущения смерти как потери, а есть радость, что душа вернулась в свой дом после земного странствования. Бывает особое чувство, извещающее, что душа спасена, словно сердце получило от нее весть из загробного мира. Но есть покойники, возле которых душа чувствует тоску, тяжесть и глухой, безотчетный страх, будто гроб их окружают какие-то темные существа. Трудно читать Псалтирь в таком доме: кажется, что тяжелеет язык и каждое слово произносится с большим усилием, точно читающий ворочает и поднимает тяжелые камни. От некоторых гробов исходит благоухание, а от иных – тяжелый запах смерти, но не похожий на обычное зловоние разлагающегося трупа: его воспринимает не обоняние, а какое-то внутреннее чувство души. Иногда у гроба случаются странные вещи: то гаснут и падают сами собой свечи, то никак не разжигается кадило, словно какие-то незримые существа кричат: «Что вам здесь нужно, он – наш!».

Однажды я причащал перед смертью профессора университета, преподававшего одно время в Тбилисской Духовной Академии и Семинарии. Студенты любили его не только за знания, но и за чистоту души, которую он сохранил в этом растленном мире: он, казалось, шел через болото и не запачкался в грязи. Этот человек перед смертью сказал мне: «Не подумайте, что я решил причаститься в надежде, что это даст мне исцеление; в эти минуты я не прошу у Бога здоровья и продолжения жизни, я чувствую, что умираю, хотя от меня и скрывают мою болезнь; я хочу только одного: прощения у Бога, в Которого я верил всю свою жизнь».

В Гудаутах жила прислуживавшая при церкви послушница по имени Клавдия, духовная дочь схиигумена Саввы^{XI} из Псково-Печерского монастыря. Она заболела неизлечимой болезнью, дни ее были уже сочтены. Более того, врачи сказали, что она должна умереть с часу на час и чудо, что она еще живет. Я спросил ее:

– Не хочешь ли ты принять иночество?

Она ответила:

– Я духовная дочь схиигумена Саввы и боюсь что-нибудь сделать без его благословения. Однажды отец Савва подарил мне рубаху, похожую на власяницу, и спросил: «Не променяешь ли ты ее на другую?». Я ответила: «Нет». И до сих пор она у меня.

Я сказал:

– После монашеского пострига инок вручается старцу, а я, совершив постриг, скажу: «Я вручаю тебя отцу Савве». Рубаха, которую он подарил, будет нужна для пострига. Так что ты останешься его духовной дочерью.

Она согласилась.

Я поехал в Сухуми, чтобы взять благословение у митрополита Илии^{XII}. Он, выслушав меня, сказал:

– Дай ей не иночество, а мантию.

Во время пострига Клавдия встала с постели и сама держала крест и свечу. Когда я вернулся домой, мне сообщили, что после моего ухода она опустилась на колени, поблагодарила Господа за дарованную ей милость и так, стоя на коленях, умерла. Словно Ангел смерти, посланный за душой Клавдии, ждал, пока ее оденут в монашескую одежду, чтобы взять с собой, как невесту Христову...

В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, написано: *и умерших не лишай милости*²⁰. Эта милость – молитва за них, особенно – поминовение на литургии. Нередко, когда умирает близкий нам человек, у нас не только остается чувство невосполнимой утраты или боль разлуки, но в нашем сердце просыпается и чувство вины перед ним, ощущение неоплатного долга. Мы вспоминаем добро, которое он нам сделал, и неблагодарность, которой мы ему отвечали. Сколько боли мы причиняли нашим близким, какую жестокость проявляли по отношению к ним, сколько раз их сердце сжималось от наших слов, точно от ударов, и как же тяжело думать, что эту боль и нашу несправедливость они унесли с собой в страну смерти, оставив нам запоздалое раскаяние, оставив в нашем сердце незаживающую рану!

Но мы можем исправить наши грехи и ошибки молитвой за умерших – еще в большей степени, чем если бы они были с нами на земле. И у мертвого мы можем попросить прощения, как у живого, особенно у его могилы. Было много случаев, когда души умерших благодарили за молитвы о них или являлись тем, с кем прежде находились во вражде, чтобы взаимно простить друг друга. Живые и усопшие отделены друг от друга, как преградой, веществом, но в Церкви Христовой наши души находятся с ними в единстве. Свет церковных молитв озаряет не только землю, но и глубины ада; он несет облегчение и отраду тем, кто может воспринять его лучи или даже тусклые их отблески. В этих молитвах – утешение мертвым и назидание живым; это плач о бренности и греховности нашей жизни, но в нем слышна и надежда. Мертвые ждут от нас милости. И как же будут они благодарить тех, кто молился за них, когда встретятся с ними в загробном мире!

Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны...

В церковных молитвах есть особое прошение о христианской кончине нашей жизни, о приготовлении к ней через покаяние и Святые Таинства²¹. Готовиться к смерти мы должны всю жизнь, но особенно важно не потерять те драгоценные дни, часы и минуты, когда человек, прощаясь с землей, уходит в вечность. «В чем застаю, в том буду судить», – говорит Господь. «День смерти больше, чем день рождения» – так сказал преподобный Марк Фраческий²² монаху, который должен был похоронить его. День

²⁰ Ср.: Сир. 7, 36.– *Ред.*

²¹ См., например: «Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове, просим». Последование Вечерни, просительная ектения.– *Ред.*

²² Память 5/18 апреля.– *Ред.*

смерти, в сущности, и является днем рождения в ту жизнь, которой нет конца. Он является итогом, заключением, экзаменом и потому – приговором над человеком.

Почему Господь убажает плачущих²³? Плач – это разрушение земных иллюзий. Зная жестокость и окамененность нашего сердца, Господь посылает нам болезни, как предвестников смерти. Человек видит, как разрушается его тело, с которым он себя отождествил, похоти которого заглушили голос духа. Он видит свое тело бессильным, разлагающимся заживо, как будто его пожирают невидимые черви; тело, источающее нечистоту и смрад, истощенное, изборожденное морщинами; тело, которое должно превратиться в труп; тело, в котором он искал наслаждения, обратившееся теперь в какой-то сгусток боли. Даже само общение с больными – уже напоминание о смерти: жизнь человека, прикованного к одру болезни, представляется подобной хрупкому стеклу, которое может сломаться от одного неожиданного удара. Бинты, пропитанные гноем, запах разлагающейся крови – все это словно образ греха, разъедающего человеческую душу, того страшного недуга, той раны, исцелить которую может лишь Божественная благодать.

Больница похожа на тюрьму. В тюрьме человека удерживают засовы и решетки, а здесь он прикован к постели болезнью, словно цепями. Болезнь дает драгоценную возможность для покаяния, она отрезвляет человека, она показывает ничтожность наших страстей, от «великолепия» которых остались только темные пятна в душе, она открывает нам всю ложь человеческой гордыни, она, как колокол в храме, зовет человека к Богу. Но опять-таки и это драгоценное время, которое может стать решающим для человека в вечности, стремится отнять демон, причем под видом добра. Самые близкие люди стараются сделать все, чтобы смерть застала больного врасплох. Они скрывают от него, что болезнь смертельна или опасна, они лгут, что он скоро поправится, они тешат его несбыточными надеждами, они уверены, что даже намек о смерти отравит последние дни умирающего. Еще можно было бы понять, если бы это делали неверующие люди, для которых рождение – случайность, а смерть – неизбежность; но так поступают многие христиане, не понимая, что они становятся предателями спасения человека, духовными убийцами того, кого они любят.

Бывает так, что родные и близкие умирающего боятся напомнить ему о необходимости исповедоваться и причаститься или медлят позвать священника, чтобы больной не догадался, что болезнь приняла серьезный оборот. Для врачей скрывать от больного его состояние, то есть лгать и обманывать его, стало неписаным правилом медицинской этики, а вернее, этикета. Между тем нераскаянные грехи мучают душу человека, хотя бы он и сам не сознавал этого, а покаяние и причастие Святых Таин доставят ему мир и спокойствие, подадут исцеление или силы достойно, с покорностью воле Божией встретить смерть. Как часто священника зовут к больному уже тогда, когда тот потерял сознание и не может причаститься! Насколько лучше в этом отношении поступают китайцы, которые дарят своим родителям в знак любви гробы, и те принимают этот подарок с радостью и благодарностью, как заботу детей об их посмертном жилище. Если умирающего не предупредить о том, что вот-вот и он оставит этот мир, и тем самым духовно убить его, то он в объятиях смерти будет проклинать тех, кто его усыпил и обманул.

²³ См.: Мф. 5, 4; Лк. 6, 21.– *Ред.*

Мышление современных людей направлено на то, чтобы, лишив человека памяти о смерти, дать ему беззаботно, мы бы сказали «комфортно», умереть. Эта ложь порождает, в свою очередь, другое зло, не менее опасное: если болезнь мучительна, а возможности выздоровления нет или она ничтожно мала, то возникает вопрос: не будет ли милостью прервать эти мучения, то есть или прекратить лечение, или дать человеку вещество, например, наркотик в большой дозе, который безболезненно убил бы его? В некоторых странах уже принят закон, который предоставляет врачам и родственникам право решать вопрос о жизни и смерти больного. Здесь – тот же гуманистический атеизм или атеистический гуманизм противостоит Промыслу Божию, и человек берется решать вопрос о жизни и смерти, хотя решение это принадлежит только Богу. По правилам Церкви, если умирающий выразил каким-либо образом свое раскаяние, то какова бы ни была его прошлая жизнь, над ним совершается христианское погребение и другие заупокойные молитвы. Таким образом, даже краткое предсмертное покаяние дает надежду на спасение – остальное решает Господь. В Евангелии говорится о раскаявшемся разбойнике: уже будучи пригвожденным ко кресту, он хулил Спасителя, но вдруг, словно луч небесного света, осияла его сердце вера и его предсмертное покаяние было принято Господом²⁴.

Представим другую картину. Предположим, что когда этого разбойника вели на место казни, кто-нибудь дал бы ему яд, чтобы облегчить страдания, и разбойник умер бы на пути до распятия. Что было бы тогда с его душой? Она пошла бы в ад.

Врачи, усыпляющие больного смертельной дозой наркотика, лишают его, быть может, последнего шанса – покаяния перед смертью, хотя бы это покаяние и было соединено с последним вздохом. Поэтому новое учение «о легкой смерти» как милости к больному превращается в непоправимую жестокость.

Современный человек всеми силами избегает вспоминать о смерти. Многие боятся посещать кладбища, присутствовать на похоронах, даже видеть гроб близкого человека. Психиатры внушают своим пациентам не думать о смерти, чтобы избежать фобий и неврозов. Если сравнить память о смерти с отдаленными раскатами грома, то люди готовы заткнуть уши воском, чтобы не слышать их; если сравнить с блеском молнии, озаряющей ночь, то люди готовы носить на глазах повязку, чтобы жить в темноте.

Человека всегда сопровождают два невидимых спутника: Ангел-хранитель и демон. Демон влечет его к греху через похоти, Ангел-хранитель удерживает от греха, напоминая о смерти. Некоторые люди считают, что память о смерти может парализовать волю человека, сделать его не способным к труду, лишить цели в жизни, погрузить в состояние постоянного уныния, в то, что называется прострацией. Но это не так. Уныние есть следствие разочарований или неисполненных желаний. Память же о смерти, напротив, заставляет человека дорожить временем, помогает понять, что его истинная цель лежит за чертой земной жизни. Она разрушает не жизнь, а иллюзию жизни, она само время подчиняет вечности. Память о смерти дает мужество в испытаниях, утешение в скорбях, так как для христиан сама смерть озарена светом воскресения.

²⁴ См.: Мф. 27, 44; Лк. 23, 39–43.– *Ред.*

Войдите в палаты, где лежат умирающие. У дверей стоят носилки, на которых трупы понесут в морг и положат их там один на другой, как дрова в поленице. Посмотрите на умирающих от чахотки: их тела жжет невидимый огонь. Кожа обтянула кости, а при дыхании изо рта выходят кровавые пузыри. Посмотрите на умирающих от рака: как будто спрут обвил их тела своими щупальцами и медленно пожирает их. Посмотрите на умирающих от гангрены: тело становится у них черным, как уголь, они гниют еще заживо, словно трупы. Посмотрите в глаза всех этих людей: кажется, они уже смотрят куда-то за пределы этого мира. Но последний вздох – первый шаг в неизвестность, в этот момент глаза человека меркнут и точно превращаются в тусклое стекло.

Премудрый Соломон писал: «Тело, взятое из земли, идет в землю, а душа – к Богу, создавшему ее, на суд»²⁵. Теперь возрождается языческая традиция: сжигать трупы; человек превращается в горсть пепла. Для христиан образ сжигающего огня – это образ ада. Для язычников – их неверия в воскресение. При кремации становится как бы неуместным и самый чин христианского погребения²⁶. Слова молитвы «земля еси и в землю отыдеши»²⁷ должны быть изменены: «земля еси и в огонь отыдеши». Могилу, которую осенял бы крест, сегодня так часто хотят заменить и действительно заменяют урной или коробкой с горстью пепла – так легче избавиться от памяти о смерти.

Обманутые миром

Самый трагический вид смерти – самоубийство. Самоубийца сам вычеркивает себя из числа живых. Но и умершие не хотят принять его к себе. Прежде самоубийц не хоронили на кладбищах, их могилы не осенял крест, на могильном камне не зажигали свечей. В старые времена самоубийц погребали где-нибудь у дороги, вдали от человеческого жилья, как будто люди отгоняли их от себя, точно прокаженных.

Что заставляет самоубийцу уйти из жизни, как выходят из ворот чужого дома? Что заставляет человека искать свободу в смерти, как узник ищет свободу от оков? Почему жизнь становится для него невыносимым и беспросветным мучением? Причин и поводов много, но если каждое самоубийство – это роковая песнь души, пропетая диаволу, то все они пронизаны и объединены одним лейтмотивом, который проходит, как стон, через эту обреченную толпу, фантасмагорию перекошенных болью лиц, мрачную симфонию человеческих душ, через этот черный рекем отчаяния. Этот лейтмотив – потеря надежды.

Человек отождествил себя с землей, кроме этой жизни, он не видит ничего, он хочет счастья, но счастья нет: мир не способен дать ему то, чего не имеет сам. Человек может найти счастье только в том, что сродни его душе, а его душа – не от земли, а от неба. Его воображение и страсти создают иллюзию бытия, но она рушится, столкнувшись с реальностью. Этот контраст между воображаемым и действительным, воспринимаемый человеком как крушение всех надежд, как обман, как трагикомедия, персонажем которой он стал, оборачивается в его душе уверенностью, что жизнь – ложь и сгусток боли, а вечность – зияющая пустота.

Говорят, что скорпион, будучи пойманным, ударяет ядовитым хвостом себя в голову, чтобы избавиться от врага, и собственный яд пускает в самого себя. Так и самоубийца хочет уйти от противоречий и страданий, от разочарований и позора, от обмана и душевной боли в такую же иллюзорную, как его прежняя жизнь, метафизическую

²⁵ См.: *И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его* (Еккл. 12, 7). – *Ред.*

²⁶ Слова «становится неуместным» нельзя, разумеется, понимать буквально. Мы живем в такое время и в таких условиях, что далеко не всегда человек, умирая, может обязать своих близких не кремировать по смерти его тело, но предать его по христианскому обычаю земле. И Церковь, конечно же, не может отказывать сегодня в заупокойных молитвах тем, чье тело не возвратилось в землю, но было сожжено в огне крематория. – *Ред.*

²⁷ Последование погребения мирских человек, икос по 6-й песни канона // *Требник*. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000. С. 183. – *Ред.*

пустоту. Для него жизнь и смерть меняются местами: он так же жаждет умереть, как другие стремятся жить. Счастья в этой жизни нет, но метафизической пустоты – черной пропасти, где гасли бы чувство и сознание, где человек растворялся бы, превращаясь в ничто, – тоже не существует, и человек переходит в область того мрачного и богоборного духа, через которого пришла на землю смерть.

В самоубийстве могут присутствовать два фактора: или неверие в Бога, или ненависть к Богу – третьего быть не может. Либо самоубийца считает, что жизнь – случайность, самовозгоревшаяся искра в мертвом пространстве космоса, либо же если верит в Творца мира, то считает Его виновником зла. Поэтому самоубийство – это совершенное отречение от Бога.

В человеке живет грех: это безобразное чудовище, обитающее в глубине его души. Между тем человек как образ Божий стремится к красоте. Страсти рисуют ему грех в пленительном виде, но затем наступает горькое внутреннее прозрение. То, что казалось прекрасным, прямо у него на глазах становится уродливым, безобразным. Это скрытый в душе конфликт, постоянно переживаемый человеком. Если нет стимула бороться с грехом и страстями, то человек не знает другого внутреннего состояния, кроме чередования обольщения и разочарования, наслаждения и пустоты, миража счастья и его гибели. Характерно, что значительная часть самоубийц – это именно те люди, которые воспевали земную красоту, служили ей как своему идолу, искали в ней счастье. Кумир – это глиняное или каменное изваяние, покрытое позолотой: он блестит издали, а от частых прикосновений к нему позолота слезает. Быть может, поэтому больше всего самоубийц среди алкоголиков и поэтов.

Поэты – гурманы земной красоты. Они не просто предаются страстям: страсти – источник их вдохновения, краски их палитры; они хотят испытать все страсти, увидеть их во всех оттенках и нюансах, чтобы воплотить в своих стихах. Поэты в душе язычники: то, что принадлежит Богу, они приписывают миру и человеку; поэтому в их сердцах сочетаются тоска по идеалу и неудержимое влечение к греху, которое они украшают, как золотой парчой – гроб.

В поэзии соединяются два начала: слово и музыка; имитацией музыки служат рифма и ритм. Когда мы слушаем музыку, то наш ум бездействует, как бы замирает; он переходит в пассивное состояние. Нельзя воспринять музыку на уровне сознания, она действует на те глубинные струны человеческой души, которые заставляют звучать эмоции и страсти. Музыка больше, чем какой-либо иной вид искусства, овладевает душой человека и парализует его личную волю. Если ум и воля действуют, то человек перестает слушать и чувствовать музыку. Гармония ритма увлекает человека, завораживает его, и он воспринимает стихи, будучи погружен их музыкой в состояние какого-то гипноза, воспринимает словесную ткань поэзии через тонкие ассоциативные связи, лежащие в области чувств.

Поэзия погашает дух (разумеется, мы говорим о мирской поэзии), но утончает чувства и делает их пластичными. Поэтому трагизм жизни – смену душевных взлетов и падений – поэты могут переживать очень болезненно. Гейне писал:

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!
И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, –
О Боже! Я, раненный насмерть, играл,
Гладиатора смерть представляя!^{XIII}

Бодлер^{XIV} же сравнивал себя с Икаром, упавшим на землю. Жизнь без Бога превращается в сплошной обман. Те, кто служит этому обману, становятся его жертвами.

По временам, как очнувшийся в грязи пьяница, они видят, что страсти – это ловушка для души, и переживают ад в себе самих. Но им некуда бежать. Небеса для них закрыты. Они видят только облака, плывущие по лазури, – холодные тени далекого неба, и потому путь перед ними раздваивается, как на перекрестке: или снова в мир прежних страстей и иллюзий, или – в небытие, где человек хочет избавиться прежде всего от самого себя.

Многие поэты закончили жизнь самоубийством. Еще большее число – пытались покончить с собой. И почти у всех звучит по временам в стихах самая настоящая тоска по смерти. Самоубийство поэтов – это следствие отвержения Бога и опьянения земной красотой. Поэты, как виночерпии, наливали кипящий напиток страстей в золоченые кубки и хрустальные чаши филигранных стихов, но затем ощущали на вкус, что это – грязь из сточной ямы. Что оставалось им? Ненавидеть Бога, а еще... зачарованно смотреть на облака, которые, как сказочные острова, плывут по перевернутому над землей океану.

Из могил самоубийц вырывается черное пламя проклятий Богу, сотворившему их, и миру, их обманувшему; это – молитва дьяволу. Над могилами самоубийц – вечная ночь. От этих страшных могил веет холодом: так порою точно ледяная рука сжимает сердце того, кто вдруг оказался у самого края глубокой, не имеющей дна пропасти.

Двадцать пять глав о памяти смертной

*Во всех делах твоих помни
о конце твоём, и вовек не
согрешишь. Сир. 7, 39*

Глава 1

На воротах одного из средневековых городов на медной доске была выгравирована надпись: «Путник, ты можешь узнать имена всех живущих в городе, а имена умерших знает только Бог». Что мы знаем о своих предках? Возможно, несколько имен по восходящей линии, возможно, до прадеда или его отца, а дальше все теряется в какой-то непроницаемой тьме. Так и наши имена будут помнить лишь несколько поколений, а затем они сотрутся из памяти людей, как ребенок стирает с доски буквы, написанные мелом. Может быть, какое-то время еще будет напоминать о нас отмеченная камнем с надписью могила, но затем и она придет в забвение, сровняется с землей. На месте, где она находилась, будут построены новые здания или проложены дороги, а остатки негнивших костей, смешанные с землей, окажутся выброшенными вместе со строительным мусором.

Перед нами – бездна вечности, позади – бездна небытия; каждый день приближает нас к могиле. В этом мире мы живем словно в темнице, над нами произнесен смертный приговор. В любой миг смерть, как тюремный страж, может без стука войти в двери и повести узника – нас – на место казни.

Наша жизнь похожа на узкую, заросшую колючим кустарником и изрытую рытвинами дорогу. Мы сами не понимаем, как очутились на ней; нам дано повеление

идти, финал этой дороги – могила. Время, как зверь в погоне за добычей, гонит нас вперед, не давая ни на час остановиться для передышки.

Или же время подобно реке, поток которой не останавливается ни днем, ни ночью; что ни делает человек, поток реки все стремится вперед от истоков к устью; работает ли он, спит, развлекается или сидит за трапезой, время бесшумно продолжает свое течение.

Солнце, звезды, бесчисленные мириады далеких светил, похожие на острова в космическом океане, – все они подчинены времени, все они имеют свое начало и свой конец. Когда-то в детстве день казался долгим, а солнце – медленно совершающим свой путь от востока к западу, точно огромный огненный глаз не хотел оторвать своего взора от земли. Но с каждым годом дни как будто становятся короче, словно убыстряется течение времени, словно само мелькание дней и ночей перед глазами человека, как кадры в кинохронике, говорит ему: «Спешите, времени осталось мало, а время – это плата, за которую покупается вечность».

Или время похоже на ледяной скат: человеку не за что ухватиться, не на что опереться, он скользит вниз, а под ногами – пропасть. Наша земля – кладбище, по которому мы ходим, тела мертвых превращаются в прах, и этот прах присутствует в новых формах жизни. Но мы ли эти тела, которые закопали в могилу? Человек родился с одним телом, а умер – с другим: само тело наше непрестанно изменяется, а значит, то, что мы считаем телом, – поток вещества, принявший под действием неизвестных нам сил определенную форму. Как река проходит по руслу, которое остается все тем же самым, хотя каждое мгновение меняется вода в нем, так и наше тело: оно берет извне и отдает, отторгая от себя. В чем же сущность его единства? В самой душе человека. Душа покидает тело, и оно превращается в труп. Значит, видимое умирает, а сущность жизни – в невидимом. Видимое – смертно, невидимое – бессмертно. А между тем мы все чаще отождествляем себя с видимым.

В скандинавских сказаниях есть рассказ о непобедимом витязе, с которым никто не мог сравниться силой и отвагой. Однажды ночью этот витязь видит странный сон. Широкая арена для состязаний, он выходит и вызывает на бой любого противника, который пожелал бы вступить с ним в борьбу. Витязь заранее уверен в своей победе. Трижды он вызывает соперников на бой, и вдруг... навстречу ему выходит сгорбленная старуха. С удивлением смотрит на нее витязь, но неожиданно она схватывает его своими цепкими руками, и он чувствует, что силы покидают его и он становится беспомощным, как младенец. Затем старуха поднимает его над землей и медленно душит.

Он просыпается в тревоге и недоумении:

– Что означает этот сон?

Никто не мог разгадать его, и только один мудрец-отшельник сказал:

– Ты считал себя непобедимым, но есть соперник, который сильнее тебя. Это – время, его еще никто не победил. Оно сделает тебя слабым, подобно младенцу, оно задушит тебя в своих костлявых объятиях. Этот сон послан тебе для того, чтобы ты не гордился своей силой. Придет старость, когда силы оставят тебя, а затем – смерть.

Человек боится вспоминать о смерти, и в этом – одна из причин его грехопадений. Он пьет из чаши, в которую брошен яд, и не хочет ничего знать об этом яде. Пройди по улицам города: много ли ты найдешь домов, где бы никогда не оплакивали умершего, много ли найдешь дворов, из ворот которых не выносили бы гроба? Человек думал, что он чем-то владеет, но, оказалось, все, что он имел, было дано ему только взаймы.

Наша жизнь похожа на плывущие по небу облака. Они меняют свою форму: становятся похожими то на снежные горы, то на сказочных чудовищ, то на царские дворцы, а затем снова превращаются в бесформенные тени, в клубы тумана, тающие в небе, словно льдины весной.

Наша жизнь похожа на сновидение, а смерть – на пробуждение. Проснулся человек, и все, что было во сне, осталось во власти минувшей ночи. То, что он считал жизнью, на самом деле было умиранием, а то, что он считал смертью, оказалось жизнью. Он считал жизнью исполнение похотей и страстей своего тела, но они бесследно прошли, как порыв

бури. Пять чувств были лишь пятью щелями в темнице, сквозь которые он различал одни неясные тени, но смерть закрыла их, как закрывают ставни в доме, а само тело оказалось трупом, который он носил на себе.

Человек считал образом смерти могилу, в которую закопают его тело, сама могила представлялась ему бездонной черной ямой, где он исчезнет, растворившись в земле, как дождевая капля в океане, исчезнет в черной космической ночи, где исчезает сознание, где остается только не имеющая ни конца, ни края пустота. Но могила оказалась не концом его бытия, не дверью в подземелье, которую наглухо заперли на ключ и заложили камнями, а рождением в новую жизнь. То, что представлялось ему на земле главной целью: власть, богатство, наслаждения,— все это оказалось темным негативом бытия. Видимое, исчезнув, стало невидимым. Невидимое стало единственно реальным.

То, что мир называет красотой, на самом деле – мимолетные тени, которые исчезают с рассветом; брызги, сверкающие на солнце; похожие на маленькие звездочки снежинки, которые, падая на землю, обращаются в грязь. Мы любуемся цветами, но они скоро превращаются в прах, подобный пеплу. Наши взоры ласкает зеленая листва деревьев, но осенью она желтеет, падает с веток, как ветхая одежда, лежит на дорогах, словно куча мусора, и ветер развеивает ее по полю или собирает у забора, точно сугробы снега.

Люди говорят: «Какое прекрасное лицо!». Сколько песен и стихов было сложено для возвеличения земной красоты, а во что превратилась эта красота – в смердящий гной²⁸! Где глаза, которые сравнивали когда-то с бирюзой или агатом, с цветом моря или небесной голубизной? Они превратились в сукровицу и слизь и вытекли из глазниц, подобно последним слезам.

Земная жизнь – бессмыслица, когда ее делают самоцелью. Если хотят выжать из нее, как из гроздей винограда вино, напиток наслаждения, то она превращается в горькую чашу полыни. Страсть – мед, смешанный с ядом. Счастье на земле – тень, которую нельзя догнать: человек бежит за собственной тенью, а она убегает от него. Но если смотреть на жизнь как на путь к вечности, тогда она открывается душе как великий дар, тогда ее темные глубины озаряются светом, тогда человек понимает, зачем он живет, почему страдает, во имя чего борется. Тогда все становится на свои места, и человек сознает, что жизнь дана ему для того, чтобы приобрести навечно образ Божий или образ сатаны.

Все видимое уничтожается временем; трагизм смерти пронизывает все существующее, словно судороги боли сотрясают вселенную, но для христиан за ширью этого бурного моря открываются берега земли обетованной.

Глава 2

Человек проходит три стадии существования. Первая – утробный период, когда формируется его тело. Вторая – земная жизнь, когда формируется его личность, когда воля человека определяется в сторону добра или зла, когда решается главный вопрос: его отношение к Богу. Третья – вхождение в вечность, когда раскрывается то душевное содержание, которое человек приобрел в своем земном бытии. Последним актом истории человека и человечества будет Всеобщее воскресение мертвых и окончательное разделение добра и зла.

Благ только Господь, поэтому истинное добро, переходящее в вечность, это богоуподобление, а зло – это потеря образа Божия и уподобление демонам. Обычно человек определяет добро как земное благоденствие, как возможность реализовать свои страсти, а зло – не как грех, разъедающий душу, а как неблагоприятные внешние ситуации или телесные недуги. Поэтому время и силы он употребляет на то, чтобы доставить себе житейское благополучие. Однако, находясь в потоке времени, где все исчезает, он тратит силы попусту: за внешним не видит внутреннего, за покровом времени – вечного и умирает, не подготовившись к смерти, как крыса, попавшая, польстившись на приманку, в

²⁸ «Изыдем и узрим во гробех, яко наги кости человек, червей снеть, и смрад, и познаем, что богатство, доброта, крепость, благолепие». Последование погребения мирских человек, тропари на блаженнах. Требник // С. 192.– *Ред.*

капкан. Иногда такая мертвая крыса, с пробитым пружиной позвоночником, держит в зубах кусок мяса – как свою последнюю добычу...

Святой праведный Иоанн Кронштадтский пишет, что мысли о земном оземляют душу. А мысли о грехе и образы греха собираются в глубинах нашей памяти, и если они не будут смыты покаянием и молитвой, то останутся в вечности в душе, как печать демона, как клеймо отвержения. Человек, умирая, оставляет землю, но то, что он накопил в своем сердце, – доброе или злое – идет за ним. Когда мы читаем хроники минувших веков, о царях и героях, об их подвигах и трудах, о добре и зле – обо всем, что они совершили, то спросим: «Где они? Остался ли кто-нибудь из них в живых? Есть ли царь, который царствовал бы вечно? Есть ли богач, который откупился бы золотом от смерти? Есть ли крепость или замок, камни которых время не смогло бы разрушить? Есть ли подземелье, в котором смерть не отыскала бы человека?». От одних остались лишь имена, сохранившиеся в дошедших до нас летописях. А имена многих забыты, как забыты и их могилы.

В бурях истории исчезают названия народов и стран – так ветры и дожди ровняют с землей могильные курганы. Только если раньше в могилы клали золото и украшения покойника, то теперь из-за золота происходят распри и ссоры у еще не остывшего тела. Величайшей твердыней был Вавилон, но что осталось на месте первой столицы мира? – Груды кирпичей и камней, склеенных горной смолой, которая затвердела от времени. Что стало с величайшей святыней Иерусалима, его Храмом? – От него осталась лишь часть стены, названная Стеною Плача. А сколько государств находилось на месте нынешней Сахары и теперь погребено под ее песками, как в огромном саркофаге!

Если мы поднимем ночью свой взор, то увидим небо, как огромный океан, сверкающее звездами, похожими на далекие острова из жемчуга и алмазов. Космос с архипелагами созвездий кажется нам беспредельным и бесконечным, но он тонет в другой, невидимой для нас бездне, имя которой – время.

Глава 3

В древности был один знаменитый мудрец, который изучил все науки; казалось, нет вопроса, на который он не мог бы дать ответ. И вот однажды к нему пришел вместе со своим малолетним сыном некий человек и сказал:

– Мой ребенок задал мне вопрос, на который я не смог ответить. Я побеспокоил тебя, учитель, чтобы ты объяснил ему то, что он хочет знать.

Улыбнулся мудрец и спросил:

– Какой вопрос, дитя, задал ты отцу?

Тот ответил:

– Я спросил, что такое время.

– Неужели твой отец не знает этого? – удивился мудрец. – Слушай меня...

И вдруг он задумался, как будто у него не хватило слов, как не хватает порой человеку воздуха для дыхания. Долго молчал мудрец и наконец промолвил:

– Приходите завтра, и я скажу вам, что такое время.

Они пришли на другой день, но мудрец не вышел к ним навстречу, а передал, чтобы они пришли за ответом через неделю. Затем попросил отсрочку на месяц. Когда они пришли снова, он сказал им:

– Я пересмотрю книги древних мудрецов: может быть, там мы найдем ответ, приходите через год.

Он встретил их через год словами:

– Книги мудрецов молчат об этом... Неужели вся моя мудрость посрамлена вопросом ребенка? Придите ко мне через десять лет; если я смогу, то отвечу вам.

Когда отец и сын пришли спустя десять лет, то мудреца уже не было в живых, но им передали, что перед смертью он велел, чтобы они посетили его могилу. Там они увидели высеченные на надгробном камне слова: «Тайна времени непостижима для человека».

Как ветер срывает с ветвей листья и уносит их куда-то вдаль, так смерть вырывает из нашей жизни близких нам людей. Они оставляют по себе память в нашей душе: раны могут зарубцеваться, но следы от них остаются навсегда. Смерть близких – это какие-то черные ямы в нашей жизни, какие-то провалы, которые не отражают свет. Для неверующих смерть близких – это еще и та могила, в которой вместе с гробом зарыта надежда. Могила – то последнее слово, которым оканчивается книга. Смерть – последний звук порвавшихся струн. Это огромный удав, который не выпустит из пасти свою добычу.

Но для верующих смерть лишь временная разлука, плач над гробом – плач при прощании, которое обещает встречу. Один из друзей раньше отправился туда, где будет ожидать тебя. Мрак могилы не озаряет солнце, но в нее проникают лучи молитвы.

Глава 4

Тело – это завеса души. Но смерть неожиданным рывком сдергивает эту завесу, и душа видит себя такой, какая она есть на самом деле. Поэтому смерть – это момент, когда душа встречается наконец сама с собой. Человек с изумлением узнает, что никогда не знал себя, что всю жизнь он носил маску, которая срослась с его лицом, а теперь он увидел себя первый раз: смерть даровала ему новое, духовное зрение.

Как умирающий от жажды в пустыне думает лишь о глотке воды, за который готов отдать все, что имеет, так человек после смерти желает одного: чтобы ему было даровано хотя бы несколько дней для покаяния. Но смерть – это ворота, через которые можно войти, но выйти уже нельзя. Смерть отделяет душу от тела – так ударом камня разбивают скорлупу ореха, чтобы вынуть сердцевину, и тогда становится видно, целая она или изъеденная червями.

Духовный мир скрыт от нас, пока мы живы, а смерть – вхождение в этот мир, где для нас все новое, встреча с духами, волю которых исполнял человек в своей земной жизни. Это путь души, которая проходит по невыразимым человеческим словом черным безднам и мрачным стремнинам в сопровождении Ангела-хранителя, преследуемая по пятам демонами, словно стаей хищных зверей, которые хотят схватить ее, как свою добычу.

В день смерти человек понимает, что значит для него благодать крещения. Два кольца – золотое и медное – сначала по виду могут практически не отличаться одно от другого, но со временем медь темнеет и покрывается зеленым налетом, а золото сохраняет свой блеск. Так душа того, кто принял крещение, отличается от души некрещеного, хотя бы при жизни и казалось, что эти люди не отличаются друг от друга. Великое несчастье – уйти в вечность не омытым Таинством Крещения, не присоединенным к Церкви, остаться в мире светлых и темных сил без ее молитвенного покрова, без Ангела-хранителя как своего верного проводника, остаться в вечности одиноким, остаться пленником демонов, не выкупленным Крестной Жертвой Спасителя.

После смерти перед человеком откроются те благодеяния Божии, о которых он так скоро забывал, которые стерлись из его памяти, словно написанные на воде. Откроются и те, о коих он не знал и не помышлял. Ему откроются его грехи, которые он забывал с легкостью еще большей, как письма на земле, которые развеял ветер; грехи ведомые и неведомые для него. Он увидит свою жизнь как непрерывную измену Богу, как непрестанное противление Его воле. Он увидит, что ради него распялся Христос, а он духовно столько раз, подобно Иуде, предавал Его, столько раз распинал, столько раз, как один из воинов Пилата, возлагал на Его чело терновый венец! И тогда не смогут разомкнуться его уста, чтобы произнести: «Господи, помилуй!».

В будущей жизни, словно негатив, проявится наша земная жизнь: слезы претворятся в радость, земные наслаждения – в скорбь, смирение – в славу, гордость – в падение, богатство – в бедность, бедность – в богатство, духовная нищета – в мудрость, земная мудрость – в духовную тьму; кто на земле был слугою для всех, тот станет первым, кто домогался первенства и власти, – последним. Крест Христов, который мир считал и считает безумием, явится престолом славы; дух мира, порождение похоти и гордыни, – траурным одеянием. В час смерти человек увидит, что все ложь, кроме заповедей Христа

и предвечного имени Его. Поэтому смерть станет вторым рождением – в вечную жизнь или в вечную смерть.

Неверующие боятся смерти, потому что видят в ней лишь переход в то состояние, которое предшествовало их рождению, то есть в великое «ничто». Но и верующие, даже праведники, тоже боятся смерти. Великий Иоанн Златоуст, вся жизнь которого была подвигом исповедничества, говорил, что боится смерти не потому, что желает продолжения своего земного существования, а потому, что после смерти должен быть суд. Что же сказать нам, грешным? Только одно: «Господи! Пусть бездна милосердия Твоего поглотит бездну грехов наших».

Глава 5

Все люди – грешники, но все-таки грешников можно разделить на кающихся, некающихся и осатаневших. Кающиеся – это те, кто борется с грехом; в этой борьбе два конца, два исхода: победа или поражение, спасение или гибель. Некающиеся грешники – это люди неверующие или лицемерные христиане, которые верят, но холодной, бесчувственной верой, а живут так, как будто Бога нет. И третьи – это осатаневшие грешники, сознательно предавшие себя греху, которые служат демону, как своему владыке. К этому разряду относятся все занимающиеся колдовством и магией, а также злодеи, которые наслаждаются, мучая людей и проливая человеческую кровь.

Первые падают и восстают, грешат и каются, душевное состояние таких людей неопределенно, о нем судить может только Господь. Вторые или отвергают существование Бога, или пытаются совместить несовместимое – служить греху и благодати, жить по велениям своих страстей, при этом ложно молиться, ложно каяться без всякого стремления к исправлению. Кто лучше: неверующий или религиозный лицемер? Трудно сказать. Но от неверия легче перейти к вере, чем от лукавства и фальши к духовной истине. Особенно грозно Господь обличал фарисеев – этих артистов религии. Что касается осатаневших грешников, то у них уже при жизни в душе ад. Они уже горят в черном пламени. Само имя Бога вызывает у них ненависть, которую они обычно скрывают, но она нередко проявляется в кощунствах, язвительных насмешках над религией, а иногда в каких-то демонических припадках злобы. Например, французские сатанисты выпустили журнал с названием «Как я убил Христа». Иллюстрации – рисунки, где изображено, как сатанисты хотели бы мучить Христа: распять вниз головой, резать тело на части, жечь на медленном огне и т. д. Многие злодеи с мировыми именами выдавали себя за неверующих, но сейчас все более открывается их связь с оккультизмом и демонизмом.

Как относятся к смерти все эти люди? Кающиеся грешники стараются помнить о смерти, чтобы этой памятью погасить в душе огонь страстей, укрепить волю и оживить молитву. Грешники некающиеся ненавидят память о смерти, как своего врага, они оскорбляются, когда им напоминают о том, что и они люди и тоже умрут, как и все. Они живут в состоянии какого-то самогипноза. Видя, не видят и слыша, не слышат. Они утешаются словами Эпикура^{xv} о том, что, пока человек жив, смерти нет, а когда есть смерть, то нет человека, то есть внушают себе, что смерть – это переход в небытие, но так как мы сегодня живы, то не должны думать о ней. Однако сам Эпикур, по отзывам современников, был отчаянным трусом и только храбрился, что не боится смерти.

Для неверующего слова о смерти – это напоминание о чем-то невыносимо тяжелом. Зачем ему бессмысленно портить себе настроение? Для ложного христианина память о смерти похожа на боль, которую ему причиняет чужая рука, срывая маску, приросшую к его лицу. Он будет успокаивать себя тем, что он не такой уж плохой и другие вокруг него делают больше грехов. Третьи – осатаневшие грешники – считают, что к смерти надо готовиться, угождая демону, с которым они желают пребывать вовеки. Поэтому многие из них к старости становятся еще более жестокими. Они умирают со словами кощунства, если только в минуту смерти вспоминают о Боге. Они умирают, проклиная мир. Среди них есть люди, готовые отдать жизнь для служения дьяволу, а есть отчаянные

трусы, способные пойти на любое преступление, чтобы спасти себя. Для большинства из них смерть бывает мучительно тяжелой.

Чтобы увидеть, каков человек, надо начать с ним разговор о смерти. Для кого смерть – великая тайна и предмет для глубоких размышлений, тот имеет религиозные чувства, основа которых – благоговение. Тот, кто готов закрыть уши руками при одном лишь напоминании о смерти, не имеет в своем сердце веры, хотя бы и считал себя христианином. А кто при словах о смерти становится похожим на зверя или отвечает насмешками, кривляется, точно клоун, подражая диаволу, которого называют шутком, – тот в душе своей сатанист. Поэтому память о смерти как бы приоткрывает полог человеческого сердца: кто он и с кем.

Глава 6

Мысли о смерти пугают грешника. Совесть напоминает ему о возмездии. Но он прикован к своим страстям, как каторжанин – к скамье галеры; более того, он не хочет расстаться с ними. Человеку дана способность чувствовать вечность, как бы созерцать ее своим сердцем. Грех закрыл у человека глаза его сердца, он перестал видеть духовный мир в непосредственных созерцаниях, перестал ощущать его реальность. Плотской человек может только представлять смерть в определенных образах, не ощущая ее как тайну. Он может рассуждать о вечности, как о чем-то далеком и незнакомом ему. Поэтому на вопрос: «Существует ли загробный мир?» – такой человек отвечает: «Умру и тогда узнаю». Но в этом ответе содержатся и «да», и «нет» (причем скорее – «нет»).

Поэтому для грешника два пути: или покаяться и бороться с грехом, который сросся с его сердцем, или убедить себя, что смертью заканчивается его существование, что с последним вздохом он погружается в небытие, в великое «ничто», где его сознание гаснет, а тело превращается в прах. Даже смутные ночные сновидения наполняют душу грешника тревогой, и он хватается за мысль, что жизнь – это случайность, а смерть – провал в пустоту навечно, навсегда. Это своего рода медитация, самовнушение, постоянно присутствующее в глубине души грешника, где-то глубоко в его подсознании.

Но и в этом медитативном самовнушении он не может найти себе покоя, поскольку смерть – крушение его надежд, потеря всего, что он имел. Поэтому вторая мысль, которую грешник пытается себе внушить, это мысль о том, что смерть находится где-то далеко, поэтому ее не надо бояться, как не надо тревожить себя предположениями о том, что через миллион лет какая-нибудь комета, пролетая, смахнет, словно пылинку, Землю своим огненным хвостом. Человек решает: «После смерти ничего нет, самой смерти пока что тоже нет, корабль с черными парусами еще не показался на горизонте». Диавол хочет отнять у человека память о смерти, поэтому предлагает ему множество приманок. Если бы диавол не украл память о смерти, как ключ от дверей души, он не смог бы войти в чужой дом, как вор, и разграбить его. Посмотрите на душевнобольных, истериков и маньяков – тех, кто находится под особым демоническим влиянием, – как они боятся мысли о смерти, как им трудно войти в комнату, где стоит гроб, или присутствовать на похоронах хотя бы самых близких людей! Они страшатся прикоснуться к трупу даже своего ребенка. Сколько хитростей, уверток употребляют они, чтобы только не увидеть воочию картину смерти!

А у оккультистов существует свой способ избавиться от страха смерти. Они говорят о том, что угождавшие при жизни сатане станут по смерти князьями в царстве ада и с ними разделит сатана свою власть. Нет! Он разделит с ними свою адскую муку, тяжесть богооставленности, которая, подобно камню величиною с землю, будет вечно давить их грудь. Нет! Он разделит с ними языки черного пламени, в котором горит с тех пор, как пал с небес, чтобы это пламя жгло, не угасая, их сердца. Он разделит с ними свою ненависть к Богу, чтобы они в аду проклинали не мучителя-сатану, а своего Творца.

Ад – это вторая смерть, где нет воскресения. В сравнении с ней первая, телесная, смерть и тление в могиле кажутся тихим сном.

Глава 7

Святой патриарх Авраам жил в доме своего отца в Уре Халдейском. Обычно юноши пускаются в путешествие, чтобы ознакомиться с жизнью и нравами других народов. Мир раскрывается перед ними, как книга. Каждый город – ее страница, каждая страна – глава. Затем, с возрастом, человек все реже покидает пределы отчизны, все дольше пребывает в своем доме, в кругу семьи; он как бы ведет счет приобретенному им сокровищу.

Не так сложилась жизнь святого Авраама. Когда солнце его жизни стало уже склоняться к западу, он, по повелению Божию, вместе с домочадцами и рабами навсегда покинул свою страну и отправился на юг, в Палестину. Не только сам Авраам, но и его семья и слуги превратились в странников. Вместе со своими стадами он кочевал между Сирией и Египтом. Согласно одному из древних преданий, в Палестине были созданы наши праотцы; земля Палестины послужила материалом, веществом для тела Адама, как мрамор – для резца ваятеля. В Палестине изгнанники из Эдема нашли свой приют. В Палестине совершилось искупление человеческого рода. Там, где был создан первый Адам, родился Второй Адам, Который одной Своей рукой взял небо, а другой – землю, оторванные друг от друга, и вновь соединил их. Здесь, в Палестине, закончится последний этап земной истории, прозвучит ее последний аккорд.

Авраам, как странник, пришел в Палестину. Он со своим семейством жил в шатрах и единственное, что приобрел на этой земле в свою собственность, которая переходит по наследству, – это пещерную гробницу, где похоронил супругу, завещав, чтобы там же погребли его тело. Жители этой страны, уважая Авраама, хотели подарить ему тот клочок земли, где находилась пещера погребения. Но праведник настоял на том, чтобы заплатить за нее серебром перед старейшинами народа, и дал за эту землю больше, чем стоила бы земля для садов и виноградников.

Если мы позволим себе прибегнуть к некоей символике, то Авраам – это образ ума, а жена его Сарра – образ чувства. Памятью о смерти укрощаются чувства: Сарра первая ложится в гробницу. Затем ум упраздняется от всего земного, он входит, как в гробницу, в сердце, чтобы в его мраке увидеть сокровенный в нем свет. Память о смерти не дается даром, она покупается ценой серебра – ценой трудов и слез.

Люди, стоящие у краев могилы, как на пристани, опускают гроб на веревках в черную яму, в глубь земли, как матросы спускают лодку в темно-свинцовые волны моря. Они перерезают веревки, и гроб, как ладья без парусов и весел, пускается в океан вечности, плывет в безграничном просторе, не замкнутом обручем горизонта. Капитан этой ладьи – смерть, ее груз – покойник.

Человек расстался со всем, что имел на земле; космос с солнцем и звездами сузился теперь для него до размера ямы в несколько аршин, похожей на трещину в земле. Для мертвого могила – его последнее жилище, а гроб – ложе, на жестких досках которого будет покоиться тело. Гроб – стол с яствами, только накрытый уже не для мертвеца, а для червей, которых созвала на пир, словно дорогих гостей, смерть; само чрево трупа стало пищей.

Скупой, имея богатство, ничего не имеет, он прячет его от самого себя. Наследники открывают сундуки, часто ломают их, распарывают второпях подушки, а когда найдут золото или другие ценности, то радуются, как будто нашли клад и вырыли его из земли. Но никто уже не выроет из могилы гроб, не откроет, точно дверь, его заколоченную гвоздями крышку. Солнечный свет уже никогда не брызнет в пустые глазницы...

...Гроб медленно опускают в могилу. Умерший близко и в то же время далеко от нас; он – здесь, и он – где-то; он есть, и его нет; он был, и он вновь будет; он видим нашими глазами и невидим. Это тайна смерти, на которой лежит печать вечности.

Глава 8

Когда воины шли в поход, то, кроме оружия и провизии, брали с собой пустые телеги, мешки и ящики, чтобы в случае победы было куда класть захваченную добычу. Целый обоз тянулся за войском. Но про одного французского маршала рассказывали, что

он имел другой обычай: в походах возил с собой только гроб, чтобы помнить, что каждый день и каждый час могут оказаться для него последними. Смерть, подобно жнецу, выходит на поле боя с серпом в руках и собирает трупы, как срезанные колосья в снопы. Пуля так же легко пробивает маршальский мундир, как куртку солдата, и каждое сражение может иметь для любого из участников одинаково роковой исход. Иногда после боя от человека остаются только изрубленные куски тела, которые вместе с трупами бросают в общую могилу и засыпают землей. Вороны каким-то особым, присущим им чутьем понимают, что для них готовится «пиршество», и издали сопровождают войско, перекликаясь, как дозорные, друг с другом, – как будто другое, черное, войско собралось, словно туча, чтобы вступить в бой не с живыми, а с мертвыми.

Отец prepares колыбель для своего еще не родившегося ребенка. Богач покупает кованый железом сундук, чтобы хранить в нем свое золото. А этот французский маршал приобрел то, что когда-нибудь станет для каждого нужнее всего, – гроб. Ребенок растет, и колыбель постепенно делается для него тесной. Богач оставляет свое золото наследникам, ждущим, как те же вороны, его смерти. А гроб – то имущество, с которым человек не расстанется, пока его тело не обратится в прах и дубовые доски не сгниют в земле.

Итак, маршал возил повсюду гроб, как свой дом, как кочевник – свой шатер. Он помнил о смерти и потому не надмевался своим званием, не был опьянен славой прежних побед. Он знал, что рано или поздно над ним самим все равно одержит победу смерть, и потому оставался спокоен на поле боя, как будто пули были его друзьями. Он умирал каждый день и потому не боялся смерти.

Христианин должен помнить, что *он* – это бессмертный дух, *его* – это тело, а то, чем «нагружен обоз», – чужое. Оно принадлежит не ему, а времени. Память о смерти подобна острову среди моря: достиг его пловец и спокоен. Он смотрит, как бьются о берег волны, как бушует море, но на острове, как за стенами крепости, мир и тишина.

Когда ты спрашиваешь себя: «Что делать?», не знаешь, какое решение принять, когда стоишь на перепутье, когда сердце и ум не согласны друг с другом, а воля и страсть похожи на двух соперников, вступивших в поединок, то представь себя в гробу – и получишь ответ.

Глава 9

У Омара Хайяма^{XVI} есть рубаи²⁹, посвященные искусству гончара, который делает из глины кубки и чаши. В этой глине – частицы человеческих тел. Гончару кажется, что кувшин рассказывает ему о том, что он сам был когда-то гончаром, что края чаши были устами умершей девушки, что гончар мешает глину из тел умерших людей.

У него же есть рубаи, где главным действующим лицом выступает ворон – символ смерти. Ворон кричит, и в гортанных звуках его голоса слышится вопрос: «Куда, куда?» – куда стремится этот мир, гонимый временем?

В одном из рубаи ворон сел на городскую стену, в когтях у него – череп давно умершего султана. Ворон спрашивает: почему нет торжественной встречи, почему не звучат флейты и литавры, почему народ не выбегает из домов, чтобы встретить своего повелителя? Где слава султана? Имя его забыто; все, что осталось от него, – кость в когтях у птицы.

²⁹ Рубаи (по-арабски буквально – учетверенный), в поэзии народов Востока – афористическое четверостишие, рифмующееся определенным образом. – *Ред.*

Еще великие мыслители древности говорили: «Философия – это умение умирать». Для нас, христиан, земная жизнь есть приготовление к смерти. Смерть через воскресение Христа стала для нас рождением в вечность и началом истинной жизни. Умение умирать для этого мира – это искусство жить.

Глава 10

Человек живет в трех мирах. Первый мир – мир видимый, то внешнее, что окружает нас со всех сторон, что мы воспринимаем посредством пяти органов чувств, что складывается и хранится в нашей памяти, словно в некоей кладовой души, и потом перерабатывается в воспоминания, образы, картины, фантазии, планы, умозаключения, в тучу помыслов, которые непрерывно вращаются в нашем уме.

Второй мир – невидимый, духовный мир, он недоступен для наших телесных чувств, он не виден глазам, не слышен слухом, он недоступен для осязания, в него нельзя проникнуть даже через наши суждения и мысли, его нельзя выразить человеческим словом. Этот мир открывается человеческому сердцу действием Божественной благодати: человек видит как бы тени этого неведомого мира, ощущает его бытие, и затем это ощущение меркнет и теряется. Как будто Господь показал на мгновение луч небесного света и сказал: «Иди и ищи теперь этот свет». Где и как его искать? Во внешнем мире найти его невозможно, но в самом человеке есть третий мир – его собственное сердце, та область, где соприкасаются духовное и телесное, небо и земля.

Сердце человека – ворота, через которые он может войти в неведомую для него область духа. Оно тот «просвет», сквозь который он может увидеть на какие-то мгновения красоту Небесной Церкви, Рая, потерянного Адамом и вновь обретенного для человека Христом. Через сердце лежит путь человека от ада к Раю, но наше сердце – греховное и страстное – закрыто, как бы заперто на ключ. В нем кипят страсти, желания, похоти, которые колеблют и кружат помыслы, и душа человека находится в каком-то темном хаосе. Он не знает своего собственного сердца, он не чувствует свою собственную душу; он открыл себя для впечатлений видимого мира, ищет этих впечатлений и живет ими. Он что-то хочет от этого мира, он приспособливается к нему, ищет его помощи, обдумывает, как завоевать его дружбу. И в этой гуще страстных помыслов, точно в клубах пыли, вздымаемых ветром, проходит вся жизнь.

Прозрение наступает обычно в момент смерти. До этого последнего мгновения человек уверен, что этот земной мир – его. Но вот он видит, как все исчезает, все покидает его, все оказывается призраком, сновидением, и он остается лишь с тем, что сумел стяжать в своем сердце. Потому-то и страшна так для демона память человека о смертном часе. Демон старается усыпить человека, заставить его забыть, что все на земле проходит, вовлечь его в круговорот мирских дел. И чаще всего это ему удается: в этом сне, в этом круговороте незаметно, час за часом, день за днем, год за годом проходит вся жизнь, и человек пробуждается только у самого края своей могилы и слышит хохот демона, который так ловко и так страшно обманул его. Все, к чему был привязан человек, все, что он любил, все, что он стяжал, – все тает и исчезает, как ночные тени на рассвете. Человек понимает, что безумно растратил, как бы убил самое ценное, что дал ему Бог, – время для спасения.

Поэтому первое аскетическое правило – помнить о смерти. Апостол Павел пишет: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство*³⁰, то есть блуд. Богатство и наслаждения этого мира – то же вино, которое не дает истинной радости, хотя и опьяняет человека; и в этом вине также есть блуд: душа – невеста Христова, – прилепляясь к чуждому ей материальному и земному, изменяет Богу и блудит с миром.

Господь сказал: *где богатство ваше, там сердце ваше*³¹. Сердце, которое своими страстями привязано к миру, закрыто для Бога. Мир опьяняет человека, а память о смерти

³⁰ Еф. 5, 18. – *Ред.*

³¹ Ср.: Мф. 6, 21. – *Ред.*

отрезвляет его. Она все расставляет по своим местам. Большинство людей, по внушению демона, старается не думать о смерти, стремится забыть о ней, как будто ее нет. Видя вокруг себя картины смерти, даже находясь у самого гроба своих близких, люди, несмотря ни на что, продолжают думать, что смерть обойдет их стороной, что все умирают, а они не умрут. Люди вытеснили память о смерти из своего сознания и живут так, будто земля – их вечный дом.

Поэтому, когда пробуждаешься, думай, что, быть может, этот день для тебя последний. Когда встаешь с постели, помышляй, сколько людей умерло в эту ночь; когда идешь по дороге, приводи себе на память, что вся наша жизнь – это тоже дорога, от рождения до могилы, и каждый день – шаг, приближающий нас к смерти. Когда садишься за трапезу, вспоминай, что сам станешь пищей червей. Когда чувствуешь в сердце черный огонь похоти, представляй, что будет с человеком, к которому ты питаешь вожделение, через несколько дней после его смерти, как это тело, соблазняющее тебя сейчас, начнет источать невыносимый смрад. А что представляет собой мертвец в могиле? Наверное, самое отвратительное – это вид разлагающегося трупа, который превращается в сукровицу и гниет. Вот, оказывается, к чему ты питал вожделение...

Если в сердце твоём вспыхнет багряное пламя гнева и ненависти, вспомни, что и ты, и твой враг будете лежать рядом, в одной земле, и тогда уже нечего будет вам делить, нечему будет завидовать. Когда душа предстанет пред вечной правдой Божией, то все земное покажется ничтожным. Чему завидовать, если время и смерть отнимут все?

Когда человек ложится спать, то пусть он помышляет, что постель его – гроб, сон – смерть, ночная тьма – мрак могилы, и молится, чтобы Господь помиловал его, если эта ночь станет для него последней. Когда нашу душу влекут к себе и пленяют мирские утехи и развлечения, то вспомним, что, быть может, Ангел смерти уже послан, чтобы взять нас с собой. В чем застанет нас этот незванный и неожиданный гость?

Память о смерти вначале кажется страшной, но когда человек привыкнет к ней, то он чувствует, что она освобождает его от рабства этому миру, от оков страстей, от гнетущих помыслов, которые, как ноша, давят на него. Он начинает любить память о смерти, она представляется ему целомудренной подругой, верным другом, всегда готовым утешить в скорби³². А самое главное, память о смерти учит человека, что истинный смысл дарованной ему жизни не в кружении в земной суете, а в приготовлении к вечности.

Поэтому память о смерти – это путеводитель к Богу. Приобретается она через понуждение себя, усилием воли. Первоначально нужно уделять хотя бы несколько минут в продолжение дня, чтобы размышлять о том, что вся земля – огромная могила, в которую ушли бесчисленные поколения; мы попираем эти могилы, но скоро и нас покроет земля. Мы должны просить Господа, чтобы Он дал нам память о смерти как дар благодати. Произнося же слова молитвы, должны помышлять, что, быть может, эта молитва будет в нашей жизни последней.

Даже в природе ищи для себя напоминание о смерти. Видишь заходящее солнце, увядающий цветок, птицу, улетающую вдаль, – помни, что подобно сему проходит и жизнь человека. Скажи неверующему о смерти – он обидится или огорчится: для него смерть – тупик, черная яма, конец всех надежд, переход из бытия в небытие. А для христианина смерть – завершение земного пути, экзамен за всю прожитую им жизнь и раскрытие того, что он стяжал в течение ее в своем сердце.

Поэтому память смертная для христианина – это могучее оружие в борьбе с демоном, который хочет, чтобы человек мыслил себя лишь частицей видимого мира, горстью земного праха. Здесь, на земле, мы похожи на людей, которые плывут в лодке по

³² Преподобный Филофей Синайский пишет о памяти смертной так: «Узрев однажды красоту сей последней (памяти смертной.– *Ред.*) и, духом, а не оком, уязвившись и усладившись ею, я возжелал стяжать ее себе в сожительницу на целую жизнь, возлюбив ее благообразие и благолепие. <...> Эту-то, как я сказал, дщерь Адамову, то есть память о смерти, жаждал я всегда иметь сожительницею себе, с нею спать, с нею беседовать и вместе с нею исследовать, что имеет быть со мною, по отложении тела сего» (Добротолюбие в русском переводе. Т. 3. С. 445).– *Ред.*

течению реки. Река – это время, которое бесшумно течет день и ночь, и в поток этот нельзя войти дважды. Рано или поздно лодка достигнет устья реки, которая вливается в океан – в вечность. Там, в вечности, время свое существование прекращает. Если бы люди, в том числе и мы сами, помнили, что все на земле проходит, все рожденное умирает, то, наверное, меньше было бы зла в этом мире, чище была бы человеческая душа, яснее видели бы мы истинную цель и смысл нашей жизни.

Глава 11

Кому-то может показаться, что память о смерти – это навязчивый бред, болезненная фобия или извращенное чувство (вроде мазохизма³³ или некрофилии³⁴), одержимые которым в самом представлении картин смерти находят для себя некое непонятное наслаждение. Некоторые могут подумать, что память о смерти – это какой-то интеллектуальный аналог самоубийства. Но на самом деле память о смерти – это переход от иллюзий к реальности, от которой мы трусливо убегаем, самую мысль о которой гоним прочь от себя.

Человек живет в страшном заблуждении: он думает, что эта земная жизнь будет длиться для него бесконечно. Если ему указать на это заблуждение, он может попытаться опровергать подобное обвинение в свой адрес, может говорить, что, разумеется, умом понимает, что всему когда-нибудь приходит конец, но пусть он посмотрит на свое сердце. Сердце не согласно с этим, оно борется с умом, оно говорит, что человек не умирает, и мысль о смерти вытесняется из сознания человека. И на самом деле в этом свидетельстве сердца есть доля истины. Человек действительно не умирает, так как перед ним открывается иной мир – бесконечное загробное бытие. Но ошибка его в том, что он переносит это чувство вечности на мир земной, преходящий, тленный. Для него исчезает истинная вечность. Она заменяется иллюзорным отрицанием собственной смерти здесь, на земле, и поэтому, забыв о смерти, человек перестает заботиться о вечности, он цепляется за то, что не может удержать, – за проходящие мгновения, за то, что появляется и исчезает во времени, за то, что он должен оставить по исходе из этой земной жизни.

Поэтому можно опять сказать, что память о смерти действительно все расставляет по своим местам. Человек благодаря ей начинает смотреть на земную жизнь не как на самоцель, а как на путь: все, что он видит и имеет, не его, а как бы дано взаймы на время; смерть же – перекресток дорог, одна из которых ведет в вечноблаженную жизнь, другая – в бытие, подобное вечной смерти, бытие без Бога. Эта-то вечная потеря Бога и есть настоящая смерть, о которой чаще всего даже не помышляют живущие на земле.

Человек безумно, страстно влюблен в эту жизнь, он ищет в физическом и материальном то, чего вещество ему дать не может, а именно – счастья. Никакие внешние обстоятельства не могут сделать человека счастливым, и он напрасно хочет найти счастье вовне, когда оно внутри него. Он ищет радости в видимом и осязаемом, а радость – в невидимом и духовном.

Говорят, что если сесть верхом на осла и держать перед его мордой пучок травы, то осел будет бежать, думая схватить еду, находящуюся перед его носом. И сколько он будет бежать, столько пучок травы будет удаляться от него, но он будет продолжать свой бег, не понимая, что обманут. Так и нам диавол внушает, что смысл нашего бытия заключается в чем-то внешнем: дескать, приобретя деньги и имущество, мы станем вдруг счастливыми и, окружив себя вожделенными удобствами и вещами, будем блаженствовать и все проблемы сами собой разрешатся, все заботы отпадут.

И человек бежит, точно ослик, за призрачным счастьем, которое убегает от него, подобно его собственной тени. Затем наступает старость; это пора, когда у человека

³³ Мазохизм – вид полового извращения, выражающийся в потребности испытывать боль, причиняемую лицом противоположного пола; впервые описан в романах австрийского романиста Леополяда Захер-Мазоха, отсюда название. В переносном значении – упорное желание растревлять собственные обиды, душевную боль и иные подобные чувства. – *Ред.*

³⁴ Некрофилия – также вид полового извращения: болезненное влечение к мертвому телу. – *Ред.*

неожиданно открываются душевные очи, он видит иной мир, к переходу в который не готов, в который он должен войти, будучи совершенно нищим. Он понимает, что был обманут демоном, что страсти ослепили его ум, что мысль, будто в материальном и вещественном можно найти счастье, – великая ложь. Он понимает, что видимое, тленное заслонило собой вечное, но – уже поздно.

Поэтому, чтобы не совершить такой страшной ошибки, не отдать всех сил своей души временному и тленному, необходима память о смерти. Наша безумная привязанность к этому миру, погружение в него, отождествление с ним самих себя является болезнью души, каким-то ужасным извращением, именно некрофилией, которую человек считает жизнью. Наши страсти не хотят памяти о смерти, они сопротивляются ей, поэтому нужно внедрять ее в сознание усилием воли.

Память о смерти не подавляет души, а, напротив, дает ей чувство свободы. Она не убивает любви к людям, а одухотворяет ее: ведь очень часто мы называем любовью то, что вовсе не любовь, но лишь пристрастие к красоте человеческого тела, по сути, просто похоть. Порой в действительности нас привлекают в человеке его бесстыдство и развращенность, в которых мы находим как бы «созвучие» своим собственным страстям. Иногда любовью кажется слепая и случайная влюбчивость, которая может быстро пройти, превратиться в равнодушие или даже в ненависть.

Между тем именно память о смерти помогает нам увидеть в человеке главное – образ и подобие Божие, понять, что то, с чем мы обычно отождествляем человека, его тело, – лишь тленная оболочка, что нет в нем на самом деле ничего прекрасного, так как оно отравлено грехом и обречено на смерть. Тело может быть воистину прекрасным только после Всеобщего воскресения из мертвых, у праведника, когда оно станет подобным его чистой душе. А здесь, влюбляясь в человеческое тело, мы влюбляемся в грязь – так ребенок, которому покупают красивую куклу, играет с ней, не зная, что внутри она набита опилками или тряпьем. Память же о смерти как бы вскрывает для нас природу этого мира, пораженную грехом.

О чем мы заботимся больше – о душе или о теле? Удивительно, но даже верующие люди больше заботятся о теле, отдают ему больше времени, чем молитве, более думают о его здоровье, чем о состоянии своей души. Мы забываем самую очевидную истину: что тело тленно, а дух бессмертен. Мы не хотим примириться с мыслью, что наше тело стареет, ветшает и настанет время, когда оно превратится в труп. Тело полностью заслонило от нас душу, в удовлетворении его похотей мы думаем найти радость, поэтому нам необходимо помнить, что представляет оно из себя реально.

Та, что сегодня кажется нам красавицей, по прошествии каких-то немногих, в сущности, лет превратится в немощную, уродливую старуху. Тот, кто ныне полон здоровья и сил, от какой-нибудь случайной болезни может сгнить заживо; а если он доживет до ста лет, то станет бессилен, как ребенок. Тот, кто собрал имущество и деньги, умирая, окажется последним бедняком, ибо, оставляя этот мир, не сможет взять с собой ни гроша. Более того, бедняка могут искренно оплакивать, а у одра богатого разгораятся страсти: каждый из родственников хочет захватить лучшую часть имущества, каждый в душе ропщет на умирающего, что тот не оставил ему все. И обычно какая-то мрачная атмосфера вражды и ненависти сгущается у одра умирающего богача.

Глава 12

Человек, привязанный к вещам и деньгам, вряд ли может каяться перед смертью искренно, от всей души. Страсти, которые, как паразиты, жили в его сердце, находили в нем для себя постоянную пищу, особенно восстают на него перед смертью. В прежние времена люди нередко заранее заказывали себе гроб и ставили его где-нибудь в углу своего дома, чтобы самый вид гроба напоминал им о неизбежном конце. Некоторые аскеты спали в гробу, точно в постели; многие имели в своей келии череп и кости кого-то из почивших, чтобы не забыть, какими станут некогда и они сами; другие намеренно помещали в своем жилище изображение смерти в различных ее видах.

В средние века существовали такие специальные картины: «Пляска смерти», «Смерть на пиру» и тому подобное. Что изображалось на них? Смерть в виде скелета над колыбелью младенца; смерть во время карнавала, выбирающая себе пару для танца; смерть, сопровождающая новобрачных в их опочивальню; смерть во дворце; смерть в хижине бедняков; смерть на поле боя, захватывающая в свои руки целые охапки мертвых тел; смерть во время чумы, наступающая своей пятой на города и деревни и превращающая их в кладбища; смерть, подобно страннику, входящая в дом; смерть, рыщущая, как зверь, от которого не укрыться.

Про одного древнего царя рассказывали, что у него был такой обычай: после пира во дворце слуга приносил последнее блюдо, накрытое покровом, под которым лежал человеческий череп; слуга снимал покров, поднимал блюдо и громко говорил: «Царь, помни, что и ты смертен».

Глава 13

Мы питаем страсть к человеческому телу, мы хотим найти в нем источник каких-то неведомых наслаждений. Но что представляет собой наше тело – не первоначально, как творение Божие, а в состоянии той страшной деградации, которая последовала за грехопадением праотца? Из чего и как образуется оно? – Из каких-то капель, во время страстного помрачения ума. Что заключает оно в себе, уже сформировавшись? – Кости, кровь и слизь, обтянутые кожей. Если рассмотреть эту кожу через увеличительное стекло, то мы увидим ее в рывинах и гнойничках, покрытую порами, из которых выделяются жир для ее смазки и ядовитая жидкость с растворенными в ней отбросами, называемая потом. Нос, который кажется нам красивым, как нос античной статуи, есть система очищения и согрева воздуха, в которой железы выделяют слизь. А рот? Что такое рот, где зубы исполняют роль жерновов, размалывающих пищу, которая затем смачивается слюной? Во рту гнивают остатки пищи, рот человека представляет собой как бы рассадник болезней; содержимое рта – слюна, и плевков ею считается у всех народов знаком презрения.

А что находится во внутренностях человека, что происходит с принятой пищей? Если бы мы видели это своими глазами, то какое отвращение ощутили бы! Мы не унижаем и не хулим создание Божие: тело – это инструмент души; но мы говорим о пристрастии к телу – к своему и к телам других людей. Мы говорим, что в теле и через тело нельзя найти счастье и истинную радость, что не в телесных отправлениях заключается смысл человеческой жизни, что мы из служанки сделали госпожу, из орудия души – какой-то кумир. Все наши страсти и вожеления – это состояние опьянения, через которое мы вступаем в мир иллюзий. Поэтому-то после удовлетворения страсти и наступает так часто какое-то подобие отрезвления и вместе с ним – чувство духовной потери.

Страсть создает себе идола, плененный страстью теряет ощущение реальности в восприятии ее предмета – другого человека, начинает приписывать этому человеку несвойственные ему совершенства. Поэтому можно сказать, что страсть всегда слепа, всегда обманывает. Будучи слепой сама, она ослепляет ум, и оба слепца попадают в одну яму³⁵.

У человека есть некое стремление к красоте как воспоминание о несказанно прекрасном потерянном Рае; но мы ищем красоту в том мире, где все превращается в прах. Нередко красивую женщину в каком-то безумии называют «ангелом». «Гений чистой красоты», – сказал один из наших известнейших поэтов^{XVII}. Однако эта красавица источает душевный и телесный смрад: та, что кажется небесным существом, каждый день опорожняет свой желудок. Во что превращается человек после смерти? – В черную

³⁵ См.: Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму? (Лк. 6, 39). – Ред.

бесформенную массу, которая, как тесто на дрожжах, колыхается, кишит червями. Открой же своим мысленным взором могилу и влюбляйся в такую красавицу или красавца.

А что будет с тобой самим, когда душа со страданием и муками будет покидать больное, одряхлевшее тело, когда она будет смотреть на него со стороны, как смотрят на грязную одежду, которую человек наконец скинул с себя? Представь, как твои глаза вытекают из орбит, как кожа и мясо слезают с твоего лица, как обнажаются зубы в какой-то дикой улыбке, как твоя голова превращается в череп с клочками волос, похожими на клочки шерсти, как твой мозг, будто согретый студень, вытекает из ушей и ноздрей, как твое сердце, где когда-то гнездились страсти, которое то разжигала похоть, то словно рвал на части гнев, превратилось в скользкий серый комок, как черви едят твою плоть, как отпадают от рук пальцы – сустав за суставом, как тело, взятое из земли, опять превращается в землю.

Неужели это тело должно стать центром нашей жизни, вокруг которого беспрерывно вращаются наши мысли, желания, планы, который служит предметом нашего воображения, наших фантазий? Мы не хулим тело, но говорим, что часто из-за него человек теряет душу, из-за него душа покрывается пятнами греха и становится такой же темной и смрадной, как тело в гробу.

Время и смерть – родные братья. Время отнимает у нас все, что имеем, только мы забываем об этом, мы боимся взглянуть в глаза правде: она слишком страшна для нас. Время – смертный приговор, вынесенный человеку, а жизнь не более чем отсрочка приговора. Человек рождается уже как бы с петлей на шее: промелькнут картины жизни, подобно кадрам киноленты, и смерть, словно неумолимый палач, затянет петлю.

Видя красивые здания, спросим себя: «Кто будет жить в них спустя несколько десятков лет?». Должно быть, совсем другие люди – так новые посетители гостиницы занимают освободившиеся номера. А что будет через сто лет с самими этими зданиями? На их месте будут стоять другие или же среди сорной травы можно будет увидеть лишь груды кирпича и камня – все, что останется к тому времени от их великолепия.

Мы не можем остановить мгновение, соединив его с помыслом о земном: оно оказывается потерянным для нас, как след в пыли, как капля, упавшая в море. Но мы можем сделать другое: соединить это мгновение со словами молитвы, с именем Иисуса Христа – тогда мы приобретем его, тогда оно превратится в драгоценный камень и станет нашим бессмертным сокровищем, тогда оно, как небесный цветок, распушит свои благоухающие лепестки, тогда само время станет ступенью духовной лестницы, ведущей ввысь. Время исчезает бесследно, но когда человек останавливает его молитвой³⁶, оно превращается в невидимый свет и остается в его душе. Только в молитве человек может увидеть отблески той красоты, которая потеряна для мира, испытать – хотя бы в какой-то мере – чувство той радости, которую Господь обещает дать нам в вечности. Однако большинство людей бессмысленно и напрасно ищет эту радость в не имеющей в себе жизни материи. Поэтому память о смерти вырывает душу из плена, освобождает от того, что ей чуждо, но вовсе не оставляет ее пустой, а, напротив, указывает, где истинная жизнь и истинная радость.

Есть один рассказ о том, как человек продал душу дьяволу, и тот дал ему сундук, наполненный золотом; но прошло время, и когда открыли сундук, то оказалось, что в нем – разбитые черепки, мусор и разные гадости. Дьявол посмеялся над человеком, поверившим ему. Мир так же смеется над людьми, которые ему верят: он обещает им золото, а дает комки грязи; обещает напоить вином наслаждений, а вместо того наполняет рот гнилью. Поэтому мудр тот, кто живет в этом мире, но не дружит с ним; кто дает своему телу то, что ему нужно, но не власть над собой; кто обратил дни и годы в дорогу к вечности; кто видит истинный смысл жизни – за ее пределами; кто предпочитает невидимое видимому; кто поработает плоть и кровь, чтобы принять Дух.

³⁶ Эта мысль может показаться не совсем понятной. Но разуметь ее надо так: молитва – соприкосновение человека с Богом, с вечностью, и потому когда человек молится, то время для него как бы останавливается. – *Ред.*

Глава 14

Когда мы пишем о том, что в мире царят смерть и тление, что земная красота превращается в уродство, что само человеческое тело, которое так часто кажется вождленным одержимому страстью, теряет свою привлекательность в старости, становится безобразным в болезни, а после смерти, в гробу, являет собой самую отвратительную картину, какую только может представить человек, то мы вовсе не хотим опорочить творение Божие. Обычно, говоря, что картина вовсе не так прекрасна, как кажется с первого взгляда, мы тем самым косвенно порицаем художника. Но в этом случае не так.

Господь сотворил мир и человека иными. Картина Небесного Живописца была прекрасна и совершенна. Однако Он создал не мир, неизменный в его законченности и неподвижности, а мир, динамичный в его возможностях, в данном людям как богоподобным существам праве принимать решения и как бы соучаствовать в дальнейшем его развитии. Мир был сотворен прекрасным и совершенным, но человек должен был как бы закончить, завершить, закрепить это совершенство посредством подчинения своей свободной воли воле Божественной и тем установить отношения между Богом и миром не только как связь между Творцом и творением, Художником и картиной, а и через свою душу, которая являлась одновременно образом и подобием Божиим и ипостасью мира. Таким образом, человек был создан как связующее звено между духовным и материальным, между небом и землей. Человек был создан софийным существом, то есть идеальным, в котором воплотилась сама идея человека. Но эта идея включала в себя дар внутренней, автономной свободы, благодаря которой и можно говорить о человеке как об образе Божиим. Поэтому в человеке была не только определенная уже данность, но и возможность – возможность вечного богоуподобления. Свобода заключается в способности не только принимать, но и реализовывать решение; само предвидение Божие не ограничивает свободу, иначе она была бы фикцией.

Происходит трагедия. Человек восстает против Бога, сам желая стать божеством; звено между Богом и космосом как бы разрывается. Тление и смерть, как антиподы жизни и следствие богоотступничества, врываются в мир. Демонические импульсы в виде страстей и сознательного противления Богу действуют в человеческой душе. Христос спасает человечество, заменяя Собой каждого человека; это спасение открывается как возможность возрождения через принятие Голгофской Жертвы³⁷, через участие в Таинствах Церкви, через исполнение заповедей Божиих. Воля человека, восставшая против воли Божией, должна, вспоможествуемая благодатью, вновь добровольно покориться ей.

Мир восстанет в своей первозданной красоте после воскресения мертвых, когда произойдет окончательное разделение между добром и злом; тогда человек, обновленный благодатью Божией, снова воспримет свое богоданное достоинство. Поэтому мы говорим не о порочности создания Божия, – да не будет! – а об уродстве греха, о человеке и мире в их наличном, реальном состоянии. И здесь мы видим инерцию греха, притом не ослабевающую, а скорее, нарастающую на протяжении истории человечества. Мы видим все более обнаженный демонизм, любовь не к красоте, а к безобразию, к тому, что уродует образ и подобие Божие. Совершенная красота первозданного мира потеряна, благодать дает возможность вернуть ее, но окончательное восстановление человека и космоса³⁸ произойдет после Страшного Суда и огненного очищения мира.

Истинная красота – это Бог, истинная красота человека – образ Божий; теперь эта красота перешла в разряд «возможности», золото лежит под слоем грязи: человек отождествил себя со своим телом и смыслом жизни для него стало удовлетворение

³⁷ Имеется в виду принятие посредством веры тех даров, которые поданы Богом человеку посредством Голгофской Жертвы. – *Ред.*

³⁸ Речь идет, конечно же, не об оригеновском «всеобщем восстановлении», апокатастасисе, но о Всеобщем воскресении и явлении нового неба и новой земли (см.: 2 Пет. 3, 13; Откр. 21, 1). – *Ред.*

страстей и наслаждение призрачными благами этого вещественного мира. Повседневный опыт показывает, что подобная жизнь, по слову одного известного поэта,

как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка...^{XVIII}

Сколько нелепостей, грязи и явного демонизма в самом сексе и в способах его осуществления; в сексе, где нет деторождения, а только «искусство ради искусства»! То, что было дано человеку как дар деторождения, превратилось в пошлость и гнусность, в грязь и уродство, в какое-то диавольское надругательство над образом Божиим в человеке. Человек совершает то, чего не делает ни одно животное, поэтому сказать, что популяризирующийся у нас секс превращает людей в свиней,— значит оскорбить свиней. Если бы свинья могла говорить по-человечески, то она сказала бы в ответ: «Я слишком порядочна, чтобы делать такие вещи».

Существует вид безумия, когда человек пожирает свои нечистоты: он называется копрофагией; но нынешние руководства по сексологии предлагают делать то же! Поэтому мы хотим, чтобы истинную красоту не затемняла и не закрывала от наших глаз иллюзорная, пропитанная грехом, лживая и обольстительная красота этого мира; поэтому так важна память о смерти — этом «апофеозе» земной красоты.

Глава 15

Есть несколько ступеней в служении Богу. Первая — ступень раба. Когда мы говорим об уродстве греха, о тленности видимого мира, о власти смерти, то мы стоим именно на ней. И это спасительно для нас, поскольку размышления о смерти отрывают сердце от привязанности к миру. Это как бы начало. Вторая ступень — ступень наемника. Человек, борющийся с грехом, чувствует по временам, как благодать утешает его. Он опытно знает, что ту радость, которую дает благодать, ничто не может заменить, ничто не может с ней сравниться. И поэтому ищет Бога как источник вечной радости и нетленного света.

Третья ступень — ступень сына. У человека просыпается любовь к Богу, он ищет Самого Бога, а не Божиих даров, он ощущает Бога как Высшую Любовь, и единственная цель его — не лишиться этой Любви. Здесь Бог открывается ему как Личность. Он уже не думает, что приобретает. Он хочет богообщения ради богообщения. Он не хочет ничего, кроме Самого Христа; если бы мир был таким же прекрасным, как на заре своего создания, то он все равно желал бы быть в сердце только с Богом, с одним Богом, а не с Его творением.

Эта третья ступень доступна лишь очень немногим, прежде восхождения на нее необходимо пройти через предшествующие ей. Однако если человек останется и на ступени раба, но будет служить как преданный, верный раб, он достигнет спасения. Первая ступень — отрицание того, что стоит между душой и Богом. Вторая — приобретение того, что соединяет душу с Богом. А третья — само соединение души с Божеством, когда человеку не нужно ничего, кроме единого Бога.

Но кто захочет сразу взойти на третью ступень,— не укротив страстей, не познав тленности мира, не стяжав благодати,— тот просто-напросто окажется обольщенным своими собственными мечтаниями и фантазиями, источник которых — духовная гордость, дерзость и самомнение. Поэтому в духовной жизни необходима постепенность, подобная постепенному росту растения. В аскетике каждый прыжок вверх оказывается срывом вниз.

Глава 16

Почему нам нужно думать о смерти, гниении, грязи и пороках? Неужели нельзя сразу обратить свою душу к Богу и видеть мир в другом свете: ведь святые смотрели на людей, даже грешных, как на Ангелов, а о некоторых подвижниках говорится, что они забыли, что вообще существует зло? Почему же мы должны копаться в мусорной яме? Потому что любовь к Богу — дар Божественной благодати, и, чтобы воспринять благодать,

надо дать ей место в своем сердце, а все наше сердце занято земным, словно вражеским войском, завоевавшим страну и установившим в ней свой диктат.

Весь трагизм заключается в том, что мы безумно привязаны к этой жизни, отдали ей свою душу, наполнили образами ее свою память. А самая большая ложь – непрерывное искание счастья не внутри, но вне себя, в обладании предметами этого мира, в ситуациях и обстоятельствах жизни. Мы влюблены в то, что принадлежит смерти, и потому вводим смерть в свою душу, – вот почему нам необходимо увидеть изнанку того, чему мы так страстно преданы: чтобы, хотя бы с болью, но оторвать свое сердце от мира и обратить его к Богу. Конечно, здесь есть своя опасность: отождествить мир со злом, забыть о тех отблесках Божественного света, которые можно усмотреть и в мире, и в душе человека; но обычно даже красоту мира мы воспринимаем поверхностно, материально, похотливо и потому – извращенно. Чтобы увидеть и понять красоту мира, нужно иметь открытыми душевные очи, ибо истинная красота, как бы приоткрывающая тайну будущего преображения, недоступна для очей телесных.

Поэтому нам необходимо отвергнуть свою привязанность к тому в этом мире, что тлеет и гибнет, и с помощью благодати Божией воскресить в душе любовь к миру как прекрасному творению Божию и любовь к человеку, за которого распялся Христос. Мы должны отвергнуть мир тленный, чтобы освободить душу для Бога, чтобы пристрастие к миру не стояло, точно медная стена, между душой и вечностью, и затем принять мир в свете Божественной благодати. Поэтому, если нас спросят, зачем мы думаем о смерти, зачем представляем человеческое тело в гробу, мы должны ответить: «Затем, чтобы обуздать свою похоть, укротить свои страсти, чтобы не быть непрерывно прельщаемыми внешним и преходящим».

Страх смерти отрезвляет нас, как холод – пьяницу, который валяется под забором. Человек, приучившись помнить о смерти, познает, что его страсти и похоти не природа, а болезнь души. Он начинает бороться с грехом: вначале воздерживается от внешних, грубых грехов, а затем, по мере приобщения благодати Божией, переносит борьбу внутрь своего сердца. Тогда, в свете благодати, он начинает видеть мир на фоне вечности, словно пронизанной лучами Божественной любви. Чем больше он обуздывает страсти, чем чище становится его сердце, тем больше перед ним открывается другая сторона мира: не ужас смерти, не смрад греха, не всепоглощающее время, а предназначение мира и человека – быть престолом Божества. В наличном состоянии³⁹ человека он видит уже не столько грех и порок, сколько залог его будущего возрождения: когда в самом подвижнике проявляется образ Божий, тогда и в других он видит этот образ, тогда каждый человек воспринимается им как богоподобное существо⁴⁰.

Иногда нас спрашивают: «Почему вы так много говорите о диаволе? Разве нельзя забыть о нем и думать о Боге?». Дело в том, что мы постоянно находимся в состоянии войны с диаволом, непрерывно ощущаем его удары; а во время войны приходится думать о тактике врага, об оружии, которым он владеет. Мы говорим о грязи греха, потому что в нашей душе есть тайное стремление к греху; мы точно не видим, что грязь – это грязь, она всё представляется нам как некая сказочная красота.

Нам нужно помнить о болоте, поросшем сверху травой и цветами, чтобы не попасть в него, – это первая ступень. Вторая ступень – видеть лучи благодати в этом мире, помнить о его первозданной красоте и будущем преображении, смотреть на человека не как на предмет нашей страсти – похоти или ненависти, – а как на явление вечности. Человек похож на золотую монету, брошенную в пыль. Невежда не заметит золота, а взор ювелира угадает драгоценный металл и под слоем грязи. Так благодать показывает душе человека другую, невидимую, вечную духовную красоту образа Божия.

Чтобы пожелать достигнутьрая, необходимо сначала осознать, что мы в аду, необходимо сначала увидеть ад в своей душе, чтобы избавиться от него, чтобы погасить

³⁹ В состоянии по грехопадению. – *Ред.*

⁴⁰ То есть чем больше человек отражает совершенство своего Творца, тем большую он получает способность и в других видеть возможность этого совершенства. – *Ред.*

его черный огонь. Этот путь называется покаянием. Без видения своих грехов покаяние невозможно; без покаяния невозможно приобщение благодати; без благодати – приближение к Богу. Чтобы бороться со страстями, пороками и грехами, нужно помнить, к чему они ведут нас. На первой ступени человек борется с похотью, представляя картины смерти и разложения; на второй он представляет предмет возникшей страсти в виде стройного дерева или цветка и говорит себе: «Разве должен я иметь к цветку похоть? Разве не должен, взирая на красоту, созданную Богом, помышлять о том, что высшая красота – это Господь, Создатель мира? Если творение красиво, то как же прекрасен должен быть Творец!».

На второй ступени, когда в сердце нашем вспыхнет ненависть или обида, мы должны думать, что Господь распялся и за того человека, который вызвал у нас гнев, и простить его. Мы должны помнить, что Ангел-хранитель сопровождает его, и хотя бы даже сам человек не нуждался в нашем прощении, но Ангел-хранитель благословит нас и помолится о нас, если в сердце своем мы пожелаем этому человеку спасения и добра.

Чтобы освободиться от чревоугодия, нужно на первой ступени представлять, во что еда превратится во чреве, и что само тело наше станет пищей червей, а на второй приводить себе на память, что тучность тела препятствует ясности мысли, что воздержание помогает молитве, что пост дает возможность благодати действовать в душе и теле человека.

Для борьбы со сребролюбием на первой ступени надо вспоминать, что богатство – ненадежный друг: или оно оставит нас при жизни, или мы оставим его в час смерти. А на второй ступени надо помнить, что истинное, нетленное богатство – благодать Духа Святаго, которая нищего делает царем и без которой царь по смерти становится нищим.

Первая ступень – ступень страха. Вторая – ступень надежды, а третья – ступень любви к Богу, которая достигается долгими и тяжелыми трудами, послушанием, самоотвержением и непрестанной молитвой. Но восхождение на каждую из этих ступеней возможно лишь при исполнении евангельских заповедей и участии в церковных Таинствах. Внешнее, что-то похожее на описываемые нами различные устроения человека, мы можем встретить и в других религиях. Но там аскетизм делает человека только более восприимчивым к влияниям духовного мира, а без веры в истинного Бога это будет влияние демонических существ. На втором месте после памяти о смерти святые отцы ставят молитву. Это царица всех добродетелей. Искусство спасения – это искусство молитвы⁴¹.

Глава 17

Мирской человек может, не поняв в чем дело, с негодованием сказать: «Зачем я должен рассматривать грязь, приводить себе на память все, что происходит с человеческим телом после его погребения, думать о порочности человеческих страстей, когда я хочу спокойно жить на земле, наслаждаться ее благами и благодарить Бога? Разве для того, чтобы не убивать и не воровать, непременно нужно представлять себя разлагающимся трупом?». Однако дело обстоит вовсе не так просто.

Человеку дано некое свойство и сила, сила любви. Любовь заставляет человека стремиться к общению с тем, кого он любит. До грехопадения у праотцев, как и у Ангелов, любовь была обращена к Богу. Именно в любви заключался внутренний союз человеческой души с Божеством. Нарушение заповеди, данной праотцам, было прежде всего потерей любви. Место духовной любви заняла любовь чувственная, обращенная к предметам внешним. Можно сказать, что любовь деградировала, превратилась в страсти и слепую привязанность, но у этой привязанности осталась сила – приближать и единить. Поэтому человек, любя тленное, сам приобщается тленному, любя земное, оземляет свою душу, любя грех, входит в общение с сатаной. Вот почему нам необходимо рассмотреть, чего мы желаем, к чему мы привязаны, чему уподобляют нас наши страсти.

⁴¹ Об этом см. ниже, с. 303 и далее.– *Ред.*

И здесь мы неожиданно оказываемся у самого края отверзающейся перед нами пропасти. Мы видим глубины, которые были сокрыты от нас, но открылись теперь, чтобы нам не сорваться в эту пропасть и не погибнуть в ней. Мы видим странную картину: вереницы людей проходят по земле, впериw взоры вниз, как будто небо для них не существует. Они влюблены в эту землю. Они забыли о своей душе и потому сами украли у себя вечность. Индийский мистик, а затем атеист Рабиндранат Тагор^{XIX} писал, что хочет быть горстью простой земной пыли. Бодлер в своей книге «Поэмы в прозе» сравнивал жизнь с призраком, который кажется прекрасным и обольстительным, а когда подойдешь ближе, оказывается костями скелета. Этот скелет говорит поклоннику земной красоты: «Приди в мои объятия». Сергей Есенин писал:

Не зови себя разбойником,
Если ж чист, так падай в грязь^{XX}.

У Александра Блока его Прекрасная Дама, облеченная в звездный наряд, превращается затем в уличную проститутку. Вот о чем пробалтываются поэты в минуты откровенности!

Наиболее чуткие из них свидетельствуют, что жизнь без Бога – это ад, выплеснувшийся из глубин земли на ее поверхность. Стихи Пушкина и Лермонтова о том, что жизнь – «дар напрасный», «пустая и глупая шутка», слишком известны, чтобы их повторять. Рембо^{XXI}, описывая трущобы Парижа как сгусток грязи и крови, говорит этой столице мод и разврата: «Твое темное прошлое благословенно», прошлое, по его словам, «погибающее от праха и тлена». У Блока есть стихотворение, похожее на реквием:

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!
И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День – как день; ведь решена задача:
Все умрут^{XXII}.

Здесь жизнь – ловушка, в которую попал зверь. Мысль о самоубийстве как бы пронизывает все его стихи. Они наполнены глухой тоской несбыточных мечтаний и горьких разочарований. Когда он стоит на берегу Невы, то ему хочется броситься вниз и исчезнуть в круговороте волн:

Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Эти мысли, как он признается,
не отогнать
(И воля уничтожена)...

Он жаждет смерти как небытия, как альтернативы жизни бессмысленной и пошлой, изнанку которой он увидел и узнал как поэт:

Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена (...) ^{XXIII}.

Здесь благородство, как антипод пошлости и уродства, – это смерть. Жизнь представляется ему страшной будничной фантасмагорией, в которой, по его словам, «исхода нет».

Для христиан есть исход – это искание Царствия Божия и вечной жизни. Но христианин также человек, в котором живут грех и страсти, поэтому ему требуется труд, чтобы различить, где смерть и где жизнь; где яд и где врачевство; где демоническое обольщение и где нетленный свет правды.

Глава 18

Если мы скажем, что жизнь прекрасна сама по себе в своем земном плане, то войдем в противоречие со всей историей человечества, которая представляет собой трагедию,

последний акт которой еще не закончен и занавес не опущен. Нам могут возразить, что в мире много прекрасного. Например, сама природа, искусство и, в частности, литература. Но всмотримся в это «прекрасное» повнимательней.

В окружающей нас природе мы повсюду видим следы смерти. Смерть, как тень, неотделима от всего, что существует: в этой ласкающей наш взор природе происходит непрерывная, жестокая борьба, непрерывное уничтожение одними существами других, и в этом отношении самым ненасытным убийцей является человек.

И совсем не удивительно, что великие писатели и поэты вовсе не были оптимистами: напротив, какая-то глухая тоска пронизывала все их творчество. Гомер писал:

Все на земле изменяется, все скоротечно, всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней^{XXIV}.

В поэмах Данте^{XXV} и Мильтона^{XXVI} описание греха и ада своими жуткими картинами напоминает концентрированное зло – не в его метафизическом плане, а во вполне земных реалиях. Размышления о смерти и бренности мира мы встречаем в трагедиях Шекспира:

Кто поселял в народах страх,
Пред кем дышать едва лишь смели,
Великий цезарь – ныне прах,
И им замазывают щели!^{XXVII}

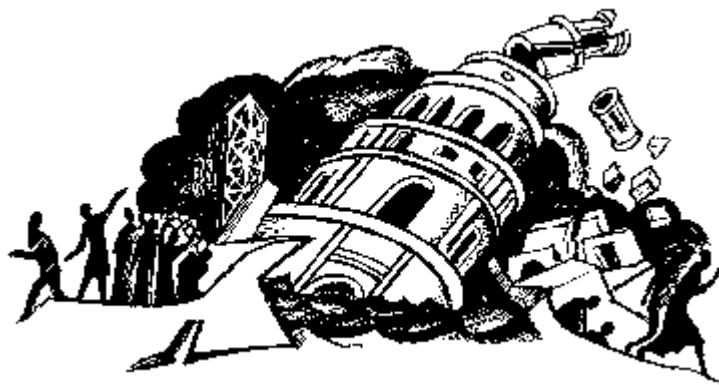
Омар Хайям в каком-то из своих стихотворений сравнивает нашу жизнь с ночью, во тьме которой никто не нашел дороги; мудрецы посуесловили и затем погрузились в вечный сон. В другом, описывая земные блага, которые человек может пожелать себе, он трижды спрашивает: «Что дальше?» – и не находит ответа; дальше – таинственное ничто.

У шотландского поэта Бернса^{XXVIII} есть строки: «И счастье – прах, и жизнь вся – прах». Немецкий поэт Лихтенштейн^{XXIX} пишет:

Земля плесневеет в тумане.
И вечер давит свинцом.
Все рвет электрический грохот,
Визжит, смыкаясь кольцом...

И заканчивает это стихотворение словами:

Я круто уперся в серое,
Под пулю подставив лоб^{XXX}.

Цикл поэм об Александре Македонском, особенно популярных на Востоке, пронизан мыслями о ничтожестве земного величия. Завоевав Вавилон, который он хотел сделать столицей мира, Александр встречает у городских стен старика, собирающего кости. Старик предлагает ему различить, чьи это кости: князей, воинов или рабов, богатых или бедняков. И Александр стоит в раздумье: он не может разгадать тайну минувших веков.

Здесь же, в столице Нимврода, победоносный полководец, так и не осуществив своих гордых планов – создать единое государство на земле, достроить «Вавилонскую башню», внезапно умирает во время пира, достигнув всего лишь тридцати трех лет. Его империя распалась, рухнула, подобно все той же башне, превратившись в груду развалин.

К сожалению, невзирая на такое, казалось бы, глубокое постижение бренности бытия, большинство поэтов не решилось на борьбу со страстями, их «диагностика» земной жизни как трагедии крушения духа не вела к исцелению. В самой болезни они находили краски для своих литературных полотен и вместо того, чтобы разбить чашу с пьянящим ядовитым зельем, вновь и вновь пили из нее жадно, ненасытно и самозабвенно.

Глава 19

До грехопадения центром бытия для Адама был Бог. Он являлся для него началом и бесконечным концом бытия – источником вечного света, причиной, дающей миру жизнь и движущей им. Бог для Адама был больше, чем мать для грудного младенца. После грехопадения связь человека с Богом нарушилась. Господь как бы скрыл Свой лик в тумане. Видимой причиной и основой существования человека стал этот земной, материальный мир, центром бытия – сам человек, а содержанием жизни – удовлетворение им своих желаний и страстей. Небо закрылось для Адама, время и вещество затворили для него врата Эдема. Адам оказался заключен в замкнутый круг материальности, в темницу чувственного, и только через покаяние и молитвенные прозрения он мог созерцать отблески Божественного света, который удалился от него.

Так же и мы не видим духовного мира сквозь завесу материального; мир сузился для нас в трехмерное материальное пространство. Дух и вечность превратились в отвлеченные понятия, в абстракцию, не подтверждаемые нашим внутренним опытом. Непроклюнувшись еще птенчику кажется, что весь мир – это яйцо, в которое он заключен; только пробив скорлупу, он увидит, что существует огромный, незнакомый ему мир, и с удивлением станет оглядываться вокруг. Мы тоже заключены в такое окаменевшее яйцо материальности, страстности, вещественных представлений и образов. Мы должны взломать его скорлупу, чтобы увидеть духовный мир в его неизмеримом величии.

Здесь три фазы. *Первая* – отрицание падшего мира, с которым соединились наши страсти, словно корни дерева, вросшие в землю. Это размышление о тленности мира, его пустоте и гибельности оболыщения им. *Вторая* – новое восприятие мира через благодать Божию, видение мира как пути, по которому можно или идти к Богу, или уходить от Бога, то есть понимание жизни в этом мире как времени испытаний, в которых формируется сам человек; при этом падший мир открывается нам в своем будущем преображении, в не угасших еще отблесках прежней красоты, которой не видит оземленный человек. И *третья* – восхождение души к Богу как источнику бытия, открытие личностного Бога, с Которым душа соединена любовью.

Один из святых сказал: «Я все сжег, чтобы снова воссоздать». Поэтому размышление о смерти, о том, что все превращается в тлен и гной, мысленное посещение кладбищ и моргов – это вовсе не некрофилия, а именно желание все разрушить, чтобы снова воссоздать⁴². Время обманывает нас, поэтому мы должны спросить его: «А что будет потом? Что ты сделаешь с тем, что в твоей власти? Ты обещаешь блага и наслаждения, но лжешь. И даже если на земле действительно есть счастье, то оно не больше, чем ужин перед казнью. Яства, которые ты предлагаешь, словно пропитаны желчью: они становятся горькими уже во рту».

Сколько было городов, от которых не осталось даже развалин; сколько кладбищ, на которых возникли поселения! Где блистательные полководцы, где могущественные цари? Ветер времени сдул их, как пыль, с лица земли. Если бы можно было представить

⁴² Или иначе, по слову апостола, *отложить прежний образ жизни ветхого человека, а обновиться духом ума и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины* (ср.: Еф. 4, 22–24). – *Ред.*

историю земли в ускоренном виде, как на ленте кинохроники, то мы увидели бы всю землю, с ее царствами и городами, как море, на котором волны вздымаются и падают вниз, исчезая в пучине. Сколько бы ни прошло лет, веков, тысячелетий, все это – не более чем мгновение.

Все, что существует, должно разрушиться, к чему же нам прилепиться своей бессмертной душой? Святые отцы говорили, что после молитвы, как, впрочем, и до нее, несколько минут надо посвящать размышлению о смерти. Оружие безбожного мира – похоть, заслоняющая от нас вечность, похоть как влюбленность в вещество. Оружие нашей веры – память о смерти, которая укрощает похоть и открывает душе вечность, ее истинную жизнь, духовный мир, с которым она одной природы. Нам надо увидеть грязь, чтобы смыть ее. Убирая дом, хорошая хозяйка выскребает пыль по всем углам, но разве свидетельствует это о ее любви к пыли?

Глава 20

Вначале память о смерти бывает тяжела и даже мучительна, но затем, когда под ее воздействием страсти смиряются, как дикие звери под хлыстом укротителя, человек чувствует уже не тяжесть и муку, а облегчение. Он как бы пробуждается от сна, его ум, освобождаясь от гнета страстей, становится более ясным и чистым. Его душа, уже не привязанная с такой силой к земному, как раньше, постепенно начинает ощущать свободу. Его сердце начинает жаждать чистоты, почему один из святых отцов и сказал, что память о смерти чиста и целомудренна, хотя картины смерти ужасны.

Надо сказать, что по мере очищения человека изменяется сам характер размышлений о смерти, страх сменяется надеждой, и сквозь мрак могилы душа прозревает свет воскресения. Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Некоторые говорят, что молитва лучше, нежели память о смерти, я же воспеваю два существа в одном лице»⁴³.

Мы говорили о том, что человеческое тело, будучи создано Богом, как дивный инструмент для души, после грехопадения подверглось деформации, оказалось во власти тления и смерти, стало, с одной стороны, помощником души, с другой – ее соперником. В человеческом теле, в его устройстве, в целесообразности его как физического организма отражена премудрость Божия и сохранены остатки прежней красоты. Но в то же время тело представляет собой какой-то смердящий гнойник.

Из капли слизи возникает плод, постепенно преобразуясь в человека. У ребенка тельце слабое и хрупкое; человеческое дитя беспомощнее, чем детеныш любого животного. Как только человек взрослеет, в теле пробуждаются страсти. Чаще всего тело порабощает душу, и человек всецело отождествляет себя с ним. Душа настолько покорна телу, что современный человек считает, что ее как таковой нет, что она только функция тела – функция мозговых клеток и волокон.

Затем с годами тело дряхлеет, ветшает, как изношенная одежда. Наступает старость, и тело отказывается служить человеку, становится для него тяжким бременем. А нередко и еще в молодости оно может быть поражено тяжелыми болезнями и являет тогда собой жалкое зрелище. Болезнь как бы снимает какой-то внутренний фильтр, и яд сочится из всех пор тела: она обнаруживает то зловоние, которое заключено в нем.

В порабощенной телом душе живут страсти, но она не может удовлетворить их так, как желалось бы, в полной мере. Поэтому люди порочные обычно становятся в старости злыми и раздражительными, они словно хотят отомстить миру за свое бессилие. Старость – подведение итогов человеческой жизни, урожай, который хозяин снимает осенью со своего поля, – и чаще всего в снопах оказывается не пшеница, а плевелы.

Наконец приходит неизбежная для всех людей смерть, и тот, кто был привязан к миру и собственному телу, видит, что он обманут, что демон зло посмеялся над ним. Для всецело привязанных к миру людей это – окончательное поражение. Таким людям трудно бывает поверить, что смерть действительно придет и к ним, трудно заставить себя

⁴³ Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28, глава 46. – *Ред.*

посмотреть ей в глаза, представить, что их тело обратится в прах; поэтому-то они и напрягают все силы, чтобы обмануть самих себя. И, по сути говоря, все человеческое искусство, литература, поэзия – тот же обман, золотая парча, наброшенная на труп.

Нет ничего более знакомого, чем смерть, и нет ничего более таинственного и неведомого, нежели она. Фауст продал душу дьяволу, чтобы тот остановил мгновение, остановил время, дал ему бессмертие на земле, и дьявол обманул его. Так же и теперь человек забывает о том, что время – поток, стремящийся из бездны бытия в бездну смерти. Он находится в этом потоке, который с неудержимой силой несет его к могиле. Никто и ничто не может остановить этот поток. Даже если бы человек мог овладеть всем миром, то он все равно был бы бессилён вернуть назад хотя бы одну уже прошедшую минуту. Если человек забыл о вечности, в которой начинается истинная жизнь, и все силы отдал своему земному существованию, если человек забыл о смерти, то он самоубийца: он потерял Бога, а на земле бессмертия нет, – жернова смерти перемелют его.

Если человек жил лишь земными впечатлениями, чувственными страстями, если его ум вращался, точно белка в колесе, лишь в кругу земных забот, то душа его, оземленная и слепая, не сможет воспринять свет вечности, поэтому после смерти она погрузится в метафизическую тьму. Мы говорили о тленности нашего тела, о том, что труп в могиле представляет собой прообраз ада. А что стало после грехопадения с душой? И душа наша – подобный телу гнойник. Как в трупе – черви, так в нашей душе гнездятся страсти. Уже в душе ребенка таится неосознанный им грех; даже больше того: человеческая душа с рождения человека несет в себе последствия первородного греха, и они влияют на формирование человека как организма и как индивида.

Ребенок более непосредствен, более открыт, чем мы, но разве в ребенке с самых ранних лет не проявляются похоть и ревность? Иногда жестокость детей удивляет родителей. С возрастом грех раскрывается в человеческой душе: гордость, эгоизм, ложь, тщеславие пронизывают все человеческие взаимоотношения. Если бы можно было какими-нибудь лучами, подобными рентгеновским, просветить наши мысли, то открылась бы страшная картина, какая-то фантазмагория. Человек хочет добиться победы над другими любой ценой. Он лжет, лицемерит, завидует, он желает смерти даже своим близким и друзьям, если они оскорбили его или же стоят на пути к удовлетворению его страстей как преграда. Жена в мыслях сколько раз изменяет своему мужу, муж сколько раз желает, чтобы на месте жены была другая женщина!

Какие только гнусные образы не возникают в уме человека! И это – только внешний слой нашей души, а если бы мы увидели то, что находится глубже, то ужаснулись бы. Там ползают чудовища и змеи, там притаились, словно в норе, скорпионы, там обитают демоны; душа грешника намного безобразнее, чем гниющее тело. Святые плакали всю жизнь о своих грехах. Почему? Потому что видели такие глубины в своей душе, которых не видим мы. Святости сопутствуют трезвость и ясность ума. Подвижники вовсе не были истериками или же людьми, получавшими какое-то болезненное удовлетворение от непрерывного самоуничтожения. Нет, напротив. Это были люди твердой воли, которые несли ближним любовь и мир. Но когда в молитвенных прозрениях они созерцали свою душу, то ужасались, насколько грех властвует над человеком.

Преподобный Антоний Великий свидетельствовал о себе, что вся его продолжительная жизнь была продолжительным плачем о грехах. И преподобный авва

Пимен говорил братии своей: «Уверяю вас: куда ввергнут сатану, туда ввергнут и меня»⁴⁴. Так же и преподобный Григорий Синаит писал: «Мы хуже демона, по крайней мере, демон – господин, а мы его рабы»⁴⁵. Для нас бездна нашей души покрыта мраком, и мы не видим, что творится в ней. Для святых же бездна души озарялась светом благодати, и в этом свете они видели ее, объятую адским пламенем, и потому день и ночь зывали: «Господи, помилуй нас!». У пророка Исаии говорится, что человеческая правда похожа на грязную одежду⁴⁶. Подобно тому и пророк Давид произнес приговор над всем человечеством: *всяк человек ложь*⁴⁷. На земле ложь и измена повсюду. Человек обуреваем страстями, обольщаем демоном. Как можно верить человеку, в том числе и самому себе?

После грехопадения душа изменилась еще больше, чем тело, но в ней остались образ и подобие Божие. У человека осталась возможность при помощи благодати Божией выйти из своего страшного состояния – демоноподобия – и дать место Богу в своей душе, чтобы Он за него победил грех. Христиане любят человека именно как образ Божий. Люди же этого мира любят в другом свои собственные страсти. И такая любовь легко превращается в безразличие и даже в ненависть: ведь если не видеть образа Божия в человеке, то что любить в нем? Кусок тела, которое рано или поздно сгниет? Или душу с ее еще более, чем гниущее тело, гнусными страстями? Поэтому истинная любовь – дар благодати. Она любит в человеке остатки прежней богозданной красоты, свидетельствующие о том, что внутренний рай может быть возвращен человеку. Духовная любовь живет надеждой. В душевном плане она проявляется как сострадание.

Наша слепая привязанность к людям часто становится причиной потери Бога. Один человек делает из другого какого-то идола и поклоняется ему, а внутри идол оказывается обиталищем крыс и мышей. (Так в древности нередко, ломая идола, находили внутри него лишь мышинный помет.) Поэтому нельзя отдавать сердце никому, кроме Бога. Пусть это будут дети, или родители, или супруги, все равно: *всяк человек ложь*. Если мы в этой жизни создадим себе кумиров, ложных богов, то лишимся истинного Бога. Кумир не может спасти нас; мы увидим свою трагическую ошибку, которая принесет нам много горя и слез – слез разочарования и обиды – или в этой жизни, или после смерти, когда поймем, что наш кумир был слепым и глухим, а в сущности – плодом нашего воображения, обманутые которым, мы обоготворили человека.

Итак, первое – память о смерти, второе – память о первородном грехе. Тот замкнутый круг, в котором проходит наша земная жизнь, надо разорвать, чтобы не оказаться в области вечной смерти, откуда уже не будет исхода.

Глава 21

Есть один прием, очень действенный: видеть будущее за тонкой пеленой настоящего. Встречаешься ты с человеком – представь, что будет с ним после его исхода из жизни: слезет кожа с лица, кости черепа вылезут наружу, его тело сгниет, и тогда ты не будешь питать к нему ни сильной привязанности, ни вражды; скорее всего, тебе станет его жалко. Чему завидовать, если каждый человек должен лечь, как младенец в колыбель, в могилу и превратиться в несколько горстей праха? К кому питать пристрастие?

⁴⁴ *Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский*. Творения. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. М., 2001. С. 491.– *Ред.*

⁴⁵ Ср.: «Если человек, предоставленный самому себе, [нравственно] побежден, поработен и испытывает над собой господство всякой страсти и помысла, то, не встречая помощи ни от дел, ни от Бога и совершенно ни от кого и почти впадая в отчаяние, не может, угнетаемый отовсюду, не сокрушиться. Он считает себя низшим всех и последним рабом, худшим самих демонов, как побеждаемый ими и подпавший их тиранству». *Преподобный Григорий Синаит*. Творения. М., 1999. С. 58.– *Ред.*

⁴⁶ См.: *Сего ради заблудихом и быхом яко нечисти вси мы, якоже порт нечистья вся правда наша, и отпадохом яко листвие беззаконий ради наших: тако ветр восхитит нас* (Ис. 64, 6).– *Ред.*

⁴⁷ Пс. 115, 2.– *Ред.*

На земле и богач – это калиф на час⁴⁸, затем он превратится в бедняка. Когда входишь в дом, помни, что время убивает не только людей, но разрушает и камни; поэтому наступит момент, когда и от этого дома останутся лишь развалины. Поэтому входи в свой дом, как в чужой, а в чужой – как в гостиницу, где сменяются хозяева. Страсть требует, чтобы человек забыл о времени и смерти, она пытается остановить мгновение, но это невозможно. Поэтому страсть всегда обманывается и всегда обманывает человека. Она похожа на собаку, которой бросили кусок мяса и тотчас же вырвали его из ее пасти.

Скажем здесь о самом главном в духовной жизни – о молитве, живом общении человеческой души с Богом. Молитва – средство обращения нашего ума и сердца к Богу. Молитва производит двоякое действие. Первое – отрывает человека от земли, второе – открывает душу для воздействия духовного мира. Если сравнить душу с зеркалом, то в обычном состоянии это зеркало повернуто вниз и отражает образы земли. В молитве оно обращается вверх и отражает в себе небо. Мы говорим здесь о чистой молитве. Но требуется много труда, чтобы хотя в какой-то мере стяжать ее.

Земные образы, впечатления, знания – все, что мы видели, слышали и читали, – все это хранится в нашей памяти, словно документы в архиве или книги на полках библиотеки. Во время молитвы эти впечатления, соединенные с нашей фантазией, а также подвижные демоническим действием, всплывают на поверхность сознания, как будто густой туман окутывает душу, и человек перестает слышать даже собственные слова. Что делать, как обуздать воображение, как собрать мысли воедино, как заставить ум внимать лишь словам молитвы? Как отгонять помыслы, которые, подобно осам и шмелям, жужжат вокруг нас? Господь сказал, что демоны изгоняются только молитвой и постом⁴⁹. Молитва без поста всегда будет немощной и бессильной, однако пост – это не только воздержание в пище, но и воздержание от внешних впечатлений, от того, что заполняет нашу память.

Священник Павел Флоренский^{XXXI}, один из образованнейших людей XX столетия, человек, имевший энциклопедическую широту знаний, писал, что есть вид интеллектуального обжорства: это поглощение всякой информации. Обилие ненужных сведений, прочитанных книг, привычка проглатывать их с жадностью чревоугодника, который никак не может насытиться, приводят к интеллектуальному ожирению. Душа человека становится похожей на заплывшее салом тело обжоры, у которого мышечная ткань постепенно атрофируется и превращается в жир. Эта грузная туша может показаться грозным исполином, но на самом деле она очень слаба и еле двигается под собственной тяжестью. Поэтому для молитвы требуются духовный пост и воздержание. Лишние знания, как лишний вес, не прибавляют, а отнимают силы. Здесь творческая способность вырождается в механическое, пассивное запоминание.

Глава 22

Есть патологически жадные люди, которые превращают дом в склад вещей, которые они собирают повсюду, чтобы потом заполнить ими свое жилище. Ни разобрать, ни даже отыскать какую-нибудь вещь в этой куче, которая растет с каждым годом, невозможно. Для человека почти не остается свободного пространства. Он должен то сгибаться, чтобы пролезть в узком проходе, то искусно лавировать и изворачиваться, чтобы сверху на него не обрушились поломанные стулья, пустые банки и разная рухлядь, то совершать, подобно танцору, замысловатые прыжки, перескакивая через бесчисленные ящики и чемоданы; но расстаться с ненужными вещами он не может. Ему так жалко их, словно они стали частью его собственного тела, которую кто-то потребовал бы вдруг отсечь ножом. Для чего они ему, он и сам не знает, но действует, повинувшись своей страсти. Жить иначе он уже просто не может.

⁴⁸ Так называют человека, наделенного властью на короткое время. Своим происхождением это выражение обязано арабской сказке «Сон наяву, или Калиф на час», включенной в состав сборника «Тысяча и одна ночь» его первым европейским переводчиком – ориенталистом Антуаном Галланом. – *Ред.*

⁴⁹ См.: Мф. 17, 21. – *Ред.*

С каждым днем эти кучи вещей покрываются все более толстым слоем пыли. Убрать такой дом невозможно. Человек задыхается, но терпит, не будучи в силах оторвать от себя тот или иной совершенно ненужный ему предмет. Если кто-нибудь попытается взять из этого хлама ржавый гвоздь, то это будет казаться подобному владельцу такой потерей, как если бы гвоздь был выкован из золота. А если ему посоветовать освободить дом от всех лишних вещей, убрать комнаты и оставить лишь действительно необходимое для жизни, то он ужаснется: жизнь без этих вещей покажется ему пустой и бесцельной; он будет чувствовать себя, точно его хотят превратить в последнего нищего.

Теперь предположим, что такой человек не только собирает вещи, но и запасается различными продуктами на случай голода, собирая их в своей кладовой. Они начинают портиться и гнить, так что в доме распространяется зловоние, словно в хлеву. Человек задыхается от смрада, но в то же время он доволен, он утешается тем, что голодная смерть ему уже не грозит.

Наша память – та же кладовая, в которой хранятся впечатления, полученные нами извне, та информация, которая потоком вливается в нашу душу посредством зрения и слуха. Какую падаль люди поглощают, просиживая часами у телевизора, какой яд пьют, листая страницы современных журналов и книг, оккупированных, словно вражеской армией, самой мерзкой порнографией! На тех, кто отказывается смотреть телевизор, читать книги по сексуальной патологии, слушать рок-музыку, смотрят как на ископаемые останки вымерших существ, которые должны стать добычей археологов и место которым не среди цивилизованных людей, а в музее.

Во что превращается душа человека, который ежедневно видит сцены разврата, самых ужасных и изощренных убийств, – в какого-то отвратительного уродца! Она становится грязной, зловонной и безобразной. Пять чувств делаются для нас пятью окнами смерти. В человеке есть две «составляющие» – это тело и душа. Но в самой душе содержится та сила, та способность, которая называется духом. Это обращенность к вечности. Грех разделил дух и душу, противопоставил их друг другу. Происходит гиперразвитие душевных сил, пораженных грехом, которые своей тяжестью теснят и подавляют дух. Страсти души становятся для духа могильным камнем. Он уходит в себя, как бы засыпает и цепенеет; место, принадлежащее ему, захватывает душа. Она перестает «чувствовать» вечность. Образно говоря, она уже не имеет того внутреннего ока, которое было бы устремлено к Божеству. Она видит только землю. Поэтому людям, обладающим чрезмерным объемом внешних, душевных знаний, трудно быть религиозными. У них атрофируется или, по крайней мере, ослабляется мистическая интуиция. Даже в религии они ищут материальных доказательств.

С другой стороны, люди с чрезмерно развитыми эмоциями, как, например, поэты или артисты, также редко бывают религиозными в христианском значении этого слова. Если у них пробуждается мистическое чувство, то часто оно носит демонический характер и их псевдорелигиозные произведения оказываются пронизанными богоборческим духом. Духовная жизнь требует отказа от мирского искусства⁵⁰ – этой стихии страстей; сведения внешних знаний к необходимому минимуму для того, чтобы дух воцарился в душе и озарил ее своим светом. Здесь вовсе не проповедь невежества, а замена худшего – лучшим. Дух обладает настолько более глубокими, чем душа, гностическими⁵¹ способностями, насколько небо больше земли, насколько вечность превосходит время.

Человек – странное существо, соединение противоречий, частица неба в комке земли, величие и ничтожество, красота и безобразие, свет и мрак, жизнь и смерть. Человек

⁵⁰ Речь здесь, наверное, не идет о каком-то «запрете». Но область духа безгранична, и потому человек, действительно обратившийся к духовной жизни, которая есть путь к богообщению и само богообщение, со временем оказывается уже не в силах разделяться между духовным и душевным и предпочитает, по слову самого отца Рафаила, «лучшее худшему». Однако это опять-таки не следствие какого-либо внешнего или внутреннего «запрета», а естественный порядок духовного возрастания человека. – *Ред.*

⁵¹ Гносис – знание, учение. Гностическими – то есть познавательными. – *Ред.*

находится на перекрестье действий Божественных и демонических сил. Истинная красота человека – это образ Божий, просветленный благодатью. Насколько стяжал человек благодать, настолько он человек, настолько он живет. Вне образа Божия и благодати человек душевный и телесный – гнойник, а жизнь его подобна смерти.

Страсть слепа; когда она вторгается в область духа, то человек блуждает во тьме. Выхода из этого лабиринта нет. Страсти лгут. Они безобразное представляют прекрасным. Мы говорили о смерти тела, но страсть – это малая смерть души, это как бы смерть на время. Мы говорили о том, что самая отвратительная картина, какую можно представить, – труп, гниющий в могиле; труп, поедаемый червями, – это образ ада. И в то же время это образ души, разъедаемой страстями.

Если можно было бы видимым образом представить душу в состоянии гнева, то мы увидели бы чудовище с ужасной оскаленной пастью или кровожадного зверя, терзающего свою добычу. Некоторые дикие народы поклонялись изображениям демонов, как божествам. Этих демонов видели их жрецы и шаманы в состоянии оккультного экстаза и изобразили их лица, вырезали их облики на дереве и камне. Эти чудовища – какая-то смесь зверей и драконов в человеческом облики. Иногда жрецы надевали на себя их маски, совершая жертвоприношения. Наши души, подпадая под власть страстей, соединяются с демонами и становятся похожими на эти маски.

Человек подобен устройству с вращающимся диском: центр этого диска – Бог, а остальное – душа, которая подвергается беспрестанным изменениям, в которой нет ничего постоянного и устойчивого, которая каждый миг становится уже в чем-то иной. Поэтому человек, отдающий свое сердце другому человеку, забывает, к чему должен стремиться по самой своей природе, и обрекает себя на разочарования и страдания. Он как бы отдает птенцов в мягкие лапки кошки, которая выпускает затем когти и вонзает их в тело своей жертвы. Пророк сказал: *Проклят надеющийся на человека*⁵². Наше сердце должно принадлежать только Богу, иначе мы потеряем и Бога, и сердце.

Время – это сцепление мгновений. Каждое мгновение невосвратимо, каждое мгновение приближает к смерти, каждое мгновение умирает часть нашего тела. Но мы живем так, словно хотим остановить время, словно хотим схватить мгновение, как острую бритву, а оно уходит от нас и вернуть его невозможно. Скорее можно человеку свернуть огромную гору или возратить реку от устья к истоку, чем вернуть назад хотя бы одно мгновение. Время – это путь к Богу, это возможность спасения, но, теряя Бога, люди превращают время в роковую неизбежность своей гибели, в какой-то зловещий реквием.

Глава 23

Есть города, где здания вытянулись вверх наподобие Вавилонской башни, так что улицы кажутся глубокими ущельями, пролегающими между скал. Есть селения, где жилищами служат хижины, сплетенные из ветвей, разбросанные как бы в беспорядке по полю. Есть местности, где дома лепятся к уступам гор, словно орлиные гнезда. Но одно есть общее для всех этих селений и городов: около города живых непременно вырастает город мертвых – это безмолвные кладбища. Нет города на земле, около которого не было бы кладбища, как его тени.

Когда я был ребенком, то любил смотреть, как в вечерних сумерках зажигался в окнах домов свет; мне казалось, что каждая комната – это некое маленькое царство, каждая комната хранит свою тайну, неведомую для других, как бы летопись чьей-то жизни. И на кладбище – в этом городе мертвых – каждая могила хранит свою тайну: что унес с собой усопший в свое последнее жилище.

Есть тишина гор, в которой кажется, что время остановилось. Есть тишина кладбища – это другая тишина, здесь возникает чувство, что время не остановилось, а обратилось

⁵² Ср.: *Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа (Иер. 17, 5).* – Ред.

вспять. Здесь каждый вспоминает то, что было. Есть какое-то особое чувство у человека, какое-то непосредственное ощущение своей душой того, **кто** лежит в могиле. Некоторые могилы, кажется, изливают незримый свет. Около них – поле удивительного мира и покоя. От такой могилы человеку не хочется уходить: хотя он и не знал того, кому принадлежит эта могила, но чувствует себя так, словно сидит рядом со своим другом и они беседуют без слов; сама тишина становится глубже и понятнее сердцу, чем любые слова.

Другие могилы распространяют какой-то невидимый мрак. Этот мрак тяжестью, почти физической тяжестью, давит на сердце, и человеку хочется или плакать, или поскорее уйти прочь, как хочется быстрее выйти на воздух из темного, душного подвала.

Некоторые могилы словно зовут нас по имени, как бы обращаются к нам. Другие похожи на спящего, которому нет дела ни до кого: он погружен в непробудный сон. Есть могилы, осененные крестами: кажется, что умерший прижал к своей груди крест, как последнюю надежду. Есть могилы, похожие на нераскаянный грех, как будто мертвый, будучи уже в могиле, хочет удержать память о себе, как бы цепляется за мирскую славу. Это памятники, похожие на дома из черного мрамора, дома, в которых никто не будет обитать, которые только давят своей многотонной тяжестью на могилу и лежащий в ней труп.

Надписи на могилах говорят о том, что смерть похищает людей в разном возрасте: рядом лежат младенцы, юноши и старцы. Младенец как бы говорит: «Смерть похитила меня из объятий матери: она прижимала меня к своей груди, но костлявая рука смерти оказалась сильнее. Меня положили в гробик, как в колыбель. Едва я увидел свет солнца, как он погас для меня. Мама украсила гроб цветами и вместе с последним поцелуем окропила своими слезами мое лицо. Я сам похож на сорванный цветок, который лежал на моем гробе».

«Я была невестой, – слышится голос из другой могилы, – мне сшили подвенечное платье, но оно стало моим погребальным одеянием. Вместо молитв о благословении брака надо мной пропели зауспокойные песнопения. Не рука жениха, а смерть взяла меня в опочивальню – в холодную могилу».

А вот свежая могила, засыпанная комьями черной земли, которые еще не стали серыми, как пепел, от солнечных лучей, их еще не размыл дождь и не развеял ветер. Кто лег в эту могилу? Чей гроб опустили сюда на веревке, как спускают ладью с борта корабля? Куда поплывет эта ладья в океане вечности? Голос из нее отвечает: «Я работал здесь могильщиком от юных лет до старости. Сколько я вырыл могил – не могу перечислить. Но для себя я не приготовил места, мою могилу вырыл другой могильщик. Скольких мертвецов я встречал и провожал, как привратник, у дверей могилы! А теперь другой могильщик встретил мой гроб с лопатой в руках, и лишь стук земли, ударявшейся о крышку гроба, был вместо последних слов прощания со мной».

Голос из четвертой могилы говорит: «Не спрашивай, как мое имя. Я торговал оружием, я делал деньги на человеческой крови. В телах скольких убитых хранятся, как свинцовые дьявольские амулеты, проданные мною пули! Сколько раз стволы оружия были направлены, словно око смерти, братьями в братскую грудь! В каждом плаче по покойнику звучало проклятие не только убийце, но и мне. Продавец оружия, как торговец отравой, – соучастник в убийстве. Если кровь убитых моим оружием можно было бы собрать вместе, то ее хватило бы, чтобы окрасить стены моих домов в алый цвет или наполнить ею до краев эти могилы. Чтобы скрыть от людей свои преступления, я, не веря в Бога, решил построить храм, не оставляя своих демонских дел. Но я не успел войти в него: смерть преградила мне путь. Бога нельзя ни подкупить, ни обмануть – я понял это, но слишком поздно. Когда я слышу звон колокола, то мне кажется, что он говорит человеческим голосом: “Вон отсюда, тебе нет места ни в земной, ни в Небесной Церкви!”».

Вот еще голос: «Я был гробовщиком и делал гробы, как делают сундуки, в которых хранят сокровища. Мой товар не залеживался никогда. Я никогда не сидел без дела: как

часто мне приходилось работать всю ночь напролет! Люди придирчивы к работе гробовщика. Они хотят, чтобы гроб блистал своей отделкой, как будто его не заруют в землю, где он сгниет и превратится в прах, а поставят поверх могилы. Я обмеривал покойника, как портной заказчика, чтобы гроб не оказался для него тесен или, напротив, не был широк, чтобы тело плотно лежало в нем, не перекатываясь с боку на бок, когда его понесут на кладбище. Я был искусным гробовщиком, я был художником своего дела, но я забыл сделать гроб для самого себя, и мой ученик сколотил мне гроб, похожий на коробку».

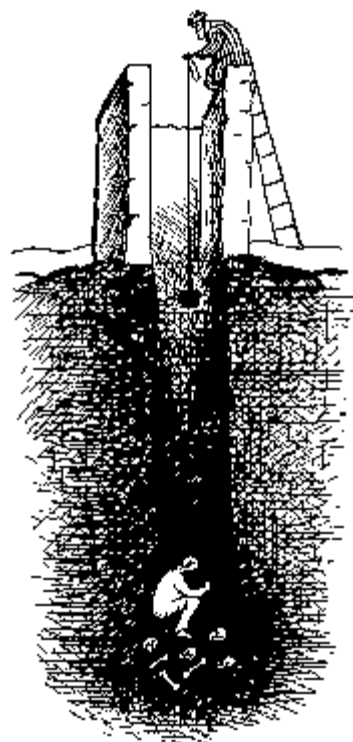
А вот слова из соседней могилы: «Я умерла в глубокой старости в кругу своей семьи. Всю жизнь я трудилась, молилась Богу и никому не желала зла. Смерть стала для меня предвестницей вечного покоя, отдохновения от земных скорбей и трудов. Мои дети и внуки плакали около моей постели, когда я благословляла их. Они не понимали, что хотя я люблю их, но с радостью иду в вечность, и этот последний день был самым светлым днем в моей жизни».

А вот что говорит кость, лежащая под оградой: «Я умер давно, никто не помнит, где моя могила. Сначала с нее сняли крест, потом унесли куда-то каменную плиту, а затем ночью разрыли саму могилу и выбросили из нее остатки моего праха. Наутро в нее опустили нового покойника. Раньше расхитители могил снимали с мертвых одежду или саван, но оставляли их в земле. А теперь выбрасывают человеческие кости. Неужели скоро настанет время, когда дети будут жалеть для своих родителей даже лишней доски на их гроб?».

...Безмолвные могилы как бы протягивают к нам невидимые руки, взывая о помощи, прося молитв об умерших. Всего лишь несколько слов молитвы для них дороже, чем глоток воды для погибающего от жажды. Каждая могила – тайна, но, поминая усопших, мы соприкасаемся с этой тайной. Ангелы-хранители усопших радуются, когда мы молимся о них. Если усопший был грешник, то, помянув его, мы исполним долг любви, а если он спасен, то наши слова побудят его так же молиться о нас. Живые, будьте милостивы к мертвым: они были когда-то как мы и мы станем когда-нибудь как они!

Глава 24

Городское кладбище похоже на пустынный остров среди моря. Шум города, напоминающий шум прибоя, замирает у кладбищенской ограды, словно волны, разбивающиеся о берег. На кладбище не говорят громко, только плач у свежих могил нарушает тишину. От некоторых могил веет каким-то необъяснимым теплом, которое согревает человеческое сердце. Другие источают холод, от которого сердце сжимается, как около стен тюрьмы; что-то темное и зловещее чувствуется в них. Трудно даже сказать, что это такое. Эти могилы лишены благодати. Там – пустота и безнадежность. Эти могилы – тупик, которым окончилась земная жизнь человека, а дальше – мрак, в котором нет надежды. (Так когда-то в древности у восточных царей были темницы, которые назывались «башнями молчания». Оттуда не было выхода, туда не проникал свет. Тюремщик, опускавший на веревке пищу и воду для узника, под страхом смерти не смел сказать ему ни слова. Во мраке и безмолвии терялся счет дням и годам. Когда узник умирал, то его труп оставляли сгнивать в этом похожем на колодец подземелье. Туда – в тесную клеть, наполненную костями и разлагающимися трупами, – бросали нового узника, который знал, что для него нет помилования, что он уже никогда не вернется к жизни и не увидит света.) Эти

могилы похожи своим духом на гробницу Авессалома⁵³, на капища, где идолам приносились человеческие жертвы, на дома, где собираются диаволопоклонники, спириты и колдуны.

...На кладбище растут цветы, превращая его в зеленый ковер, расшитый алыми и желтыми нитями. Эти цветы говорят о том, что жизнь не кончается смертью. Алый цветок, выросший из черной земли, как бы свидетельствует собой о воскресении мертвых.

Глава 25

...И снова скажу: когда я читаю историю и сказания о минувших веках, о деяниях царей, о мудрецах, разгадывающих притчи, о тех, чьи имена остались в памяти потомков, то мне хочется, закрыв книгу, спросить: «Где они теперь?». Но на этот вопрос каменные уста сфинкса времени могут ответить только одно: «Они были, они вышли из небытия, прожили годы земной жизни, как проходит свой путь путник, и ушли отсюда через темные ворота смерти». Сколько раз после их смерти солнце начертило на небе, словно огненным циркулем, свои годовые круги! Эти люди жили, любили и ненавидели, боролись, побеждали и терпели поражение, проявляли великодушие и мстили; души их кипели страстями, как молодое, неперебродившее вино; в уме они составляли планы, в мечтах, как на крыльях, облетали всю землю, их сердца рвались к богатству и почестям, которыми человек никогда не может насытиться. Но все это оказалось игрой ребенка, который собирает в горсти песок и снова высыпает его на землю, складывает из кубиков дома и снова разрушает их. Приходит к ребенку смерть, как его наставник, и говорит: «Уже вечер, пора кончать игру, идем со мной домой».

Невозможно остановить движение солнца, невозможно преградить путь звездам, которые, как перелетные птицы, летят с востока на запад. Невозможно остановить время и преградить путь к смерти. Человек редко вспоминает о вечности, редко поднимает глаза к синей бездне неба. Он похож на волчок, крутящийся под ударами бича, который держит в руках демон; этот бич – его ненасытные страсти. Что он хочет от этой жизни, что он может унести с собой, что он принес на землю – он не думает об этом. Страсти заставляют волчок крутиться и описывать на земле круги, как бы плясать на месте. От последнего удара бича он падает и замирает. Даже великие мудрецы древности и цари, деяния которых прославляют народы, больше думали о земном, чем о небесном. В редкие минуты они поднимались душой над временным, но «притяжение земли» – тяжесть забот, суеты и, главное, их собственных страстей – тянуло их вниз, словно у души опускались крылья и ей вновь приходилось ползать по земле.

Когда мы раскрываем карты древнего мира, то читаем в них названия городов, от которых остались одни лишь развалины; а нередко они уже исчезли с лица земли совершенно, без следа. Их поглотила земля, их уничтожило время. Мы видим на картах границы уже давно не существующих стран и государств. Когда-то они занимали огромные пространства, точно гигантское пятно, растекались по карте. Затем дробились на части и исчезали, чтобы дать место другим странам и народам. Время ломало границы великих держав и сжигало их, словно изгородь из хвороста.

История упоминает о народах, происхождения и причин исчезновения которых мы не знаем. Эти народы похожи на ручейки, начала которых мы не видели; исчезли эти «ручейки» в песках или влились в русло мировой народной «реки», образовав вместе с другими племенами и народами новые этносы, – на этот счет можно лишь строить предположения. До нас дошли только имена, уцелевшие, как бы спасшиеся в ковчеге истории, остальные поглощены «всемирным потопом» забвения бесследно. Поэтому прошлое для нас – неразгаданная тайна.

Мы – тайна для себя самих. Одно лишь нам известно: что мы умрем, уйдем отсюда, оставив здесь свое тело, как человек, уезжающий в дальнюю страну, оставляет до

⁵³ Холм из камней над могилой непокорного сына, который восстал против отца своего, царя и пророка Давида, с целью убить его (см.: 2 Цар, 15–18). В древности был обычай: путник, проходя мимо могилы Авессалома, бросал на нее камень. – *Авт.*

возвращения свой пустой дом. Тело наше будет покоиться в могиле, а солнце – всё так же всходить на востоке и совершать свое шествие к западу, как по некоему небесному мосту. Очи звезд всё так же будут смотреть на землю, но уже не увидят нас.

...Но когда я раскрываю страницы патериков и жития святых, то чувствую другое: с этих страниц струится тихий свет вечности. Эти люди победили время, они сделали его ступенями лестницы, по которым взойти ввысь, к небесам. Герои истории – **были**, а святые – не **были**, а **есть**. Для них не существует ни «расстояния» времени, ни похожей на непроницаемую стену преграды смерти. Они, будучи во времени, жили в вечности, дышали ею в молитве, они были озарены благодатью – небесным пламенем, сияющим во тьме. Воистину: кто забыл о Боге, тот еще при жизни был мертв. Но кто всегда с Богом, тот и по смерти жив.

О заповедях

Заповеди Ветхого и Нового Завета являются вечными, неизменными условиями союза человека с Богом.

Заповеди, по словам святителя Иоанна Златоуста, представляют собой единую золотую цепь. Если выпадет или разорвется хоть одно звено этой цепи, то богообщение на земле и вечное спасение для человека невозможны.

В ветхозаветное время был обычай вышивать заповеди на платках, которыми обвязывали голову в знак того, что они всегда должны храниться в памяти человека и освещать, подобно лучам небесного света, его ум; или писать заповеди, как на пергаменте, на широких рукавах верхней одежды, чтобы они были всегда перед глазами, свидетельствуя тем самым, что все дела и поступки человека должны быть направлены на их исполнение, чтобы жизнь его стала исполнением воли Божией. Таким образом, заповеди являлись главным ориентиром в человеческой жизни, основой для всех решений и поступков.

Во времена же новозаветные у христиан заповеди должны быть написаны не на одежде и не на бумаге, а в памяти сердца. Заповеди необходимо знать наизусть, как Иисусову молитву и «Отче наш». Святые отцы учили, что без исполнения заповедей никакое духовное преуспеяние невозможно. Заповеди – источник вечной жизни. Но мы хотели бы обратить здесь внимание на одну тайну, заключающуюся в том, что высший духовный план всех заповедей – один. Их вершины в христианской аскезе сходятся, как радиусы в одном центре.

Я господь Бог твой

Итак, обратимся к первой заповеди, данной Моисею на Синае: *Слушай, Израиль, Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из Египта; да не будет у тебя богов, кроме Меня*⁵⁴. Эта заповедь, как и другие, имеет три плана. Слово *слушай* в буквальном смысле означает: «изучай, читай, повторяй, держи в памяти Мои повеления». Это первый, внешний, план. Во втором, душевном, плане *слушай* значит: «внимай своей совести, сделай эти заповеди стержнем своей жизни», стержнем, на который нанизываются дела, слова и помышления человека, станком, на котором ткется узор человеческой жизни.

⁵⁴ Ср.: Втор. 6, 4; Исх. 20, 2, 3.– Ред.

Заповеди являются своего рода пробным камнем, с помощью которого человек может определить, кто внушает ему ту или иную мысль: благодать, собственные страсти или демон. Заповеди – фильтр, посредством которого очищается непрерывный поток наших помыслов; горнило, в пламени которого металл отделяется от шлака – от грязи страстей. Заповеди – окна, через которые душа человека должна смотреть в мир. Иначе говоря, в душевном плане внимание человека к заповедям означает устройство им на основе заповедей всей своей духовной жизни. Здесь еще не полное отречение от мира, но стремление через этот мир, в котором человек находится и который душевно переживается им, служить Богу. Здесь не отрицание, а облагораживание интеллектуально-эмоциональной сферы своей души, точнее, содержания, которое она получает посредством чувств.

Третий план – духовный. Слово *слушай*, то есть «внимай», должно быть обращено к самому главному, к тому, что находится за пределами пространства, вещества и времени. Истинная жизнь человека – это открывающиеся перед ним горизонты вечности, это такое общение души с Богом, в процессе которого душа не только борется, как с врагами, со страстными и греховными чувствами, но и желает забыть все временное и тленное, то, что принадлежит власти смерти, и жить и дышать только Тем, Кто выше мира и выше всего. Здесь внимание означает пребывание ума в Боге через призывание имени Божия, в котором, как в символе, отражено символизируемое.

Имя Божие есть внутренний путь души к бесконечной цели, той, которая не имеет ни предела, ни завершения. Поэтому *слушай, Израиль* означает: «Отрешись от того, что стоит между тобой и Богом⁵⁵; здесь, на земле, живи в вечном, ненавидь то, что отделяет тебя от Бога, преодолевай влечение к этому миру, который притягивает душу подобно тому, как земля притягивает тело». Другими словами, духовный план повеления *слушай*, или «внимай», означает стояние ума в имени Божиим, как в неподвижном центре вращающегося колеса космического бытия – в этой единственно твердой внутренней точке опоры. Надо, впрочем, оговориться: здесь речь идет не о некоем крайнем и потому одностороннем спиритуализме⁵⁶, а о концентрации на самом главном. Если мы сосредоточенно рассматриваем одну точку, то остальное расплывается и как бы исчезает из поля нашего зрения: мы, видя, как бы не видим ничего, кроме того, на что пристально устремлен наш взгляд. Преподобный Антоний Великий говорит, что он представляет себя самого как какую-то движущуюся статую, которую рассматривает со стороны, но не сливается с ней. Реальность Божественного бытия была для него более глубокой, нежели реальность его собственного существования в этой преходящей жизни. Поэтому слово *слушай* в духовном смысле означает смерть для мира и воскресение для Бога, отрицание себя и новое обретение себя.

Я Господь Бог твой; да не будет у тебя богов, кроме Меня. В буквальном смысле, который является фундаментом для следующих построений, это заповедь об истинной вере в Единого Бога и Его Откровение; это – принадлежность к Церкви как к тому духовному царству, в котором действуют благодать и Божественная сила. До рождества Христова это была ветхозаветная Церковь, теперь – новозаветная, которая сохранила себя и содержится в вероисповедальной чистоте как Церковь Православная. Бог открывается через догматы веры, церковные Таинства и обряды, сообщаясь через них с душой человека. Церковь – единственный истинный путь к Богу, поэтому вне ее вера в Единого Бога – это вера в «единую неопределенность».

Да не будет у тебя богов, кроме Меня. Это – запрещение искать истину вне Церкви. В общинах еретиков, в их учении лик Бога предстает искаженным, и потому сами священные имена Божества перестают быть символами, через которые душа

⁵⁵ Само слово *Израиль* означает «видящий Бога». – *Авт.*

⁵⁶ Спиритуализм (от лат. *spiritualis*, то есть духовный) – философское направление, противоположное материализму и признающее сущностью мира духовное первоначало. Крайние спиритуалисты сводят все явления материального порядка к духовным. – *Ред.*

приближается к Богу. Ложный образ Бога – это ложный бог, хотя бы его называли Иеговой или Христом.

В душевном плане *Я Господь Бог твой* означает установление в жизни человека совершенно определенной шкалы ценностей, высшее место в которой принадлежит Богу. К сожалению, очень часто наше душевное состояние (я говорю о людях верующих) похоже на какое-то полуверие, на постоянно продлевающийся компромисс. Мы верим в Бога, мы принадлежим Православной Церкви и в этом смысле не поклоняемся другим божествам, но Господь занимает не главное место в нашей жизни, не вся она отдана Ему, а лишь какая-то ее часть. Если бы нашу внутреннюю жизнь, наши помыслы и чувства можно было заснять на киноплёнку и показать нам самим, то мы увидели бы, какой хаос царит в нашей душе и как мало места принадлежит в ней Богу.

Даже когда мы стоим на молитве, то до нашего сознания лишь едва-едва доходит смысл молитвенных слов. Эти слова тонут, словно в каком-то потоке, в инерции нашей повседневной жизни. Сама по себе молитва есть средство общения души с Богом, а у нас она почти всегда остается лишь формой без внутреннего содержания, остается как бы «отключенной» от разума и сердца. В этом отношении мы даже более непоследовательны, чем неверующие. Они отрицают Бога и вычеркивают Его из своей души, а мы признаем Бога, но при этом отводим Ему место в каком-то уголке своего сознания, точно в тесной каморке под крышей, и продолжаем жить той же чувственной, страстной жизнью. При этом мы, быть может, воздерживаемся от грубых грехов, но внутренне переживаем и совершаем их, так сказать, перед лицом Бога, Которого призываем. Здесь в душевном плане слова *Я Господь Бог твой* – это призыв к внутренней борьбе за то, чтобы наша душа ощущала постоянно присутствие Божие, чувствовала свою зависимость от Бога, верила в Его могущество и Промысл. Если Бог есть, – значит, все в Его власти, а у нас парадокс: мы говорим, что Бог есть, но не верим, что все подвластно Ему, и потому всегда пребываем в тревоге и беспокойстве. Говорим, что Бог есть, но представляем Его спящим или забывшим о нас. Мы верим в Бога, но когда необходимо реальное исполнение воли Божией, то оказывается, что Богу мы не доверяем. Отрешиться от своих собственных представлений и всецело положиться на Промысл Божий нам страшно: это значит для нас потерять привычную опору (хотя мир-то как раз и не дает на самом деле никакой опоры) и, закрыв глаза, броситься с высоты куда-то вниз. Вот почему мы и призываем Бога, и в то же время страшимся целиком поверить Ему и совершенно предать себя Его воле.

Можно сказать, что в душевном плане первая заповедь для нас – это завет принимать слова Священного Писания как повеление, обращенное к нашей душе, повеление, которое непременно должно быть исполнено. Образно говоря, десять заповедей Ветхого Завета и девять заповедей Завета Нового – это драгоценные цепи, которыми земля прикреплена к небу.

Духовный план первой заповеди заключается в том, что Господь хочет воцариться в нашем духе, в осознании того, что человек создан не для этого мира, где все кончается смертью, как поток реки обрывается водопадом, в котором разбивается о камни все живое, что увлек с собой этот поток, а для того, чтобы жили в нем образ и подобие Божие, чтобы человек, покорив себя Богу, вошел в общение с Ним. Весь мир ничтожен по сравнению с Божеством, как точка по сравнению с бесконечностью. Поэтому вера в Бога, Который сотворил мир и надмирное бытие, время и вечность, Который хочет принять человека в духовный союз с Собой и дать ему участие в Божественной жизни, должна переродить человека, изменить его жизнь. Эта вера должна вытеснить из жизни человека все, что отвлекает от Бога его ум, сократить его житейские потребности и дела до требований необходимости, до некоего минимума; самым главным, постоянным своим делом человек должен считать молитву, которая открывает душе свет Божества подобно тому, как он сам, проснувшись утром, открывает в своей комнате ставни и лучи солнца озаряют его жилище.

Молитва дает Богу возможность действовать в душе человека. Если Господь Бог есть *наш* Бог, то по Его величию и достоинству, по Его неизреченной мистической красоте и

богатству данных Им обетований, которые превышают человеческую способность постижения, главным нашим делом должна быть именно внутренняя молитва, а все остальное в жизни призвано служить лишь подготовлением к ней. Молитва – это ответ на вопрос, кто наш Господь – Бог или мир. Для язычников космос был богом. И если мы привязаны к чему-нибудь больше, чем к Богу, или страшимся чего-нибудь больше, чем Бога, то, значит, наше сердце принадлежит «чужим богам». Если мы забыли о внутренней молитве и удовлетворяемся лишь внешней, не доходящей до нашего сердца, то, значит, Бог перестал быть **нашим** Богом. Одним словом, духовный план первой заповеди – это стоять умом в сердце с именем Божиим.

Господь всемогущ, но Он хочет, чтобы мы добровольно приняли Его как Царя своей души, а это означает для нас непрестанную борьбу с демоном и миром, чтобы Господь, видя наши труды, призрел на нашу борьбу как на место Своего упокоения.

Не сотвори себе кумира

Вторая заповедь гласит: *Не сотвори себе кумира*⁵⁷. Мы постоянно создаем кумиры. Прежде всего, кумир для нас – мы сами. Обычная цель нашей жизни – это приготовить место на земле, достойное такого кумира, как мы. В этом проходят годы наших трудов и забот.

В душевном плане кумиры – те увлечения, из-за которых мы забываем Бога и теряем благодать. Все наши мечты и грезы – это непрерывное созидание кумиров. Наша фантазия, как художник, рисует обольстительные картины кумиров для наших страстей.

Кумиром может стать человек, и страстная влюбленность – это как раз создание кумира. Влюбленный похож на изготовителя идолов из обрубков дерева и осколков камней. Этим идолам, созданным его собственным воображением, он украшает, им поклоняется и служит.

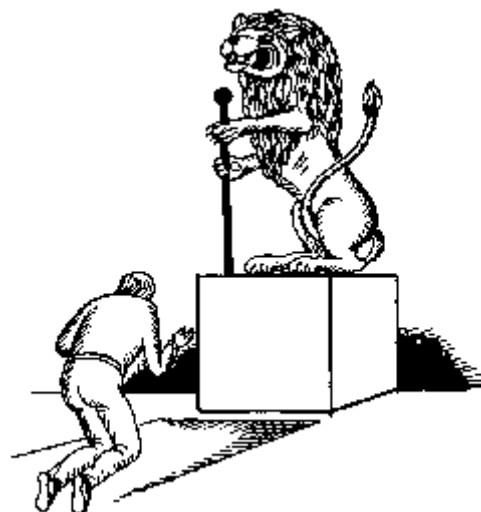
Человек – образ и подобие Божие. Нам дана заповедь любить человека; но обожать человека – порой до состояния какого-то безумия – значит делать себе кумир из сгустка плоти и костей, который когда-нибудь обратится в тлен.

Кумиром могут быть деньги, которым человек в своем обольщении приписывает непобедимое могущество. Кумиром может быть наука: большинство ученых, полагающих, что силами науки можно спасти человечество, делают из нее для себя кумир, который противопоставляют Богу Живому, причем сами выступают в роли жрецов этого «божества интеллекта». Кумиром может быть искусство, которое служит не к славе Божией, а обожествлению этого мира и человеческих страстей.

Кумиром для родителей могут стать их собственные дети, ради которых они порой бывают готовы в буквальном смысле продать душу дьяволу.

В одном месте Священного Писания написано: «Идолы – ничто»⁵⁸, а в другом: «Идолы – бесы»⁵⁹. Сам по себе идол – духовный обман, пустота, но эту пустоту, этот духовный вакуум заполняют темные силы. Поэтому человек, привязанный больше к творению, чем к Творцу, находится под влиянием демонических сил.

Если сказать кратко, душевный план второй заповеди – проверка своего сердца: нет ли в нем чрезмерной привязанности или ненависти, которые

⁵⁷ Исх. 20, 4.– Ред.

⁵⁸ См.: *Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих. Уста имут, и не возглаголют; очи имут, и не узрят; уши имут, и не услышат; ноздри имут, и не обоняют; руце имут, и не осяжут; нозе имут, и не пойдут; не возгласят гортанем своим* (Пс. 113, 12–15).– Ред.

⁵⁹ См.: *Яко вси бози язык бесове, Господь же небеса сотвори* (Пс. 95, 5).– Ред.

отнимают место в человеческой душе у Самого Бога, когда, образно говоря, престол души добровольно отдается другому и на него взбирается невидимый зверь.

Интересно, как примитивные народы изображали своих богов. Их идолы имеют вид чудовищ, каких-то фантастических животных, с выступающими вперед клыками и загнутыми, как у хищных птиц, когтями. Если они имеют человеческий облик, то похожи на изображения демонов с выпученными глазами, оскаленными зубами; кажется, что эти идолы готовы броситься на свою жертву и растерзать ее на части. Идолы наших страстей так же отвратительны, страшны и безобразны, как божества африканских племен и жителей тихоокеанских островов. Как бы мы ни украшали их, но истинное лицо этих идолов беспощадно и жестоко, как у духов подземелья. Они мучают свою жертву, вонзают в нее свои когти, но ослепленной жертве все равно кажется, что они дороже всего на свете. Когда время испытания разбивает этих глиняных богов, то душа впадает в такую тоску, что ей уже представляется, что лучше умереть, чем видеть нищету и позор своих кумиров.

Христа нельзя ввести в пантеон. Благодать не может войти в душу, в которой царствуют страсти. Поэтому заповедь учит отрывать от сердца то, что ему дороже, чем Бог; отрывать с болью, как режут и прижигают пораженное гангреной тело.

В духовном плане вторая заповедь говорит о том, что дух человека должен быть храмом. В алтарь нельзя вносить ничего не священного, оно должно быть оставлено за его пределами. Когда во время сердечной молитвы возникают помыслы и образы, то чаще всего это прежние кумиры снова поднимают голову, снова зовут к себе. И в этом отношении заповедь *не сотвори себе кумира* говорит о необходимости в молитве отрешаться и отделяться от всего земного.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе

Третья заповедь учит: *Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе*⁶⁰. Буквально имя Господа, как святыня, не должно употребляться в обыденных разговорах, то есть без чувства благоговения перед Тем, Кто открыл нам Себя в этом имени. Имя Божие становится огненным возмездием и карой для тех, кто клянется им ложно, обращает его в шутку или сопровождает упоминание о нем бранью. Когда мы произносим имя Божие, то как бы дотрагиваемся своей рукой до Его хитона. Когда мы произносим имя Божие, то всевидящее око Господне устремлено в наше сердце. Имя Божие должно произноситься с таким благоговением, с каким мы поклоняемся иконе и прикладываемся к ней своими устами. Можно сказать, что имя Божие – это словесная икона Того, Кто выше мысли и слова, Кто вечен и бесконечен, Кто непостижим мыслью и невыразим человеческим языком.

В душевном плане наше сердце должно стать тем апокалиптическим камнем⁶¹, на котором написано таинственное имя, – это камень белого цвета, символ чистоты. Сердце должно стать грунтом, на котором написана икона Бога как Его имя. Здесь обоюдный процесс: жизнь человека prepares его сердце к молитве, а молитва освящает жизнь человека. У древних отцов не было книг и разработанного учения об Иисусовой молитве, но была чистота сердца и помыслов, которая привлекала к себе благодать Божию, и сама благодать молилась в их сердцах. Они как бы прислушивались в благоговейном изумлении к неизреченным словам этой духовной молитвы: Сам Господь был учителем ее. Нечистота и лукавство нашего сердца служат главным препятствием для Иисусовой молитвы.

Трудно написать икону на покореженной, неровной, покрытой трещинами доске. Наша жизнь не соответствует молитве, поэтому – несмотря на все книги, в которых отражен опыт святых отцов, преуспевших во внутренней молитве, даны их советы, их

⁶⁰ Ср.: Исх. 20, 7.– Ред.

⁶¹ См.: *Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (Откр. 2, 17).– Ред.

методы (то есть, говоря современным языком, техника молитвы),— она не прививается к нашему сердцу. Не исправляя свою жизнь, а лишь повторяя слова молитвы, мы хотим совместить несовместимое. И бедняк может пригласить царя в свою убогую хижину, но мы зовем Бога в жилище своей души, полное грязи, смрадное от нашего мысленного разврата; где толкуются мысли и образы, рожденные злобой и ненавистью, похожие на брань и драку пьяных. В эту-то грязь, с которой не желаем расстаться, мы приглашаем Царя царей! Поэтому молитва, «оторванная» от нашей жизни в целом, остается бесплодной.

Роза не может прижиться посреди камней: ее корень засыхает и цветы увядают. Человек трудится над молитвой, но не видит результата и поэтому чаще всего бросает ее. Он роет колодец в песках пустыни и до воды дойти не может; от всего труда остается лишь груда вырытой земли. Здесь наша ошибка состоит в том, что мы воспринимаем молитву как нечто абстрактное по отношению к своей жизни, между тем как молитва — это экзамен, а жизнь — приготовление к нему. Спасение совершается во взаимодействии Божественной и человеческой воли. В этом смысле не только человек без Бога, но и Бог без человека «бессилен». Творец миров дал человеку внутреннюю нравственную свободу, автономию и не берет Своего дара назад. Всесильный и Всемогущий как бы ограничил Себя перед человеческой личностью; Он дал человеку возможность свободного направления и развития его воли. В этом — богоподобие человека, в этом его величие и ответственность. Но в этом таится и метафизическая опасность свободы.

Человек, который занимается молитвой, но не изменяет свою жизнь, как бы надеется, что Бог совершит его спасение Сам, что сама молитва автоматически превратится в «спасение по необходимости». Поэтому здесь человека ожидает неудача, можно сказать, духовный крах. Молитва превращается в сочетание слов, а слова — в сочетание букв или звуков. Молитве должно сопутствовать постоянное чувство покаяния, то есть недовольство своей жизнью, осуждение, отвержение ее и желание начать новую жизнь. Это желание должно иметь волевой характер, должна быть решимость воплотить его в дела и поступки. В каждой жизненной ситуации человеку нужно думать: «А как отразится это на моей молитве? Приобрету я благодать или потеряю?». Кратко сказать, вся наша жизнь должна быть **фоном** молитвы.

Человек должен непрестанно очищать свое сердце от помыслов и страстей. Самая главная и универсальная страсть — **себялюбие**, которое проявляется как гордость,— этот духовный изоляционизм, противопоставление себя не только людям, но и Богу. Затем — три страсти: **сребролюбие** — привязанность к деньгам и вещам, которая часто выражается в накопительстве,— надежда на внешнее и мертвое; **сластолюбие** — похоть души, жажда наслаждений, ложное стремление найти счастье в удовлетворении своих страстей, сладость, на дне которой горечь, иллюзия, которая, рассеиваясь, оставляет душу пустой; **славолюбие** — ложь души, превращающая человека в актера, играющего на сцене жизни ради одобрения и аплодисментов той толпы, которую сам же человек в глубине своего сердца презирает.

Эти страсти, ослепляя человека, рождают три другие: **неразумие** — когда человек подменяет главную цель своей жизни — богообщение — мирообщением; **незнание** — когда человек отключает себя от внутренней, духовной жизни, дающей истинное знание и мудрость, и переключается исключительно на изучение внешнего, что делает его духовно слепым; **забвение** — забвение о вечности и смерти, об уроках, которые дает ему жизнь. Это состояние похоже на опьянение: человек добровольно отдается страстям, забывая, что ожидает его по отрезвлению — смех демонов над его душой. Пьяница, проснувшись где-то под забором, ограбленный своими же друзьями, в своих собственных нечистотах, скоро забывает о пережитом позоре и снова тянется к вину. Это постоянное забвение грешника, постоянное искание счастья в грязной луже. Человек может испытать самые тяжкие страдания, но все забыть и ничему не научиться.

Вообще святые отцы указывают на восемь главных страстей, на восемь язв человеческой души, на восемь источников, из которых текут мертвые воды греха⁶². Эти страсти и борьба с ними подробно описаны в аскетическом сборнике «Добротолюбие». Без очищения души от страстей, без постоянной внутренней работы над собой преуспевание в Иисусовой молитве невозможно: человек будет словно черпать воду разбитым, прохудившимся сосудом, и вода тотчас будет выливаться на землю, а сосуд – оставаться пустым.

Духовный план третьей заповеди – возвращение к тому же апокалиптическому образу: *на белом камне*, то есть на кающемся сердце, где внутренние слезы омывают грязь страстей, Дух Святой пишет новое имя. Для такой души имя Иисуса Христа всегда новое, оно открывается ей в новых глубинах, в новой красоте, в своей вечной неповторимости. *Белый камень* означает возможное для человека отрешение не только от греховных, но и вообще от мирских помыслов, от того, что вне Бога, от того, что по своей природе чуждо душе. *Белый камень* с написанным на нем таинственным именем, которого не знает никто (это состояние невозможно передать словом, оно принадлежит только тому, кто его испытал), является вечной славой святых, для которых Бог стал всей полнотой их бытия.

Исполнить третью заповедь – значит подчинить имени Божию всю свою жизнь, наполнить им время всей жизни и пространство всего сердца.

Помни день субботний

Четвертая заповедь касается хранения субботы⁶³, то есть буквально – выделения церковных праздников из среды обычных будничных дней. Суббота – это день, посвященный Богу, символизирующий вечную жизнь. От точного исполнения суббот, по мнению ветхозаветных учителей, зависела историческая судьба народа и пришествие Мессии.

Слово «суббота» означает «покой». Но только в Боге может обретать истинный покой душа человека. На земле и в сердце, где царит грех, где бушуют страсти, не может быть действительного покоя. Ветхозаветные праотцы и пророки обретали покой совести в исполнении заповедей и закона, но истинного покоя как избавления от греха и богообщения в Духе Святом они еще не имели. Поэтому ветхозаветная суббота служила прообразом, как бы тенью того небесного покоя, который открыл людям Господь через Свое распятие и воскресение. Этот покой – возможность для творения участвовать в жизни своего Творца, это со-бытие с Божеством как выход из своей ограниченности и приобщение Его абсолютным совершенствам.

Для ветхозаветных иудеев суббота была покоем статики, некой «неподвижности», отрешением от внешних дел и внутренних забот. Для христиан покой воскресенья – это динамичный покой, выход из круговорота повседневных дел в жизнь духа. Это не веселье древних иудеев, которым предписывалось в день Божий пиршествовать, посещать друзей или просто отдыхать дома, а время для посещения храма и домашней молитвы, время стяжания благодати.

В душевном плане четвертая заповедь говорит нам об обретении сердечного покоя как о преодолении внутренних противоречий. Человеческая душа по своей сущности христианка. В реальном же своем состоянии она представляет собой арену невидимой борьбы светлых и темных сил, поле с выжженной землей и руинами прежних зданий; она

⁶² Вот пример такой «классификации» страстей у преподобного Иоанна Кассиана Римлянина: «...мы располагаемся... изобразить борьбу против восьми главных пороков: во-первых, **чревонеистовства**, которое означает страсть обжорства, во-вторых, **блуда**, в-третьих, **сребролюбия**, под которым разумеется корыстолюбие, или, если точнее выразиться, любовь к деньгам, в-четвертых, **гнева**, в-пятых, **печали**, в-шестых, **уныния**, которое есть тоска, или скорбь сердца, в-седьмых, **тщеславия**, это – тщетная, пустая слава, в-восьмых, **гордости**». *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин*. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Репринтное воспроизведение издания 1892 года. С. 48–49. – *Ред.*

⁶³ См.: *Помни день субботний, чтобы святить его* (Исх. 20, 8). – *Ред.*

похожа на лицо красавицы, обезображенное проказой. Но для того-то и пришел Господь на землю, чтобы исцелить и восстановить душу человека.

Сама религия – это исцеление души, воссоздание и возвращение ее к прежней красоте богоподобия. Господь создал душу человека как дивную песнь во славу Свою – Бога и Творца. Грех разрушил ее гармонию. В исполнении евангельских заповедей душа вновь находит себя, вновь обретает свою цельность, ее способности, чувства и силы, объединенные благодатью, вновь начинают звучать как небесная песнь. Поэтому только в жизни по заповедям душа обретает полный покой, только через исполнение их устраняются внутренние противоречия. Нарушение заповедей, жизнь по стихиям мира и его понятиям – это мучительные диссонансы⁶⁴ человеческой души. Покой, который открыло Евангелие, – это гармония душевных сил и гармония самой души с Богом.

Итак, в душевном плане суббота – это исполнение евангельских заповедей, через которые, словно через некие окна, вливается в душу небесный свет.

В духовном плане покой духа – это совоскресение его со Христом. Само Таинство Крещения знаменует собой смерть и воскресение: смерть как конец владычества над человеком греха и страстей и воскресение из мертвых как пробуждение духа и обращение его к Богу – своему началу. Душа должна покорить себя духу, а дух – покорить себя Богу. Покой духа – это пребывание его в свете благодати. Взор духа, устремленного к Богу, – это внутренняя молитва, творимая в глубине человеческого сердца, где пребывает дух. И в этом, духовном, плане исполнение субботы есть труд над приобретением непрестанной молитвы, труд, в котором душа находит истинную радость и покой в Боге.

Суббота, раскрывшаяся в воскресном дне⁶⁵, освящает все дни недели, а Иисусова молитва – образ воскресного дня как отблеск Крестной Жертвы и луч вечной Пасхи – освящает и преображает всю жизнь христианина.

Почитай отца твоего и мать твою

Пятая заповедь: *Почитай отца твоего и мать твою*⁶⁶.

Буквальный смысл этой заповеди понятен, поэтому не будем останавливаться на нем. Скажем лишь, что основа ее – чувство благодарности, без которого невозможно христианство.

В душевном плане пятая заповедь представляет собой учение об иерархии. Нужно подчинить себя вышестоящему звену в единой иерархической цепи (как бы включить себя в некую энергетическую сеть) – подчинить, чтобы иметь возможность воспринять. Здесь непокорность старшим – это выключение себя из структуры. Без соблюдения иерархии и субординации (подчинения низшего высшему) невозможны никакое общество и никакая система, начиная с семьи и кончая государством, даже более того: начиная с атома и кончая космосом.

В Церкви существует несколько видов иерархии. Это небесная иерархия – чины Ангелов, затем святые – по мере их просвещения Божественным светом и иерархия собственно церковная, которая разделяется на священнослужителей (три иерархические степени⁶⁷) и церковнослужителей. (При этом священномученик Дионисий Ареопагит проводит между ангельской и церковной иерархией аналогию.)

⁶⁴ Диссонанс (франц. *dissonance*, от лат. *dissono* – нестройно звучу), в музыке – неслитное, напряженное одновременное звучание различных тонов. В данном случае в переносном значении «диссонансы человеческой души» – это тот разлад, то неустойчивость, которые царят в душе грешника. – *Ред.*

⁶⁵ В Ветхом Завете суббота – еженедельный праздник древних евреев, день покоя, упразднение от житейских дел, день, посвященный Богу. В Новом же Завете совершенно естественно главным днем седмицы стало воскресенье как день воспоминания о воскресении Христовом. Собственно сама суббота была прообразом того полного покоя, который обретут верующие в Царствии Небесном по окончании подвига земной жизни, по наступлении воскресения всеобщего. Поэтому можно сказать, что суббота не «заменилась» воскресным днем, а именно «раскрылась» в нем. – *Ред.*

⁶⁶ Исх. 20, 12. – *Ред.*

⁶⁷ Трем степеням соответствуют сан епископа, сан священника и сан диакона. – *Ред.*

Существует также еще один вид иерархии, не имеющей, впрочем, столь четких признаков деления на степени, – это иерархия духовная, основанная на личном подвиге и аскезе христианина, а также на исповедании им своей веры. Это иерархия так называемого «старчества», которое особенно почитает народ и с которым так или иначе должно считаться священноначалие. Подобная иерархия обычно возникала в монашестве. Здесь иерархичность прежде всего во взаимоотношениях между духовным отцом и его чадом. Духовный отец сам должен пройти школу послушания и аскезы, должен воспринять дар наставничества от своих отцов, иначе ему нечего будет передать своим духовным детям. Духовный отец, которого обычно называют старцем, находится постоянно в духовном общении со своими учителями аскезы. Даже если они отошли в другой мир, то духовная связь не прерывается, изменяется лишь форма общения: старцы и по смерти не оставляют своих учеников.

Со стороны духовного сына или дочери требуется послушание, то есть внимание к каждому слову старца и отсечение перед ним своей воли; тогда старец действительно становится истинным отцом, который помогает душе родиться в вечную жизнь. Кто нашел такого старца, тот обрел половину спасения. В послушание идут добровольно. Можно спастись и через посильное исполнение заповедей, но в первом случае⁶⁸ путь человека освещен светом, а во втором⁶⁹ человек пробирается в сумерках; в первом случае у него как бы вырастают крылья, а во втором он вынужден передвигаться ползком по земле.

Послушание освобождает человека от помыслов: для него и за него уже все решено. Это сохраняет огромные силы для молитвы, поэтому те, кто находится в послушании, скоро обретают непрестанную молитву. Как говорит преподобный Симеон Новый Богослов, истинный послушник лишь только прочтет «Трисвятое», и уже сама благодать молится в нем. Когда в сердце послушника восстают греховные страсти и он открывает, как бы обнажает их перед своим наставником, то демон, словно застигнутый на месте преступления вор, бежит прочь.

Падение с послушником случается тогда, когда он скрывает что-либо от старца или внутренне противоречит ему; но если он кается, то старец поднимает его и молится о нем Богу. Старец как бы вливает собственную кровь в жилы своего чада, и к тому быстро возвращаются духовные силы и благодать. Но если жизнь послушника исполняется постоянным ропотом и недоверием к старцу, внутренним оуждением и унижением его (или его поступков), противоречием его воле и наставлениям, то падение неизбежно. Послушник, дерзко отказавшийся от послушания и исполняющий свою волю, уже как бы запрограммировал свое падение. Для человека с таким устроением, быть может, лучше вовсе не возлагать на себя подвиг послушания⁷⁰, как для пьяного лучше не подходить близко к огню, чтобы не сгореть в нем.

Духовный аспект пятой заповеди – это послушание духовному отцу, в котором послушник видит – можно сказать так – образ Самого Христа. Ученик начинает любить своего наставника больше, чем плотских родителей, он чувствует себя духовно единым с ним, как веточка со стволом дерева⁷¹.

⁶⁸ То есть когда человек находится в послушании у старца. – *Ред.*

⁶⁹ Когда спасение совершается лишь через труд исполнения заповедей, а послушания старцу нет. – *Ред.*

⁷⁰ Здесь имеется в виду, вероятно, именно послушание старцу или же монашеское, то есть послушание, требующее от человека совершенного отречения от своей воли. Однако без послушания как такового – Богу (через исполнение Его заповедей), Церкви, ее учению (через соблюдение ее правил и уставов), священноначалию – христианская жизнь в сущности своей невозможна. – *Ред.*

⁷¹ При всей истинности и значимости того, о чем говорит здесь автор, нужно сделать существенную оговорку: все действительно так, если только наставник на самом деле **старец** или же, по крайней мере, священник с большим духовным опытом, если праведность и чистота его жизни свидетельствуются исполнением евангельских добродетелей, и в первую, пожалуй, очередь смирением и любовью. К сожалению, в наши дни люди в большинстве своем в духовной жизни совершенно неопытны, их часто привлекает и покоряет чье-то умение говорить и действовать «со властью». Добродетель ложная, плод

Христос именуется Логосом. Он – вершина и начало всякой иерархии. Вне Логоса – тьма и безумие. Выпадение из иерархии (с Ангелом ли или с человеком происходит оно) – это противостояние ей; это состояние мятежа против Бога, удаление от единственного источника благодати и начало вечной смерти. За исполнение пятой заповеди Господь обещал благо и долголетие⁷². Высшее благо – это благодать, а долголетие – символ вечности.

Некоторые духовные писатели предупреждают об опасности в занятиях Иисусовой молитвой, но ведь опасность возникает не от молитвы, а от несгибаемой гордыни.

Самовольник – это не молитвенник, а духовный «революционер»; хотя бы он и старался повторять молитву, но имя Иисуса Христа не может войти в его мятежное и как бы окаменевшее сердце. Для Иисусовой молитвы необходимы послушание и покаяние, труд и благоговение – эти четыре реки, орошающие сад души, без которых она останется пустыней.

Не убий

Шестая заповедь: *Не убий*⁷³. Убить – значит уничтожить, лишить жизни. Первый убийца – это демон, который лишил человека вечной жизни, оторвал его от Бога – источника и полноты бытия, подчинил власти ада и смерти. После своей земной жизни человек переходит в вечность. Убийца прежде всего тот, кто лишает, как бы отнимает у него истинную жизнь в вечности. Потеря вечности – самая страшная катастрофа. Это непоправимое несчастье, неизлечимая болезнь, черная бездна, откуда уже нет возврата. Поэтому худший вид убийства – это отнять у человека веру, разлучить его с Богом, сделать для него конец земной жизни началом инобытия как мучительного состояния без любви и надежды. Душа человека наполняется какой-то страшной черной пустотой. Он понимает, *что* потерял, но в то же время без благодати сердце его не может любить Бога. Он не только попадает в рабство сатане, но и делается подобным ему. В этом заключается страшная тайна вечных мук, невозможность обратиться к Богу той душе, которая, страдая, кричит: «Ненавижу!».

Человеческая душа есть образ и подобие Божие. Бог подает человеку благодать, чтобы привлечь его к Себе. Человек, отвергая благодать, как бы «убивает» ее в себе. Грешник, отвергший Бога, – это богоубийца в собственном сердце. Это страшная тайна греха. Грешник не хочет, чтобы Бог существовал. Он ненавидит Бога, а вечная жизнь – это любовь к Богу как мистическое единство. Здесь, на земле, святые стяжали огонек любви к Богу и больше всего на свете старались хранить этот огонек, чтобы бури страстей не погасили его. По смерти же их любовь из маленького огонька, из пламени свечи превратилась в яркое солнце.

Грех – это искра ненависти к Богу; не встречая препятствий, разгораясь все больше и больше, она клокочет в глубинах души, как страшное подземное пламя, помрачая ум клубами дыма и опаляя сердце огнем страстей. А после смерти это внутреннее богоотвержение превращается в черный огонь ада. В каждой страсти заключены страдание и скорбь, но в каждой страсти есть и какое-то тонкое демоническое наслаждение; есть это адское, смешанное с мукой наслаждение и в ненависти.

В вечности грешник живет ненавистью к Богу, и в то же время, отвергая Его, он ненавидит святых за то, что они пребывают в той же вечности с Ним. Он ненавидит и таких же грешников, как он сам, ибо в них видит уродство своего греха. Он ненавидит демона, как раб – жестокого господина. Он ненавидит самого себя, он проклинает день

«актерства» и всяческого «себявыказывания» сразу бросается в глаза и восхищает людей, еще не имеющих в духовной жизни определенных, верных ориентиров. Добродетель же истинная, скрывающая себя смирением, чаще всего остается незамеченной. Поэтому, дабы избежать заблуждений и сопряженных со многими скорбями разочарований, необходимо сначала по-настоящему узнать человека и лишь потом уже всецело верить ему свою душу и ее спасение. – *Ред.*

⁷² См.: Исх. 20, 12. – *Ред.*

⁷³ Исх. 20, 13. – *Ред.*

своего творения; он ненавидит родителей за то, что они дали ему жизнь. Он ненавидит Бога, потому что Бог есть любовь. У него только одно утешение: своими страданиями в аду он «досадил» Богу, но не покорился Ему.

После демона самый страшный убийца – тот, кто, подобно *человекоубийце искони*⁷⁴, посягает на высочайшую драгоценность человеческой жизни, в которой заключен весь смысл человеческого существования, – на веру. Добровольная потеря человеком Бога – это самоубийство. Потеря начинается с малого – с соизволения на грех. Путь к Богу также начинается с малого: человек прислушивается к зову благодати Божией – это первый шаг. Каждый бесцельно прожитый день – убийство дня, каждый сознательно совершенный грех – «убийство» благодати в своем сердце.

Благодать преподается христианину в Таинствах Церкви, он ощущает, переживает эту благодать. Но вот приходит искушение, и сердце человека начинает раздваиваться и колебаться. Совесть говорит ему: «Не делай», а страсть – другое, она шепчет, как змея: «Я дам тебе рай без Бога – здесь, на земле; я дам тебе то наслаждение, которое не хочет дать тебе Бог». И человек верит страсти, которая уже много раз обманывала его, он входит в мир иллюзий, в мир своей страстной фантазии, ему кажется, что собственная совесть стала его противником и врагом, и у него появляется желание убить, уничтожить ее. Здесь та метафизическая сторона греха, которую мы назвали богоубийством. Для грешника диавол – дух освобождения, добрый дух, подносящий к его устам возделенную чашу наслаждений. Грешник как бы так говорит благодати: «Зачем ты пришла? Я не звал тебя, уйди прочь и не мешай мне!». Когда сердце застывает в грехе, оно застывает в ненависти к Богу; в вечности это направление души – *от Бога* – уже нельзя изменить, как нельзя заставить повернуть стрелку компаса, которая все равно будет показывать на север.

Вечная жизнь есть вечное богообщение. Богообщение – это единение; если Бог приблизится к нераскаянному грешнику Своей любовью, тот ответит: «Уйди, я ненавижу Тебя!». Святые отцы говорят о том, что Бог не может спасти человека без самого человека. Поэтому нераскаянный грех – это убийство человеком собственной души; для нераскаявшегося в своих грехах само воскресение мертвых станет началом метафизической смерти – вечного бытия с сатаной и по образу сатаны. Мы убийцы по отношению к другим людям, когда мы толкаем их на грех, ибо в грехе «запрограммирована» смерть. Когда мы соблазняем человека, то становимся по отношению к нему диаволом. А сколько в нашей жизни тонкого соблазна, который даже не считают за грех! Сколько видов нежности и ласки, под которыми скрывается блуд! «Нежность» оказывается дыханием, разжигающим угли страстей в душе другого человека. И чем завершается это? Очень часто – падением, когда человек теряет благодать, как если бы он проиграл все, что имел, в один час и стал последним нищим. При этом сердце его, в котором уже практически не остается места для Бога, оказывается совершенно плененным страстной привязанностью. Или же все это приводит к страданию, когда человек со скорбью отрывает от своей души греховную привязанность, как с болью срывают присохшую повязку с открытой раны.

Другой вид убийства – это жестокость, которая может привести человека в духовное изнеможение от уныния и отчаяния, являющееся подобием смерти. Человеку может стать безразлично все, даже собственное спасение. В состоянии уныния и отчаяния он легко склоняется на грех, даже больше того: ищет его, чтобы забыться в нем, как в наркотике или вине. Иногда человек, озлобляясь, грешит назло кому-то. Здесь – словно два ножа одновременно ударили в грудь. Здесь – два убийцы одной души⁷⁵. Как часто брошенное нами слово причиняет человеку рану, которая не заживает много лет, – и здесь мы убийцы! Как часто на нашем пути оказываются люди несчастные и беспомощные, а мы равнодушно проходим мимо них. «Это не наше дело», – говорим мы и становимся убийцами. Иногда человек находится в таком состоянии, что всего лишь одно наше

⁷⁴ Ср.: Ин. 8, 44.– *Ред.*

⁷⁵ Вероятно, «два ножа» и «два убийцы» – это уныние и отчаяние. Или же иначе: чувство озлобления и совершенный под влиянием этого чувства грех.– *Ред.*

участливое слово могло бы его ободрить, придать сил; если же он видит вокруг только ложь и безразличие, то ему кажется, что выхода нет. Тогда мы оказываемся не только убийцами другого человека, но и в себе убиваем самое главное и дорогое – чувство любви – и превращаемся в живой труп. Ложь – это тоже убийство, это убийство доверия друг к другу, на котором основана духовная близость. По слову Господа, сатана с самого начала – убийца и лжец⁷⁶.

Есть еще один вид убийства. Порой, когда нас оскорбят, мы будто бы не мстим, но стараемся изгнать из своей души даже воспоминание о нанесшем нам обиду человеке, говоря: «Он умер для меня». А между тем мы просто-напросто отомстили ему, вычеркнув его из своей жизни, выбросив из нее, как выбрасывают за ворота сор. Даже молиться о том, кто нас обидел, нам трудно и неприятно, точно нести на плечах тяжелую и неудобную ношу. Мы молимся за него не от сердца, а как бы вскользь, ради формы, как бы даже не желая, чтобы наша молитва исполнилась. Если с ним случится несчастье, то где-то в глубине души мы обрадуемся этому и скажем: «Получил, что заслужил, так по твоим делам тебе и надо». Так что под видимым равнодушием скрывается оледеневшая ненависть.

Бог – это любовь. Человек живет, поскольку он любит⁷⁷. Любовь делает жизнь человека более полной, сердце – более глубоким, ум – более мудрым, и хотя человек переживает в этом мире скорби за себя и за других, в этих скорбях Господь посылает ему нежданную и невыразимую радость. Поэтому заповедь не убий означает: «Не убей Бога в своем сердце, не убей любви к людям, не убей своего бессмертного духа, для которого истинная жизнь – это Бог».

К греху убийства относится также гнев – страсть, которая делает человека добровольным безумцем. Святые отцы писали, что гнев как способность души был дан человеку вместе с такими силами, как разум и любовь. Гнев должен охранять душу человека от греха, как пес охраняет дом своего хозяина. Гнев на грех и страсти – это обратная сторона целомудрия, а гнев на демонов и на тех, кто пытается отлучить нас от Бога, неразрывно связан с любовью к Богу. Если бы наши праотцы употребили вовремя гнев как оружие и направили его против демона, то заповедь не была бы нарушена, а Эдем – потерян.

После грехопадения силы души извратились, гнев вместо защитника сердца превратился в одну из язв, которые то скрываются на дне сердца, то выходят наружу. Если бы мы гневались на демона, который искушает и отводит нас от Бога, то гнев был бы нашим другом. Но получилось обратное: мы забываем о существовании своего истинного врага и обращаем гнев против человека – такого же, как мы, существа, – который так же, как и мы сами, страстен, несовершен, нравственно слаб и обманут демоном. Когда в собаку бросают камень, то она не видит кинувшей его руки, а бросается на этот камень и остервенело грызет его зубами. Мы видим человека, досадившего нам, но не видим демона, стоящего за его спиной, – главного виновника всех человеческих падений. В состоянии гнева мы считаем своего обидчика олицетворением порока и зла и своим гневом, как огнем, желаем испепелить его. Мы забываем, что в каждом человеке уживаются вместе добро и зло, составляя какой-то причудливый узор души, что даже святые могли иметь свои «слабости» и даже преступник имеет порой ту или иную добродетель.

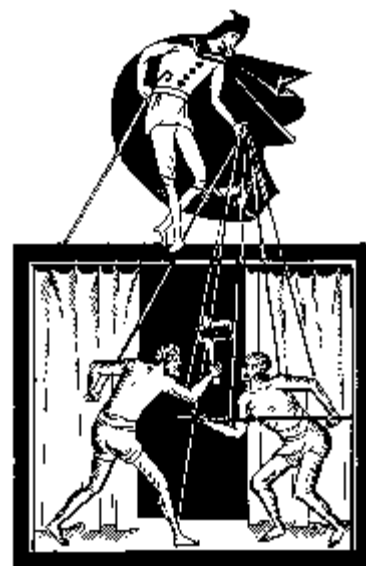
Вместо того чтобы считать врагом дьявола, мы за врага принимаем человека, окрашиваем его в своем сердце в черный цвет, приписываем ему все пороки и затем начинаем свой суд над ним. В состоянии гнева какое бы то ни было оправдание невозможно – мы только обвиняем. Каждый промах, каждая ошибка человека представляются нам каким-то вселенским злом, подобно тому как мошка под микроскопом кажется огромным чудовищем. Но во время гнева мы обнаруживаем то, что

⁷⁶ См.: Ин. 8, 44.– *Ред.*

⁷⁷ Наверное, правильное всего понимать это так: «Живет настолько, насколько любит».– *Ред.*

накопилось в нашей собственной душе; какие-то залежи грязи собрались там, а теперь изливаются в словесной нечистоте. Когда человек гневается, то кажется, что из его рта брызжет зловонная жидкость. Какие слова употребляет он во время гнева? – Самые худшие из имеющихся в человеческом языке, и при этом, как ни парадоксально, ему кажется, что он стоит за правду, не замечая, что его «правда» смердит из-за непотребных слов. Если посмотреть на гневающегося человека со стороны, то он покажется похожим на сумасшедшего: его лицо теряет человеческое выражение и он становится подобным дикому зверю, который хочет вцепиться в своего противника зубами и когтями и разорвать его на части. Глаза загораются огнем ненависти, как глаза голодного волка. Лицо делается багровым, как будто налитым кровью, голос – похожим не на речь человека, а на звериный рев. И это лишь снаружи, а если бы мы могли заглянуть в сердце гневающегося, то увидели бы там адское пламя, кратер клокочущего вулкана.

Гнев – это смертельный приговор, который мы выносим человеку, нередко становясь и исполнителями этого приговора. Сколько несправедливостей, жестокостей и преступлений совершается в состоянии гнева! А сатана – виновник греха – стоит рядом и насмехается над нами, над тем, что оружие, данное для борьбы против демона, человек направил против подобного себе, а демон остался незамечен и забыт. Надо сказать, что хотя в гневном человеке неистовствует, бьет самого себя, кусает собственное тело, в это время он испытывает и какое-то тайное наслаждение гневом, удовлетворяет звериную страсть, влекущую к разрушению и убийству; он отдается во власть этой страсти – так, как самоубийца, закрыв глаза, бросается в пропасть. Когда же гнев проходит, человек, как бы пробуждаясь, видит, в каком плену он находился, видит, что он был только куклой на подмостках театра, а за «кулисами» прятался тот, кто дергал куклу за нити, чтобы она прыгала и плясала.

Святые отцы заповедали нам ничего не говорить во время гнева – ни хорошего, ни худого, а лишь плотно сомкнуть губы, как плотно закрывают крышку банки, в которой копошатся ядовитые гады, пытаясь найти щель, чтобы вылезти через нее наружу. После гнева обычно приходит раскаяние, человек видит, как он был несправедлив, и потому делается вдруг мягким, как воск. Но это – только на время: свойство страсти гнева таково, что подобные вспышки часто повторяются.

Мы должны помнить, что слово, напоенное гневом, не может исправить сердце другого человека, оно способно только озлобить или напугать. Гневаясь, так же невозможно защитить или восстановить правду, как и заставить диавола делать добро. Поэтому, когда человека начинает опьянять, словно вино, гнев, он должен вспомнить, сколько раз уже был обманут диаволом, сколько раз падал на одном и том же месте; вспомнить, что отдающийся гневу как бы бросается в объятия диавола и, подобно ему, становится в своем сердце человекоубийцей.

В качестве дополнения

Вопрос: Что нужно сделать, чтобы не рассердиться?

Ответ: Для этого надо рассердиться, только не на человека, а на демона, который вводит человека в грех, является изобретателем, совершителем и завершителем всякого греха. Человека, провинившегося перед нами, мы видим, а демона, который бесконечно более виновен – и перед нами, и перед досадившим нам, видеть не можем. Поэтому мы просто забываем о его существовании и считаем причиной греха и источником зла человека, подобного нам. Есть аскетический прием: подавлять гнев, не давая ему прорываться наружу через злое слово, как вырывается из печи огонь. Расчет здесь правилен, но сами отцы признают, что этот путь долгод: лишь постепенно человек может

научиться сдерживать гнев, он еще продолжительное время будет борим мысленным гневом, которому поставил, как преграду, свои сжатые губы.

Однако есть и другой метод, основанный на том, что гнев – это не сила, чуждая человеку, а способность души ограждать себя от греха и демона, но способность поврежденная, извращенная грехопадением, которая сама превратилась в грех. Гнев дан нам как оружие против демона, мы же обратили это оружие против человека, а в сущности, против самих себя.

Второй метод заключается в том, чтобы перенести гнев на демона и те горькие слова, которые мы хотим обрушить на голову человека, обратить против демона, который действительно достоин этих слов. Скажем демону, который во время ссоры прыгает около нас: «Ты, диавол, негодяй, потому что стал негодным для Бога, тебя выкинули, как мусор, с неба на землю, и теперь ты занимаешься тем, что мучаешь нас. Ты безумен, потому что потерял самое главное – вечную жизнь, и нас стараешься лишить Небесного Царства. Ты подлец, потому что подлез к нам и кусаешь, как змея; ты искушаешь моего брата на грех, а потом прячешься за его спину, как будто тебя нет и виноват он один, но ты – главная причина его греха. Ты подушаешь меня, чтобы вместо того, чтобы любить моего брата и сочувствовать ему, я разгневался бы на него, оскорбил его и этим оскорбил Небесного Отца и Ангелов-хранителей, которых Господь послал для нашего спасения. Но я люблю моего брата и ненавижу тебя, изменника Богу, не подчиняюсь воле твоей, а проклинаю тебя именем Иисуса Христа, Который для нас – спасение, а для тебя – отвержение и гибель». Все, в чем мы хотим упрекать друг друга во время гнева, перенесем на демона, будем бранить и проклинать его, потому что над ним уже произнесено вечное проклятие. Одна из величайших и благодатнейших книг Священного Писания – Псалтирь – содержит в себе проклятие против демонов. Поэтому, когда закипит в твоём сердце гнев, скажи: «Проклят ты, сатана, и все дела твои. И да будет спасен брат мой и я – его молитвами. Ты завидуешь нам, потому что для тебя нет спасения». Поступая так, можно гневом победить гнев и страсть, разжигаемую демоном, обратить против него самого. Поступая так, можно сохранить любовь к брату и водворить в своей душе мир.

Кроме того, надо помнить, что все происходит по Промыслу Божию, что Господь силен само зло обратить в добро, что скорби учат терпению и обнаруживают внутреннее состояние нашей души, которое часто скрыто от нас самих, что скорби надо принимать как епитимью, данную нам Богом для спасения.

Итак, если в уме твоём появятся бранные слова, обрати их против демона: он автор этих слов, поэтому ты возвращаешь ему его собственность. Пророк Давид говорит: *Законопреступныя возненавидех, закон же Твой возлюбих*⁷⁸. Любовь к закону Божию охраняется гневом по отношению ко греху. Демон искушает нас, когда мы тайно сочувствуем ему, но он не может действовать, когда мы гневаемся на него: гнев – это знак отвержения.

Не прелюбодействуй

Седьмая заповедь гласит: *Не прелюбодействуй*⁷⁹.

Согласно учению святых отцов, в душе человека действуют три силы: мыслительная, раздражительная и желательная. Желательная сила – последняя из них и в то же время – первая по своей власти над душой человека: так часто именно она на уровне подсознания, как бы скрытая за кулисами, движет мысль и волю, определяет жизнь человека. До грехопадения человека эта сила проявлялась как непрестанное, неудержимое стремление души к Богу, образа – к Первообразу. Это было постоянным желанием, неутолимой жаждой души созерцать Божественную красоту. В «Песни песней» Соломона Бог является в образе жениха, а душа – невесты, связанных друг с другом неразрывной, вечно девственной любовью, крепкой, как смерть, глубокой, как сама жизнь.

⁷⁸ Пс. 118, 113.– *Ред.*

⁷⁹ Исх. 20, 14.– *Ред.*

В Библии Бог именуется *ревнителем*⁸⁰. Это особая ревность – как динамика любви. Бог негодует на душу, когда ее очи опускаются вниз, на землю, отвращаются от Него.

Аскеты почитали блудом увлечение миром, доходящее до забвения Бога, когда творение становится для человека дороже Создателя. Мир – это величественная картина Божественной славы. В нем душа может находить отблески мудрости, могущества и красоты его Зиждителя, возводить ум от многообразия творения к единому Началу, восхвалять любовь Творца, даровавшего нам жизнь, изведшего нас из небытия, как из некоей темной бездны, обещавшего нам вечное блаженство. Но может быть и другое: человек влюбляется в этот мир, «присасывается» к нему, точно щупальцами, своими страстями, опьяняется миром, забывает о вечности и готов продать этому миру свою душу.

Апостол Павел пишет: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство*⁸¹. Вино страстей, экстазы ложной мистики, упоение мощью человеческого разума – все это душевный блуд. Сердце отпадает от Бога и сочетается с внешним и чуждым ему.

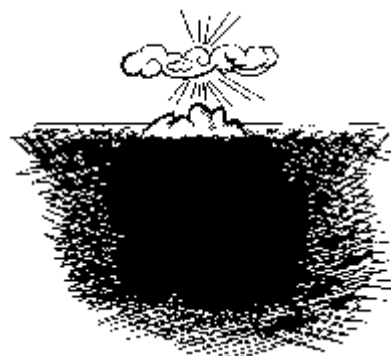
В Библии участие в языческих ритуалах (к которым все больше и больше приближается современное искусство) также называлось блудом. Подобным образом и в Апокалипсисе учение гностиков, стремившихся проникнуть в христианские общины, именуется развратом, ненавистным Духу Святому⁸², а ложная пророчица представляется в образе блудницы⁸³. Можно сказать, что вся культура древнего языческого мира, его философия, искусство, его внешняя красота и внутренняя пустота, его мистерии и сатанинские оргии воплотились в Апокалипсисе в образе вавилонской блудницы, напояющей мерзостями весь мир⁸⁴. Богоотступничество в виде богоборчества и ложных учений, а особенно тайные мистические секты, – все это блуд, оскверняющий землю.

В Библии написано: «И земля была убита кровью их»⁸⁵ – кровью человеческих жертв, принесенных идолам.

Если Ветхий Завет сурово карал за прелюбодеяние, то Новый Завет требует от нас также чистоты помыслов и желаний. Грех блуда многолик и многообразен. Вожделение в сердце, с которым человек не борется, уже блуд. Блуд подобен мутной струе, которую выпускают из себя человеческие глаза: словно взгляд одного человека облил другого липкой, зловонной грязью. Блуд может обнаруживать себя в звучании голоса: иногда человек говорит по-видимому о чистом или даже святом, но в самом голосе и дыхании его слышится скрытое сладострастие. Порой движение головы или улыбка человека служат безмолвным знаком, что он внутренне готов к блуду.

Проявлением блуда святые отцы считали и смех и шутки. Смех уничтожает, как бы поедает человеческую стыдливость, шутки располагают к дерзости, а дерзость, по слову преподобного аввы Агафона, «подобна сильному, жгучему ветру, от которого, когда он подует, все бегут и который портит всякий плод на деревьях»⁸⁶, то есть все доброе в душе.

Из всех чувств самое опасное – осязание. Если уже один лишь взгляд передает весть, которая превращается в какую-то невидимую цепь, привязывающую людей друг к другу, то прикосновение – это начало плотского падения. Страстное прикосновение возбуждает в душе похоть – этого, по выражению святых отцов,

⁸⁰ См., например: *ибо Господь, Бог твой, есть огонь поядоющий, Бог ревнитель* (Втор. 4, 24); также: Исх. 20, 5; 34, 14 и др. – Ред.

⁸¹ Еф. 5, 18. – Ред.

⁸² См.: Откр. 2, 14–15. – Ред.

⁸³ См.: Откр. 17, 1. – Ред.

⁸⁴ См.: Откр. 17, 2, 4. – Ред.

⁸⁵ См.: *и убиена бысть земля их кровьюми* (Пс. 105, 38). – Ред.

⁸⁶ Цит. по: *Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания...* Репр. М., 1995. С. 72. – Ред.

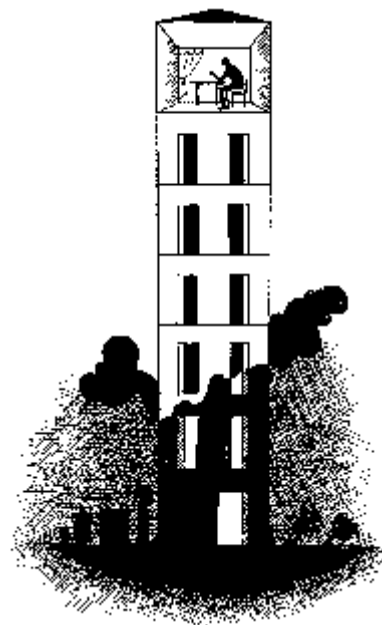
«домашнего беса», который неразлучен с нами. Он точно просыпается и выползает из темных подземелий души. Через прикосновение передается некая энергия блуда, чем-то напоминающая энергию электричества, когда один провод соединен с другим. Некоторые скажут: «Я не ощущал никакой духовной борьбы, не замечал в себе похотливых мыслей, и мне кажется, что здесь преувеличение. Может быть, это излишнее предостережение вызвано каким-то невротическим страхом». Но дело в том, что наша душа, ее жизнь – тайна для нас самих. Наше сознание лишь верхушка айсберга, большая часть которого скрыта под водой и недоступна для глаз. Святые отцы говорят об обителях души, расположенных, как этажи в башне, одна под другой⁸⁷. Современные психологи называют неконтролируемую область души подсознанием; там, в глубине подсознания, оживают страсти. Но человек может не заметить этого, как живущий на верхнем этаже не заметит пожара, который начался с подвала и постепенно охватывает дом.

Вначале, при самом возникновении страсти, человек может воспринять ее как чистую любовь или невинное наслаждение. Чувства обманывают его, и возможность самоконтроля оказывается практически парализованной. Обычно человек замечает опасность своего положения только тогда, когда уже становится пленником страсти. Нередко, переживая неожиданное падение, он даже не понимает, что произошло, почему он внезапно переменился, почему поддался такому искушению, которое прежде ненавидел и презирал. А случилось все лишь потому, что незаметно для себя он собрал горячее вещество, которое мгновенно вспыхнуло от искры. Мы говорим здесь о падении как о крайнем случае, но само прикосновение и телесные ласки уже омрачают ум человека и поднимают со дна его души какую-то муть, как ил со дна пруда.

Может ли человек не чувствовать действия страсти? Бесстрастие – это состояние совершенства, состояние, которого достигали немногие и из святых; бесстрастие – это чудо. Чаще всего мы не испытываем страсти, когда демон обманывает нас, когда он, по слову преподобного Иоанна Лествичника, прикидывается мертвым, как лиса, которая хочет поймать неосторожную птицу⁸⁸. Поэтому завет отцов: не верь своему телу, пока дыхание в твоих устах.

Ни один грех, кроме гордости, не умерщвляет сердце так, как блуд. Молитва – это голубь чистоты, который не может найти для себя места в оскверненном сердце. Ни один грех не ввергает подвижника в такую тоску, доходящую до отчаяния, как блуд. Падший подвижник ощущает себя наполненным скверной, собственная душа кажется ему черной, словно одетой непроницаемой тьмой. Замечено, что от блудника исходит какое-то духовное зловоние, напоминающее запах гниющего мяса. Апостол Иуда писал, что должно гнушаться даже оскверненной ризы⁸⁹.

Некоторые виды искусства представляют собой воплощение эротики и секса, выраженных в ритмах музыки и движениях, например балет (мы уже не говорим о современном авангардном искусстве, похожем на то, что в старину называли «свальным» грехом). Чтение романов (речь идет не о порнографии, а о классической литературе) заставляет человека переживать чувства и страсти персонажей этих произведений, а почти в каждом из них плотская любовь занимает главное место. Это точно стержень, вокруг которого закручена пружина сюжета. Святые отцы говорят, что замедление вниманием на

⁸⁷ См., например: *Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Слово 1, главы 11 и 12. Репр. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.– Ред.*

⁸⁸ См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 15, глава 16.– Ред.*

⁸⁹ См.: *Иуд. 1, 23.– Ред.*

греховном помысле или образе уже сочетает с ним душу и оскверняет сердце. Святые отцы называли дьявола живописцем, который рисует в уме человека обольстительные картины, а теперь эту демонскую работу над душой человека взялся исполнять телевизор, словно дьявол, утомившись за семь тысячелетий, передал машине свою «программу».

Телевизор превратил дома сначала в театры, а затем в блудилища. Нам могут возразить, что нередко по телевидению передают и новости о достижениях науки, показывают исторические памятники, знакомят с жизнью животного или растительного мира, что по телевидению могут выступать люди, призывающие общество к повышению его нравственности, то есть на экране – смесь доброго и худого, пусть каждый выбирает, что хочет. Но ведь грех живет в нашей душе, и наша развращенная воля ищет греха, как подобное ищет подобного. Рыба, заглатывая крючок, не может избавиться от него, и человек, растливший себя у телевизора, уже принадлежит ему. Единственный способ вырваться из этого плена – выкинуть телевизор из своего дома, как выбрасывают на свалку ненужную вещь. Здесь невозможны перемирия и компромиссы.

Телевизор – это враг, прокравшийся в дом, которого надо вытолкнуть ударом ноги. Квартира, где находится телевизор, в духовном отношении похожа на помещение, в котором лопнула канализационная труба и стоит невыносимое зловоние. Сколько забот и волнений доставляют родителям болезни их детей! Но то, что перед телевизором дети растлевают свою душу, мало кого беспокоит. Поэтому те, кто смотрит телепередачи, ежедневно нарушают заповедь *не прелюбодействуй*. Они настолько привыкают к этому визуальному разврату, что не представляют потом, как без него можно жить.

Древние апологеты писали, что особенно излюбленными для демонов местами являются языческие храмы, где приносятся кровавые жертвы идолам и где совершается ритуальный разврат: они, демоны, как бы питаются парами от человеческой крови и запахом блуда. Поэтому в домах, где на голубом экране телевизора совершается то, что прежде творилось втайне, поселяются темные духи, как стервятники около непогребенных трупов.

Тот, кто смотрит телевизор, а затем идет в Церковь, похож на человека, который служит двум богам. По слову пророка Илии, поклоняющиеся Иегове и Ваалу хромают на оба колена⁹⁰. А христианин, сделавший для себя телевизор «иконой», поклоняется одновременно Христу и Венере.

Гомер писал о волшебнице Цирцее, которая посредством заколдованной пищи превращала людей в свиней. Но теперь люди, добровольно пожирая отбросы, становятся хуже животных.

Хотя для христиан, постоянно оскверняющих себя «телеблудом», не закрыты двери храма (они могут молиться, им разрешают участвовать в Таинствах), но они лишены самого главного – богообщения. Только после искреннего покаяния и по прошествии продолжительного времени может постепенно очиститься их сердце.

Но есть еще более глубокая нравственная бездна, край которой там, где дно блуда: это – разврат; об этом сказала нам Библия – языком огня, испепелившего Содом и Гоморру⁹¹.

Что нужно делать, чтобы бороться с этой страстью? Прежде всего не доверять себе, избегать любых поводов и причин к искушению, хранить свое сердце от греховных впечатлений и творить Иисусову молитву. Иисусова молитва и память о смерти не только защищают душу от греховных вожелений, но и очищают память, словно от следов и пятен, от воспоминания прежних грехопадений.

В качестве дополнения

Вопрос: Почему губителен секс?

⁹⁰ См.: 3 Цар. 18, 21.– *Ред.*

⁹¹ См.: Быт. 19, 24–25.– *Ред.*

Ответ: Он лишает человека богообщения – а следовательно, и Царства Божия, которое, по слову Спасителя, *внутри нас есть*⁹². Заповеди Божии представляют собой нравственные догматы. Завет – это союз, заключенный между Богом и человеческой душой. Бог обещает человеку Свою любовь и вечную жизнь; Он обещает ту Божественную силу, которая называется благодатью; Он обещает воскресение души и духовную радость на земле, начало богообщения, посредством которого душа человека становится причастницей Божественной жизни и Божественных совершенств; Он обещает нам то, что *не видел глаз, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку*⁹³, то есть полноту радости в тех переживаниях и состояниях, которых никогда не испытывал человек. Заповеди – это условие союза. Образно говоря, на них, как на стержень, человек должен нанизать свою жизнь, свои мысли, слова и поступки.

Заповеди неразрывно связаны друг с другом, как звенья одной цепи: порвется одно звено – и распадется вся цепь. В Ветхом Завете дана заповедь не прелюбодействовать, в Новом Господь требует целомудрия не только в поступках, но и в мыслях: кто смотрит с вожделением, тот уже прелюбодействует⁹⁴. В заповедях блаженств Господь говорит: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*⁹⁵. Значит, непременное условие для богообщения – чистота сердца. Нечистые сердцем не смогут увидеть Бога, увидеть не визуально, а через особое чувство сердца, просвещенного благодатью. Видеть Бога – значит иметь в своей душе Божественный свет. Святые отцы считали борьбу с блудом одной из самых трудных и опасных для человека, они называли блуд параличом духа. У преподобного Иоанна Лествичника можно найти утверждение, что блуд – самый тяжелый грех после человекоубийства⁹⁶. Человек, поддавшийся другим страстям, согрешил, а совершивший блуд – пал, то есть он сбит с ног демоном и беспомощно лежит на земле. Нужны многие годы покаяния, чтобы блудник вполне получил не только прощение, но и потерянную через грех благодать⁹⁷.

Святые отцы учат нас контролировать зрение, слух и прочие свои чувства, чтобы через них не входила в душу никакая грязь, особенно блудная нечистота, иначе пять наших чувств становятся, как пишет преподобный Симеон Новый Богослов, пятью окнами смерти. Хотя бы блудник и посещал церковь, но прежде покаяния и исправления жизни внутренняя, таинственная жизнь Церкви остается для него закрытой – так слепой, стоя на солнце, не может видеть света. Только с покаяния начинается возвращение блудника к жизни, но требуется, как уже было сказано выше, продолжительное время, чтобы очистить сердце от гноя и грязи этого гнусного греха.

В Апокалипсисе святой апостол и евангелист

⁹² Ср.: Лк. 17, 21.– *Ред.*

⁹³ Ср.: 1 Кор. 2, 9.– *Ред.*

⁹⁴ См.: Мф. 5, 28.– *Ред.*

⁹⁵ Мф. 5, 8.– *Ред.*

⁹⁶ См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 15, глава 47.– *Ред.*

⁹⁷ В истории Церкви, в житиях святых можно видеть и такие примеры, когда павшие в грех блуда, обратившись к покаянию, вскоре сподоблялись милости Божией, видимого прощения своих прегрешений и даже благодатных даров. Однако их покаянный труд, их подвиг никогда не был легок, они оплакивали свои падения и терпели жестокую брань от бесов, искушения от людей, различные напасти и телесные недуги, как праведные воздаяния Божии за свою прежнюю греховную жизнь. См., например, житие преподобной Марии Египетской (память 1/14 апреля; в 5-ю Неделю Великого поста), преподобного Нифонта Кипрского (память 23 декабря/5 января), преподобной Таисии Фиваидской (память 8/21 октября), преподобной Пелагии Палестинской (память в тот же день) и др.– *Ред.*

Иоанн Богослов свидетельствует о том, что блудники и прелюбодеи, так же как убийцы и чародеи, не войдут в Небесный Иерусалим⁹⁸. И святой апостол Павел пишет: *Не обманывайтесь, блудники Царства Божия не наследуют*⁹⁹. При этом в один ряд с блудниками он ставит тех, кто занимается искусственным раздражением своего тела¹⁰⁰, тем, что в Библии названо грехом Онана¹⁰¹. По сути дела, этот грех предлагается почти во всех руководствах по употреблению противозачаточных средств и так называемому «планированию семьи».

Что касается грехов противоестественных, то апостол Павел считает, что о них мерзко даже говорить (См.: Еф. 5, 12.– *Ред.*).

Итак, мы должны сказать прямо и откровенно: секс во всех его проявлениях лишает человека вечной жизни и Бога. Нам скажут: «Теперь другой взгляд на секс». Да, в этом заключается одна из причин внутреннего отречения христиан от Христа. Поэтому христианские регионы и стали сегодня «постхристианскими». Поэтому катастрофически уменьшается внутренний двор Церкви, то есть число тех, чьи сердца действительно находятся в световом поле благодати. Секс уничтожает человеческую личность, он расслабляет волю человека, делает его рабом страстей, похожим на лодку в открытом море во время шторма, которая потеряла управление и оказалась всецело во власти волн. Секс разрушает человеческую нравственность. Для христианина нравственность – это прежде всего состояние души. А для современного человека – всего лишь определенные нормы общежития. Поэтому современный человек двойствен, для него нравственность – это казаться нравственным.

Последствие секса не деторождение, а детоубийство. Поэтому секс по природе своей неестествен и жесток. Секс уничтожает уважение людей друг к другу и к себе самим. Секс и разврат сужают жизнь человека до удовлетворения темных инстинктов, живущих где-то на дне подсознания, притом искусственно деформированных, извращенных и искаженных. Человек привыкает смотреть на себя, на других и на саму жизнь бесстыдно и цинично. Если человек только кусок животной плоти, то где место верности и правде, кому быть верным, перед кем говорить правду, да и кому она нужна? Поэтому в наше время ложь и лицемерие становятся универсальным принципом общения. Правда и честность, верность и постоянство – это слова, которыми ловко спекулируют. А если человек живет согласно нравственным принципам, то он вызывает глухое раздражение, в лучшем случае его воспринимают, как чудака, вроде Дон Кихота, а в худшем – как врага общественного спокойствия.

Секс, насадителями и защитниками которого в значительной степени являются литература и искусство последних двух веков, в действительности делает жизнь человека бессмысленной, серой и скучной. Если человек преодолет террор общественного мнения и массовый «гипноз», то положив руку на сердце он должен будет признать, что в культивируемом сексе, который прокручивается по всем каналам телевидения и вьелся, как грязь, в человеческую жизнь, нет ничего благородного и ничего радостного, но наоборот – столько унижительного и пошлого! Здесь происходит отключение сознания, как при употреблении наркотиков и алкоголя, а затем человек переживает период внутреннего опустошения и отвращения к самому себе. И здесь, как у алкоголика, появляется зависимость от яда этого греха и происходит постепенная деградация личности на духовном, душевном и даже телесном уровне.

Есть еще один, мистический, аспект секса и разврата. Первым обетованием Бога нашим праотцам были слова: «Семя жены сотрет голову змия»¹⁰². Обряд обрезания в Ветхом Завете имел символическое значение – посвящение потомства Богу. В Новом Завете супружество возведено в степень Таинства. Разврат и секс – посвящение семени

⁹⁸ См.: Откр. 21, 8.– *Ред.*

⁹⁹ Ср.: 1 Кор. 6, 9.– *Ред.*

¹⁰⁰ См.: Там же.– *Ред.*

¹⁰¹ См.: Быт. 38, 9–10.– *Ред.*

¹⁰² См.: Быт. 3, 15.– *Ред.*

дьяволу, и это не простой образ или символика. В демонических ритуалах действительно существуют обряды посвящения семени дьяволу, потенции жизни – человекоубийце. Секс и разврат являются атрибутом черной магии, свальным грехом заканчиваются празднества в сатанистских сектах. Демоны собираются на запах блуда, словно вороны, слетающиеся к трупу. Человеческое семя становится их добычей, но об этом подробно вряд ли надо писать. Поэтому секс и разврат – это сила, демонизирующая мир, это та страшная опасность, о которой забыли или на которую намеренно закрывают глаза, чтобы не видеть ее подлинного, отвратительного образа.

Первый потоп превратил землю в океан. Последний – сожжет и в то же время обновит ее в огне¹⁰³. Но пока, в наше время, идет потоп грязи, в котором тонут не тела, а души людей.

Не укради

Восьмая библейская заповедь гласит: *не укради*¹⁰⁴, то есть не присваивай себе чужого. Нравственные обязанности человека заключают в себе его отношение к Богу, к людям, к миру, к самому себе, поэтому заповедь *не укради* распространяется на то, что принадлежит Богу, миру, людям и нам самим. Богу принадлежит человеческая душа. Он создал ее для Себя; человеческая душа – это объект Божественной любви, единственная драгоценность в сотворенном мире, которую Господь хочет иметь Своей¹⁰⁵; только человеческая душа способна вместить любовь Божию, способна войти в таинственное единение с Богом, стать отражением и как бы отблеском Божественных совершенств.

Священное Писание называется Заветом. Завет – это те условия, приняв которые, душа оказывается в поле Божественного света, поскольку человеческая воля согласуется с волей Божией: ведь для того, чтобы вместить любовь Божию, человек должен сам научиться любить Бога, дать благодати Божией место в своем сердце. Первое воровство, которое человек совершил и совершает постоянно, – это кража самого себя у Бога и предание себя этому временному, жестокому и чуждому ему по природе своей миру. Душа – искра Божественного света, она не может найти себя в материальном мире, и человек, украв себя у Бога, украл себя у себя самого.

Человек состоит из души и тела, которые имеют свои нужды и потребности. Но бессмертная душа драгоценнее тела настолько, насколько небо выше земли и вечность больше земной жизни. Несколько десятков лет уделено нам для пребывания в этом мире. Однако большую часть этого времени мы тратим на свои телесные нужды и потому постоянно воруют то, что принадлежит душе. Мы созданы для вечной жизни, но, погружаясь в мирские заботы, в их мертвящую пустоту, мы похищаем вечность у своей собственной души.

Христианин обязан воскресные дни и дни церковных праздников посвящать Богу, начинать и оканчивать день молитвой. Это время Господь определил для Себя, а мы употребляем его на земные дела и потому снова крадем принадлежащее Богу. Забывая о молитве или молясь небрежно, мы воруют свое сердце у Бога, Который сказал: *Сын Мой, дай Мне сердце твое*¹⁰⁶. Вообще каждый грех – воровство самого себя у Бога, Которому мы должны принадлежать и рабами Которого лицемерно себя называем. Единственный, у кого мы не воруют, а кому, напротив, охотно отдаем, – дьявол. Он чужой для нас дух. У него нет в нас **своего**. Однако мы проявляем к нему необыкновенную милость, делимся с ним всем, что имеем, вплоть до собственной души.

¹⁰³ См.: 2 Пет. 3, 10–13.–*Ред.*

¹⁰⁴ Исх. 20, 15.–*Ред.*

¹⁰⁵ «Создал для Себя», «хочет иметь Своей» – эти и другие подобные выражения ни в коем случае нельзя понимать так, что Бог «нуждается» в человеке. Нет, Бог всемогущ и самодостаточен, Он ни в чем и ни в ком не может испытывать недостатка или нужды. Здесь речь идет о любви Божией к человеку, о высшем предназначении человека как существа, сотворенного по образу и подобию Божию.–*Ред.*

¹⁰⁶ Ср.: Притч. 23, 26.–*Ред.*

Духовные блага неделимы. Бог принадлежит одинаково всем, насколько каждый человек внутренне способен вместить в себя любовь Божию, а преходящие блага этого мира скудны и ограничены, поэтому человек, погрузившись в мирскую жизнь, борется с другими за эти блага, хочет отнять их и присвоить себе. То, что мы называем «собственностью», – низший закон справедливости, который противостоит худшему – произволу. Это справедливость нашей падшей природы, это справедливость общества, живущего духом страстей и эгоизма. Сама собственность – это как бы неизбежное и меньшее зло, но она свидетельство того, как мало любви в нашем сердце и в этом мире: мы боремся с теми, кто имеет, как и мы, бессмертную душу и создан по образу и подобию Божию, за бездушные предметы, которые обречены на тление.

В притче о неправедном управителе¹⁰⁷ повествуется о том, как человек злоупотреблял доверием своего господина и разворовывал его имение. Это имение – время жизни, силы и способности человека, которые он должен употребить на дела добра и милосердия. Но человек чаще всего употребляет их на удовлетворение своих похотей и страстей. Господь вызвал нас из небытия, и мы ничего не принесли с собой в этот мир. Все, что мы считаем своим, – «неправедное приобретение»; то, что мы имеем сверх необходимого, – знак оскудения нашей любви к людям. Поэтому Господь сказал: *горе богатым*¹⁰⁸. Когда мы приобретаем больше, чем нам необходимо, то обездоливаем других. Но само приобретение и вещелюбие несут в себе возмездие человеку, налагая на него тяжесть забот, привязывая его к земле, отнимая у него время и силы, необходимые для главного.

Возрастающие накопления, как сгущающиеся тучи, закрывают от нас небо и отнимают у души Бога. Преподобный Симеон Новый Богослов говорил, что потерял любовь тот, кто первый сказал «это мое», а не «это твое»; а первым здесь был Каин, который построил для своего семейства город, обнес его оградой и сказал: «Это мое»¹⁰⁹. Слово «мое» – это воровство у любви.

Бог есть любовь. Если мы имеем больше, чем нам необходимо, это грех против любви к людям, нашим братьям в Адаме и части нас в мистическом теле Христа – Церкви. Это грех против надежды. Мы забываем, что Бог не только Творец, но и Промыслитель, не только Промыслитель, но и Отец, Который не может оставить Своих детей, тем более когда они творят Его волю. Это грех против веры в то, что мы получим воздаяние за все свои дела в вечности, что милость более всех прочих добродетелей способствует вечному спасению.

Впрочем, мы редко удерживаемся на грани и этой, как было сказано выше, мирской справедливости, то есть обладания лишь своей собственностью. Мы постоянно пренебрегаем ею, и наша внешняя «порядочность» часто оказывается просто маской вора. Многие не согласятся с этим, но пусть они посмотрят, насколько ложь вьелась в нашу жизнь. А кто лжет, тот хочет скрыть; значит, нам все время приходится что-то скрывать. Как часто мы пользуемся доверчивостью людей и платим им неблагодарностью! Как часто мы выказываем ложное расположение к человеку, чтобы воспользоваться его услугами и помощью; как артисты, играем в «любовь» и вовсе не считаем за грех это лицемерие и продажное кокетство. А когда получим, что хотели, и человек станет уже не нужен нам, то смотрим на него как на незнакомого. Более того, зная, что мы должны быть благодарны этому человеку, мы раздражаемся на него, хотим от него отделаться. И здесь происходит парадоксальное, но обычное явление: человек платит злом за добро, и это тоже вид душевного воровства.

Человек – образ и подобие Божие, и как бы низко он ни пал, образ Божий полностью не изглаживается в нем: если золото запачкано грязью, то мы все равно отнесем к нему как к драгоценности, а не как к грязи. Но как часто мы оскорбляем человека, забывая, что

¹⁰⁷ См.: Лк. 16, 1–8. – *Ред.*

¹⁰⁸ Ср.: Лк. 6, 24. – *Ред.*

¹⁰⁹ См.: Быт. 4, 17. – *Ред.*

он образ Божий, хотя образ потемневший, запыленный, трудноразличимый! И этим мы воруют у человека его вечное достоинство.

Ангелы-хранители посылаются Богом на помощь людям, но и они служат человеку с любовью и охотой, как образу Божию, сострадая ему и не отвергая его, а мы из-за пустяков готовы образ Божий – человека – очернить самыми грязными словами и сравнить его с демоном. Это все равно что взять потемневшую от копоти икону, плюнуть на нее и растоптать. Господь говорит: *Кто скажет человеку: «безумный», подлежит геенне огненной*¹¹⁰ – именно потому, что таковой отнял у человека славу образа Божия. Значит, оскорбляя человека, мы воруют у него то небесное достоинство, о котором писал псалмопевец Давид: *Не много Ты (Господь) умалил его (человека) пред Ангелами*¹¹¹. Значит, в обращении с людьми мы постоянно оказываемся ворами.

Как часто мы незаконно хотим подчинить себе другого человека, поработить его, превратить в какую-то вещь, принадлежащую нам! Даже Господь уважает личность человека. Он дал ему внутреннюю свободу, а мы привыкли смотреть на ближнего как на инструмент для исполнения своих желаний, планов, то есть как на фигуру на шахматной доске, – и это воровство у человека его свободы. Здесь надо сделать некоторое пояснение. Учитель отвечает за своего ученика, родители – за детей; свобода – это не произвол. Старший в какой-то мере отвечает за младшего, но здесь мы говорим о другом: не об обучении, послушании, а о подавлении человеческой личности, о злоупотреблении своим положением, о бессмысленной придирчивости, о непрерывной духовной агрессии. Когда учителя или родители превращаются в каких-то рабовладельцев, то их дети и ученики становятся или безвольными существами, или мелкими бесенятами. Общество построено по иерархическому принципу на взаимном соподчинении, но злоупотребление этим принципом является воровством и грабительством. Власть старшего не должна игнорировать личность младшего, но должна иметь в виду его пользу, иначе она превращается в некий пресс.

Но еще большую несправедливость человек совершает по отношению к самому себе. Он не может обобрать другого так полно, как самого себя, отнять у другого то самое драгоценное, что отнимает у себя. Мы говорим, что человек состоит из души и тела, но точнее будет сказать: из тела, души и духа, и именно духом он отличается от всех прочих населяющих землю существ. Дух – это обращенность к вечности, благодаря духу человек существует на грани между временным и вечным, между материальным и духовным. Дух человека общается с Богом. А у нас дух обворован, ограблен да еще избит.

Душа, обратившаяся к земле, захватила в свою власть мысли, желания и стремления человека. Она похожа на узурпатора, который свергнул царя с престола и заставил его служить рабу, в данном случае – нашему телу¹¹².

¹¹⁰ Мф. 5, 22.– *Ред.*

¹¹¹ Пс. 8, 6.– *Ред.*

¹¹² Это «противопоставление» души и духа у отца Рафаила, как можно видеть, проходит неоднократно. Но у него же говорится и о том, что «человек состоит из души и тела, которые имеют свои нужды и потребности», причем «бессмертная душа драгоценнее тела настолько, насколько небо выше земли и вечность больше земной жизни» (см. выше, с. 189). Поэтому естественно, что у человека, не знающего различия между тем, что есть дух и что душа, может возникнуть определенное недоумение. Тем более что у разных авторов эти понятия (дух и душа) иногда дифференцируются, иногда же сливаются, выступают в качестве синонимов.

Прежде всего необходимо сказать, что, как пишет митрополит Макарий (Булгаков), «по учению Православной Церкви, человек “состоит из невещественной и разумной души и вещественного тела” (Прав. испов. ч. 1, отв. на вопр. 18), след. состоит из двух частей. И это учение есть учение как Ветхого, так и Нового Завета» (*Митрополит Макарий (Булгаков)*. Православно-догматическое богословие: В 2 Т. Репр. М., 1999. С 444). Вместе с тем, однако, в Писании иногда можно видеть упоминание как о те-ле и душе, так о теле и духе. И более того: у апостола Павла встречаются два изречения, в которых душа ясно различается от духа и говорится особо о духе, душе и теле (см.: Евр. 4, 12 и 1 Сол. 5, 23). Митрополит Макарий комментирует это так: «Если слово Божие само себе противоречить не может, если оно так многократно и так ясно говорит только о двух частях в человеке; ес-ли сам ап. Павел с такой раздельностью изображает человека состоящим только из двух частей (1 Кор. 5, 3–5; 6, 20; 7, 34), то быть не может, чтобы в двух

Главная цель человеческой жизни – богообщение. *Царствие Божие внутри вас есть*¹¹³, – сказал Господь. Это Царствие – удел Ангелов – мы сами воруют у себя. Наша жизнь – постоянное воровство времени, которым можно было бы приобрести вечность, воровство времени у собственного духа для удовлетворения своих страстей, для пустых дел и еще более пустых разговоров. Если мы окинем свою жизнь внимательным взглядом, попытаемся понять, сколько времени отдали мы своему духу, а сколько – душе, то увидим, что духу мы оставили лишь какие-то малые крохи. Даже некоторые из святых, умирая, просили у Господа отсрочки для покаяния, а мы сами украли у себя время, которое невозможно вернуть, и нагими стоим перед готовой открыться вечностью.

Не клеветцы

К этому призывает нас девятая заповедь¹¹⁴. На славянском языке она звучит намного глубже и точнее: *Не послушествуй на друга своего свидетельства ложна*.

Здесь две мысли, или два принципа: другой человек – это друг, и всякое ложное слово о нем – клевета.

Прямое значение заповеди: «Не произноси сознательно ложь с целью опорочить человека, не лги на суде, не распространяй тайно ложных слухов, не превращай свой язык в уязвляющее людей змеиное жало». Но если змея поражает одну только свою жертву, в кровь которой выпускает яд, то клеветник отравляет многих, отравляет души тех, кто слушает его и общается с ним. Клевета похожа на заразную болезнь, которая передается от одного больного другому. Поэтому царь Давид сказал в назидание нам: *Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню*¹¹⁵. Святые отцы говорили: «Не стыдись прервать клеветника. Слушая его, ты соучаствуешь в клевете».

Люди, сами будучи поражены грехом, судят о других по себе, поэтому они охотно верят клевете. Кроме того, два порока, присущие нам, – гордость и зависть – тайно желают унижения и позора другим людям, чтобы человек мог услаждаться мыслью, будто он лучше прочих. Поэтому человек обычно ухватывается за клевету, как за лакомую пищу.

Господь заповедал: *Не судите*¹¹⁶. В каждом осуждении человека содержится клевета. Мы ставим человеку оценку, как учитель на экзамене – ученику, выносим ему приговор, как судья – преступнику, говорим о нем так, словно видим самую сокровенность его души или словно вся жизнь его раскрыта перед нами. Свои домыслы о человеке, неверные и шаткие, основанные не столько на фактах, сколько на нашем личном отношении к нему, симпатии или антипатии, мы утверждаем как действительность. В глубине души считая себя безошибочными аналитиками чужих достоинств и недостатков, мы описываем личность другого человека, как ученый – инфузорию, которую он рассматривает под микроскопом.

Осуждение – одно из проявлений гордыни, это страсть, которая дает возможность ничтожеству, очерняя других, любоваться собой. Часто люди собираются вместе именно ради осуждения. Как оживляются их лица, каким восторгом горят их глаза, когда они

означенных местах душа и дух были различаемы в человеке, как особые самостоятельные части, а не в другом смысле. И действительно, <...> они различаются только как две стороны и силы одной и той же духовной природы человека. <...> Св. Павел... обозначает в душе дух, как высшую ее способность» (там же).

Подобное сему мы находим и у отца Рафаила. В душе можно разграничить две области деятельности: познание Бога и жизненная деятельность, то есть то, что связано собственно с земной жизнью человека. И первую область следует отнести к высшей, вторую же – к низшей. Это разделение и проводит отец Рафаил, когда с определенной мерой условности говорит о **духе** и **душе**. «Дух, – согласно ему, – это око души, обращенное к вечности; душа – это внутренние глаза человека, обращенные к области земного бытия во всех его многогранных аспектах» (*Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Тайна спасения. М., 2002. С. 65). – *Ред.*

¹¹³ Лк. 17, 21. – *Ред.*

¹¹⁴ См.: *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего* (Исх. 20, 16). – *Ред.*

¹¹⁵ Пс. 100, 5. – *Ред.*

¹¹⁶ Мф. 7, 1. – *Ред.*

говорят о человеческих слабостях или пороках! С каким торжеством они приносят новости о своих соседях, точно добычу на общий стол! Почти всегда, осуждая и клеветая на других, они оправдывают себя тем, что «борются за правду». Но на самом деле здесь не осуждение порока, а патологическая внутренняя скверна самих судей-клеветников. Такие люди похожи на мух, ползающих по прилавку, на котором лежит мясо, или на червей, поедающих труп.

Наше дело – исполнять заповеди, а не судить. Мы сами осуждены (собственными грехами) и нуждаемся в помиловании. Поэтому, осуждая других, мы тем самым как бы просим у Бога наказания за свои грехи, подобные тем, о которых говорим. Премудрый пишет: *При многословии не миновать греха*¹¹⁷, потому святые отцы, словно на весах, взвешивали каждое свое слово.

Но есть еще один вид клеветы. Это клевета на усопших. Наша оценка людей, живущих рядом с нами, очень ненадежна, а суждения о них поверхностны и односторонни. Между тем мы уверенно судим и выносим приговоры даже тем, кто жил столетия тому назад, то есть мы клеветаем не только на живых, но и на почивших. В духовном плане клевета – это убийство и воровство: убийство доброго имени человека и воровство его чести. Клеветая на человека, мы превращаем его из **ближнего** в **чуждого** нам, отнимаем у себя возможность любить его, как заповедано Христом, и в мистическом смысле совершаем братоубийство.

Душа человека (как наша, так и другого) – это тайна. Разве можем мы знать сердце человека, видеть его стремления, желания, его борьбу со своими страстями, добрые дела, совершенные им, условия, в которых он находился, демоническую силу, действовавшую на него и боровшуюся с ним? Конечно, нет. Поэтому наш суд о человеке никогда не будет свободен от клеветы, почему святые отцы и учили: «Внимай самому себе, суди самого себя, обличай самого себя». Твоя собственная душа – поле, заросшее сорняками и колючками, над которым нужно трудиться всю жизнь. Святые отцы говорили: «Если бы человек понял, что значит: *от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься*¹¹⁸, то предпочел бы молчание». А ведь надо помнить и о том, что человек – образ и подобие Божие; следовательно, унижение образа относится и к Первообразу, становится как бы унижением Творца.

Как же бороться с клеветой и осуждением – этим обычаем низких душ, этим желанием самоутвердиться в своих собственных глазах за счет унижения и очернения других? Прежде всего клевета и осуждение – это дефицит любви – основы Евангелия. Поэтому если человек действительно хочет бороться со страстью осуждения, он должен тайно делать ближним добро и молиться за тех, кого в душе желал бы осудить. Затем деланием своим ему постоянно нужно иметь Иисусову молитву, в свете которой сердце познает всю низость и мерзость нашей обиденной клеветы. Осуждение – это тайное желание уничтожить другого, а молитва рождает чувство живого, непосредственного сострадания каждому человеку, когда ближний становится как бы нашим «двойником».

Клеветник приносит вред, по крайней мере, трем людям. В первую очередь, самому себе, ибо грязь клеветы, прежде чем воплотится в слове, проходит через его собственное сердце. Затем тому, на кого он клеветает, потому что мало есть людей, которые могли бы переносить клевету спокойно и великодушно: большинство впадает в уныние и гнев, а нередко и отвечает своим обидчикам тем же самым. И, наконец, тому, кто слушает клевету: он мысленно сам начинает осуждать, как бы засасываемый топким болотом. Наслушавшись клеветника, он теряет любовь к человеку и превращается в участника заведомо несправедного суда над своим братом. Безоговорочно верящий каждому слову клеветника – чаще всего даже не соучастник, а своеобразный «медиум» клеветы, как бы зомбированный клеветой. Поэтому святые отцы любили повторять псаломский стих: *да не возглаголют уста моя дел человеческих*¹¹⁹.

¹¹⁷ Притч. 10, 19.– *Ред.*

¹¹⁸ Мф. 12, 37.– *Ред.*

¹¹⁹ Пс. 16, 4.– *Ред.*

Единственная совершенная истина, исходящая из уст человека, – это слова молитвы.

В качестве дополнения

Вопрос: Какие вообще грехи совершает человек языком?

Ответ: Язык подобен пламени, которое кажется малым, но при неосторожном обращении с ним может обратить в пепелище целый город. Язык подобен малому рулю корабля: он невидим в воде, но неправильный поворот его дает кораблю ложное направление, и чем дальше плывет корабль, тем больше удаляется от цели¹²⁰. Человек назван словесным существом; через слово он обращает в молитве душу к Богу, через слово общается с людьми, через слово приобретает знания, и в то же время неосторожное обращение со словом, распущенность языка ввергает душу человека во множество грехов. Едва ли не половина всех грехов, которые совершает человек, происходит из-за злоупотребления великим даром Божиим – словом. Можно сказать, что во власти языка жизнь и смерть нашей души.

Самый страшный грех словом – клятвопреступление. Когда человек клянется ложно, особенно именем Божиим, и призывает Бога в свидетели своих слов, он как бы отдает в заклад свою собственную душу. Он подвергает себя суду Божию как в вечности, так и здесь, на земле. Поэтому грех клятвопреступления называется вопиющим грехом: как пролитая человеческая кровь, так и он вопиет к небесам об отмщении. Клятвопреступник продает свою душу демону, печать Иуды невидимо лежит на его устах. Тот, кто отрекается от Бога, – клятвопреступник: он отрекся от обетов крещения, отрекся от благодати Божией, которую получил в Таинствах Церкви. Он потерял имя христианина.

Есть и другой вид отречения от Бога – отречение от монашеских обетов. Монах, живущий в блуде, – постоянный клятвопреступник; по церковным правилам, если такой человек умрет без покаяния и возвращения к монашеской жизни, то его нельзя даже хоронить по-христиански¹²¹. Особенно страшно, когда такой человек является священнослужителем и совершает литургию: в каждом молитвенном возгласе он как бы произносит самому себе анафему. По откровению, которое было преподобному Макарию Египетскому, души таких людей идут в самую глубину ада См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. (М., 1999. С. 298.– *Ред.*)

Второй грех – это проклятие, которое человек произносит в состоянии гнева или обиды, иногда даже по отношению к близким ему людям. Проклинать человека значит желать ему наказания на земле и гибели в вечности. Особенно страшно проклятие священнослужителей, а затем – родителей по отношению к детям. Незаслуженное проклятие обращается против того, кто его произносит, а заслуженное омрачает и без того тяжелую жизнь навлекшего его на себя человека, оно как бы въедается в его кости, и он повсюду носит его с собой. Проклятие – это грех против евангельской заповеди: *любите врагов ваших*¹²², против слов апостола: *благословляйте, а не проклинаяте*¹²³. Часто сам проклявший другого человека горько раскаивается в том, что он сделал, но слово уже произнесено, адское пламя вырвалось из его уст.

Третий грех словом – это клевета, умышленная ложь, посредством которой мы хотим опорочить другого человека, сети, которые мы расставляем ему. В Священном Писании падший ангел именуется диаволом, то есть клеветником. Кто клеветает, кто плетет интриги, кто старается очернить другого человека, тот становится одного духа с диаволом. Клевета – вид человекоубийства через слово.

¹²⁰ См.: Иак. 3, 6, 4–5.– *Ред.*

¹²¹ См. правило седьмое IV Вселенского собора: «Вчиненным единожды в клир и монахам определили мы не вступать ни в воинскую службу, ни в мирской чин; иначе дерзнувших на сие и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавать анафеме» (Каноны, или Книга правил святых апостолов, святых соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов на русском языке. СПб., 2000. С. 48–49).– *Ред.*

¹²² Мф. 5, 44.– *Ред.*

¹²³ Рим. 12, 14.– *Ред.*

Четвертый грех – осуждение. Господь сказал: *У Меня отмщение и воздаяние*¹²⁴, а человек берется судить других вместо Бога. Каждое осуждение содержит в себе ложь, хотя бы оно и казалось внешне правдоподобным. Ведь Господь будет судить человека не только по его делам, но и по состоянию его сердца, а глубина чужого сердца закрыта для нас, поэтому осуждающий своего брата – слепой судья. Господь сказал: *каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить*¹²⁵. Значит, человек, осуждающий других, на самом деле осуждает себя. Он как бы требует у Бога наказания за свои грехи; осудить – значит не простить, а не простить – самому остаться непрощенным. Надо сказать, что четкой грани между клеветой и осуждением не существует и злоязычный человек почти всегда оказывается клеветником.

Пятый вид греха – это ложь и притворство. В молитве Господней диавол назван лукавым, второе имя диавола – лжец. Господь сказал о Себе, что Его имя – Истина и тот, кто от истины, услышит Его голос¹²⁶. Здесь мы находимся как бы между двух полюсов: истина ведет ко Христу, ложь – к сатане. Современный человек научился быть самим собой. Он постоянно надевает на себя маски, постоянно играет и лжет. В наше время ложь стала каким-то всеобъемлющим, универсальным грехом. Человек перестал верить другому человеку, в этом заключается одна из причин, почему так тяжело живется в современном мире; ложью человек умертвил свое сердце и угасил любовь. Ложь делает молитву немощной: на небе слышен только голос сердца, а сердце – закрылось для молитвенных слов. Тот, кто сознательно лжет человеку, будет невольно лгать Богу. Ложь наполняет голову целой тучей помыслов. Человек скрывает ложь другой ложью. Один из видов лжи перед Богом – это самооправдание. Святые отцы сказали: «Если к грехам прибавится еще лицемерие, то душа остается неисцеленной».

Шестой вид греха словом – это пошлые шутки и скверная брань. В этом случае человек своими словами распространяет вокруг себя духовный смрад; он похож на заряженную грязью бомбу, которая взрывается при малейшем прикосновении к ней и через слух сквернит души других людей; особенно же гнусна брань с упоминанием святых или кощунственные шутки. Этот грех чаще всего бывает наказан здесь, на земле. Мы говорили о кощунственных шутках, но всякая шутка и насмешка также сродни кощунству. Шутник – младший брат сквернослова: человек – образ Божий, а в шутках этот образ является искривленным и обезображенным. Шутка – проявление души неблагоговейной и похотливой.

Следующий вид греха словом – пустословие, навык говорить о ненужном и пустом, наполнять свою и чужую память случайным хламом. Пустословие – это желание говорить, переходящее в привычку. Если пустослов не выговорится, то чувствует себя больным и разбитым, точно алкоголик без вина. Пустословие удаляет благодать Божию. Пустослов становится бременем для окружающих, поэтому нам надо учиться великой науке – молчанию. Пустослов – враг своей души и вор чужого времени. К пустословию примыкает и многословие, но все-таки некоторым образом отличается от него.

Многословный человек может говорить о нужном и полезном, но при этом он употребляет такое обилие слов, в котором вовсе нет необходимости. Многословный не может отделить главного от второстепенного; кажется, что он сидит на арбе¹²⁷, которая идет настолько медленно, что не знаешь, когда же она доедет, куда ей следует. Беседа с таким человеком оставляет чувство разбитости и утомления, внимание притупляется, и постепенно перестаешь даже понимать, о чем он тебе говорит. Многословие – это одновременно гордость, любящая самовыражаться, и отсутствие культуры мышления. К этому прибавляется также отсутствие уважения к собеседнику, у которого не спрашивают, хочет ли он слушать или же не знает, как выбраться на берег из этого потока слов.

¹²⁴ Втор. 32, 35.– *Ред.*

¹²⁵ Мф. 7, 2.– *Ред.*

¹²⁶ См.: Ин. 18, 37.– *Ред.*

¹²⁷ Арба – повозка.– *Ред.*

С кем особенно необходимо стараться не быть многословным? Во-первых, с человеком старше тебя по возрасту; во-вторых, с тем, кто лучше тебя знает дело, о котором ты говоришь, и понимает с полуслова; в-третьих, с монахом, который по чину своему должен заниматься внутренней молитвой, причем каждое лишнее слово мешает его внутреннему деланию; в-четвертых, с врагом, который хочет поймать тебя на слове, чтобы опорочить; в-пятых, с больным, которого ты пришел проведать; в-шестых, с человеком, у которого мало времени и расписана каждая минута; в-седьмых, с тем, кто беспрерывно перебивает тебя, смотрит во время разговора по сторонам и чаще всего на часы, кто отвечает невпопад (верный признак, что ты наскучил и человек не слушает тебя), кто в твоём присутствии сердится на жену и детей или грубо прогоняет кошку, которая, ласкаясь, трется о его ноги, кто, слушая тебя, закрывает глаза (это значит, что его от твоих слов уже клонит в дремоту. Ведь при интересном разговоре у собеседника глаза раскрыты широко и устремлены в твою сторону). И даже если всего вышеназванного нет, все равно – лучше не многословить.

Не следует говорить о том, чего ты не знаешь, в чем ты не уверен, что связано с духовным вредом для слушающих тебя. Нужно говорить о том, в чем ты сведущ, что полезно для других, и при этом говорить кратко. Лучше, если у людей появится желание, чтобы ты говорил еще, чем желание, чтобы ты скорее замолчал. Даже в добром следует соблюдать меру. По слову Премудрого, *нашел ты мед, – ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изbleвать его*¹²⁸.

Вопрос: Когда дискуссия может принести пользу?

Ответ: Когда обе стороны хотят поделиться друг с другом информацией и желают выяснить истину и когда человек должен публично защищать свои убеждения.

Вопрос: Могут ли споры и дискуссии привести человека к вере?

Ответ: Есть два вида неверия: от незнания и от развращенности воли (причем худшее здесь – духовная гордость). Но если в первом случае можно побудить человека более серьезно отнестись к вопросам мировоззрения, то во втором в человеке начинает говорить уязвленное самолюбие, делающее его глухим (но не немым).

Вопрос: Кому нельзя верить?

Ответ: Человеку, который:

- много обещает;
- постоянно говорит о своей чести и о своих достоинствах;
- хвалит людей в лицо и порицает за глаза;
- при всяком случае клянется в любви и преданности;
- употребляет в своей речи слишком много шуток и пословиц.

Вопрос: Когда следует прекращать дискуссию?

Ответ: Когда человек стремится не понять того, с кем говорит, а утвердить свое собственное мнение. Когда предмет беседы незнаком и неинтересен для собеседника. Когда один перебивает другого. Когда человек повторяет одно и то же. Когда он не говорит, а декламирует, как артист на сцене (это значит, что доказательств у него нет и вместо рассудка в нем действуют эмоции). Когда человек игнорирует факты и вместо ответа на вопрос перескакивает с одной темы на другую. Когда считает себя во всем правым и не признает, что допускает ошибки. Когда человек выступает в роли всезнайки. Когда говорит не о принципах, а о личностях. Когда вместо доказательств выступают язвительные насмешки. Когда человек отвечает не по теме. Когда человек говорит слишком много, не давая собеседнику даже вставить слово (это признак самовлюбленного глупца, который не обладает четкостью мышления, а с наслаждением слушает свой голос, как меломан арию Карузо; в этом случае, если беседа продолжится, то будет уже не диалогом, а двумя изолированными друг от друга монологами). Если человек допускает некорректность в обращении, оскорбительные тон и выражения (юродство без святости теряет свое обаяние и превращается в обыденное свинство). Вообще нужно помнить, что в

¹²⁸ Притч. 25, 16. – *Ред.*

сердце суммируется жизнь человека и в разговоре, прежде всего, звучат содержание сердца и страсть души. Люди, находящиеся на разных духовных волнах, перестают понимать друг друга: от такой беседы происходит не сближение, а еще большее расхождение.

Во всех случаях следует помнить признание преподобного Арсения Великого: «После бесед я часто раскаивался, а после молчания – никогда»¹²⁹.

Не пожелай...

Десятая заповедь Ветхого Завета гласит: *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего*¹³⁰. Она похожа на мост, перекинутый между Пятикнижием Моисея и Евангелием. Если первые девять заповедей десятисловия имели в виду главным образом общественную этику и были даны в форме запрещений, похожих на сеть, набрасываемую охотником на дикого зверя – на человеческие страсти (по сути, их цель и заключалась в ограничении и обуздании греха), то десятая заповедь относит понятие нравственности к внутренней, невидимой глазами жизни человека, к области его духа, к источнику его желаний и помыслов, к самому центру человеческого бытия, к его уму и сердцу.

Десятая заповедь учит бороться с грехом в самом начале, в самом его зародыше, когда греховный помысл, выплывая из глубины сердца, как спрут из глубин моря, принимает форму образа или еще не высказанного слова. В ней выражено главное аскетическое правило: стоять умом и вниманием у своего сердца и уничтожать греховные помыслы, как садовник вырывает в своем саду первые побеги сорняка, пока они еще не пустили глубоких корней. Святые отцы говорили: Новый Завет в Ветхом скрывается, а Ветхий в Новом открывается. В десятой заповеди сокрыта мораль и нравственность Нового Завета, где главное – состояние человеческого сердца, а дела, поступки лишь проявление и отражение внутренней, сокровенной жизни человека. Святой Иоанн Кронштадтский говорил, что сердце – это в действительности сам человек.

Основа всей аскетики – очищение сердца для того, чтобы в нем воцарился Господь. Десятая заповедь говорит о том, что человек не должен желать чужого, не принадлежащего ему, но в высшем, сакральном значении она запрещает желать всего, что чуждо человеческому духу, – страстно желать вещественного, преходящего, обреченного на тление и смерть. С этой заповедью смыкаются слова апостола Иоанна Богослова: *Не любите мира, ни того, что в мире*¹³¹. Страсти – это болезненные наросты души, это извращенные и деформированные чувства, это как бы ткань души, наполнившаяся гноем. Не желать чужого – значит не отдавать свое сердце страстям, так как страсти всегда желают чужого. Помыслы и страсти вращают наш ум, как ветер или поток воды – мельничные жернова. Страсти подобны пологу, скрывающему от нашей души свет Божества. Страсти и грех – враги Бога, препятствующие Ему войти в человеческое сердце, как в Свою обитель. Христос, словно нищий странник, стоит за дверями нашего сердца, которые закрыты нами для Него¹³².

Но как не желать, если сердце желает, как бороться с помыслами, когда они подобны рою пчел, которые с жужжанием кружатся и ползают в нашей голове, словно в своем домике? Куда бежать от страстей, если они охватили нас, как пламя – дом? Прежде всего – исповедать пред Господом свою немощь и бессилие и внутренне звать: «Спаси, помоги и помилуй, я не могу победить грех, но Ты – Победитель сатаны и ада – можешь

¹²⁹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. С. 53.– *Ред.*

¹³⁰ Исх. 20, 17.– *Ред.*

¹³¹ 1 Ин. 2, 15.– *Ред.*

¹³² См.: Откр. 3, 20. Господь «стоит за дверями нашего сердца» не потому, что не может войти, ибо «воспрепятствовать» Богу не в силах ничто. Господь не желает входить в наше сердце, совершая при этом насилие над ним: так ценит Он свободу, которой нас наделил.– *Ред.*

поразить и победить грех в моем сердце». Святые отцы говорят о внутренней борьбе, как о битве Моисея с амаликитянами: когда Моисей крестообразно воздевал руки к небу, побеждали его воины, когда он опускал руки, побеждали амаликитяне¹³³. Когда душа взывает к Богу, то не она, а благодать побеждает грех; когда она забывает о Боге, как бы опускает глаза вниз, то побеждают страсти; поэтому святые отцы советуют во время искушения молиться краткими молитвами, подобно тому как короткими и отрывистыми словами зовем мы на помощь во время смертельной опасности¹³⁴.

Но святые отцы открыли нам и другой способ духовной борьбы и очищения сердца – стоять с именем Иисуса Христа над своим сердцем, как на утесе над берегом бездонного моря, и отсекал помыслы при самом их приращении. Первое появление помыслов святые отцы называли прилогом. Прилог похож на плод древа познания добра и зла: его можно сорвать, но можно удержать свою руку; здесь еще нет греха, а только выбор. Но если мы помедлим, то наша страстная душа начнет испытывать сочувствие к помыслу. В этом сочувствии есть два элемента: наслаждение и интерес. Это – усвоение греха.

Затем происходит сочетание с помыслом: душа как бы отдается ему, он уводит душу за собой, как обманщик уводит ребенка. Сочетание переходит в страсть, которая овладевает человеком, парализует его ум, зажигает в его сердце адский огонь. Эта стадия называется пленением. Человек становится пленником. Воля склонилась, покорилась страсти и перетягивает за собой ум: человек начинает обдумывать, как ему удовлетворить свою страсть. Затем грех воплощается в поступке: это уже падение. Благодать отступает от человека, до искреннего покаяния он пребывает под властью демона. Падение, повторяясь, переходит в привычку, а привычка въедается в самую природу человека, как ржавчина – в железо. И человек своими силами не в состоянии сопротивляться греховной привычке, он постоянно оказывается изменником самому себе. Но при помощи Церкви, ее Таинств, чистосердечной исповеди и молитв он может быть спасен, как вытянутый из водоворота реки; однако борьба эта очень трудная, здесь нужно особое послушание и смирение.

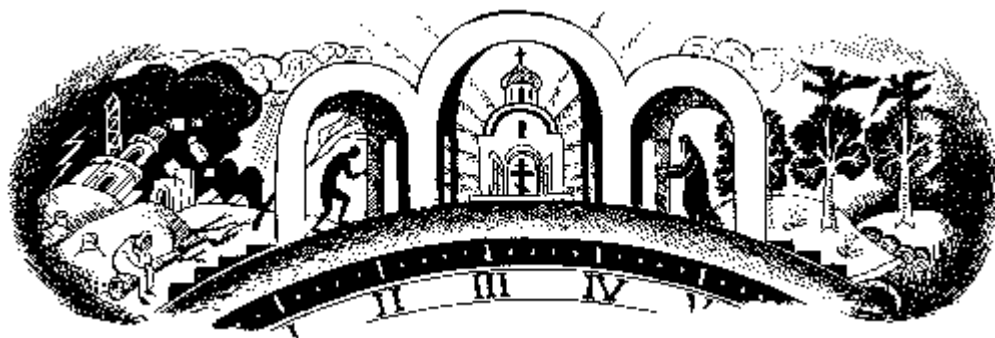
Человек вырывается из лап диавола, но раны от когтей врага остаются в его сердце, и они долго гноятся и не заживают. Однако тяжелее всего истинное покаяние для тех, кто занимался прежде магией и оккультизмом. Какие страшные и неожиданные искушения воздвигает против них сатана! Но Господь говорит нам: *мужайтесь: Я победил мир*¹³⁵. Потеря надежды – это духовная смерть. Чтобы исполнить десятую заповедь, надо стараться стяжать непрестанную Иисусову молитву: благодаря ей постепенно просветляются глубины сердца человека, хотя для этого нужно много времени и усилий. Великие дары Божии требуют великих трудов, иначе они легко теряются, поэтому те, кто хочет исполнить десятую заповедь, должны **всегда иметь Иисусову молитву в устах своих**. Постепенно имя Иисуса Христа сойдет в глубину сердца, и тогда человек испытает радость духовной чистоты – единственную истинную радость.

¹³³ См.: Исх. 17, 8–13.– *Ред.*

¹³⁴ Во время искушения, восстания страстей, человек, как правило, приходит в состояние внутреннего смятения, его ум помрачается, рассеивается, и ему трудно бывает молиться многословными, охватывающими многие предметы молитвами. Молитва же краткая имеет то преимущество, что она проста, выражает собой самую сущность прошения человека, то главное, в чем он нуждается. Она скорее воспринимается умом и сердцем, скорее возводит человека к живому памятованию о Боге, Его всеприсутствию и готовности скоро прийти на помощь к тому, кто о ней вопиет.– *Ред.*

¹³⁵ Ин. 16, 33.– *Ред.*

Некоторые мысли о пути спасения Таинство послушания¹³⁶ Часть 1

И в материальном, и в духовном мире существует некий неизменный принцип, который называется структурой. Без структуры невозможно бытие: от атомов до галактик. Разрушение структур – это взрыв, который влечет за собой уничтожение, а затем, как следствие, деградацию в последующих, возобновленных структурах. (Наглядным примером разрушения структур является атомный взрыв, который, образно говоря, выбрасывает дурную энергию, называемую радиацией.) Структура невозможна без соблюдения закона соподчиненности. Так устанавливается определенная иерархия, которая сохраняет не только бытие как организацию, но и осуществляет целевую установку бытия.

Еще более, чем в мире материальном, четок принцип структуры в бытии мира духовного. Здесь из структур, известных нам, существуют структуры ангельская и церковная, соединяющие творение с его Творцом и являющиеся проводниками благодати. Нарушением ангельской структуры, первой катастрофой, подобной взрыву, потрясшему вселенную, было восстание Люцифера против Бога. «Радиация» этой катастрофы в виде греха, тления и смерти продолжает действовать в мире, все более нарастая за счет воли людей, подчинивших себя воле сатаны.

Господь создал Церковь ветхозаветную и новозаветную, наподобие ангельской Церкви: с четкой структурой, в которой иерархия служит звеньями, соединяющими человека с Богом, своего рода «каналами», посредством которых благодать изливается на землю. Земная Церковь без иерархической структуры невозможна. Выпадение из Церкви, фактическое – как игнорирование ее или декларативное – как раскол, приводит человека к потере благодати и, следовательно, средств для спасения. Вне Церкви истинное благодатное богообщение совершенно невозможно. Вне Церкви могут быть лишь интеллектуальное и эмоциональное воодушевления, субъективные религиозные переживания, но не реальное присутствие Бога.

Еще в большей степени принцип структуры и подчинения низшего высшему необходим для монашества. Послушание становится для монаха как бы «вторым дыханием». Если оно нарушено, то наступает медленная агония. Непослушание для монаха подобно малой революции, монах-ослушник включается в метафизическую стихию революции – в ломку иерархии. Надо помнить, что зло редко проявляется в своем демоническом облики. Чаще всего сатана принимает вид светлого Ангела, и лишь впоследствии человек догадывается, что с ним беседовал тот змей, который ввел в погибель праотцев¹³⁷. Однако и такое прозрение наступает не всегда.

Начало революции и раскола – это чаще всего зависть, таящаяся под осуждением. Революционеры подвергали критике существующий строй в сравнении с неким воображаемым идеальным строем. Они указывали на ошибки, грехи, пороки, которые, по их мнению, могли быть уничтожены только с разрушением структуры. Эти обличения

¹³⁶ Комментарии от издательства, относящиеся к настоящей статье, см. в Приложение к статье «Таинство послушания» – *Ред.*

¹³⁷ См.: Быт. 3. – *Ред.*

формально могли казаться правильными, но неправда революции заключалась в том, что в новых структурах зло и грех проявлялись с гораздо большей силой и революции обычно уничтожали не худшее, а лучшее.

В среде современного монашества распространено мнение, что если нет духоносного наставника, то слушаться некого, и потому обет послушания, который произносится при монашеском постриге, многие склонны рассматривать как архаизм. Между тем держащиеся такой точки зрения не могут предложить взамен ничего, кроме чтения святоотеческих творений и, по возможности, руководства ими в своей жизни. Но книги святых отцов были написаны как раз в традиции преемственности и послушания и могут быть поняты только теми, кто и сам живет в русле той же традиции. Понять аскетические творения лишь на уровне интеллекта, «отвлеченно» невозможно. Даже если предположить, что человеку удалось бы понять мысль святых отцов (чего мы на самом деле не допускаем), то все равно без помощи благодати она не могла бы быть воплощена в жизнь: знать – одно, а иметь силы исполнить – совсем иное. Поэтому мы не видели ни одного монаха, живущего самовольно и при этом преуспевающего в духовном отношении.

Можно справедливо указывать на недостатки монастырской жизни, на слабости игумена, на ошибки наставника, но будет величайшим заблуждением, если мы сочтем, что эти недостатки помешают нашей духовной жизни или лишат спасения. Послушание несправедливому игумену подобно послушанию раба-христианина злему господину, которое одобряет апостол Павел¹³⁸, тогда как причинами непослушания монаха служат его самомнение и гордость; причем непослушание сопровождается взрывом страстей, следствие чего может проявиться хотя и не сразу, но обнаружится непременно. Святые отцы выражали дерзновенную мысль, что в лице начальствующего среди подчиненных присутствует Христос (разумеется, не в греховных делах этого начальствующего, которые могут иметь место, а в самом принципе структуры). Выходя из послушания, монах повторяет тем самым грех сатаны.

Теперь многие полагают, что жить в монастырях уже нельзя, нужно сидеть у себя в комнате и молиться Богу. Но может ли человек одной лишь своей молитвой победить страсти? Некоторые говорят, что, оставаясь в миру, можно выбрать себе наставника и слушаться его. Однако наставник не может заменить собой монастырь. Спасение и приобщение к благодати – это само бытие¹³⁹, и даже плохой монастырь в этом отношении намного лучше мира. Опять получается противоречие: не идут в монастырь или уходят из него, потому что больше нет наставников, и в то же время считают, что наставников можно найти в миру... Но необходимо прежде всего искать благодати Божией, которая одна только и может победить грех. Человеку, который предоставлен собственным силам, грех победить невозможно. Истинно духовная жизнь может быть построена лишь на основании смирения. И основание это должно все время углубляться и укрепляться: только в смиренном сердце действует Бог, только смиренному Он являет Свою силу. У отцов есть афоризм: «Бог слушает послушного»¹⁴⁰.

Критика монастырской жизни, хотя бы она и была формально правильной, основана на самомнении человека, считающего, что он понимает духовную жизнь лучше игумена, епископа и патриарха. При этом то главное, что дает человеку монастырь, как бы игнорируется и забывается. Часто монах, живущий в миру, постепенно духовно дичает, оставляет свое молитвенное правило, а затем забывает и об Иисусовой молитве. Некоторые из отцов также выражали мысль, что уже нет духоносных наставников, но никто из них не говорил, что на основании этого необходимо совершенно упразднить монастыри – из поврежденного корабля броситься в открытое море. Выше монастырской

¹³⁸ См.: Еф. 6, 5–7; Кол. 3, 22; 1 Тим. 6, 1; Тит. 2, 9.– *Ред.*

¹³⁹ То есть, очевидно, должны осуществляться через само бытие человека, через его жизнь.– *Ред.*

¹⁴⁰ «Авва Миос Киликийский говорил: послушание бывает за послушание. Если кто слушает Бога, и Бог того послушает». Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. С. 331.– *Ред.*

жизни может быть лишь жизнь отшельническая, но и для нее требуется приготовление в монастыре.

Некоторые ропщут, что игумены заставляют много работать физически и потому мало времени остается для молитвы. Однако кто хочет молиться, тот найдет способ соединять молитву с работой. По крайней мере, во время практически любой работы можно читать Иисусову молитву или произносить хотя бы два слова: «Господи, помилуй». Искреннему послушнику дается в дар сердечная молитва, а непослушный «каскет» никогда не приобретет ее. Не слушая игумена, он не слушает Христа, поэтому слова молитвы остаются без ответа.

А как часто непослушание происходит от уязвленного самолюбия! Если бы раскольник получил в Церкви высокий сан, то он посмотрел бы на нее другими глазами. Может быть, это относится не ко всем раскольникам, но к значительной их части. Мы знаем людей, которые ушли в раскол из-за того, что не получили обещанного прихода, остались в трудном материальном положении и не перенесли этого искушения; другие безуспешно домогались епископства, а затем решили «отомстить», произведя раскол. Мы видели, как некоторые оставляли обитель, чтобы поселиться поблизости от своих духовных отцов: женщины – около мужских монастырей. Но обычно ничего путного из этого не выходило. Только человек, пораженный духовной гордыней, может думать, что его присутствие и беседа заменят монашине монастырь. Такие самовольные «общины» обычно характерны своим духовным неустройством, царящей в них атмосферой нервной экзальтации и нередко – истеричности. Духовный отец становится в этом случае для членов общины в полном смысле этого слова центром их жизни, и часто само послушание подобным наставникам постепенно исчезает, сменяясь ревностью и соперничеством.

Да, действительно, во время революции и последующего атеистического диктата, когда монастыри были закрыты и разграблены, возникла необходимость иметь своего рода скрытые монастыри в миру, именно в виде общины. Но монахи в них чувствовали себя подобно уведенным в вавилонский плен: псалом *На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом...*¹⁴¹ отражал их состояние. Уход же из монастыря в наше время никак не оправдан.

Преподобный Симеон Новый Богослов пишет о благочестивом юноше, который в миру, обремененный многосложными трудами управителя имения, достиг благодатной молитвы; однако прошло время, и этот человек, удивлявший преподобного Симеона своим скрытым подвижничеством и ночными молитвами, постепенно остыл, забыл свою прежнюю любовь и был похож на обезумевшего. Преподобный Симеон объясняет это тем, что благодать звала его в монастырь, но он промедлил, не послушавшись ее. Знаменательно, что у этого человека был старец, к которому он обращался, но не помогло ему и это. Мир постепенно завоевал его душу подобно тому, как от продолжительной осады в конце концов падает окруженная со всех сторон крепость¹⁴².

Почему современные монахи говорят, что нет духоносных старцев? А разве с теперешними старцами нельзя спастись, хотя их и называют снисходительно не старцами, а «стариками»? Такие монахи считают, что духоносные старцы взяли бы их на свои руки и понесли в Небесное Царство, то есть облегчили бы им путь. Но это неверно. Преподобные старцы дали бы им такие правила, что они весьма навряд ли смогли бы их вынести; а для древних аскетов такие правила, напротив, показались бы необычайным снисхождением. Современные старцы как раз подходят под уровень современных монахов, а мечта о возвращении ушедшего в прошлое – это романтика и, как вообще всякая мечтательность, от диавола.

Господь награждает послушных монахов ради их послушания духовными дарованиями, в том числе непрестанной молитвой – этой монашеской радостью.

¹⁴¹ Пс. 136, 1.– *Ред.*

¹⁴² Существует между тем точка зрения, что настоящий юноша, о котором говорит святой, в действительности есть не кто иной, как сам преподобный Симеон. См. об этом, например: *Епископ Василий (Кривошеин)*. Преподобный Симеон Новый Богослов. Нижний Новгород, 1996. С. 17–23.– *Ред.*

Послушный среди многочисленных дел может иметь внутреннее безмолвие, а непослушный даже в одиночестве непрестанно будет колеблем бурей помыслов. Поэтому пусть помнят монахи, что послушание было и остается подражанием Христу, а непослушание есть подражание нашему древнему врагу. Преподобный Иоанн Лествичник заповедует игуменам терпеть немощи братии, кроме непослушания, которое губительно как для самого человека, так и для тех, кто рядом. Непослушного он повелевает изгнать из монастыря, как были изгнаны из рая наши праотцы, чтобы дать ему возможность через скорби осознать свой грех и покаяться¹⁴³.

Часть 2

Мне запомнилась картина: к мусорному ящику подходит старик и роется в нем палкой. Он находит куски хлеба, остатки пищи и бережно складывает их в сумку, а затем уносит с собой. Судя по чертам его лица, по грустному выражению глаз, по его движениям, по всему облику, в котором еще заметны следы прежнего благородства, он принадлежит к тем обездоленным людям, которые стали ненужными в наше жестокое и меркантильное время. Я знаю, что это вовсе не какой-то исключительно редкий случай, что многие из представителей интеллигенции, даже ученые, оказавшиеся без средств, ищут пропитания около мусорных свалок, а некоторые – умирают от голода.

...Мы переживаем время **духовного** голода; особенно остро чувствуют это монашествующие. Разрушены традиции прежнего монашества, часто монастырями управляют неопытные люди, часто «старцами» считают тех, кто сам еще не прошел вполне монашеский путь, не преодолел своей гордыни. В монастырях слышен безмолвный крик: «Мы голодаем!». Многие решают, что единственный путь – читать святоотеческие книги и по возможности руководствоваться ими. Но этот путь опасен.

Основа монашества – это смирение, то, на что призывает и к чему преклоняется Бог. Книги не дают смирения. Они обогащают разум, они могут восхищать душу, но они подобны карте для путешественников. Можно изучить эту карту, но так и не выступить в путь, не пройти и шага. Мы все глубоко падшие грешники, но гордыня и лукавство делают для нас невидимой всю бездну нашего падения. Только свет смирения озаряет ее глубины, только истинные подвижники видят, что дно их души похоже на дно адское.

Мы живем в состоянии неведения. Еще древние мудрецы сказали: «Познай самого себя», но без благодати сделать этого не смогли. Образно говоря, наша душа, единая и простая, для нашего рассудка есть что-то вроде башни, разделенной перегородками. Рассудок обычно видит только верхнюю площадку и не знает, что творится на нижних. Враги, демоны, может быть, уже давно сделали подкоп, проникли в эту башню, заняли ее внутренние помещения, а рассудок даже не подозревает об этом. Он страж, который видит лишь внешнее; он думает, что все спокойно и благополучно, до тех самых пор, пока враг не появится на верхней площадке; но тогда, как правило, бывает уже поздно, и рассудок становится беспомощным пленником восставших страстей, как внезапно схваченный и закованный мятежниками в цепи царь.

Монашество – это предание, подобное преданию литургическому, которое самому человеку на основе одних лишь книг воспринять невозможно. Рассудок не смиряется от знаний, даже духовных. Напротив, не имея основания в виде послушания, он склонен гордиться и тщеславиться этими знаниями и нередко становится похожим на змею, которая и нектар цветов превращает в яд.

Святые отцы учили: «Благодать возвращается тем путем, которым она покинула человека». Мы все пали в Адаме через его непослушание Богу, поэтому основа наших грехов – наша растленная, непослушная воля. Она может быть исцелена только послушанием: послушанием Церкви, послушанием иерархии, послушанием духовным руководителям; в их лице мы оказываем послушание Христу. Послушание рождает

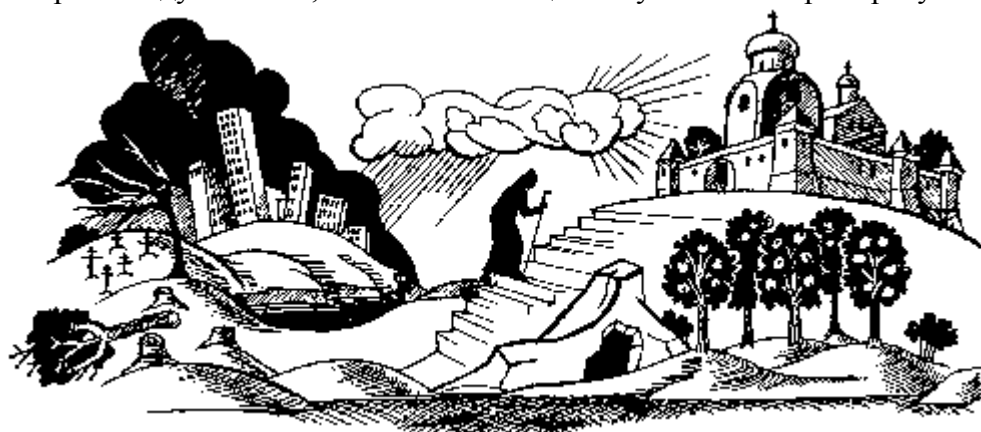
¹⁴³ См.: Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово особенное к пастырю, глава 14, 4.– Ред.

смирение. Смирение дает благодати возможность действовать в душе человека, и тогда человек видит, в какой страшной опасности он находится, какие ядовитые змеи гнездятся в его сердце, какие страсти, похожие на чудовища, таятся там: один пустынный говорил, что видит сатану, восседающего в его сердце, точно на троне. Но благодать не только показывает нам наш грех, она также связывает его. Подвижники безусловно утверждали, что победить грех своими силами человек не способен, как ребенок не способен одолеть исполина, что грех может быть побежден только благодатью Божией. *Сильного* (падшего первоангела) может победить и *связать* только Тот, Кто сильнее его¹⁴⁴. Поэтому у монахов нашего времени лишь два пути: или «умереть от голода», то есть быть побежденными своими страстями и обманутыми демоном, или же довольствоваться теми скудными «остатками» от «пира» святых отцов, которые сохранились для нас, и теми «остатками» монашеского предания, которые еще существуют.

Даже за послушание руководителям, не обладающим в полной мере необходимым опытом, Господь даст смирение – это царственное богатство монахов. Значит, человек не потеряет своей награды. Наши руководители не сошли с неба, они не пришли к нам со страниц патериков, они из этого мира, отравленного ядом, поэтому будем благодарны им за то, что они такие, какие они есть.

Мы вспоминали о тех людях, которые внезапно превратились в нищих: не сумевшие преодолеть своей гордости и стыда умерли от голода, а смилившие себя нашли пищу в мусорных ящиках и остались живы. Промысл Божий благ и справедлив. Это значит, что мы недостойны лучшего, а возможно, что мы просто не понесли бы его.

Пусть наше сравнение не покажется никому обидным. Мы говорим собственно не о людях, а о времени, об этом мире, пропитанном насквозь «радиацией» греха, о земле, которая из духовного Эдема превратилась в пустыню, опаленную огнем человеческих страстей. Те, кто в наше время идет к Богу, проходят через этот огонь, проплывают через море яда. У них, образно говоря, опалены крылья и душа в рубцах от ран. Они не сравнятся с прежними отцами, через них уже не струится, а как бы сочится каплями благодать, однако и этой благодати достаточно для спасения человека, лишь бы он тщательно собирал каждую каплю, как изнемогающий в пустыне собирает росу с камней.

В Церкви семь Таинств. Но для монахов существует восьмое Таинство – послушание. Может быть, наше время дает возможность еще более глубоко смирить себя: слушаться духоносных отцов легче, чем людей с явными немощами, но кто слушает их ради Господа, кто видит в них «звенья» Церкви Христовой, тот получит награду за то, что не возгнушался чаши жизни с напитком бессмертия, сделанной не из серебра, а из свинца. Святые отцы учили: «Послушание выше поста и молитвы». Мы дерзнем сказать, что послушание выше самой любви, ибо любовь без послушания есть лишь душевное чувство, любовь без смирения – голос скрытых страстей. Послушание рождает смирение, смирение – покаяние, а покаяние – любовь, но не ту любовь, которую можно эмоционально

¹⁴⁴ См.: Мф. 12, 29.– Ред.

пережить или представить в воображении, а прозрение духа, созерцающего красоту образа Божия в каждом человеке.

Начало послушания – неосуждение и повиновение. Середина его – неверие себе, стремление отсечь свою волю как в большом, так и в малом. А бесконечный конец – чувство радости и покоя, чувство истинной свободы и в то же время страх: как бы в чем-либо незаметно не проявилась наша падшая воля с ее скрытыми страстями. Тогда человек готов повиноваться даже малому ребенку, только бы не повиноваться себе.

Кто говорит, что ныне неопытные наставники, что игумены монастырей занимаются больше внешней, нежели внутренней жизнью, что не у кого спросить совета, те выбирают наставниками для себя самих себя, то есть свой гордый ум и разгоряченные страсти. А этими «наставниками» управляет в свою очередь невидимый «старец», имя которому диавол.

Монашеская жизнь на протяжении всей христианской истории шла волнообразно, переживая спады и подъемы. Если монах будет находиться в послушании хотя и не у весьма опытного, но православного наставника, то он может научиться (даже на его ошибках) духовному различению добра и зла и сам сделаться опытным старцем. Поэтому те, кто горюет и сетует на внутренний упадок монашества, пусть не ищут прозорливых старцев, а станут искренними послушниками, и, быть может, как раз это-то и будет началом духовного возрождения. Более того, за искреннее послушание монахов, за их безропотность, подобную жертве, Господь даст мудрость и их наставникам.

В каждом непослушании заключено повторение греха Адама, а в послушании – образ распявшегося за нас Христа.

Часть 3

Чин пострижения в монашество во многом напоминает погребение. Монах умирает для мира. Он, как бы предвосхищая Всеобщее воскресение, должен жить теперь жизнью духа, той жизнью, в которой отражается тайна будущего века. Если монах мертв для мира, он жив для Бога; если он жив для мира, то мертв для Бога. К смерти для мира есть два пути. Первый – безмолвие в пустыне, которое для нас почти невозможно. Второй – послушание, в котором умирает испорченная воля монаха, этот источник греха. Если монах не отдал себя во всецелое послушание, то, значит, он не умер для мира и есть, по сути, лишь некий «монахообразный» мирянин, по-прежнему живущий в смраде своих страстей и гордыни. Без послушания даже внешние подвиги человека обращаются в пищу тщеславия и гордыни, и он совершает их, принимая разгоряченное самомнение за ревность по Богу. Такая ревность оканчивается обычно падениями, которые ввергают гордого в уныние и отчаяние, но редко вразумляют его. Он, как мифический Сизиф^{XXXII}, поднимает камень на вершину горы, а тот срывается и катится вниз.

Другое следствие непослушания – нерадение. Человек постепенно остывает, оставляя монашеские обязанности, живет в лености и страстях, смотрит на монашество как на «профессию», которая дает ему средства для существования, и свыкается с мыслью, что в наше время жить по-другому нельзя. Монашество требует обуздания желаний души и тела, установления над ними контроля со стороны духа. Душа обладает мыслительной способностью (но – на низшем плане), возможностью рассуждения и представления (мы имеем в виду логическое рассуждение, которое вовсе не есть то же, что духовное ведение, но, напротив, часто вступает в противоречие с ним). Поэтому монах должен через послушание отвергнуть этот душевно-плотский разум. Если монах сам принимает решения вопреки советам и благословениям своего наставника, то он принадлежит миру. Надежда на свой душевный разум – уже падение. Здесь ложное знание противопоставляется вере – подвигу души. Поэтому монах должен не искать земной мудрости, а ограничить мирские знания необходимым и даже в чтении духовных книг руководствоваться благословением наставника.

Другая сторона душевно-плотского разума – это воображение. Оно особенно проявляется в искусстве. Поэтому монахом мирское искусство должно быть

категорически отвергнуто, тем более что образное мышление еще более, чем логическое, связано с нашими страстями. Монах, жадно любующийся земной красотой, не видит красоты духовной. Смотреть на красоту природы позволено только для отдыха, в виде паузы между молитвой и работой, как снисхождение к немощи человека. У святых отцов нет того восхищения красотой видимого мира, которое мы называем эстетизмом. Иногда мы можем встретить у них слова о том, что если на земле, пораженной грехом, лишь отблески истинной красоты, то как же должен быть прекрасен Создатель. Но здесь надо возводить ум от низшего к высшему. Монах, любующийся восходом и заходом солнца, цветами и прозрачными струями реки или прислушивающийся к пению птиц, которое захватывает его сердце, до забвения молитвы, потерял чувство небесной красоты, он жив для отвергнутого с клятвой в монашеском постриге мира.

Кто живет в послушании, тот лишь едва-едва соприкасается с землей, послушание, как огненная стена, стоит между этим миром и его душой. Только через послушание человек может войти в свое сердце, иначе страсти, как черный полог, сделают сердце непроницаемым для ума, а ум, обремененный тяжестью собственных помыслов и мирских знаний, в свою очередь, не сможет войти в сердце, как ожиревшая туша не сможет пройти сквозь узкую дверь. Послушание освобождает ум от земного груза, делает его острым, как нож. Послушание, как вода, тушит огонь страстей в человеческом сердце, поэтому у послушника быстро соединяются ум и сердце в Иисусовой молитве.

Имя Иисуса Христа – Любовь. Но у Него есть еще одно сокровенное имя – это Смирение¹⁴⁵. Поэтому смиренное сердце безгласно зовет к себе Христа, и Христос входит в это сердце, как в Свою обитель. Преподобный авва Исаия в назидание монахам писал: «Я подобен птичке, пойманной мальчиком и привязанной им за ноги на нить. Когда мальчик ослабит нить, птичка вспархивает, полагая, что освободилась; но мальчик натягивает нить и снова низвергает птичку на землю»¹⁴⁶. Это надо помнить всем нам, когда нам кажется, что мы «свободны от страстей». Только послушание – искреннее, постоянное и всецелое – может разорвать вервь, посредством которой держит нас, точно на привязи, демон. Святитель Иоанн Златоуст утверждает странную, казалось бы, вещь: что подающий милостыню нищим ради Христа выше оказывавших благодеяния Христу во время Его земной жизни. Слова Христа были сладостны, лик Его прекрасен, Он совершал чудеса, а здесь человек видит нищих – грязных, зловонных и безобразных, но благодетельствует им ради Христа, и его милостыню в лице этих нищих приемлет Сам Христос. Поэтому будем слушаться наших наставников – также ради Христа, – не обращая внимания на их немощи и недостатки, и, быть может, такое послушание будет иметь больше цены, чем послушание ангелоподобным старцам, имевшим дар чудотворения.

Монах, не пребывающий в послушании, – уже лжец против своих монашеских обетов. Его душа не может воскреснуть со Христом, он дышит воздухом этого мира, и потому монашеская жизнь не дает ему радости и опытного ощущения благодати. А он, не понимая этого, ругает своих наставников и скорбит, что не родился тысячу лет тому назад.

Часть 4

Преподобный Ефрем Сирийский пишет, что самое крепкое оружие в борьбе с демоном – это смирение, но оно выковывается на наковальне послушания. Часто люди, не понимающие тайну послушания, прочитав в книгах о том, как слова старцев исполнялись, как советы ученикам спасали многих от несчастий, идут к какому-нибудь известному монаху с одной целью: чтобы успешно совершились их житейские дела и предприятия. Берут благословение – как что-то вроде страховки – и спрашивают его о будущем, как гадалку или астролога. Это делается без покаяния и желания исправить свою жизнь, без

¹⁴⁵ См., например: *возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 29–30). – *Ред.*

¹⁴⁶ *Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский*. Творения. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. С. 198. – *Ред.*

решимости отсечь свою волю, которая, словно преграда, стоит между Богом и человеком, делается, по сути, лишь для того, чтобы хозяйство было крепче. Здесь не послушание, а искушение: от наставника требуют гарантий, что дело не прогорит, и буквально с каким-то насилием вырывают у него благословение.

Однако старец не прорицатель и не гадалка; тот, кто приходит к нему, получает ответ по своему собственному сердцу, и «неправильный» ответ служит для него наказанием. Первое условие для благословения в духовных и житейских делах – это доверие наставнику (прежде всего духовное доверие, которое должно проявляться во всей жизни), внутренняя связь, существующая между духовным отцом и чадом, и готовность послушаться не ради мирской выгоды, а ради Господа. Со стороны наставника же условием такой связи является чистое православие, желание спасения себе и своим чадам, личная незаинтересованность в ответе и молитвенное состояние. Пришедший к старцу вопрошает его, старец вопрошает Бога, а Бог дает ответ по сердцу духовного чада или посетителя. Если наставник слышит в своей душе этот ответ, то он говорит, что надо делать. Нередко ответ не устраивает вопрошающего, ему кажется, что наставник неправильно понял его, что он недостаточно подробно объяснил положение вещей и, вместо того чтобы принять первые слова, как сказанные ему от Господа, он начинает внутренне сопротивляться – объяснять, дополнять, пересказывать заново, как бы «подводя» старца к желаемому ответу.

Старец же, как и все люди, человек грешный¹⁴⁷, только он, образно выражаясь, больше, нежели прочие, сознает свою греховность и недостойность перед Богом. Дух говорит тихим голосом, и старец должен услышать этот шепот в своем сердце; от малейшего сопротивления голос Духа порой тотчас замолкает: старец смотрит в свое сердце, а там уже ничего нет. Это сопротивление вопрошающего уже разорвало связь между ним, старцем и Богом. Когда выпадает одно звено, то распадается вся цепь. Лучший и наиболее правильный ответ в таком случае: «Не знаю». Старец действительно уже не знает. Даже в самом начале наставнику, видящему свои собственные немощи, трудно сказать: «Через меня тебе говорит Бог», он отвечает со страхом и осторожностью, хотя и имеет в себе самом некое удостоверение. Одним из условий действия благодати является готовность со стороны вопрошающего принять все, что он услышит, а проявленное сомнение или тайное недоверие лишает наставника такой опоры.

Но часто посетитель, не понимая всего этого, продолжает задавать вопросы, и если старец решительно не откажется от продолжения подобной беседы, то сам должен перейти от благодатного просвещения к человеческим рассуждениям, от внутреннего – к внешнему, и здесь, как человек, он никоим образом не застрахован от ошибок, поскольку его знания ограничены. Но иногда даже и при действии благодати дело, которое задумал человек, не получается именно потому, что оно было для него бесполезно или преждевременно или же повлекло бы за собой духовные потери. Однако если есть послушание, то человек не бывает оставлен, только, скажем так, Господь открывает перед ним другие двери.

Теперь рассмотрим этот вопрос на более глубоком уровне. Что дает монаху монастырское послушание? Первое: отсекая свою волю перед старцем, он учится отсекал страсти и исполнять волю Божию, заключающуюся в заповедях и монашеских обетах. Второе: предоставляя старцу право принимать решения за него, монах не может гордиться успехами в своей духовной жизни, ибо приписывает их старцу; таким образом он освобождается от двух духовных воров – гордости и тщеславия. Третье: предоставляя право решения старцу, он избавляется от многих сомнений, недоумений, забот, от противоборствующих друг другу помыслов, изнуряющих ум человека и делающих

¹⁴⁷ Здесь автор имеет в виду, разумеется, не то, чтобы старец был грешником, в смысле порочным человеком. Речь идет о том, что решительно никто из людей перед Богом не чист от греха, хотя бы и казалась его жизнь чистой и непорочной окружающим. Иными словами, как говорит преподобный Исаак Сирин, «совершенство и самых совершенных подлинно несовершенно» (*Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические. С. 366*). – *Ред.*

нечистой его молитву. Четвертое: пребывая под руководством, послушник не может впасть в отчаяние или тоску, которые являются оборотной стороной гордыни, зная, что за него ходатайствует перед Богом старец. Пятое: монах испытывает радость, так как благодать хранит его сердце, а если он в чем и согрешит, то полученные раны быстро заживают. Шестое: ученик, находящийся в послушании, является преемником дарований старца. Седьмое: искреннее послушание святые отцы сравнивали с распятием. Восьмое – то, с чего мы начали: послушание приводит к смирению, а смирение является основой всех христианских добродетелей, в том числе и высшей из них – любви.

Дьявол восстает против послушания со всей своей силой и лукавством. Он показывает ученику несуществующие или существующие грехи старца, только в последнем случае – всегда в искаженном виде, как бы через увеличительное стекло. Если ученик стяжал благодать, то он скажет: «Я больше верю старцу, чем своим ушам и глазам, так как они нередко обманываются». В другом случае он должен сказать: «Мой наставник грешен, как и все люди, но *сила Божия в немощи совершается*¹⁴⁸. Грехи – его дело, он отвечает за меня, а не я за него; он послан мне для моего спасения, то есть исполняет по отношению ко мне служение Ангела-хранителя; только тот – бесплотен и безгрешен, а наставник – человек во плоти, зачатый, как и все люди, во грехах и рожденный, как и все люди, в беззаконии, под игом первородного греха».

Дьявол начинает говорить, что наставник руководит неправильно. На это надо ответить: «Я слушаю человека ради Бога». Дьявол внушает ученику: «Старец не любит тебя, он презирает тебя, он вовсе не заботится о твоей душе, он просто терпит тебя». На это надо ответить: «Истинная любовь – это не ласкательство, она сокровенна, как и все христианские добродетели. Величайшее проявление любви старца – его молитва обо мне».

Дьявол напоминает послушнику суровые слова, сказанные наставником, и внушает, что они несправедливы. На это должно сказать: «Значит, наставник, видя мою болезнь, дает мне горькие лекарства». Если даже наставник побил послушника, тот должен держать мысль, что наставник не бил его, а отгонял рукой или палкой беса.

Дьявол говорит: «Твой старец сам нерадивый и тебя не благословляет на подвиги и тем самым мешает твоему спасению. Сам не подражает святым отцам и тебе не дает». На это нужно ответить: «Высокий дом без прочного основания быстро рушится».

Дьявол говорит: «Чем слушать грешного человека, лучше читать книги». На это надо возразить: «А почему ты, дьявол, не занимаешься книгами, а бегаешь по всему свету и теперь, искушая меня, хочешь оторвать от моего наставника и сам стать моим старцем?».

Дьявол говорит: «Сколько вокруг куда более духовных и преуспевающих монахов и священников! Почему ты выбрал одного из самых негодных? Перемени его на лучшего!». Нужно не уступать: «Я переменю старца, если он изменит Православию или прикажет мне совершить блуд. Пусть другие лучше него перед Богом; я не судья, но я верю, что за послушание благодать восполнит недостающее, а ты, сатана, отойди от меня: тебя Господь назвал лжецом и человекоубийцей¹⁴⁹».

Но бывает, что дьявол и без всяких слов влагает в сердце послушника непонятную злобу и отвращение к старцу. Тогда должно исповедовать это своему наставнику, просить его молитв и знать, что это – огненное испытание, которое необходимо пережить. Надо

¹⁴⁸ Ср.: 2 Кор. 12, 9.– *Ред.*

¹⁴⁹ См.: Ин. 8, 44.– *Ред.*

сказать: «Если бы послушание не было спасительно, то ты, сатана, не прилагал бы столько усилий и трудов, чтобы оторвать меня от старца. Твои искушения лишь убедили меня, насколько тебе, моему врагу, ненавистно мое малое послушание».

Без послушания монашество невозможно, как жизнь без дыхания; послушание – это дыхание монаха. Без послушания монах мало чем отличается от мирского человека. Одного преподобного старца философы спросили: «Вы проповедуете нестяжание, и мы презираем богатство, вы учите о чистоте, и мы уклоняемся от разврата. Какая между нами разница?». Преподобный ответил: «Вы верите себе, а мы не доверяем своим помыслам, но уповаем на Бога»¹⁵⁰.

То, о чем говорит здесь преподобный, стяживается только послушанием. Поэтому монах, не отвергший своей воли, может достигнуть степени философа, но, не познав тайны и силы послушания, истинным монахом не делается никогда.

Часть 5

Как приобрести благодать? Мы будем говорить здесь не о благодати как о присутствии Божественной силы в церковных Таинствах, но о стяжании благодати человеком в его повседневной жизни. Господь вдохнул в лицо Адама дух жизни¹⁵¹, с самого момента своего сотворения Адам уже был причастником Божественной благодати – этого дыхания Божества. Благодать – это та Божественная сила, которая извечно изливается из существа Бога и делает человека причастником Божественного света и новой тварью. Как уже говорилось, благодать возвращается к человеку тем путем, каким она ушла. Другими словами, человек должен бороться с тем грехом, из-за которого он потерял благодать.

Первый грех, поразивший нашего праотца и переходящий из поколения в поколение со все более нарастающей силой, – это грех гордыни. Это та неизменно высокая оценка, которую дает себе человек, по крайней мере, в глубине своей души. Он может играть в смирение. Он может смиреннословить, но если не смирит себя действительно, в чувстве сердца, то так и останется гордецом, хотя и надевающим маску смирения.

Вторым грехом Адама было непослушание Богу, желание самому стать «как Бог»¹⁵², желание не свободы в Боге, а свободы от Бога. Поэтому, чтобы стяжать благодать, человек должен научиться послушанию. Это послушание прежде всего Церкви (а через Церковь – евангельским заповедям), а затем послушание в миру: послушание дома, на работе – словом, послушание всем. Это осознание своего места в Церкви, в обществе, в семье. Господь создал мир иерархичным, низшие в нем подчиняются высшему. Ложная свобода – это рабство сатане. Источник зла, демон, назван Евангелием лжецом и отцом лжи. Современное человечество пропитано ложью, как губка водой. Мы видим везде игру и обман, которые стали настолько привычными, что воспринимаются как естественная норма жизни. Человек за лживыми словами скрывает свои истинные мысли и вовсе не сообразует дела со сказанным, будь то дружеское обещание или клятва. Слова стали для современного человека сором, шелухой. Ложь мешает молитве. Лжец не может соединить ум с сердцем. Один из древних мыслителей сказал: «Змея, чтобы войти в свою нору, должна

И ВЫСЛАЛ ЕГО ГОСПОДЬ БОГ
ИЗ САДА ЕДЕМСКАГО...

¹⁵⁰ См.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. С. 779–780. – Ред.*

¹⁵¹ См.: Быт. 2, 7. – Ред.

¹⁵² См.: Быт. 3, 5. – Ред.

выпрямиться». Лживый ум постоянно делает какие-то зигзаги. Сердце остается для него закрытым. А сердце есть то место, где человек встречается, вступает в общение с Богом.

Мы говорили уже о том, что диавол назван и человекоубийцей. Когда человек теряет Бога, он теряет любовь. Он оказывается во власти страстей, в другом человеке видит своего соперника и врага. Поэтому он сам человекоубийца в своих помыслах и словах, которые выплескиваются из него наружу, точно потоки лавы из вулкана.

Человеку был дан выбор: хранить девство или вступать в брак, чтобы иметь потомство, а он выдумал и избрал нечто третье: блуд вместо брака и брак без потомства. Поэтому главные пути, которыми возвращается к нам благодать, своего рода «двери» души, – это смирение, послушание, правда, милосердие и целомудрие: смирение перед Богом, послушание Церкви, правда как единство слов, мыслей и дел, милосердие по отношению к людям, целомудрие в отношении своей собственной души.

Но как стяжать эти добродетели, как изгнать страсти из своего сердца? Ответ один: возвратиться к самому себе, возвратиться от этого мира, а затем идти от себя к Богу. На этом пути ум должен избрать краткую молитву и как бы заключить себя в ее немногих словах. Молитва имеет два действия: она преграждает путь потоку впечатлений внешнего мира и обращает душу к Богу.

Наш праотец должен был хранить Эдем, как заботливый садовник – свой цветник, но согрешил и был изгнан, подобно лукавому, то есть неверному, рабу. Мы должны исполнять ту же заповедь: *храни и возделывай*¹⁵³ в отношении таинственного сада нашей души. Этот сад зарос колючками и бурьяном. Ум, возвращаясь к сердцу, молитвой постепенно очищает его. Это – главное духовное делание человека.

Духовные знания открываются человеку настолько, насколько он покорил себя воле Божией. Уже царь Соломон писал, что премудрость может обитать лишь в целомудренном сердце¹⁵⁴. Мирские знания сами по себе не делают человека мудрым. Они только сообщают ему внешнюю образованность, наполняют его память информацией, но вместе с тем оставляют спокойно жить в его душе грехи и страсти. Мир утратил память о мудрости духовной. Он ищет мудрость земную, человеческую, являющуюся всего-навсего подделкой, суррогатом.

Часть 6

Что значит благословение? В точном переводе – это благое слово, несущее в себе ту Божественную силу, которая именуется благодатью. Отвергнутое благословение – отвергнутая благодать, это внутреннее сопротивление Богу, это тайное противоборство человеческой воли с волей Божественной, и потому отвергнутое или не исполненное по забвению благословение становится препятствием, как бы камнем преткновения на пути человека. За неисполненным благословением следует наказание; оно может быть немедленным или же последовать спустя много лет. Но рано или поздно оно обязательно постигнет человека. Оно может проявляться в различных формах: в несчастьях, болезнях, неожиданных нравственных падениях, преследующих его неудачах. Но самое страшное из наказаний – охлаждение к духовной жизни и состояние внутренней мертвости.

Если послушанием отсекается голова змеи – гордыни, лежащей в глубине человеческого сердца, то непослушание – пища, которой питается эта мерзкая гадина, захватчица человеческой души. Непослушание – это поле, на котором растут

¹⁵³ Ср.: Быт. 2, 15.– *Ред.*

¹⁵⁴ См.: Прем. 1, 4.– *Ред.*

ядовитые травы: самомнение, тщеславие, высокоумие и властолюбие; они заглушают и умерщвляют цветы покаяния и молитвы. Говоря современным языком, человек через непослушание «программирует» свое собственное падение. Поэтому старцы последних времен очень осторожно давали благословение, опасаясь, что оно останется неисполненным и, подобно волне, откатившейся обратно от берега, отбросит человека назад – от Христа к демону. Старцы зачастую говорят уклончиво, давая человеку возможность выбора, но в то же время и достаточно ясно, чтобы человек, желающий того, мог понять, как ему поступить. Некоторые отвечают примерами, как притчами, другие облачают благословение в форму совета. Нередко старцы, чувствуя, что их благословение не будет исполнено, отвечают: «Не знаю». Были старцы, которые дерзновенно говорили: «Я помолюсь, а ты получишь ответ в обстоятельствах твоей жизни»¹⁵⁵.

Напомню, что старец не астролог, который угадывает будущее по звездам. Он чувствует, *что* нужно для спасения человека, и в некоторых случаях – для его земного благополучия, но он вовсе не обязан решать все житейские вопросы и проблемы, особенно в наше время, когда ложь и лицемерие стали практически нормой жизни и взаимоотношений между людьми. Для него невозможно благословить человека лицемерить, говорить неправду и тому подобное, а требовать правды в определенных ситуациях – значит благословлять на мученический подвиг, на который способны далеко не все.

Здесь – испытание для самого старца. Благословить нечистые средства он не может: это будет оскорблением самого благословения. Благословить не отступать от правды, невзирая ни на какие внешние последствия, особенно если человек имеет семью, – значит дать неопытному пловцу повеление плыть против течения. Есть только один выход: сам человек должен измениться. Но изменение редко происходит быстро, необходимы продолжительный труд и молитва. Поэтому старец старается постепенно подвести человека к правильному решению и не спешит с благословением. Мало получить ответ от старца. Этим благословение не заканчивается. Между старцем и человеком, обратившимся к нему, возникает невидимая духовная связь. Эта связь не должна прерваться с окончанием какого-либо дела, о котором спросили наставника, но должна остаться на всю жизнь. Если человек послушал наставника, тот не забудет его, а станет молиться, как за родного ему. Если же, вопреки, не послушал, то имя его как бы стирается из памяти старца и выпадает из молитвы.

Ослушник – это для учителя «инородное тело», которое душа отторгает. Поэтому наставника и ученика разделяет в духовной жизни не расстояние, а непослушание. Многие находятся около старца, встречаются с ним каждый день и становятся не лучше, а хуже. Они не понимают, что благодать – это духовный огонь и обращаться с ним надо осторожно; они не согреваются, а опаляются этим огнем. У них возникают соперничество, ревность, не духовная, а плотская привязанность, они беспокоят наставника житейскими делами, думая угодить ему. Здесь вступают в силу человеческие эмоции, обостряется чувство гордости (хвастовство: «какой у меня духовный отец» и т. п.). В результате эти люди не только не получают никакой пользы, но теряют даже и то, что у них было.

Господь сказал, что весь закон и пророки вмещаются в двух заповедях – о любви к Богу и о любви к людям¹⁵⁶. А тут память о Боге постепенно слабеет, человек становится каким-то кумиром, и любовь также охладевает, появляются зависть, недоброжелательство, тонкая клевета друг на друга и тому подобное. Забывается самое

¹⁵⁵ Так поступал, в частности, один из наиболее почитаемых подвижников-святогорцев XX столетия, приснопамятный отец Ефрем Катунский (1912–1998). Вот что вспоминают знавшие старца: «Когда его просили узнать волю Божию – помолиться и указать им ее, он отвечал: “Дети мои, я помолюсь, но пусть Господь Сам укажет вам тот путь, на котором вы спасетесь и прославите Его”. Даже когда его уговаривали высказать свое мнение, он оставался непреклонен. Наедине с нами он наставлял, что нужно с твердостью держаться правильной позиции: “Даже если Бог известит меня о Своей воле, я о ней не скажу, потому что если сделаю это, то диавол приложит усилия, чтобы человек ее не исполнил, а тогда грех будет тяжелее”». Старец Ефрем Катунский. М., 2002. С. 90.– *Ред.*

¹⁵⁶ См.: Мф. 22, 37–40.– *Ред.*

главное: что наставник – это путеводитель к Богу, он должен определить, какие преграды стоят между человеческой душой и Богом, и помочь преодолеть их. Поэтому наставник дан не для развлечения, не для «уют», не для многословных бесед, не для тайного соперничества, а для спасения.

Искренний послушник всегда со старцем, хотя бы и был разделен с ним тысячами верст. Мы уже сказали о том, что молитва наставника имеет особую силу по отношению к тому, кто хранит послушание. Однако есть еще и некая высшая степень проявления этого закона духовной жизни: когда послушник слышит в своей душе ответ от старца на расстоянии. Но это совсем не наша мера.

Еще одна характерная черта: настоящий послушник всегда недоволен собой, в том смысле, что всегда считает свое послушание недостаточным. Он видит в нем много ошибок и изъянов, которые нужно исправлять, он видит, как в чистый поток послушания примешивается муть его самоволия и грехов. Само послушание, как и все добродетели, не имеет конца и предела, оно открывает человеку путь к постоянному совершенствованию. Между тем люди, говорящие о своем беспрекословном послушании, как бы хвастаясь перед собой и другими деланием, к которому только приступили, – так, как будто овладели этой добродетелью вполне и исполнили подвиг самоотречения, эти люди, не видя своих грехов и несовершенств, внезапно падают, отвергая всякое послушание, и покидают своего духовного отца, в преданности которому горячо клялись. Или же они постепенно начинают скрывать от него свои грехи и переходят к какому-то теплохладному лицемерию. Истинный послушник испытывает радость от отсечения своей воли, но в то же время видит, что еще не отсек ее до конца, что много трудов предстоит впереди. Истинный послушник переживает как потерю, если он даже немного, хотя бы на волос, отклонился от воли старца, и кается в этом, как в своем падении.

Раб Божий

В Священном Писании и в литургических текстах христианин именуется рабом Божиим. Раб принадлежит своему господину, он зависит только от него, раб не может принадлежать одновременно двум господам или выбирать хозяина по своему усмотрению. Древние законы гласили: «Раб моего сына не мой раб»; даже император не мог распоряжаться чужим рабом (пример тому – случай с Августом и Ведиом Поллионом^{XXXIII}). Мы же, называя себя рабами Божиими, чаще всего лжем: мы рабы другого господина; имя ему – мир, а нашему постыдному рабству – человекоугодие. Я говорю не о внешнем рабстве, не о системе насилия, что практически неизбежно соединено со всякой государственной системой, не о внешних правах или бесправии, не о конституциях, опубликованных в газетах, и сложной системе «тормозов», благодаря которым они существуют в действительности только на бумаге. Внешнее насилие еще не делает человека рабом; внешняя несправедливость и зло, становясь глобальными фактами истории, не отнимают у человека свободной воли. Я говорю о внутреннем рабстве, о том психологическом прессе, который постоянно давит на человека, делает его приспособленцем, рабом людей, близких ему, обезволивает, превращает в хамелеона, постоянно меняющего свои цвета. Эта сеть, в которой находится человек, подобно рыбе, бьющейся в неводе, – неписанные законы мира, гордого, лживого, развратного, всегда языческого мира, его правила, обычаи, мнения, оценки и представления, его сложные церемониалы.

Все это действует как гипноз, во время которого человек забывает, кто он. Мир смотрит на человека множеством змеиных глаз, приводящих его обезволенную душу в оцепенение. Говорят, что животные под тяжестью взгляда змеи сами идут или ползут навстречу этому гаду. Говорят, что на некоторых людей так же действует вид огромного водопада; он притягивает их к себе как магнит: уже сломленная воля ищет подчинения воле более сильной.

Человек, сломленный миром, чаще всего без сопротивления покоряется ему. Очень многие, едва ли не большая часть христиан, называя себя «рабами Божиими», на самом

деле выбирают «свободу» от Бога и от своей совести и становятся рабами иного божества – сгустка мирских страстей. Эти страсти принимают вид добродетели, оставаясь притом всегда мишурой, «блестящими пороками». Мир предлагает человеку то, что он имеет, что скопил за время своего существования, – яд гордыни и сладострастия, ненависти и сластолюбия. Однако яд, когда его подают в хрустальных бокалах, не теряет своей смертоносности. Мир похож на артиста, который надел царскую одежду и корону с поддельными камнями. У мира есть свой шифр, свой тайный язык: гордость он называет человеческим достоинством, распущенность – свободой, жестокость – справедливостью, похоть и разврат – естественностью нравов, ложь – мудростью, лицемерие – гуманностью и уважением к человеку, трусость – кротостью, безволие – смирением, жадность – осмотрительностью, расточительство – широтой души, грубость – прямотушием и т. д. Мир не замечает истинных добродетелей, они скрыты от него; он видит только то, что можно различить в свете реклам и театральных рампы, он признает только парад фальшивых добродетелей, принимает за святых процессию ряженых.

Человек мало-помалу привыкает к тому, что навязывает ему мир. (Говорят, что, даже поступив на работу в морг, человек адаптируется и через несколько дней перестает ощущать зловоние разлагающихся трупов.) Человек постепенно приучается смотреть сквозь призму мирских оценок и представлений. Вначале он еще чувствует, что ложь – это ложь, но затем устает сопротивляться и принимает ее на веру. Есть сказка о том, как крестьянин вел на продажу быка, а встречные люди называли быка козлом. Поначалу крестьянин сердился, затем усомнился, а потом поверил, что его бык – это не бык, а и в самом деле козел. Так мир навязывает нам свои оценки, приклеивает на все свои ярлыки.

Желающие быть свободными от мира похожи на пловцов, плывущих против течения. Во времена римских императоров на арене Колизея устраивали битву двух гладиаторов, один из которых был закован в доспехи, вооружен мечом и копьем, а другой держал нож и сеть. Если вооруженный воин не успевал уследить за движением противника, то сеть, брошенная на него, опутывала его со всех сторон и делала беспомощным, подобно ребенку, закутанному в пелены. Тогда не помогали уже тяжелые доспехи; противник легко бросал его на землю, наступал ногой на грудь и вонзал нож в горло. И каким бы мощным интеллектом ни обладал человек, если он попал в плен мира, то исход их борьбы уже предрешен: ведь и Платону не помог его ум, когда сиракузский тиран продал его в рабство^{xxxiv}.

Рабы жили вместе со скотом в сараях и конюшнях своего господина, мы живем в огромной тюрьме, которая называется человекоугодием. Где начало этого плена? Что это за цепи, которыми неожиданно оказались окованы наши ноги?

Первое здесь – страх перед людьми, некая боязливость, рождающаяся от постоянного, иногда тайного, стремления к чувственным наслаждениям: душа, обессиленная жаждой наслаждения, всегда безвольна и труслива. При наслаждении действует один и тот же механизм: гаснет ум, человек погружается в темные недра своего подсознания и там ощущает некую сладость, похожую на зуд кожи, пораженной экземой. Этот момент «слияния» человеческого духа с чувственным наслаждением всегда одинаков, едим ли мы вкусную пищу или рассматриваем произведение Леонардо да Винчи. При наслаждении, как правило, парализуется воля. Воля и наслаждение – это антиподы, поэтому культ наслаждения приводит к рабству миру.

Иногда причина трусливости иная: ее искусственно воспитали в человеке, приучая бояться вообще всех людей, начиная с его собственных родителей. Такое обращение с ребенком в основном может иметь три завершения. Первое – страх становится постоянным состоянием; мир и люди вызывают у человека чувство боязни, он готов бежать от столкновения с людьми, как дезертир с поля боя. Второе – ребенок озлобляется и впоследствии, войдя в возраст, мстит как действительно виноватым перед ним родителям, так и своим ни в чем не повинным детям. Третье – он привыкает лгать и хитрить с людьми, чтобы обезопасить себя.

Близко к трусливости находится другой порок – ложное сострадание. Человек испытывает острую реакцию на состояние или настроение другого человека; в сущности говоря, ему жаль не этого другого, но жаль своего испорченного настроения, и потому он готов лгать или идти на уступки и исполнять чьи-то прихоти, чтобы выйти из этого тяжелого душевного состояния. Указанным недугом страдает значительная часть гуманистов. Иногда такая «обратная связь» возникает только лишь по отношению к узкому кругу родных, друзей и знакомых: человек становится их рабом. Сентиментальность лишает его свободы и часто обращается в жестокость по отношению к прочим людям. Сентиментальны были многие палачи в нацистских лагерях смерти, которые нежно любили своих детей и посылали узников на казнь под звуки музыки (наши, отечественные палачи сентиментальны не были).

Привязывает нас к миру ложное представление о дружбе как о союзе, требующем солидарности во всем. Мы смотрим на дружбу как на взаимопомощь и некую «гарантию». Просьбу своих друзей мы обычно оцениваем с точки зрения ее трудности и наших возможностей, но редко задумываемся, нравственна ли эта просьба, не принесет ли наша помощь зла и ущерба другим, незнакомым нам людям; они для нас как будто и не существуют. Например, человека просят помочь кому-то поступить в учебное заведение с высоким конкурсом. Человек соглашается, находит возможность составить протекцию ради дружбы (не говорю уже о других, более прагматических мотивах), его просьбу удовлетворяют, и в результате теряет место неизвестный, но, быть может, гораздо более достойный человек. Совершается преступление: у человека украли, отняли возможность учиться, и это рассматривается как «дружеская услуга», а не как подлость и разбой; это похоже на то, как преступник не чувствует угрызений совести лишь потому, что не рассмотрел в темноте лицо своей жертвы.

Когда дело касается родных и близких, то часто для судей перестают существовать законы, а для проповедников – Евангелие. Поэтому дружеская, семейная солидарность, перерастая во взаимную, круговую поруку, становится одним из тяжелейших видов рабства миру, чем-то вроде каторжных работ на галере (при этом гребец, закованный в цепи, любителю тем, как быстро и плавно плывет галера). Пристрастие к друзьям и близким или же взаимный расчет делают человека несправедливым к другим. Среди древних христиан, понуждаемых язычниками к отречению от Христа, были и такие, которые, выдержав физические пытки, не могли затем устоять перед мольбой родных и отрекались.

Пристрастие к родным и друзьям создает для человека два мира: один, находящийся в световом круге, – это его близкие; другой – все прочие люди. Этот второй мир как бы погружен во тьму: для человека он не существует или же трогает его весьма мало. Человек, обезволенный привязанностью к своим близким, уже потенциальный преступник, он беспрекословно делает то, что повелит ему мир – его жестокий господин.

Рабом людей делает нас и ложное чувство благодарности. Человек считает, что, получив помощь от другого, он должен «отработать» это, как наемник, получивший заранее плату. Таким образом, добро, сделанное ему кем-то, тяжелой ношей ложится на его плечи. Здесь идет речь не о чувстве благодарности. Святые отцы сказали: «Добро, сделанное тебе, напиши на камне, чтобы память об этом не смыло время». Здесь иное: человек не благодарит Бога, Который помог ему, избрав человека Своим орудием, инструментом Своего Промысла, но, забывая о Боге, видит только проводника Его милости. Чувство же своей благодарности он проявляет в виде желания «расплатиться», нередко потакая при этом страстям и грехам своего благодетеля, то есть фактически за добро платит ему злом.

Благодарность – это чувство, которое должно прежде всего предполагать в оказавшем помощь или благодеяние бескорыстие: иначе за что благодарить? Это чувство может побудить человека к ответному действию, если в нем есть необходимость, но оно не должно заставить танцевать только лишь потому, что заказана музыка. Когда утрачивается надежда на Бога, возникает потребность надеяться на человека. Эгоизм

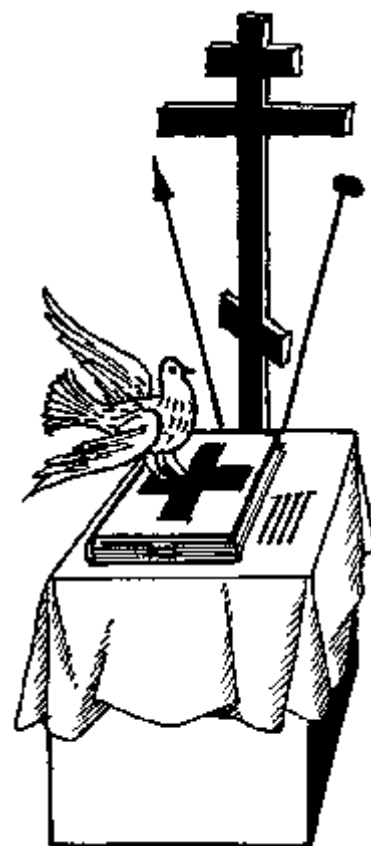
требует гарантий и страховки; инстинкт – ползучее чувство, он ищет материальной опоры – на что-либо или на кого-либо.

Искать не только Божиего, но Бога

Ныне стало распространяться учение о том, что человек может спастись своими добрыми делами (то есть их одних уже довольно для его спасения). Здесь – смещение акцентов. Если прежде говорили, что **Бог спасает человека**, то в сегодняшнем представлении все более внедряется мысль, что **человек сам спасает себя**, а Бог дает ему вечную жизнь, как обязательную награду за его труды. Если спросить у современного человека, что такое вечная жизнь, то он скажет: «Это райская жизнь, это место дивной красоты и вечной радости; это место и состояние, в коих упразднены всякое зло, смерть, тление, дисгармония, в коих ничто не омрачает человеческую душу; вечное пребывание там, где пребывают Ангелы и святые и куда нисходит Божество Своим неизреченным светом». И здесь опять смещение акцентов: вечная жизнь – это место блаженства и состояние, которое характеризуется как радость души. Однако тут пропущено что-то очень важное, а именно: Бог дает не только **Свое**, что само по себе уже превосходит человеческий ум, но дает **Себя Самого**, делает человека богом по благодати. Перед этим даром все человеческие деяния не могут не явиться бесконечно малыми. Господь обещал воздать за дела милосердия неизмеримо большим¹⁵⁷, но здесь Он дает человеку то, чему нет сравнений и аналогий, то, что превышает все человеческие понятия: дает **Себя Самого**. О каких заслугах может быть здесь речь? Как можно «заработать» Бога, как можно получить в награду Бога? Здесь тайна мистической любви Божества к человеческой душе. Остальное нужно лишь для того, чтобы зов этой любви был услышан¹⁵⁸.

Трагедия современных христиан заключается в том, что они ищут Божиего, как своего наследства, но не ищут Самого Бога, как источника вечной жизни. Им непонятно святоотеческое выражение – **обожение**; им непонятно, что значит **стать богом по благодати**. Не понимая, они и не желают этого; они желают лишь возвращения потерянного Эдема, как дивно прекрасного сада, где цветут небесные цветы, где нет старости и смерти. Для них добрые дела становятся своего рода гарантией получения вечного блаженства. Но тайна воплощения Сына Божия, тайна искупления – не только как возвращение в безгрешное состояние, но и как путь души к Богу через причастие Его Божественного света, через восхождение и озарение, через вхождение в Божественную жизнь, путь вечного, бесконечного богоуподобления, – нашим современникам непонятна.

На Кресте Господь заменил нас Собой. В церковных Таинствах Дух Святой подготавливает человеческую душу к новой жизни через соединение с ней по мере приуготовленности ее к этому соединению. Спасение – это великий дар, а современный человек смотрит на него, как на нечто **должное** и соответствующее достоинству самого человека. Необходимо понять, **что** есть самое главное, **что**

¹⁵⁷ Неизмеримо большим – то есть за милости, оказанные людьми их ближним, воздать неизмеримо большими милостями. – *Ред.*

¹⁵⁸ Это, видимо, следует понимать следующим образом. «Остальное» – это человеческие дела, сделанные ради Бога, которые не спасают человека сами по себе, но доказывают его произволение спастись, его произволение быть с Богом как в сей, временной жизни, так и в вечности, доказывают, что он действительно услышал зов Божественной любви и всем сердцем ответил на нее. – *Ред.*

есть высшая цель человека. Конечная и в то же время бесконечная цель для человека – это обожение. Оно осуществляется только посредством благодати. Благодать сообщается человеку лишь в Церкви, в этом поле вечного Божественного света, который взаимодействует с человеческой душой и незримо просвещает ее (в некоторых случаях это просвещение души Божественным светом может быть настолько сильным, что становится очевидным, зримым даже для окружающих людей¹⁵⁹).

Таинства Церкви имеют своим основанием искупительную жертву Христа Спасителя. Господь, возлюбив нас еще до нашего существования, исполнил все, чтобы даровать нам не только Свои неизреченные блага, но и Себя. Спасенных Он видит как отражение Своего неизреченного образа, в спасенных Он пребывает как в живых, бессмертных, нерукотворенных храмах. Для них Он всё – начало и конец. Без освящения благодатью спасение невозможно. Те, кто говорит о спасении через одни только добрые дела, тем самым проводят некий знак равенства между этими делами и дарами Божиими, в то время как добрые дела – лишь условие для проявления и развития чувства любви, поскольку любовь к Богу и любовь к людям неотделимы друг от друга. Человек с его добрыми делами, надеющийся **за них** получить спасение, похож на нищего, который, собрав несколько медных монеток, считает, что на них можно купить царский дворец.

Для спасения необходимо преобразование человека. Это преобразование Духом Святым начинается на земле, в Церкви, и с переходом в Церковь Небесную не кончается никогда. Только благодатью Духа Святого, действующего в Церкви, человек может стать богом по благодати в вечности.

Духовное и душевное

Одна из ошибок в духовной жизни, которую мы постоянно наблюдаем, это незнание различий между душевной и духовной деятельностью человека или неумение различать эти две самостоятельные области его деятельности. Образом существования всех ересей и церковных расколов является, по сути, погружение в душевную жизнь и при этом – имитация духовных состояний.

Каждое лжеучение есть бунт души (вернее, душевных страстей, и прежде всего гордости и похоти) против духа, души, которая, призывая себе в союзники фантазию и соединяясь с демоническими силами, создает как бы сказочный замок посредством своей изобретательной эвристики¹⁶⁰ и эмоций. В этом замке, созданном его собственным воображением, человек живет до самой смерти.

Сама по себе душевная жизнь является вполне законной стороной земного бытия человека. Даже больше того: без нее человек не мог бы существовать. Но здесь необходимо соблюдение строгой иерархии: если тело – служанка души, то душа должна быть служанкой духа. Если эта субординация нарушена, то дух замыкается в себе, он как бы добровольно отрекается от принадлежащего ему по праву и уступает свое место захватившему его. Раб, неожиданно получивший власть, не может жить по прежним законам. Поэтому начинается переоценка прежних ценностей. Как во время революции

¹⁵⁹ Действительно, в житиях мы нередко читаем о том, как лица святых озарялись этим дивным Божественным светом. Один из наиболее ярких примеров такого очевидного озарения человека благодатью Божией – опыт, пережитый Николаем Александровичем Мотовиловым в беседе с преподобным Серафимом Саровским, во время которой угодник Божий был настолько осиян Божественным светом, что его собеседнику и трудно, и страшно было взирать на него. Сам Николай Александрович впоследствии рассказывал об этом удивительном явлении в таких словах: «Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движения уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца». Поучения и беседы преподобного Серафима Саровского. М., 1997. С. 254.– *Ред.*

¹⁶⁰ Эвристика (от греч. отыскиваю, открываю) – специальные методы, используемые в процессе открытия нового, так называемые эвристические методы.– *Ред.*

уничтожаются аристократическое сословие, интеллектуальные силы страны, и место их заступают популисты и лжецы, так после победы души над духом человек теряет такие способности духа, как созерцание, прозрение, внутренний логос сердца¹⁶¹, духовные интуиции и способность различать темные и светлые силы, действующие как в космосе, так и в его собственной душе. Ум смыкает свое око, обращенное к вечности, и душа остается слепой. Здесь начинается новый процесс: веросочинительство и вероизобретательство.

Религия – это союз Бесконечного с конечным, Вечного – с созданным во времени, Творца – с Его творением, Бога – с человеком. Ереси хотят извратить порядок: превратить ее в союз человека – с Богом, то есть не принять условия, данные в Откровении, а поставить Богу **свои** условия. Поэтому лжеучение есть отказ от Божественного Откровения и замена его неким плодом изобретательности страстного ума. Всякое лжеучение – подмена Божественного Откровения позднейшими подделками, и как Откровение сохраняется Священным Преданием, так подмена традиций – реформаторством.

Религия – это союз. Но союз динамичный, предполагающий сближение и единение. Единение возможно только через уподобление, поэтому религия является путем уподобления человеческой души Божеству и борьбой с тем, что ведет душу к инобытию, к потере образа Божия, что на славянском языке верно называется безобразием.

После завоевания душой области духа ответственность за «духовную жизнь» берут на себя две худшие страсти: гордость и похоть. Гордость никак не может уподобить человека Божеству, но с успехом уподобляет его демону. Похоть не может любить Бога и потому имитирует религиозное чувство – страстными порывами, вдохновением. В некоторых сектах эта тонкая космофилия¹⁶² оканчивается ниспадением в эротику.

Православному христианину умение отличать духовное от душевного необходимо. Душевное – это органически нам принадлежащее, но душа после грехопадения поражена недугом, и ее силы и чувства приобрели болезненный характер страстности; поэтому дух должен властвовать над душой, оживлять ее своими импульсами, укрощать страсти, возрождать то доброе в ней, что осталось не поврежденным грехом. Поэтому слово «душевный» не имеет однозначного, отрицательного характера, это силы и способности, данные человеку для жизни на земле. Душа, находясь в состоянии недуга, как бы колеблется между жизнью и смертью. Но, не подчиняя себя духу, она отказывается от возможности возрождения и того, что мы называем вечной жизнью.

Сама вера есть процесс исцеления. Поле души на земле – это человеческое общение, семья, общность интересов и эмоциональных привязанностей. Это поле взаимной поддержки и взаимозависимости, поле неровное и колеблющееся, поле, на котором могут проявляться как благородные чувства, так и низменные страсти души, поле высокого напряжения, которое иногда захватывает, как бы поглощает человека, вследствие чего отступает и перестает действовать его дух, замыкаясь сам в себе.

Поле духа – это вечность. Это как бы выход из земного притяжения. Это обращенность ума к Божеству, это пробуждение логоса сердца через молитву.

Особенно часто смешиваются понятия – духовной и душевной любви. Духовная любовь видит в человеке вечное – образ и подобие Божие, чем более всего и дорожит в нем. Самая большая радость заключается для нее в том, чтобы любимый ею принадлежал Богу. Она не ищет **своего**¹⁶³, потому что ее достояние – Бог, а в Боге она имеет все. Она не может никого **потерять**, ибо она и не требует взаимности. За любовь к человеку душе отвечает Своей любовью Бог, или скажем по-другому: она мистически любит Христа через благодать, живущую в человеке, как в Его образе, а не эмпирического, страстного,

¹⁶¹ Здесь под внутренним (сокровенным) логосом отец Рафаил имеет в виду способность к непосредственному, интуитивному познанию, общую для всех людей. – *Ред.*

¹⁶² В данном случае, скорее всего, подразумевается миролюбие, то есть любовь к миру и мирскому. – *Ред.*

¹⁶³ См.: 1 Кор. 13, 8. – *Ред.*

изменяющегося человека, которого псалмопевец назвал ложью¹⁶⁴. Видя величие человека как образа Божия, а не болезненный комочек нервов и плоти, она до самого конца надеется на его спасение, памятуя о временности и текучести этой жизни, где все поглощается смертью. Она не гневается и не раздражается; будучи чистой и простой, она верит тому, кого любит, хотя бы эта вера и была обманута тысячу раз¹⁶⁵. Если ей больно, то не за себя, а за другого. Эта любовь – дар Духа Святаго, и в то же время она естественна для человеческого духа, ибо человек рожден для нее. В духовной любви больше мудрости, чем во всех книгах, написанных философами. В ней больше красоты, чем во всех произведениях искусства, спрятанных за дверями музеев. Эта любовь есть истинная жизнь человека.

Душевная любовь – это зависимость от того, кого любишь, в ней нет свободы. Это любовь к плоти, а так как плоть тленна, подлежит тлению и все в ней тлен, то душевная любовь заменяет реальность фантазией, она видит то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле. В ней – непрерывное волнение и тревога: волнение – как бы приобрести, тревога – как бы не потерять; разочарование, когда человек очнется от собственных грез.

Душевная любовь не имеет опоры в самом человеке, это фейерверк чувств, который, засверкав внезапно, так же внезапно может погаснуть. Как часто душевная любовь сменяется равнодушием и отчужденностью, как часто переходит в ненависть! Душевная любовь не исчерпывается плотским влечением: есть, например, дружеская любовь. Но как непрочна эта любовь! Как часто она не выносит и малейшего испытания и разбивается, точно хрустальный бокал от легкого удара. Как часто преуспевший друг встречает своего прежнего товарища и смотрит на него совершенно иными глазами, словно деньги или власть сделали его сердце каменным, и товарищ чувствует, что между ними возникла дистанция, которую не измеришь и тысячей верст. Практически вся поэзия – плач о неразделенной или потерянной любви. В основе почти всех театральных пьес – история разбитой любви, приводящей к страданию, отчаянию или мести.

Христианин должен возвыситься над душевной любовью. Он не должен находиться, как узник, в ее власти. Только борьба со страстями может открыть путь к духовной любви, только духовная любовь если не освятит, то просветлит душевную любовь.

Дух ищет лишь Бога. Поэтому на земле он довольствуется немногим. Духовная любовь дает человеку счастье как внутреннее состояние. Он может быть счастлив малым. Душа, «отключенная» от духа, находится в постоянном искании, она ищет многого, но не удовлетворяется ничем. Поэтому ее колеблют, как волны поверхность моря, два чувства: страх и гнев. Когда человек боится или ненавидит кого-либо, то это верный признак того, что в нем оскудела духовная жизнь и он погряз в топком болоте душевности.

Особенно большие искушения для духовной жизни заключают в себе власть и богатство. Человек, надеясь на них, перестает уповать на Бога и вместе с упованием теряет веру и любовь. И открывается прямой путь к порабощению человека его же собственными страстями. Страсть ненасытна: будучи удовлетворена, она восстает затем с новой силой. Поэтому чаще всего богатство и власть губят тех, кто добился их. Поэтому трудно найти любовь среди богатых и обладающих властью. Чем выше человек поднимается в гору, тем ему труднее дышать. Но здесь главное препятствие к любви не власть и богатство сами по себе, а привязанность к ним, надежда на них, их воплощение в то чудовище, которым поглощается человеческое сердце.

Господь сказал: *мир Мой даю вам*¹⁶⁶. Этот мир – благодать Духа Святаго. Воспринять ее может только человеческий дух, чтобы затем осенить миром душу, в которой – постоянное беспокойство, смена эмоций, противостояние мыслей. Самая суть аскетике заключается в умении подчинить душу духу, а дух – благодати. Христианину необходимо уметь разграничивать область душевного и область духовного, чтобы

¹⁶⁴ См.: Пс. 115, 2.– *Ред.*

¹⁶⁵ См.: 1 Кор. 13, 5, 7.– *Ред.*

¹⁶⁶ Ин. 14, 27.– *Ред.*

воздавать *кесарево кесарю, а Божие Богу*¹⁶⁷: миру – ту дань, которую он должен платить ему посредством жизни своей души, Богу – то, что он должен Ему отдать через устремление духа к вечности и Вечному, через то единственное, чем может человек оправдать свое имя и призвание.

Все религиозные заблуждения – это подмена реальности, воспринимаемой духом, который не мечтает, не анализирует, а видит, душевными чувствами, силой воображения или грезами логицирующего ума и рациональной моралистикой.

Почти все душевные чувства имеют свои духовные аналоги, которые теперь, когда после грехопадения чувства подверглись деградации, прослеживаются с трудом. Противоположностью любви является ненависть. У этого темного чувства, которое делает человека потенциальным убийцей, «репетирующим» убийство врагов в своих мыслях, чувства, которое мы так часто испытываем, есть свой духовный аналог. Это – концентрация, сосредоточение духа в молитве, когда он не принимает посторонних помыслов и впечатлений, ненавидит их бесстрастной ненавистью. Это – сила, с которой дух отражает приращение к душе демонических сил. Ненависть есть способность духа ненавидеть то, что чуждо ему по природе, что препятствует его единственной цели – богообщению. Духовная ненависть – это постоянное анафематствование демона и греха. Чем сильнее духовная любовь, тем сильнее человек ненавидит все, что может погасить или уменьшить ее. Чем более дух стремится к Богу, тем более ненавидит человек все, что служит препятствием на пути к Нему. Духовная ненависть проявляется как аскетическое делание – бдение и трезвение ума над сердцем, которое отбрасывает и отражает, как врага, все, что проникает в световое поле молитвы.

Господь говорит не только о любви, но и о ненависти к близким¹⁶⁸. Это бесстрастная, мы бы сказали, святая ненависть, которая не дает духу поработаться земной, плотской привязанностью, поставляет человека выше душевной любви. В этой ненависти – постоянный подвиг аскетов, отречшихся от мира ради Единого Бога. Святая ненависть не разрушает семейной и дружеской любви, но ставит ее под контроль духа, дает ей свое место в иерархии ценностей, освобождает человека от рабства привязанностям, от безвольного подчинения эмоциям и страстям. Духовный человек более, нежели душевный, внимателен к своим друзьям, более ответствен в своей работе, более остро чувствует долг перед своей семьей и в то же время свободен от насилия этих внутренних уз, которые так часто обезволивают человека и заставляют его совершать грехи и преступления ради тех, кого он любит слепой, душевной любовью.

Человек имеет цель за пределами этого мира, идеал, который всегда находится впереди него, как бы приоткрывается ему из вечности. Поэтому он видит мир не как единственную и самодовлеющую ценность, а как картину, изображенную на фоне вечности, и саму земную жизнь – как путь к вечности.

Святые отцы считали неведение и незнание ложным направлением душевной деятельности, рождающимся от **нежелания** знать то, что противоречит человеческим страстям, и прежде всего гордости и похоти. Это – бегство в неведение и забвение, словно в какую-то темную нору, где копошатся, как змеи, наши страсти. Нередко человек бежит от знания к ненужному для него **многознанию**, чтобы не оставить ни места, ни времени для познания главного. Когда с таким человеком говорят о Боге, об ответственности за свои поступки, он, опираясь на мнимое многознание, стремится защититься от этого знания и порой становится похожим на ежа, который от прикосновения сворачивается и превращается в клубок игл.

Но, как ни странно на первый взгляд, это незнание также имеет духовный аналог. Дух – око души, устремленное к Богу. Для духа высшее знание и мудрость – это созерцание. Оно состоит из внимания (устремления духа к Божеству), пребывания (удержания духа в этом состоянии, то есть в молитвенной сосредоточенности) и

¹⁶⁷ Мф. 22, 21.– *Ред.*

¹⁶⁸ См.: Лк. 14, 26.– *Ред.*

восприятия невидимого света Божества, которое также можно назвать приближением к Богу и преображением человека. Созерцание связано с волевым желанием не знать того, что ниже богопознания, ограничением душевного многознания и сведением его лишь к необходимому. Здесь духовное знание противостоит душевному любопытству.

Подвиг исихастов основан на этом волевом неприятии и сведении внешних впечатлений к минимуму, чтобы освободить силы духа для боговедения. Один из философов-мистиков назвал свою книгу: «Мудрость незнания»^{XXXV}.

Святые отцы учат, что основа всех грехов – себялюбие. Но и здесь мы можем найти духовный аналог. Обычно себялюбие отождествляет человека с его телом и стремится к удовлетворению его страстей и инстинктов. Оно проявляется в вожделении богатства и власти, в стремлении к комфорту, иногда в чрезмерной, ненормальной заботе о своем здоровье, напоминающей заботу фараонов о мумифицировании своих тел в надежде обеспечить себе земное бессмертие, и в подобном тому.

Однако есть правильное себялюбие: это отождествление человека прежде всего не с телом, а с духом и попечение о состоянии духа, этой искры вечности. Дух находит себя и раскрывает свои силы в богообщении, поэтому правильная любовь к себе не противоречит любви к Богу, а обретает себя в ней. Обычно себялюбие держит человека в состоянии непрекращающегося конфликта с окружающими его людьми. Этот конфликт может принимать разные формы: от открытых ссор до скрытых противоречий, когда тлеющий костер наполняет атмосферу дымом. Себялюбие, основанное на страстях, обуславливает столкновение со страстями и притязаниями других людей, порождает ложь, насилие и превращает жизнь людей в борьбу друг с другом. Духовная любовь свободна от разделения на свое и чужое; где она, там нет ни захвата чужого, ни потери своего. Достояние этой любви – Бог, Который един и неразделим. Тот, кто приобрел благодать, одним только своим существованием помогает другим, одним уже своим присутствием вносит небесный мир в царящее на земле смятение. Поэтому любящий себя, свою душу часто становится соперником и противником для других, а любящий свой дух, ставший проводником, как бы лучом Божественного света, – их благодетелем. Духу принадлежит то, что вечно, душе – то, что временно.

Трагичный век

Наш век – это особый, трагичный век. Такое чувство, словно мы присутствуем при последнем акте исторической трагедии. Человечество в своем бытии всегда представляло собой разьедаемый грехом, точно язвой, больной организм. Но теперь кажется, что болезнь достигла своей последней стадии и переходит в агонию. Нашу планету непрерывно потрясают войны, стихийные бедствия и катаклизмы, такое впечатление, что земля устала от людей и хочет сбросить их, как насекомых, со своего тела. Не только христиане, но и люди других религий, и неверующие чувствуют признаки приближающегося конца.

Нам кажется, что самым главным признаком апокалипсиса является оскудение любви и духовное вырождение человечества. Грех существовал всегда. Первый сын первого человека из зависти убил своего брата¹⁶⁹. С тех пор кровавый дождь орошает землю на протяжении семи тысячелетий. Любовь – это та таинственная сила, которая дает человеку возможность воспринимать другого человека как самого себя, как бы жить в другом человеке,

¹⁶⁹ См.: Быт. 4, 1–8. – Ред.

радоваться его радостям, скорбеть его скорбью, болеть его болью. Ныне же человек внутренне обособлен от других. Его душа словно окаменела, сердце сузилось и не может вместить в себя другого человека. Более того, человек видит в другом такое же чуждое и безразличное к нему существо. Грех был всегда, но наряду с грехом существовало добро; грех остался, каким он был, только принял более бесстыдные формы и перестал прятаться. Он становится все циничнее, а добро катастрофически оскудевает.

Человек не только потерял ближнего, но потерял вместе с тем также и самого себя. Он угасил свой дух, осквернил свою душу, отождествил себя с куском мяса. Он подчинил себя самым низменным страстям и стал жертвой страшного самообмана. Современные люди, будь то бедные или богатые, одинаково несчастны. Только, может быть, богатый имеет больше времени и средств для того, чтобы растлеть и безобразить самого себя, глумиться над образом Божиим, данным ему. Жизнь без любви становится скучной и неинтересной. Более того, сегодня человек часто даже не понимает, что значит слово «любовь», уравнивая в своем сознании это чувство со страстью, с влюбленностью, с кровной привязанностью, с тем, что относится к его низшим и слепым влечениям. Любовь же, как духовное единство, как чувство сострадания к ближнему, как умение видеть красоту образа Божия в другом человеке, как жертвенность, потеряна.

На смену страсти приходит чувство утраты и пустоты, а нередко и отвращения, поэтому страсть есть своего рода диавольская карикатура на любовь. Страсть не дает счастья, это мыльный пузырь, который сверкает на солнце, но спустя несколько мгновений превращается в мокрое пятно. Именно из-за отсутствия любви жизнь становится мертвенной и тоскливой, точно окрашенной в серый цвет. День сменяется днем, один следует за другим, как клубы тумана, ползущие по земле, а душа говорит: «Это не то, что я хотела бы». Человек, может быть, не понимает, чего он хочет, но он все-таки чувствует в своем сердце, что это – ложная жизнь. Он хочет убежать от нее. Кто-то всеми силами стремится к стяжанию денег, полагая, что когда он соберет достаточно средств, тогда начнется для него настоящая жизнь. Другие ищут забвения в работе. Она может быть никому не нужной, но, погружаясь в свой муравьиный труд, люди как бы отключаются от этой жизни. Иные ищут забвения в алкоголе и наркотиках, в рок-музыке, в соприкосновении с демоническим миром, надеясь таким образом уйти от своих серых будней, забыть свою духовную нищету. Многие проводят жизнь в разврате, словно хотят анестезировать, то есть сделать совершенно бесчувственной, собственную совесть. И, хотя разврат не дает им счастья, они ищут того же забвения в этом грязном болоте, какого-то наслаждения – в поругании самих себя.

Если посмотреть на предающегося разврату, то мы увидим в нем не человека, а демона, который стремится всячески осквернить ту нерукотворную икону, которую Господь дал человеческому духу, – частицу Своего сияния, луч Своего света. Кажется, этот человек употребил все силы своего воображения для того, чтобы превратить себя в комок зловонной грязи.

Грех в мистическом плане представляет собой сочетание души с сатаной. Грех – это желание уподобиться сатане, хотя бы человек и не понимал этого рассудком. Грех – это желание испытать ощущение полета через падение в бездну. Посредством греха в душе человека запечатлевается лик демона, образуется тайный союз между человеком и падшим ангелом. И хотя вначале совесть говорит человеку, что он отдает себя в руки своего убийцы, но затем ее голос становится все тише, тише, и человек с какой-то злобой глушит даже ее шепот. Он хочет распять ее своим грехом, чтобы она скорее замолкла навсегда. Сатана, как друг, протягивает ему руку, и он не раздумывая хватается за нее.

Но демон не может дать человеку того, что не имеет сам: он не имеет мира, и грешник всегда беспокоен; сатана не испытывает радости, и грешник всегда погружен в какой-то мрак. Его жизнь проходит в постоянном смятении – между кратким опьянением и внутренним унынием, которое он часто старается скрыть за наигранной веселостью. Сатана – дух тьмы, и у грешника нет света в душе: тьма отражается даже в его глазах и лежит, как печать, на его лице; сатана – дух гордыни, и человек в своем падшем состоянии

горд и самолюбив; сатана – человекоубийца, и грешник находится все время в состоянии раздражения, зло, которое он стяжал, легко превращается в ярость и гнев. Сатана уже осужден на вечные муки, жизнь грешника здесь, на земле, если заглянуть в глубину его души, – это мучение; так мучается безумный, который лижет острие бритвы, намазанное медом, так мучается узник, ожидающий в темнице своей смерти.

Грешник даже если и верит в Бога, то не ощущает Его: грехом он лишен Божественной благодати и не может любить Бога. В иные минуты его охватывает предчувствие вечной гибели, вечного одиночества, вечной оставленности, но чаще всего он опять ищет забвения в грехе. Для человека, потерявшего Бога, земная жизнь становится жуткой трагикомедией, как бы преддверием ада.

А что сказать о тех, кого этот мир называет «порядочными людьми»? В сущности, слово «порядочность» означает соблюдение определенных законов. Если хотя бы на несколько часов можно было высветить, сделать очевидным для всех, что происходит в душе этих «порядочных людей», если бы можно было показать, как на экране, мысли и картины, которые возникают в их сердце и проходят через их сознание, то мы увидели бы тех же духовных зверей и змей, тех же спрутов, захвативших их сердца. Порядочность людей без веры в Бога – тот же труп, только одетый в дорогую одежду; если в их сердце нет веры и любви, то и там жизнь, полная лжи, греха и внутренних разочарований.

Но неужели жизнь бесцельна? Лучшие из язычников не могли понять, зачем живет человек, подобно тому, как не может найти выход из лабиринта не имеющий в руках путеводной нити. Наиболее глубокомысленный и нравственно чуткий из них – Сенека^{xxxvi} – считал великим счастьем для человека закончить жизнь самоубийством. Величайший из восточных поэтов Омар Хайям писал, что никто из мудрецов не нашел дороги из этой темной ночи. Только Христос открыл миру вечный Божественный свет, указал путь к преображению, уничтожил смерть Своим воскресением. Только для христианина открылась возможность вернуть то, что потерять страшнее всего, – любовь к Богу и вместе с тем – любовь к людям. Только христианам дана Божественная сила для борьбы с грехом и страстями: это сила благодати. Только христианам даны настоящие радость и покой души среди скорбей и бедствий.

Человек был создан богоподобным существом, но по собственному произволению, по собственной воле он стал подобным демонам. Христианство – это возможность возвращения человеку образа¹⁷⁰ и подобия Божиих. Но достигается это возвращение через борьбу – с собственными страстями, злом в самом себе, и потому земная жизнь есть борьба. Для того чтобы победить на войне, воин должен быть готов умереть, а христианин должен ежечасно умирать для своих страстей и греха, для привязанности к преходящему миру, умирать для жизни призрачной, чтобы получить жизнь истинную, чтобы уже здесь, в сумерках земли, видеть вечный свет.

Мистика и религия

Чем отличается мистика от религии? Мистика представляет собой опыт соприкосновения с вечностью, ощущение высшей реальности, чувство того, что есть таинственное Существо, Которое стоит над текучим потоком времени, за пределами материального мира и в то же время проникает в эту материальность и высветляет ее. Мистика является переживанием таинственной встречи с Тем, Кто неуловим человеческой мыслью, недоступен для телесных чувств, невыразим словом; с Тем, Кто одновременно вблизи нас и бесконечно далек, Кто является в момент встречи высшей очевидностью и в то же время всегда остается непостижимым; Кто ищет нас, но желает, чтобы мы искали Его; Кто является для человека высшим счастьем, для обладания которым надо отречься

¹⁷⁰ Собственно образ Божий, то, что дано человеку при сотворении, не уничтожается, не утрачивается в нем совершенно, но лишь помрачается. Поэтому здесь, скорее, можно говорить не о возвращении, а о «просветлении», восстановлении образа. – *Ред.*

от себя и покорить свой дух Ему. Если у мистика спросить об имени Бога, то он скажет: «Первое имя – Сущий, а второе – Непостижимый».

Религия неотделима от мистики, но обращается ко всей человеческой личности, открывая путь и предоставляя средства к вечному богообщению. Основа религии – откровение, которое воспринимается через веру. Вера дает знания, подтверждаемые мистическим опытом. Вера открывает Бога как Личность и определяет условия, при которых конечное может соединиться с Бесконечным через озарение Божественным светом. Откровение обращено к трем силам души: к разуму – догматика, к воле – заповеди и правила Церкви, к чувствам – богослужение и молитва. Мистика является ядром, или сердцем религии. Без нее религия распадается: догматика становится философией, нравственность (заповеди) – нормами общественной морали, а богослужение – эстетикой. Вне мистики Церковь представляет собой социально-исторический институт.

В свою очередь, без религии (здесь мы имеем в виду Православие) мистика остается чем-то субъективным, аморфным. А поскольку духовный мир содержит в себе и духовное зло, сосредоточенное в падших ангельских существах, то мистика вне религии или соединенная с ложными религиями приводит человека к демонизму. Поэтому для нас так важна принадлежность к Православной Церкви, этому высшему критерию духовной истины. Поэтому теософия и экуменизм представляются нам как добровольное разоружение перед силами космического зла и демонической лжи. Православная мистика основана на ощущении тайны, чувстве благоговения перед Создателем мира и в некотором смысле перед Его творениями, в которых мистик видит как бы тень Божества.

Мистика неразрывно связана с аскетизмом. Первородный грех, поразивший все человечество, проявляет себя в демонических импульсах и страстях. Человек – это сочетание добра и зла, возвышенного и низменного, ангельского и демонического. Он постоянно находится в состоянии внутренней борьбы с самим собой; он перекресток действующих на его душу темных и светлых сил. Его воля похожа на маятник, колеблющийся между двумя полюсами – добродетелью и грехом. Его сердце – драгоценный камень, который он может подарить Богу или отдать сатане. Поэтому для мистика необходимы аскетизм и послушание Церкви. Без аскетизма, укрощающего страсти, и без послушания Церкви как источнику освящения он оказывается лишенным помощи благодати – той единственной силы, которая способна обуздать демонические импульсы в душе человека.

Католицизм исказил понятие о первородном грехе, и этим он «усыпляет» человека. Он свел аскетизм к минимуму, оставив его в достояние лишь очень немногим монашеским орденам. Протестантизм обычно смотрит на аскетизм как на патологию. Образно выражаясь, католицизм разрушил стены аскетики, а протестантизм унес их последние камни на строительство мирских жилищ. Он заменил аскетизм другими понятиями: умеренность, бережливость и порядок. И в католической, и в протестантской религии мистика уничтожена или деформирована. В одном случае ее заменяет морализм, в другом она часто приобретает оккультный характер (почему в наше время и становятся столь популярными различные оккультные течения и школы).

Естественно, что человек, потерявший или деформировавший свое мистическое чувство, для которого религия оказалась сведенной к морали, никак не может понять, какая разница между Православием, католицизмом и протестантизмом. Он осознает их как исторические традиции и возмущается, почему христианские конфессии, а затем и вообще все религии не соединятся друг с другом на основе общих нравственных принципов. Веру в Православие как единственную возможность истинного, благодатного богообщения он считает дефицитом любви к людям, конфессиональной гордыней, обскурантизмом, а в некоторых случаях – злоумышлением против человечества.

Однако если бы ювелир не усматривал различия между видами драгоценных металлов и камней, а утверждал, что все одинаковы, его назвали бы профаном. Высшее знание его должно было проявиться именно в умении различать их свойства и определять их ценность. Если человеку все предметы кажутся окрашенными в один цвет, то это

говорит не о широте взгляда, не о зоркости зрения, а о болезни глаз. Если бы кто-нибудь заявил, что между философскими системами нет разницы и что все они совпадают в главном, то его назвали бы невеждой, незнакомым с различными философскими постулатами. А здесь мы утверждаем лишь одно: без мистики нельзя понять и оценить православную веру, человек, лишенный мистики, будет не православным, хотя бы и считал себя таковым, а всего лишь рационалистом «православного образца». Без мистики и аскетизма невозможно почувствовать реальность православных догматов, а без исповедания догматов и участия в церковных Таинствах нельзя стяжать богатство мистиков, Фаворский свет, а не лжемистику, которая ослепляет человека отблесками адского пламени и погружает затем душу в непроницаемую тьму. Поэтому для нас Бог – высшая из всех ценностей, а Православие – тот таинственный Синай, где Божество является человеку.

Душевное заболевание

Что представляет собой душевное заболевание? Психиатрия бессильна справиться с ним, как современная онкология – с заболеваниями раковыми. Более того, число психически больных людей непрерывно увеличивается, можно сказать, что душевные болезни – чума двадцать первого века. Если во время эпидемий чумы в средние века на улицах городов лежали непогребенные трупы, к которым люди страшились приблизиться, то в наше время пораженные безумием люди превращаются в живых мертвецов. Они ушли в себя, точно зарывшись в могилу, они живут среди нас, как будто общаются с нами, иногда даже работают, но люди эти бесконтактны, оторваны от реального мира, от Церкви, погрузились в свою ирреальность, которую считают единственной действительностью.

Есть два вида безумия. Первый – явная одержимость демоном, когда душой человека овладевает темный дух, живет в человеке, как хозяин в своем доме, парализует его волю, отключает его сознание и кажется, что у человека две души: вторая душа – это диавол. Как ни странно, но этот вид безумия, обычно сопровождающийся одновременно кощунственными действиями и страхом перед святыней, исцеляется легче, чем второй вид безумия, о котором будет сказано ниже. Здесь явно действует демон, но так же явно помогают святыня, исповедь и частое причащение.

Второй вид безумия – безумие, овладевающее человеком по причине его гордости. Есть, правда, еще и третий вид – наследственное поражение не психики, а психического аппарата, которое проявляется или уже в самом детстве, или на определенном этапе формирования человека. Однако наследственной патологии мы касаться не будем; в этом случае человек такая же несчастная жертва, как родившийся слепым или с другими отклонениями. Мы хотим остановиться на втором виде безумия – безумия, проистекающего от неискорененных страстей.

Прежде всего следует уточнить, что происходит во время психической болезни. Что болеет? Душа дается человеку во время зачатия, она бестелесна, у нее нет органов, нет никакой сложности в природе и структуре, она обладает определенными силами и способностями, но при этом остается простой в своем существе. Душа соединена с телом, но после смерти тела она продолжает существовать без него, продолжает мыслить и чувствовать. Однако душа умершего не может вступить в контакт с нами. Так в уме композитора может звучать мелодия, но без инструмента он не может воплотить ее в звуки, передать ее вовне. Тело – инструмент души, но существует некая тонкая материя, как бы система каналов, соединяющая душу с телом, как система каналов соединяет реку с полем, которое орошается потоками воды. Это не собственно душа, а особый психический аппарат, нервная ткань, пронизывающая все клетки человеческого тела, но имеющая своим центром мозг человека. Здесь создаются необходимые условия для взаимоотношений души с внешней средой – это грань между душевным и телесным. Здесь образуются некие комплексы, рефлексy, здесь мысли облакаются в форму слов и так далее. Здесь перерабатываются внешние впечатления и затем откладываются в памяти.

Это система связи и взаимоотношений. Это как бы поверхность души, как бы оболочка, но она не сливается с самой душой.

Безумие – это разрушение правильного взаимодействия между душой и миром. Когда сигнальная система человека дает сбой, рушится, он теряет способность адекватно воспринимать внешний мир. Он теряет самопознание, погружается в какую-то бездну хаоса. Что происходит с ним? У человека есть инстинкт самосохранения. Человек, скажем так, имеет мощную подсознательную способность просчитывать в трудных обстоятельствах все варианты и выбирать тот, который сохраняет ему жизнь. В этом отношении безумие – попытка человека сохранить свою жизнь, убежать в болезнь, скрыться в ней, создать иллюзорный мир и жить там, как в скорлупе, отгородившись от действительного мира, который стал для него невыносим. Причина этого, образно говоря, – микроб гордости, который внедрился в него с самого детства (так бывает чаще всего) и затем незаметно развился до грандиозных размеров.

Основа психического спокойствия человека – смирение: смиренный лег на землю, и буря пронеслась над ним, а гордый встал во весь рост, и буря швырнула его на камни. То же происходит и с бурей страстей. Человек смирил себя, признал свое бессилие, признал свою греховность – и буря, прошумев, прошла. Гордый во всех искушениях обвиняет лишь других и даже Самого Бога, страсти клокочут в его сердце, можно сказать, что он находится в постоянной борьбе – только не со своими страстями, а с мнимыми врагами. Гордый человек всегда неблагодарен Богу, неблагодарен за дарованную ему жизнь; он неблагодарен окружающим его людям, так как в глубине души считает, что для них великая честь и счастье общаться с ним. Он верит, что обладает теми талантами и способностями, которых нет больше ни у кого. Он тяжело переживает малейшие проявления не только неуважения, но и безразличия по отношению к нему. Ему кажется, что ему дано какое-то особое право распоряжаться другими людьми, а когда он получает отпор, то негодует на них, как на неблагодарных и глупых животных, которые не могли понять его великую душу. Впрочем, гордость многолика, можно лезть в чужие дела и получать по носу, но можно молчать и презирать людей, решив, что по сравнению с тобой они не более чем лающие собаки¹⁷¹.

Самая страшная гордость – духовная гордость, когда человек восстает против Бога, когда он считает, что Бог несправедлив к нему; он как бы говорит: «Почему люди, худшие меня, пользуются Твоими благами, а я несправедливо обижен?». Если он неверующий, то ему кажется, что весь мир объединился в борьбе против него. У гордого в сердце постоянно тревога, у гордого в душе постоянно страх.

Люди соединены друг с другом любовью, гордый теряет любовь, а потеря любви – уже начало безумия. Здесь происходит внутренний конфликт: если он верующий, то считает, что Бог, как жестокий отец, выбросил его из дома, у него в сердце глухая ненависть к Богу; если неверующий, то полагает, что он единственно достойный человек, который живет среди подлецов и негодяев, живет в доме, где по стенам ползают скорпионы, готовые ужалить его, поэтому он в хроническом нервном напряжении. В глубине души он убежден, хотя бы и не признавался в этом, что люди достойны того, чтобы земной шар начинить динамитом и затем взорвать.

Гордый всегда неудовлетворен. Гордый не может быть счастлив, потому что счастлив лишь тот, кто довольствуется тем, что имеет. Гордый живет в этой земной жизни. Он не ощущает вечности своим сердцем, поскольку в нем гнездятся нераскаянные грехи, страсти: ведь гордый не может каяться, он во всем прав. Он не может молиться,

¹⁷¹ Преподобный авва Дорофей рассказывает о некотором брате, который, невзирая на досаждения и оскорбления, никогда не был скорбен или разгневан. Преподобный спросил этого брата, какой помысл всегда имеет он в сердце своем, что переносит обиды с таким долготерпением. Брат же отвечал ему: «Мне ли обращать внимание на их недостатки, или принимать от них (обиды), как от людей? Это – лающие псы». «Услышав это, – говорит преподобный авва Дорофей, – я преклонил голову и сказал себе: нашел путь брат сей, и перекрестясь удалился от него, моля Бога, чтобы Он покрыл меня и его» (*Преподобный авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания... С. 107.*) – *Ред.*

хотя бы даже читал слова молитвы, потому что считает, что это недостойно его: просить о чем-нибудь и умолять; он хочет говорить с Богом как равный. Когда же это не удается, то нередко происходит срыв в оккультизм и демонизм. Демонизм – один из поставщиков живого товара в дома умалишенных.

Гордый постоянно входит в конфликт со всеми, и здесь его психический аппарат, изношенный и разрушенный, уже не выдерживает. Здесь или смерть, или, как альтернатива смерти, безумие. В это время активизируются темные демонические силы и помогают человеку создать тот мир безумия и хаоса, в который он затем погружается. Попав в этот мир, человек уже не может выйти из него. Самый характерный симптом в этом случае – отсутствие любви. Если безумный плачет, то он оплакивает себя; если говорит, то только о себе; диавол холоден, и человек, пораженный безумием, становится холодным и безучастным. Только смирение может спасти человека от безумия, но в том-то и дело, что он уже не может смирить себя. Даже в своих галлюцинациях и навязчивых идеях безумные воображают себя обычно великими людьми – и в этом проявляется тот же комплекс гордыни. Без смирения невозможно действие благодати, без благодати – невозможна любовь; без любви мир становится больным и несчастным. Мы говорим о явных видах безумия, а сколько «стертых» видов этого недуга, как часто мы сами становимся на время безумными – именно тогда, когда теряем любовь!

Гордый весь исполнен страстей, но сама по себе гордость – это такая сильная страсть, что может заглушить все остальные. Человек, одержимый гордостью, нередко удовлетворяется ею одною, и потому с первого, поверхностного взгляда он может показаться порядочным и даже нравственным, но эта мнимая порядочность основана на самовлюбленности, на вере в свои собственные силы, на страшной духовной слепоте. Для гордого его собственная душа закрыта. Желания гордого, как правило, не исполняются, потому что они исходят из ложной предпосылки, а именно: люди должны относиться к нему так же, как относится к себе он. Поэтому между желанием и реальностью – постоянное противоречие, поэтому нервы у гордого всегда натянуты как струны; даже сны у него тяжелые и тревожные.

У гордого своеобразная мораль: он должен быть царем, а его не признают, – следовательно, люди для него – это взбунтовавшиеся подданные. Гордый постоянно чувствует себя одиноким, он не может иметь настоящих друзей, несчастен в собственной семье. Убеждение, что с ним постоянно поступают несправедливо, рождает в его душе глубокую, непроходящую обиду. Эту обиду – на всех и на вся – он всегда носит в своем сердце; это самый тяжелый груз, это какая-то свинчатка, которую он привязал к своей душе и которая тянет его к земле. Часто гордый хочет освободиться от этого тягостного состояния, но как? Через ссору, брань, через состояние, похожее на беснование (истерии, как правило, подвержены именно гордецы). После ссоры и брани он несколько успокаивается, но лишь на время; затем наступает уныние, не раскаяние, а именно уныние. Гордый не болеет душой за то, что причинил боль другим, а стыдится, что бранью унизил себя и как бы поколебал своего собственного идола, но тот, немного покачавшись, снова встал на свое место.

Если гордый попадает под власть такого же гордого человека, как он сам, то считает себя мучеником за правду. Часто ему приходится терпеть оскорбления, но гордость этим не исцеляется, только ненависть, как ядовитая змея, растет в душе. Иногда бывает и так, что гордый из тщеславия ищет опасности, чтобы продемонстрировать, точно на картинке, свою храбрость. Гордый не терпит, чтобы кто-то был над ним, поэтому одна из самых распространенных причин неверия – гордость ума. Если же гордый верит в Бога, то хочет утвердить себя в вере, как учитель и пророк, хочет использовать веру для того, чтобы властвовать над людьми, чтобы быть центром их внимания. Здесь происходит то, что, к сожалению, можно наблюдать порой в православном храме. Люди с апломбом учат других, когда их никто не просит, и учат тому, чего и сами не знают и не понимают. Или же поступают еще хуже: неосведомленность и ошибки человека, только пришедшего в храм, они используют для того, чтобы показать свою ревность в вере, используют как

возможность удовлетворить свою страсть властолюбия и тщеславия, безнаказанно оскорбляя другого.

На более высоком интеллектуальном уровне гордость может привести таких людей к ереси и расколу. Гордость не терпит послушания, а вера – это послушание догматам. Гордость хочет реализовать себя, найти что-то необычайное, что поразило бы воображение людей. В этом одна из причин религиозного реформаторства. Гордость убивает любовь, и религия воспринимается уже на другом, на страстном уровне. Здесь отсутствует главный критерий истины – ощущение, переживание присутствия благодати; а страсти, словно бушующие волны, швыряют ум человека, как легкую лодочку, из стороны в сторону. Гордость рождает ереси, она находит в них *свое*; на уровне души религия не доказывается ни фактически, ни логически, поэтому многие еретики убеждены в том, что они открыли истину: «проверка благодатью» им недоступна.

Само неверие носит эмоциональный характер: в этом может убедить история гонений, которым вера подвергалась и подвергается, когда атеисты захватывают власть. Здесь не теоретическое несогласие, а какая-то диавольская вакханалия, желание уничтожить святыню или оплевать, осквернить ее. Кошунство само по себе – явление психологическое. Гордый хочет отделаться от мысли о Боге. Даже предположение о том, что существует Божество, может приводить его в неистовство, похожее на состояние припадка. Произнесите имя Бога в присутствии гордого, и в глазах его блеснет злоба, хотя бы он и хотел сдерживать ее, – как огонек в глазах у волка.

Мы сказали, что нередко человек стремится «разрядиться» через брань и ссору, которую подсознательно провоцирует. Но когда он по трусости или по каким-либо иным причинам (возможно, чтобы не ударить в грязь лицом) сдерживает себя, то эта энергия обращается против него самого. Человек должен сдерживать гнев, но на других внутренних основаниях – таких, как самообвинение, молитва за своих обидчиков; а здесь гнев приобретает форму устойчивой, хотя и скрываемой иногда, ненависти. Если гнев сравнивать с огнем, то ненависть – это огонь, превратившийся в лед, и этот лед может горами лежать на дне человеческого сердца.

Гордость – ненормальное состояние. Гордый открывает свою душу для демонических импульсов, он – человек, попавший в поле страшной духовной «радиации». Одно из проявлений гордости, а также путь к ней – это непослушание. Вся человеческая жизнь – и духовная, и физическая – проходит в определенных, если можно так выразиться, структурах. Непослушание – выход из структуры, ломка ее; результат этого – самоизоляция человека. Мысль о собственной исключительности, своем превосходстве делает послушание в глазах такого человека неприемлемым. Но без послушания невозможно научиться чему бы то ни было по-настоящему: чтобы усвоить какие-либо знания, послушание необходимо. Поэтому гордый человек чаще всего обрекает себя на некое неистребимое невежество, особенно в духовном плане.

Непослушание – это завышенная самооценка, презрение к другим людям. Характерно, что отвергающие послушание в то же время очень активно, настойчиво требуют, чтобы слушались их; оттого-то в наше время так много недоучившихся учителей. Гордый не видит в человеке образа и подобия Божия, поэтому общение с человеком не удовлетворяет его, не дает ему радости. Гордый везде и всегда одинок. Он наказан уже здесь, в этой жизни, тем, что не может быть счастливым. Душевные болезни – это один из тех страшных путей, на которые может привести гордого его гордость. Из этого состояния никто и ничто не может вывести человека, разве только особый Промысл Божий.

Даже если человек желает себе счастья только во временной жизни, на земле, и то он должен знать, что лишь смирение может дать ему душевный покой. Но как обрести смирение без благодати Божией? Еще один характерный факт: потомство величайших злодеев мировой истории нередко вымирало спустя несколько поколений, и уже среди их внуков и правнуков почти всегда оказывались психически больные люди, алкоголики и наркоманы, которые несли на себе проклятие, лежавшее на их отцах, на их роде.

Одним из проявлений гордости является трусость. Казалось бы, трудно найти прямую связь между двумя этими качествами, но, по нашему мнению, причиной трусости являются именно те глубокие внутренние травмы, которые пережила (особенно в детстве) гордая душа. Чаще всего боязливость – следствие насилия, подавившего человеческую волю, однако на смиренную душу насилие действует не глубоко, оно как бы «скользит» по поверхности сознания, в этом отношении смиренный похож на известную игрушку, которая, как ни переверни ее, выправляется и снова встает. Гордый внутренне противится насилию, противопоставляя ему свои собственные силы, а главное, ненависть и злобу, и в то же время глубоко переживает несправедливость, – но не по отношению к другим, а к себе. Наконец, исчерпав свои силы, он находит выход в бегстве: страх выключает сознание человека, у него парализуется способность сопротивляться, он уже старается приспособиться к окружающей среде, а при каждой опасности сдаётся.

Но это вовсе не смирение, которое уступает внешнему нажиму, оставаясь при этом благодушным. Обычно трус проявляет жестокость по отношению к тем, кто слабее его, как бы мстя им за свой страх. Поэтому трус всегда жесток, жизнь его проходит в непрекращающейся тревоге, даже когда нет реальной опасности, он выдумывает ее, и это – «стертый» вид безумия. Однако, как ни странно, для гордеца в таком состоянии есть момент своего рода наслаждения, заключающегося в упоении своим унынием или в наслаждении болью.

Нередко боязливость переходит в явную психическую болезнь с различными маниями и фобиями: человеку кажется, что его преследуют враги, что опасности окружают его со всех сторон. Он ищет выхода в бегстве от преследователей, образы которых вызваны из небытия его воображением и дьявольской фантазией; демон – дух смерти, и одержимый страхом ищет наслаждения в состоянии, подобном смерти.

Когда мы говорим, что гордый болезненно воспринимает реальную или мнимую несправедливость, то действительно надо иметь в виду, что речь идет о несправедливости и обиде, причиненных лично ему, а что касается других, то до них гордому нет дела. Гордый не откликается на боль ближнего, он равнодушен к несчастьям окружающих людей; более того, в душе он часто злорадствует, когда видит, как страдают другие. Зато он крайне обостренно переживает пренебрежительный взгляд, грубое слово, замечание, а иногда даже простой совет. Душа такого человека бесчувственна к другим, как камень, по отношению же к себе проявляет болезненную чувствительность: она похожа на нежные листочки мимозы, которые складываются и опускаются от самого легкого прикосновения.

Смиренный, когда его оскорбят, прежде всего подумает о том, не заслужил ли он это оскорбление, и если даже не заслужил, найдет в себе довольно великодушия, чтобы простить обидчика. Гордый носит в себе обиду годами, она разъедает его сердце, как ржа железо, отравляет его кровь, как гнойная язва, поэтому гордый – враг в первую очередь самому себе. Есть такая форма безумия: человек представляет себя диким зверем, чаще всего волком. Были случаи, когда такие безумцы подстерегали в глухом месте путников, даже детей, и перегрызали им горло зубами, как перегрызает горло своей жертве волк. В этом безумии воплощалась их ненависть к людям.

Некоторые считают, что причина безумия – это урбанизация, то есть образование огромных городов, где человек чувствует себя одиноким, всеми забытым и заброшенным, а также технический прогресс, который все большей и большей тяжестью давит на психику человека. Но это только побочные факторы; главная причина все та же – гордость. Технический прогресс дает для человеческой гордыни обильную пищу, а жизнь в большом городе отрывает человека от земли и делает по отношению к людям отчужденным и холодным.

Вся наша жизнь проходит в определенных ритмах. Некоторые люди, пытавшиеся понять природу мысли, говорили, что она похожа на музыкальный аккорд. В космосе, в атоме, в самом человеческом организме заключены сложнейшие структуры, которые действуют по принципу ритмов. При поломке структуры сбивается ритм, но существует обратная связь: при нарушении ритма разрушается структура. Почему у человека есть

врожденная потребность петь? Потому, что пением он настраивает себя на определенный ритм. В чем заключается очарование поэзии? Опять-таки в ритме, который захватывает человеческую душу.

Современное искусство становится все более ритмичным, а авангардное искусство основано на диссонансах. Рок-музыка, металлизм, кубизм¹⁷² – все это искусство взрывов и разрушений, искусство хаоса и смерти. Известно, что рок-музыка приводит людей в состояние некоего демонического транса, когда в душе рождается жажда насилия и разрушения, нередко выливающаяся в какое-то коллективное безумие. Но почему современный человек упорно ищет те формы искусства, которые еще недавно вызывали бы неприятие и отвращение, как крики и визг из окон сумасшедшего дома? Как раз потому, что в этих апокалиптических картинах и музыкальных «революциях» или, если угодно, бойне звуков микроб безумия, внедрившийся в сознание человека, узнает *свое*. Это искусство сродно внутреннему безумию человека, поэтому оно объединяет людей в одно черное поле.

Уже XIX век был началом декаданса¹⁷³, который сорвал покров романтики с человеческих страстей, как грабитель гробниц срывает саван с покойника. Он воспевал демоническое лицо порока, находил наслаждение, копаясь в мусоре и помоях, скопившихся в испорченной и развращенной человеческой душе. Жизнь многих декадентов, таких, как, например, Бодлер, Бальмонт или Блок, окончилась явным безумием^{XXXVII}. Однако характерно, что декаданс XIX и начала XX столетий сохранил изящество формы. Зловонную грязь он разливал в хрустальные бокалы. Декаданс же второй половины XX века уже не смог сдержать безумия даже в пределах той внешней ритмики, которая присутствовала в стихах Верлена^{XXXVIII}, в живописи Врубеля^{XXXIX} и в музыке Скрябина^{XL}. Узда созвучий, рифм, ассонансов¹⁷⁴ и т. д. была сорвана.

Современный человек, как бы сотканный из противоречий, ищет выхода в мире диссонансов. Это образ ломки структур, ломки законов, ломки морали. Говорят, что глубокие пропасти имеют какую-то притягательную силу: некоторые люди чувствуют непреодолимое желание броситься в их бездну. Точно так же у некоторых людей возникает желание броситься в гущу зла, отдаться ему, служить демону, как какой-то огромной, влекущей силе, которой они не могут, а точнее, уже не хотят сопротивляться. Человек, отдавшийся греху, ставший как бы единым духом с демоном, уже безумен.

Есть слово «безобразие»; обычно его понимают, как некрасивый или возмутительный поступок, но на самом деле смысл этого слова более страшный, можно сказать, зловещий. Человек – это образ Божий. Безобразие – это потеря образа Божия, вследствие чего человек становится образом демона. В какие только бездны греха он не впадает, какие мерзости не совершает по отношению к другим и по отношению к своей собственной душе! Поэтому преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Наказание гордому – его падение, досадитель – бес, а признаком оставления его от Бога есть умоисступление»¹⁷⁵. Современное искусство – своего рода барометр духовного состояния человека. Стрелка этого барометра упала почти до нуля, как бы предвещая бурю. Безумие все больше охватывает человечество. Цивилизация одновременно питает его гордость и обрекает на одиночество. И помочь может только вера, но наша интеллигенция хочет познать Бога разумом, а не сердцем, познать без личного подвига, без борьбы со своими страстями. Кто-то, напротив, ограничивается лишь внешним исполнением обрядов и ритуалов, при этом так же не стараясь изменить своей жизни. Поэтому большинство

¹⁷² Кубизм – авангардистское течение в изобразительном искусстве первой четверти XX столетия.– *Ред.*

¹⁷³ Декаданс (франц. *d!ecadence*, от средневекового лат. *decadentia* – упадок) – течение в литературе и искусстве конца XIX – начала XX века, характеризующееся оппозицией к общепринятой морали, культом красоты как самодовлеющей ценности, сопровождающимся нередко эстетизацией греха и порока.– *Ред.*

¹⁷⁴ Ассонанс (франц. *assonance* – созвучие) – созвучие гласных звуков, преимущественно ударных, особенно в неточной рифме (огромность – опомнись, грусть – озарюсь и т. п.).– *Ред.*

¹⁷⁵ *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 23, глава 10.– *Ред.*

людей живет в состоянии какого-то полувверия. Почти все забыли о самом главном – об очищении своего сердца от гнездящихся в нем страстей.

С чего же начать? С евангельских заповедей. Прежде всего осознать себя духовно нищим, это первая ступень и в то же время основание для второй и последующих. Девять заповедей блаженств¹⁷⁶ похожи на девять ангельских чинов, высший из которых стоит у Престола Божия, а низший касается земли. Эти заповеди вырвут душу человека из цепких когтей безумия. Но как действительно осознать свою нищету, как стяжать смирение? Путь к этому – находиться в послушании, находиться в том чине, к пребыванию в котором ты призван; иметь в Церкви духовного наставника и руководителя; во всех жизненных ситуациях стараться оправдать других и обвинить себя. Святые отцы сказали: «Господь в пример смирения поставил Себя Самого, потому что добродетель эта неисчерпаема, не имеет пределов и границ». Гордый боится своей собственной тени, хотя и скрывает это, а смиренный остается спокойным среди бурных волн. Кто победил гордость, тот победил страх, отчаяние и безумие, потрясающие весь мир.

Христианка и в то же время язычница

Наша душа по природе своей – христианка, но по страстям своим – язычница. Она невеста Христова, но изнасилованная демоном; она царица, ставшая блудницей. Она образ и подобие Божие, но вместе с тем в ней отразился темный лик сатаны. Она обитательница земли – пылинки, кружащейся в космосе, в космическом вихре, и вместе с тем – поле великой и последней битвы между Богом и падшим архистратигом. Она рабыня мира, обусловленная, ограниченная в своем существовании пространством и временем, и она же решает его конечные судьбы. Она живет в бурлящем потоке времени, но вместе с тем принадлежит вечности. Она забыла о самой себе, зачарованная фантазмагорией земных картин, призраками своего страстного воображения и снами несбыточного счастья, но ничто на земле не удовлетворяет ее, и она чувствует себя здесь странницей. Она сама забыла о себе, но Бог ради нее создал бесчисленные миры; для ее спасения Промысл Божий управляет космосом и историей.

Образно говоря, человеческая душа в руке своей держит руль вселенной. Она создана для богообщения, но чаще всего стремится к общению с демоном. Она частица неба, упавшая в грязь. Она одинокая маска среди шумного, пестрого карнавала. Она или, забыв свое божественное достоинство, отождествляет себя с червем и зарывается в грязь; или, ощущая трагизм своего бытия, безмолвно вопиет: «Для чего мне дана эта жизнь, зачем я попала сюда?».

...Ответь мне, душа моя, кто ты? Если ты от небес, то почему ищешь счастья в грязи? Если ты от земли, то откуда у тебя тоска по небу? Если ты царица, то зачем надела вместо порфиры нищенские лохмотья; если родилась нищей, то почему ищешь богатства, которого не имела? Если ты не знаешь Бога, то почему вдруг среди мирского шума сердце твое внезапно дрогнет от слов молитвы, непонятных тебе, как от звуков песни, слышанной в далеком детстве? Если ты не помнишь о рае, то откуда эти горячие слезы, которые обжигают твое сердце, слезы неведомой любви, более сладкие, чем все наслаждения мира? Кто напечатлел в глубине твоей таинственное имя Бога? Как могла ты забыть о Нем, точно богач, зарывший клад и затем потерявший место, где он сокрыт?

Кто ты? Горный орел с поломанными крыльями или еще не оперившийся птенец, который беспомощно ползает по земле, а вороны каркают, глядя на него с веток деревьев? Почему порой ты кричишь и бьешься во внутренних муках, как зверь, попавший в капкан, грызет железо, желая вырваться на волю и падая в изнеможении?

Будучи подобна бесплотному Ангелу, ты облечена в брненное тело, которое по смерти истлеет в гробу. Как стала ты трупоносицей, душа моя? Почему, видя вокруг

¹⁷⁶ См.: Мф. 5, 3–11.– *Ред.*

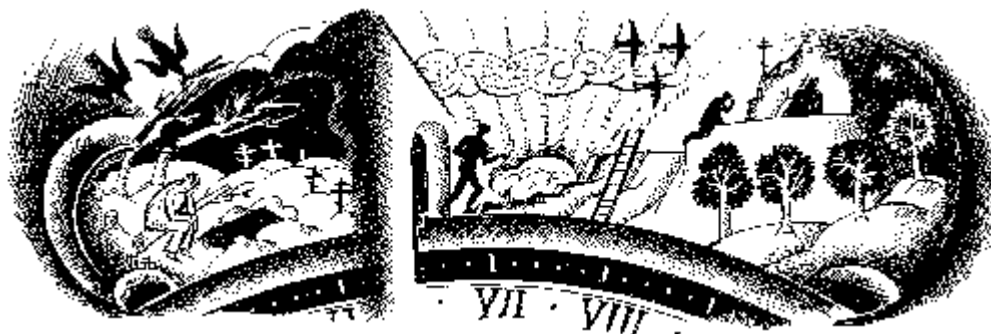
картины и призраки смерти, ты отгоняешь, как врага, мысль о неизбежном приходе ее к тебе? Почему ты впила в эту земную жизнь, как клещ в собачье ухо?

Господь дал тебе все для спасения, но ты как слепец, который несет мешок с золотом и не знает, что в нем. Почему, душа, ты, простая по природе, как луч света, превратилась в клубок неразрешимых противоречий, в узел со спрятанными концами, развязать который сам человек бессилён? Почему, душа моя, уподобилась ты малому, неразумному дитяти, играющему с ядовитой змеей, любящая ее окраской, или собирающему цветы на поверхности топкого болота?

И отвечает душа: «Я падшая звезда, хранящая память о небе, я любовь Христа; ради меня Он сошел на землю. Господь, сотворив меня, как отблеск Божественного света, вручил мне царский перстень, чтобы я обручилась с Ним; этот перстень – моя свободная воля. Как велика любовь Божия ко мне: я сотворена Его словом, а искуплена Его Кровию, о спасении моем будут радоваться небеса, а о гибели – скорбеть Ангелы, как братья над гробом своей младшей сестры! Больше не спрашивай меня ни о чем: я тайна для себя самой. За гранью слов – область молчания, тайну же мою откроет вечность».

О молитве

Дыхание жизни

Духовная жизнь во многом – это искусство молитвы. Святые отцы называли молитву дыханием жизни, нервами души, золотым дождем, льющимся в душу человека, неиссякаемым источником благодати, небесным сокровищем, которое человек всегда имеет при себе. Молитва – это ключ, открывающий врата Небесного Иерусалима.

Молитва – это лестница, по которой душа восходит от земли к престолу Божию. Молитва – вечный, нетленный, неугасимый небесный свет, который видит сердце человека.

Молитва – воскресение человеческой души прежде воскресения тела.

Молитва – крылья души; без нее душа в своих помыслах и страстях ползает, как червь, по земле.

Молитва – это озарение бездны нашей души небесным светом.

Молитва – постоянное пребывание с Богом, неоскудевающий родник светлой радости.

Молитва – предчувствие и преддверие рая.

Человек создан для вечности, его истинная родина, его отчий дом – это небо. Здесь, на земле, он – изгнанник и странник. Когда человек забывает о своем предназначении, когда ему кажется, что его жизнь – это только краткий путь от рождения до смерти, от колыбели до могилы, – тогда он становится самым несчастным существом на земле.

Молитва – это воспоминание о потерянном рае, это обращенность души к Богу. Для молитвы нет времени и расстояния. Если на слова молитвы откликнулось сердце, то их услышало все небо. Если слова молитвы излились из глубины души, то они достигли Господа. Мы часто совершаем в молитве роковую ошибку: нам кажется, что мы молимся своими силами, сами по себе, а Бог только отвечает на нашу молитву. Но это не так: мы молимся истинно только тогда, когда благодать Божия молится вместе с нами.

Благодать – это Божественная любовь, Божественная сила, которая спасает человека. Само «напоминание» о молитве, желание молиться – действие благодати.

Человек может принять благодать и может отвергнуть ее, но «заменить» благодать своими человеческими силами – невозможно. Если человек считает, что может молиться за счет одних усилий своей воли, концентрации своих мыслей, возбуждения своих чувств, за счет телесных трудов (поклонов, коленопреклонений), – то, значит, он приписывает молитву своему личному подвигу, своим человеческим способностям, и тогда происходит потеря самой молитвы: или наши силы истощаются и молитва рассыпается, как здание, построенное не на камне, а на песке; или происходит надрыв душевных чувств, и после молитвы человек вместо душевного мира испытывает болезненную раздражительность, как будто у него обнажены нервы; или же, что хуже всего, он погружается в состояние мечтательной восторженности, в гордое самолюбование.

Демон внушает человеку, что он великий подвижник, как будто убаюкивая душу колыбельной песней. Мы должны помнить слова Господа: *Без Мене не можете творити ничесоже*¹⁷⁷. А молитва – это высшее творчество духа, перед которым душевное творчество с созданными им шедеврами искусства бледно и ничтожно.

Церковь в начале молитвенного правила постановила читать молитву Духу Святому: без Него молитва будет мертва. Но как нам узнать, где действует благодать, а где – человеческие силы? Ведь наши духовные чувства необучены: и свой восторг, и свое настроение мы можем принять за духовное переживание. Дать место в своем сердце благодати Божией можно, лишь устранив две преграды, которые мешают ей действовать в нас. Первая – страстность, вторая – гордыня.

Молитва без покаянного чувства – это не благоговейная беседа, а дерзкий вызов Богу. Господь свят, а мы грешны, поэтому приблизиться к небесному пламени и не опалиться мы можем только через покаяние. Борьба с гордостью – это постоянное чувство своей немощи и своего бессилия, постоянное ощущение необходимости в помощи благодати. Мы как бы говорим Богу: «Я бессилен, Ты Сам молись во мне, Сам учи меня молиться и Сам прими эту молитву». Тогда человек будет ощущать в молитве нечто иное: не свою силу, а силу Божию. Тогда он поймет, что душа его была прежде бесплодной, мертвой, как раскаленный песок в пустыне. А теперь в этой пустыне отверзлись источники вод. Здесь нельзя даже помыслить, что наша воля отключается от молитвы, – наоборот, наша воля покоряется благодати, хранит благодать в сердце, желает этой благодати, прислушивается к ее безмолвному голосу, отдает ей всю славу, а о себе мыслит как о способной совершать только грехи. Когда человек, обращаясь к Богу, говорит: «Я...», то Бог оставляет его с его маленьким «я». Когда человек в молитве говорит Богу: «Ты...», то Бог восполняет его немощь и скудость Своей силой и пребывает с ним.

Основа молитвы – мысль: «Ты – всё, а я – ничто». Это ее гранитный фундамент. Происходит некое таинственное единение Бога с душой: душа слушает благодать, а благодать слушает душу. Об этом так говорит апостол Павел: *Потрудился я, впрочем, не я, а благодать Божия*¹⁷⁸.

Если Господь должен быть высшей целью и главным содержанием жизни для верующего человека, то, значит, способность души обращаться к Богу, то есть молитва, должна стать внутренним стержнем, пронизывающим все мысли, слова и дела человека. Если человек живет для вечности, своим земным бытием приуготовляет себя к истинной, вечной, не имеющей конца жизни, то самым важным делом для него должна быть молитва, а все остальное, включая его домашние и общественные обязанности, – служить лишь приготовлением к ней.

Мы чаще всего думаем, что внешние обстоятельства, особенно работа, мешают нашей молитве. Но на самом деле главным препятствием для нее служат наши собственные внутренние противоречия. Как движению крови по артериям и венам мешают склеротические образования, так и молитве препятствуют не занятость и труд, а

¹⁷⁷ Ин. 15, 5.– *Ред.*

¹⁷⁸ Ср.: 1 Кор. 15, 10.– *Ред.*

ложь и лицемерие, лень и сластолюбие, слишком большая привязанность к земной жизни.

Что нужно сделать, чтобы наши обязанности совмещались с исполнением заповеди о непрестанной молитве? (*Всегда молитесь, за все благодарите*¹⁷⁹, – говорит святой апостол Павел.) Не надо воспринимать свое дело как ярмо, надетое на шею животного, или оброк, который нужно заплатить миру, а затем свободное время отдать молитве. На свою работу надо смотреть как на послушание, данное от Бога, делать ее, как перед лицом Божиим, со всем усердием и добросовестностью, имея притом всегда мысль, что мы служим не людям, а Самому Господу. Если мы будем работать не для того, чтобы, поскорее отделившись от работы, проводить духовную жизнь, а так, чтобы посредством ее угодить Богу, то сама работа станет стимулом для молитвы, хотя бы она заняла больше времени и потребовала больше усилий и труда, чем раньше. Тогда жизнь, соединившись с молитвой, будет вся пронизана ее светом, тогда наша совесть обретет покой.

Главные силы души – воля, разум и чувства. Волю следует упражнять в том, чтобы принуждать себя подчиняться разуму, а не чувствам, воля должна быть союзником ума, а не эмоций и настроений. Чувства надо обучать, очищая их от страстей и слепой привязанности. В духовной жизни наслаждение – враг ума и сердца, это приманка, которую человек заглатывает, как рыба крючок.

Ум следует упражнять для молитвы:

1) памятью о смерти;

2) возведением его от видимого к невидимому, от вещественного к духовному. Например, любимся мы красотой природы или человека – подумаем: как же прекрасен должен быть их Создатель, какова же неизреченная красота духовного ангельского мира! Видишь свет солнца – вспомни о духовном свете, просвещающем души людей. Увидел ночное небо – скажи себе: «Как велик Творец этих небесных миров! Сколько тайн сокрыто от человека!».

Любой предмет, любое событие могут служить для ума напоминанием о будущей жизни, о духовном мире; обученный этому ум из всего может извлекать для себя уроки и примеры.

Чтобы не быть поработанным земным, вещественным и внешним, во всех ситуациях мысленно спрашивай себя: «А что будет дальше, каково завершение всего?». И увидишь, что конец всего земного – прах и тление и только духовное вечно. Уже этим самым мы будем очищать ум от земных образов, возводить душу к Богу, помнить о Его вездеприсутствии, иметь Его в мыслях – то есть иметь молитву. Например, прельщает красота женского лица – спроси себя: а что будет через двадцать или тридцать лет? Морщины избородят лицо, как шрамы; глаза, которые кажутся драгоценными камнями, превратятся в комочки слизи, зубы выпадут. А что затем? – Смерть. А что будет с этим человеком в гробу через несколько дней? – Лицо потемнеет, начнет опухать, труп будет издавать смрад, а через месяц в могиле – какой-то страшный студень, в котором копошатся черви. Вот земная красота и ее конец.

Если мы приучим себя спрашивать: «Что дальше? что следует за тем?», – то поймем, что все видимое обречено на гибель, что все мирское – неверный друг, который оставит нас, что единственная ценность в этом мире – человеческая душа. Подобные «упражнения» очищают ум и готовят его к молитве.

¹⁷⁹ Ср.: 1 Фес. 5, 17–18. – *Ред.*

Жизнь не должна быть беспорядочной и хаотичной. Человек не должен хвататься сразу за несколько дел: он утомляется и устает от самой беспорядочности в работе, и тогда в душе его возникают вместо благоговения к Богу чувство уныния, ропот и раздражение на себя и на всех. Ему кажется, что накопившиеся дела превратились в огромную гору, сдвинуть которую с места он не в силах. Поэтому работа, которую человек откладывает или, начав, не доводит до конца, давит на его душу, как неуплаченный долг. Не труд, а внутренняя разбросанность мешает молитве. Надо взять за правило: не делать несколько дел одновременно. Надо спокойно подумать и решить для себя, какое из них самое важное и неотложное, и начать с него, как будто оно – единственное дело, которое необходимо сделать. Надо бороться с рассеянностью и невнимательностью, как с врагами своей души.

Когда человек берется сразу за несколько дел и, не окончив одно, думает о другом, то он вырабатывает в себе то свойство характера, которое можно назвать хронической небрежностью и безволием. Такой человек не сможет сосредоточиться на молитве: совершая молитвенное правило, он будет в то же время обдумывать и решать множество дел. Его молитва перейдет в механическое повторение зазубренных слов, причем мысли будут разбегаться во все стороны, как шарики пролитой ртути. Только закончив одно дело, человек должен приступать к другому.

Теперь о внешней стороне молитвы. Человек состоит из духа, души и тела. Положение и состояние тела для молитвы очень важны. Когда человек расслабляет свое тело, то мысль его становится вялой, она начинает как бы дремать. Когда человек при молитве сидит вразвалку, положив ногу на ногу, или лежит в небрежной позе, то у него исчезает чувство благоговения к молитве, он фамильярно, как бы сквозь зубы говорит с Богом.

Существует два вида языка, два вида самовыражения: через слово и через жест или движение. Поклоны, коленопреклонения – это безгласный язык, где слово заменяется движением. Это вид письма, которое не написано чернилами на бумаге, а отражено и воплощено в самом человеческом теле.

Для духовной жизни огромную важность имеет контроль за тем, что человек говорит: всякое пустое слово – это потеря драгоценной энергии человеческой души, поэтому после долгих и бессодержательных бесед у человека появляется чувство опустошения, утраты. У него пропадает желание молиться, душа наполняется каким-то туманом и тяжестью. Он становится ненавистен самому себе. Это ощущение потери похоже на досаду и горечь игрока, который возвращается домой с пустыми карманами.

Каждое лживое слово – шрам на лице человеческой души, обезображивающий ее рубец. Каждое гнилое и скверное слово – смердящая язва, ибо Господь сказал, что за всякое пустое слово человек даст ответ на Страшном Суде, и тем более – за греховное¹⁸⁰. Здесь – взаимная связь между душой и словом: сердце рождает помысл, от которого происходит слово, а сказанное слово, как бумеранг, возвращается к человеку; душа становится главной мишенью его собственных слов. То же можно сказать о языке жестов и движений: они могут выражать не только сильные эмоции, но и тонкие движения человеческой души. В походке, телодвижениях, позе человека находит свое выражение целая гамма чувств: радость и горе, высокомерное пренебрежение и тайное пристрастие, любовь и отвращение. С особенной мимической силой выражаются такие страсти, как гнев, страх и блуд. Поэтому человек так же, как за своими словами, должен следить и за движениями своего тела. В позе не меньше, чем в словах, может проявиться распушенность, и она также имеет обратное действие на душу человека. Если человек в состоянии гнева сохранит внешнее спокойствие, не будет сжимать кулаки и стискивать зубы, хмурить брови, нервно шагать по комнате, размахивать руками или каким-нибудь другим образом проявлять свою страсть, то она не получит поддержки со стороны тела и человек быстрее успокоится. Это можно легко проверить на собственном опыте.

¹⁸⁰ См.: Мф. 12, 36.– Ред.

Если человек не проявит вольности в движениях или мечтательной расслабленности во время искушения от нечистых помыслов, то они быстро пройдут, как проходит туча по небосклону. Некоторым кажется, что внешнее не имеет значения для духовной жизни, что единственное, нужное для человека, – это отдать Богу свое сердце. Но они не понимают, что тело – не внешняя одежда, а часть нас самих, что между телом и душой существует самая тесная связь, что очищение сердца – это не одно намерение и решимость, это упорный труд, который длится до самой смерти.

Во всяком обучении мы видим переход от легкого к более трудному, от простого к сложному; контроль над своим телом – это условие, необходимое не только для новоначальных, это один из тех краеугольных камней, на которых возводится здание всей нашей духовной жизни.

Церковь включила в богослужение как органичную часть молитвы язык ритуалов и обрядов. Можно сказать, что не только ум человека, но и весь человек как душевно-телесное существо участвует в богослужении. Церковный обряд – это особый символический язык. Даже если человек не может перевести совершающийся обряд на язык слова, то есть объяснить его, но участвует в нем, то он все равно включается в благодатное поле Церкви, как включается лампа в энергетическую сеть, хотя мы, в сущности, не знаем, что такое электричество, а фиксируем только его действие и силу.

Святые отцы запрещали нескромные, беспорядочные, суетливые движения, наполняющие нашу душу нечистыми и нелепыми помыслами. Если суммировать их наставления относительно этого предмета в нескольких словах, то человек должен держаться скромно и просто. Даже наедине с собой или отходя ко сну, он должен помнить, что он не один, а находится в присутствии своего Ангела-хранителя. Святые отцы советуют во время молитвы быть особенно подтянутыми, не переминаясь с ноги на ногу, не расслаблять тело. Если человек очень устал, то лучше сесть и некоторое время продолжать молитву сидя.

Что касается поклонов и коленопреклонений, то это выражение нашего богопочитания. Здесь движение и жест как бы дополняют слово, усиливают и углубляют его. Тело при молитве не должно быть ни расслаблено, ни излишне напряжено. Первое ослабляет, как бы усыпляет, а второе утомляет человека. Тело должно быть собрано, должно находиться в состоянии внутренней готовности, какое бывает перед совершением работы, требующей усилия и быстроты, когда человек как бы ощущает свои мышцы, еще не напрягая их.

Человек – единая личность, единая психофизическая монада¹⁸¹, поэтому в молитву он должен быть включен всем своим духовно-телесным существом.

Высшее делание человека

Вопрос: Что представляет собой Иисусова молитва?

Ответ: Познание имени Иисуса Христа.

Вопрос: Что это значит?

Ответ: Познание святости и спасительности этого имени для души человека. Оно раскрывается через благодать, оно познается Духом Святым, изменяя саму природу человека: его дух, душу и тело, очищая от греха его сердце, ум и память.

Вопрос: Как действует Иисусова молитва?

Ответ: Действует Сам Христос, Который благоволил стать Спасителем мира и избрал из всех имен имя Иисус. Оно неразрывно связано с Его личностью. Поэтому, говоря о имени Сына Божия, мы говорим о Его Божественных действиях. В имени Иисуса Христа действует вся Святая Троица. Сын прощает и спасает, Дух освящает, Отец благословляет. Действием Духа Святого познается Сын, в Сыне открывается Отец.

Вопрос: Что необходимо для Иисусовой молитвы?

¹⁸¹ Монада (нем., греч.) – единица; простая сущность. – *Ред.*

Ответ: Вера, что Иисус – твой Спаситель; покаяние, которое дает в сердце место действовать благодати, и надежда, что имя Иисуса Христа, победившего мир¹⁸², победит демона в твоей душе. Для молитвы необходимы труд и терпение. Вера через молитву переходит в надежду, надежда – в любовь. Любовь – вершина; труд и покаяние – основание. Слова Иисусовой молитвы – это камни духовного здания. Когда будет окончена работа, человек не знает, но если он не окончит ее в своей земной жизни, то недостающее восполнит Сам Господь.

Вопрос: Что здесь имеется в виду?

Ответ: Цель молитвы – сочетание сердца с именем Иисуса Христа. Если человек не достиг непрестанной молитвы во время земной жизни, но постоянно прилагал к тому усилия, то Господь даст ему в час смерти молитву, подобную крыльям, на которых душа вознесется к небу.

Вообще же непрестанная, сердечная молитва есть великое сокровище, которое и добывается великим трудом.

Вопрос: Что это за труд?

Ответ: Это не только повторение молитвы, это подчинение ей всей своей жизни. Что бы человек ни делал, он должен делать это так, как если бы готовился к молитве. У одного древнего скульптора спросили, как он достиг такой красоты и совершенства своих изваяний. Скульптор ответил: «Я беру мрамор и отсекаю от него все лишнее». Подобно этому человек, стремящийся к Иисусовой молитве, должен отсечь все лишнее и ненужное, все, что рассеивает ум, загромождает память, расслабляет волю, делает изнеженными и прихотливыми чувства. Если человек не подчинит свою жизнь молитве, то, несмотря на все труды, молитва останется внешней, сердце – раздвоенным, ум – постоянно отступающим от слов молитвы. Тогда может случиться другое: перед смертью восстанут страсти, которые жили в его душе, и потушат молитву, как тушит ветер зажженную свечу, и душа пойдет в вечность, потеряв имя Христа.

Вопрос: Значит, тот, кто не достиг внимательной молитвы, будет оставлен в час смерти?

Ответ: Нужно сказать, что есть два вида рассеянной молитвы. Первый, когда человек старается, но не может овладеть своим вниманием. Ум оставляет слова молитвы и обращается в предметах земных. Восстает целая буря помыслов, которая заглушает слова молитвы, но человек не бросает молитву, снова возвращает силой воли ум к ее словам, заключает его в них, и опять ум вырывается, как зверь из сетей, и вновь человек силой воли возвращает его извне вовнутрь, к тому слову молитвы, которое ум покинул. Здесь борьба. И ради труда, который человек подымлет, такая молитва спасительна.

Второй вид – это лживая молитва. Человек лжет Богу, он идет по легкому пути, читает или произносит молитву, не заботясь о внимании. Он не понимает, перед Кем стоит, что делает, с Кем беседует; он притворяется, что молится, а затем так привыкает к этому лицемерию, что не замечает его. О такой лживой и ленивой молитве пророк Иеремия сказал: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно*¹⁸³. Проклят – значит «отлучен от Бога». От такой недостойной молитвы, как и от недостойного причащения, человек становится еще дальше от Бога, чем был. Для непрестанной молитвы надо, чтобы чистый ум сочетался с чистым сердцем. Поэтому человек должен остерегаться лжи, которая загрязняет сердце и наполняет ум помыслами, а также злобы, так как со злобным сердцем не может соединиться имя Иисуса Христа.

Вопрос: Что приобретает человек от молитвы в этой жизни?

Ответ: Покой и радость. Грех наполняет душу горечью и постоянным беспокойством. Благодать Божия дает мятущейся душе покой. Внешнее не может дать человеку счастье, если в душе у него зловонная яма. Напротив, молитва, совершающаяся в сердце, убогую хижину превратит в дворец.

¹⁸² См.: Ин. 16, 33.– *Ред.*

¹⁸³ Иер. 48, 10.– *Ред.*

Вопрос: Какой самый лучший способ Иисусовой молитвы?

Ответ: Наблюдать за своим сердцем, изгонять помыслы при первом их появлении, как добрые, так и худые, и заключать ум в слова молитвы. Примером этого пусть служит кошка, которая сидит у мышиной норы и следит, и если появится мышь, тотчас бросается на нее. Так ум должен стоять над сердцем и силой гнева убивать помыслы и вселять в сердце молитву. Как на чистой доске легко различаются письмена, так в упраздняющемся от помыслов сердце напечатлевается имя Иисуса Христа. Для тех, кто рассеянно произносит имя Божие, оно кажется чем-то знакомым и привычным, но для молящихся со вниманием оно будет всегда новым и иным, потому что изменяется сам человек и его возможность познания Бога.

Божество безгранично. И вечная жизнь человека – это вечное познание Бога через приближение к Нему, через осияние Божественным светом, который саму душу делает подобной свету.

Вопрос: Если для Иисусовой молитвы необходим отказ от мирской культуры, в том числе философских и других знаний, или максимальное сокращение их, то не покажется ли это людям каким-то прославлением незнания и восхвалением невежества?

Ответ: Вопрос поставлен неверно. Здесь не незнание противопоставляется знанию, а высшее знание, сверхзнание – знанию мирскому. Здесь человек похож на странника, который нашел клад. Как понести его? Человек выбрасывает из своей дорожной сумки все, от чего он может освободиться, чтобы наполнить ее драгоценностями, чтобы иметь возможность унести их с собой. Разве можно сказать, что от этого он становится беднее? Обычно люди, не имеющие представления о духовной жизни, считают, что отказ от мирских знаний должен привести к интеллектуальной пустоте, лени мысли и невежеству. А здесь происходит совсем другое: переход от низшего к высшему, от душевного к духовному, от временного к вечному. Поэтому Иисусова молитва делает человека мудрым, она открывает для него иные знания, которые настолько больше всего, что может приобрести человеческий интеллект, насколько небо больше земли.

Науки этого мира – знания о творении Божиим, притом знания условные, переменчивые, шаткие и ненадежные. А молитва – познание Того, Кто сотворил видимые и невидимые миры, перед Кем земля подобна песчинке на берегу моря, перед Кем космос – лишь низшая ступень творения, этой таинственной лестницы, идущей в бесконечную высь. Бог открывает Себя человеку в молитве; Бог озаряет Своим светом человеческую душу; Бог, Которого не может вместить вселенная, нисходит в человеческое сердце. Поэтому святость – это высший гносис, к которому призван человек. Ум философов и ученых, которые хотят усилиями своего разума найти истину, запутывается в узле противоречий, блуждает по лабиринтам, из которых нет выхода, и, отдав себя земному, превращается в горсть земли. Молитва – это присвоение человека высшей жизни и переход от смерти к бессмертию. Философия и наука не делают человека лучше, а молитва изменяет самую природу его, он становится как бы иным существом, как иным становится металл, расплавленный в огне. Поэтому молитва – великий дар Бога человеку, делающий человека подобным Ангелу.

Безумие – не верить в Бога, но еще большее безумие – верить в Него и в то же время относиться к Нему как к второстепенному фактору своей жизни: оставлять для Него лишь какой-то маленький уголок в своем сознании и сердце, отдавать Ему как бы крохи своей жизни, отделять для богообщения только паузы между обычными земными делами. Неверие – это демоническое отрицание духовной очевидности. Полуверие – унижение Божества. В Апокалипсисе есть образ: Христос стучится в запертую дверь, эта дверь –

человеческое сердце¹⁸⁴. Неверующий не открывает ее для Бога, он не слышит или не хочет слышать этого стука. Теплохладные христиане, каких среди нас большинство, отворяют дверь, но дают место Христу не в комнате, а в прихожей, боясь, что присутствие Бога помешает их обычным делам; для них Бог – не источник жизни, не высшая радость их бытия, не вечный свет, озаряющий человеческие души, а, скорее, гарант их благополучия.

Посмотрите на молитву современных христиан, о чем они чаще молятся Богу: о спасении души, о вечной жизни, о возвращении благодати, о любви к врагам? Нет, они молятся об успешном завершении дел, об исцелении от болезней, об избавлении от несчастий, а Бог как внутренняя жизнь их сердца им не нужен и непонятен. Только иногда наступает какое-то прозрение, особенно когда умирает любимый ими человек; тогда они вспоминают о вечности, тогда они молятся об упокоении души того, кто перешел грань этого мира, тогда они ощущают непрочность и временность всего земного, понимают, что хватались за тени, которые нельзя удержать в руках, что истинная жизнь – за пределами земного существования. Но это прозрение необычайно быстро исчезает и забывается, как будто вспыхнула искра и тотчас погасла, и опять каменеет сердце и погружается в привычную дремоту.

Сколько раз убеждается человек, что в грехе нет счастья, а только опустошение и горечь! И по большей части эти уроки проходят бесследно, он снова ищет счастья в грязи, от которой его еще недавно мутило и тошнило, снова продает Бога, снова верит дьяволу. Наше отношение к Богу можно назвать свинством. Наше отношение к собственному духу нужно назвать непримиримой враждой. Наше отношение к своей душе – постоянной изменой; наше отношение к телу – покорностью господина своему наглому рабу, который властвует в его доме, пьянствует и грабит этот дом, заставляет прислуживать ему.

Кто же мы сами? Кто же это таинственное «я», которое определяет нашу жизнь, которое решает вопрос: с Богом мы или дьяволом? Это тот таинственный центр человеческой души, где суммируется вся жизнь человека, но где остается свободной его воля. «Я» – это то, что принимает последнее решение, это образ и подобие Божие, которые неуничтожимы в человеке. Человек одновременно личность и предмет этого мира. Высшая и совершенная Личность – это Бог. В приближении к Богу восстанавливается человеческая личность, человек становится более независимым от внешнего и от внутреннего: от своей наследственности, привычек, прошлой жизни, своих привязанностей. Вне Бога человек из личности перерождается в предмет; он как бы овеществляется, его душа теряет тот центр, который мы назвали свободой; она поработается и поглощается внешним. В Священном Писании дьявол назван «чужим»¹⁸⁵, он чужд душе, но душа без Бога покоряется ему и становится его рабой.

Иисусова молитва проясняет в человеке образ Божий, безмерно увеличивает потенциал его внутренней свободы. Святость – это свойство имени Христа. В человеке святость проявляется как противостояние миру, плоти и дьяволу, похоти плоти, похоти очей и духу гордыни¹⁸⁶. В Новом Завете написано об огне, который преобразит небо и землю¹⁸⁷. Иисусова молитва – луч этого огня, преображающего сердце. Грех, живущий в

¹⁸⁴ См.: Откр. 3, 20.– *Ред.*

¹⁸⁵ См.: Ин. 10, 5.– *Ред.*

¹⁸⁶ См.: 1 Ин. 2, 16.– *Ред.*

¹⁸⁷ См.: Лк. 12, 49; 2 Пет. 3, 12–13; Откр. 21, 1.– *Ред.*

нас, разъединил ум и сердце. Ум живет в мире фантазий и представлений, сердце – в мире страстей. Иисусова молитва, очищая ум и сердце, сближает их друг с другом. Когда ум и сердце соединяются в молитве, начинается преобразование человека – его духа, души и тела.

Червь замуровывает себя в кокон. Там он как бы умирает, превращается в густую бесформенную массу, а затем невидимо в коконе образуется бабочка – крылатое существо, не похожее на червя. Ум, погрузившийся в сердце, подобен этому червю: во тьме, в невидении вещественных образов, в невидении этого мира он преобразуется вместе с сердцем, приближается к тому духовному вЕдению, которым обладал Адам до грехопадения. Это состояние святых сравнивали с огнем, который согревает душу, и светом, в котором человек видит мир в его первозданной красоте, тем светом, в котором он созерцает Бога. В этом свете он видит бездну своей души, видит страшные язвы своих грехов, видит демонов, точно червей, ползающих в гниющем трупе. Он видит преддверие ада в своем сердце и в то же время чувствует, что именем Христа связана и пленена эта страшная темная сила, подобно тому как в Апокалипсисе Ангел связывает цепью сатану¹⁸⁸. Он подобен человеку, который стоит на скале, о которую разбиваются волны бушующего моря; они ударяют о скалу, но не могут достичь его. Эта скала – имя Иисуса Христа, которого страшатся демоны.

Без Иисусовой молитвы человек лишь получает удары от врага, который скрыт от него во тьме, а с ней он может сам наносить удары этой адской силе. Имя Иисуса Христа заставляет ее трепетать. Человек видит, как благодать Божия, подобно искусному врачу, залечивает в его сердце раны так, что не остается даже следов. Но для этого нужны труд и самоотверженность, необходимо почитать молитву главным делом жизни, а остальное – только поделием. Бывали случаи, когда узник в течение многих месяцев, а то и лет перепиливал цепи напильником или обломком железа рыл подкоп под тюремную стену. Он трудился постоянно и неустанно, чтобы встретиться со своими родными и друзьями, чтобы вновь увидеть солнце и небо, чтобы вдохнуть своей грудью чистый воздух, а не смрад тюрьмы, чтобы не быть заживо погребенным в подземелье; и когда обретал свободу, то забывал о своих трудах. Темница и цепи – это наши грехи.

Иисусова молитва сначала так же трудна, как трудно перепиливать цепи или руками рыть землю, разбрасывая ее по полу. Но когда благодать коснется сердца, то оно почувствует, что цепи спали. Иисусова молитва превращается в любовь души к Богу, а в этой любви – истинная жизнь, о которой не ведает мир, истинная радость и свобода. Когда узник просыпался от сна, то знал, что главное для него – перепиливать цепь; здесь выбора не было – или свобода, или смерть. Человек, просыпаясь утром, должен знать не только умом, но и сердцем, что в этот день главное для него – Иисусова молитва, остальные, мирские дела – это фон, на котором она должна протекать. И этому знанию необходимо перейти в решимость воли. Ложась спать, человек должен засыпать с молитвой, просыпаясь ночью, вставать на молитву; если он день посвятит молитве, то она будет навещать его ночью во время сна; если он часть ночи будет молиться, то весь день будет для него другим.

В Евангелии говорится о мудром купце, который продал все свое имение, чтобы купить одну драгоценную жемчужину¹⁸⁹. И человек должен продать свое мысленное имение – свои мирские знания, свои помыслы, образы земной красоты, свои мечты и грезы – все свое интеллектуальное имение, в котором он привык жить, точно в родовом поместье, все продать, от всего отказаться, чтобы приобрести одну жемчужину, которая дороже всего мира; эта жемчужина – имя Иисуса Христа; жемчужиной этой обретается Небесное Царство.

Вопрос: Что нужно сделать, чтобы молиться внимательно?

¹⁸⁸ См.: Откр. 20, 1–2.– *Ред.*

¹⁸⁹ См.: Мф. 13, 45–46.– *Ред.*

Ответ: Отреши свои мысли от обычных житейских дел, затем посвяти несколько минут размышлению как приготовлению к молитве. Вспомни о времени, которое определено нам для нашей земной жизни. Оно бежит, как раскручивающаяся нить, и наступает неизбежный конец: может быть – сегодня, может быть – через месяц, может быть – через десятки лет. Конец неизвестен, но неизбежен. За этот период мы должны подготовиться к вечности, которая не имеет конца. Затем подумай о смерти – итоге нашей жизни, – за которой следует суд, а за ним ад или рай; подумай о Промысле Божиим в твоей жизни, который ведет тебя к спасению, а ты постоянно сопротивляешься ему. Затем скажи: «Душа моя, надо спешить, время проходит скоро, остановить или возвратить его невозможно. Надо собрать сокровище, с которым ты отправишься в свой последний путь, это сокровище – имя Иисуса Христа, которое станет в будущем веке для тебя всем: светом, дыханием, пищей, питием и одеждой благодати, в которую облечены святые; оно станет для тебя неисчерпаемым источником жизни. Вложи это имя в свое сердце, как драгоценные камни в сокровищницу». Скажи душе своей: «Все видимое рушится и исчезает, только невидимое вечно. Дьявол под тысячами предлогов отнимает время жизни, чтобы твоя душа оказалась в час смерти пустой».

Затем начни молитву. Первое условие: произноси молитву так, как будто говоришь ее первый раз в жизни. Второе: произноси ее так, как будто ты раньше не знал ее, а теперь должен запомнить навечно. Третье: мысленно возвратись к своему детству. Вспомни себя малым ребенком, который только начинал знакомиться с миром: все, окружающее его, казалось ему тайной. Но он чувствовал своей душой в видимом мире присутствие мира невидимого. Молись так, как молился бы малый ребенок. Четвертое: не предпочитай никакое дело молитве, никакие блестящие мысли – имени Иисуса Христа. Если ты станешь

глубоко молиться, как сказал один старец, «круто» молиться, то демон начнет отвлекать тебя от молитвы целым фейерверком «блестящих мыслей», но ты предпочти бедность со Христом. Во время молитвы демон будет предлагать тебе различные планы, обещая успех в земных делах. Но ты задай самому себе вопрос: «А каков конец всего этого?». И увидишь, что все на земле рассыпается, как горы песка, что богатство, успех и слава остаются у порога смерти, а чаще оставляют человека еще при жизни, как коварные друзья. Пятое условие молитвы: это послушание, оно освобождает ум от помыслов. Когда человек предоставлен себе, то при решении вопроса один помысл противостоит другому, душа находится в неуверенности и сомнении, а в своем сердце человек не может различить притаившиеся там страсти. Послушание вносит в душу человека мир и высвобождает ее силы для молитвы.

Вопрос: Какие силы души должны быть включены в молитву?

Ответ: Воля, которая удерживает молитву в сознании, ум, который вникает в слова молитвы, чувства, которые согревают молитву и сливаются с душой. Трех силам души соответствуют три силы духа: воле соответствует внимание; рассудку – внутренний логос и способность проникновения в глубь явлений и предметов, видение причин и конечных целей, способность интуитивного познания духовного мира; эмоциям – особое религиозное чувство, как переживание общения с духовным миром, как познание благодати Божией, как внутреннее удостоверение в истине. Духовные способности и силы пробуждаются через молитву. В молитве происходит единение духа и души, их сил и свойств. В молитве трояственность сил духа и души становится единым познанием Бога, образно говоря, единым «локатором», улавливающим Божественный свет. Из трех сил души наименее поражен грехом рассудок: хотя он и бывает пленяем страстями и эмоциями, но по временам возвышается над ними и вступает с ними в борьбу.

В молитве рассудок первенствует, он призывает себе на помощь волю. Воля удерживает слова молитвы перед очами рассудка и собирает рассеявшиеся мысли

воедино, как пастух собирает овец, отбившихся от стада. Рассудок как бы высвечивает слова молитвы, и чувство наконец начинает откликаться на них. Молитва становится переживанием человеческого сердца. Иногда сильные жизненные потрясения пробуждают чувства и включают их в молитву. Но обычно нужен труд. Слова молитвы действуют на наше затвердевшее сердце, как струя воды, которая падает на камень и постепенно пробивает его. Были люди, которые сразу же получали дар непрестанной молитвы, но это исключение. Обычно то, что легко приобретается, легко теряется. Поэтому Господь по мудрости и милости Своей не тотчас дает нам дары, чтобы мы вскоре же не потеряли их.

Тот, кто занимается Иисусовой молитвой, со временем начинает чувствовать, что это – высшее делание человека, что обычная речь по сравнению с молитвой груба и пуста, что мирские занятия несут в себе холодную мертвенность, что без молитвы само человеческое бытие ничтожно. Он начинает любить молчание, в котором слышит песнь вечности. Любя людей, он прячется от них, перестает интересоваться делами и новостями мира, чтобы они, проникнув в его сознание, не нарушили молитву, не заглушили ее своим шумом. Он бережет молитву от соприкосновения с миром, как мать бережет младенца от палящего солнца и дыхания зимней бури.

Есть вещи, совершенно не совместимые с молитвой. Это чтение современных журналов и газет; это телевизор, который стал хозяином дома. Дух Святой – это Дух чистоты и целомудрия. Молитва делает сердце человека храмом Божиим, а в этот храм человек впускает, словно приглашенных гостей, убийц и непотребных женщин и наслаждается зловонием греха. Благодать Божия покинет такого человека. В душе, распаленной страстями, в уме, где водворяются образы насилия и разврата, как может пребывать Христос? Поэтому тот, кто не имеет решимости выбросить телевизор из своего дома, никогда не сможет приобрести Иисусову молитву. Это будет не молитва, а сочетание звуков без внутреннего смысла. Такой человек будет похож на хозяина, который провел в свои комнаты канализационные трубы и затем приглашает туда гостей.

Вопрос: Как сохранить свое сердце для молитвы?

Ответ: Спрашивай себя во всех случаях жизни: «Как мой поступок, дело, решение отразятся на молитве?». Когда садишься за трапезу, задавай вопрос: «Сколько мне надо поесть, чтобы не угасить молитву?». Когда вступаешь в беседу, думай: «Как мне надо говорить, чтобы не рассеять молитву?». Когда берешь читать книгу, то пойми для себя: поможет ли она молитве или, наоборот, вытеснит ее из памяти. Так проводи весь день.

Есть притча. Царский сын спросил отца:

– Расскажи мне, как ты научился управлять огромным государством?

Царь ничего не ответил. Но через некоторое время сделал вид, что разгневался на сына за какой-то поступок и приговорил его к казни. Сын бросился к ногам отца, умоляя о пощаде, и клялся, что он невиновен. Тогда царь сказал:

– Хорошо, я испытаю тебя.

Он наполнил чашу доверху водой и сказал:

– Обойди с этой чашей городские стены, а за тобой будет следовать палач: если ты прольешь хоть каплю воды, то он тотчас отрубит тебе голову на том же месте.

Царевич обеими руками взял чашу, взобрался на городскую стену и начал медленно обходить город, осторожно ступая по плитам. Долго продолжался этот путь. Наконец к вечеру царевич вернулся во дворец и принес отцу чашу, полную воды: он не пролил ни капли.

Царь спросил:

– Ты видел народ, стоящий около стен?

Царевич ответил:

– Нет.

Царь спросил:

– Ты слышал голоса людей?

Царевич ответил:

– Нет.

Царь спросил:

– Какое небо было сегодня, закрывали ли его облака?

Царевич ответил:

– Не знаю.

Царь спросил:

– Что же ты делал?

Царевич ответил:

– Я не видел и не слышал ничего, я смотрел на чашу, чтобы не пролить воду и остаться живым.

Тогда царь сказал:

– Вот тебе урок, как надо управлять государством: умей сосредотачиваться на каждом деле так, как если бы оно было единственным, забывая обо всем.

Эта притча может послужить уроком того, как надо молиться. Чаша – это наше сердце, вода – благодать, палач, который идет за нами с обнаженным мечом, – смерть, стоящая за спиной каждого человека. Молитва собирает и хранит благодать.

Вопрос: Кто самый коварный и сокровенный враг молитвы?

Ответ: Это наслаждение. Уже древние сказали, что наслаждение делает мудрых безумными.

Вопрос: Как отличить наслаждение от духовной радости?

Ответ: При наслаждении останавливается мысль, ум переходит в какое-то дремотное состояние, душа погружается во тьму, она ощущает некую мутную сладость, как бы идущую снизу к сердцу; она забывает о смерти и о вечности. В наслаждении, как и в страсти, гаснет свет души. Наслаждение – это паралич молитвы. Есть духовная радость, которую иногда также называют наслаждением, но это – совсем иное.

Вопрос: Какой святой может служить для нас примером делателя Иисусовой молитвы?

Ответ: Пресвятая Дева Мария, Которой во Святой святых было открыто имя Иисуса Христа. Это имя, как незаходимая звезда, сияло в Ее сердце. Дева Мария была венцом всех добродетелей. Но особенно просияла Она целомудрием, смирением и любовью. Любовь сделала Ее Дочерью Небесного Отца, чистота – Невестой Духа Святого, смирение – Матерью Сына Божия. Все эти добродетели – дары благодати. Но в то же время они в значительной степени зависят от воли человека. Иисусова молитва невозможна без стремления к чистоте и смирению, как и без неустанной борьбы с гордыней. Господь сказал: *вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом*¹⁹⁰. Смирение – это тот Синай, на котором Бог является душе. Целомудрие – та купина, которая горит огнем благодати, не сгорая. А духовная любовь – это награда победителю своих страстей, это присутствие Самого Божества в человеческом сердце, это бесконечный конец духовного пути.

Преподобный Максим Кавсокаливи, афонский подвижник, постоянно молился Божией Матери о даровании ему сердечной Иисусовой молитвы и получил ее как дар от Небесной Царицы¹⁹¹.

Надо молиться и просить о даровании Иисусовой молитвы Архангела Селафаила, который, по учению Церкви, является Ангелом молитвы. Надо просить преподобных отцов, чтобы они научили нас умному деланию, ради которого они оставили мир и удалились в монастыри и пустыни.

Вопрос: Что значит сделаться в молитве подобным ребенку?

Ответ: Это значит отказаться, как мы уже говорили, от земной мудрости и от земных знаний. Как борец, вступая в поединок, сбрасывает с себя одежду, так человек, становясь

¹⁹⁰ Ис. 66, 2.– *Ред.*

¹⁹¹ Подробнее об этом см.: Афонский Патерик. Репр. М., 1994. С. 32–52.– *Ред.*

на молитву, должен знать, как ничтожны и неверны те знания, которыми гордится мир. Перед Божественной мудростью они ничто; это туман, обволакивающий нашу душу, через который с трудом пробиваются лучи солнца. Откажись от знаний ради мудрого незнания, и в этом незнании через молитву ты обретешь высшее знание. Откажись от мерцающего света рассудка, для которого недоступен духовный мир; погрузись во мрак неведения и безмыслия для того, чтобы через молитву в сердце твоём воссиял духовный свет. Представь себя ребенком, ничего не знающим, не смыслящим, а только тянущимся к Богу, верящим Ему хотя бы так, как малое дитя верит своим родителям.

Когда я мысленно обращаюсь к своему раннему детству, которое отпечатлелось в каких-то тайниках сердца, напрягаю свою память, как бы поворачивая реку времени вспять к ее истоку, то вспоминаю, что в предрассветных сумерках моей детской жизни духовный мир был очевиден для меня; я видел то, что окружало меня, в двух планах: один был реальным и земным, а другой – планом таинственным, планом духов. Эти планы как бы пребывали друг в друге. Ребенком я видел мир более объемным, более глубоким; сердце ребенка чувствовало тайну невидимого мира, который в какой-то степени был видим для него. Затем, с возрастом, душа все больше грубела и погружалась в материальность – видимый мир вытеснял мир невидимый. Мирские знания, общение с людьми, просыпающиеся страсти – все это парализовало способность духа смотреть не **на** видимое, а **сквозь** видимое.

Ребенок, едва научившийся говорить, по-своему мудрее, чем философ, опутавший себя, словно паук паутиной, собственными рассуждениями, которые тянутся из его рассудка, как нить из паучьего брюха. Ребенок мудрее, потому что он видит мир как тайну. Великое достижение – смирить гордость рассудка, ставшего для людей идолом, и победить страсти, в которых мир видит радость жизни, подняться выше раздвоенности и борьбы мысли, увидеть, что образы земного – это образы праха, и молиться простым сердцем, как дитя. Господь сказал: «Славлю Тебя, Отче, что Ты утаил сие от мудрых мирской мудростью и разумных плотским разумом и открыл то младенцам, которые больше могут вместить познания о Боге в своей простой душе»¹⁹².

Архимандрит Софроний (в схиме – Серафим [Сахаров])^{XLI}, автор известной книги о преподобном Силуане Афонском, отмечал тот знаменательный факт, что среди простых, даже неграмотных монахов оказывалось больше тех, кто достигал непрестанной Иисусовой молитвы, чем среди людей, получивших книжное образование. Это потому, что простым неученым монахам было легче приблизиться к состоянию ребенка. Но надо оговориться, что и среди них могут быть гордые умом, подобные нищему, который гордился иголкой, которой пришивал латки к своей одежде.

Гордость – это страсть. Ученость может явиться пищей для страсти, особенно поверхностная ученость и пустые раздутые знания. Но если человек увидит всю ограниченность этих знаний и ничтожность их по сравнению с познанием Бога, то и он, как богатый, продавший свое имение, может быть в сердце своем со Христом. Пример тому – Василий Великий, который получил образование в знаменитой афинской академии, а впоследствии, изучая Священное Писание, отзывался о философии как об игре ума. Надо сказать, что пустынные неodobительно относились к чтению богословских трудов теми, кто избрал путь безмолвия. Они указывали, что даже такие книги могут рассеять ум и оторвать его от молитвы, а через молитву человек способен глубже познать Бога, чем через книги. Они считали, что для спасения достаточно знать догматы Православия и верить Церкви, а душу посвящать молитве. Поэтому пустынные не входили в разбор богословских вопросов, если не было угрозы ереси.

Книги описывают духовный мир, а молитва человека в этот мир вводит.

Тем, кто занимается молитвой, старцы советовали читать книги преимущественно о молитве.

¹⁹² Ср.: Мф. 11, 25.– *Ред.*

Войти в свое сердце

В начале XX века на Афоне, этом оплоте всемирного Православия, внезапно появилась новая ересь, которая называлась имяславием, или имябожием. Эта ересь вспыхнула, словно пожар, в стенах Пантелеимонова монастыря; значительная часть населявших его монахов примкнула к ней. Говорят, что новое – на самом деле повторение хорошо забытого старого. Можно сказать, что имяславцы имели своих предшественников в лице гностиков, последователей Евномия¹⁹³ и каббалистов. Сущность этого учения заключалась в том, что имя Божие отождествлялось с Самим Богом. «Имя Иисус есть Бог» – вот догмат этой странной ереси. Внешнее, профористическое человеческое слово, состоящее из сочетаний и комбинаций звуков, воспринималось имяславцами как Божественный Логос. Это учение, подобно ереси Евномия, не только приводило к логическому отрицанию обрядов и Таинств Церкви, но и ставило под сомнение необходимость самого воплощения Спасителя и Голгофской Жертвы. Если имя Божие есть Бог по существу и природе, то, следовательно, в произнесенном имени уже присутствует Бог во всей Его полноте. В таком случае можно было бы приобщаться не Святыми Дарами, а только именем Иисуса, и вместо Голгофской Жертвы Богу достаточно было бы открыть людям Свое имя.

Эта ересь вызвала богословскую полемику, в которой приняли участие Константинопольский и Антиохийский патриархи, а также специальная комиссия, посланная на Афон. Poleмика не принесла ощутимых результатов и кончилась принудительной высылкой имяславцев с Афона. Надо отметить, что позиции имяславцев разделяли некоторые декадентствующие богословы, в том числе отец Павел Флоренский, который взял на себя труд редактирования книги иеромонаха Антония (Булатовича^{XLII}), представляющей собой апологию имяславия. Особенно ярко приверженность Флоренского к магическому платонизму и гностицизму проявилась в его сочинении «О именах»^{XLIII}.

Следует отметить, что церковные богословы в споре с имяславцами, как это обычно бывает в таких случаях, для того чтобы удержать готовую опрокинутую лодку в равновесии, прижались к другому борту, и она накренилась в противоположную сторону. Ими была проигнорирована специфика имени, его личностный аспект; при этом имя превратилось в наименование, в безликий индекс и номер. Здесь не было ереси, как у имяславцев, но было несоответствие с молитвенным опытом аскетов, упрощение и как бы профанация мистики молитвы. В отличие от названия, наименования, клички и прозвища, имя имеет не случайную, внешнюю, а внутреннюю связь со своим носителем: имя может относиться только к личности и личность отзывается на свое имя. Характерно, что безымянной личности вообще не существует. У всех народов человеку дается имя. В молитве имя дает реальное ощущение присутствия, поэтому имя – самый высший и динамичный из всех символов, кроме того, самый устойчивый и конкретно-реальный. Божественные имена – это как бы концентрация молитвы, это как бы светящиеся центры, пронизывающие лучами всю ткань молитвы. Душа молящегося по пробуждении духа ощущает благодать, струящуюся через Божественные имена; тогда они открываются человеку, как тайна, а человеческое сердце – им. Это реальное, но субъективное переживание бывает настолько сильным и неизгладимым, что некоторые старцы, не обученные богословию, но занимающиеся Иисусовой молитвой, на вопрос об имяславской ереси отвечали, что «истина находится где-то посередине».

Имя Божие – это тайна, скрытая от плотских и душевных людей. Хотя Иисусова молитва невидимо преображает их, но открывается не душе, а «уму» (духу) в своем величии как бы на фоне вечного света. Для таких молитвенников, как святой Иоанн

¹⁹³ Евномий, до низложения епископ Кизический (ум. 398), утверждал, будто человеческий разум может иметь совершенно верное познание о непостижимой в действительности природе Божества. При этом он отрицал божественность Господа Иисуса Христа, считая, что природа второго Лица Святой Троицы не только не тождественна, но даже не подобна природе Отца. Единственной связью между людьми и Богом Евномий считал разум, или веру, основанную на рассуждении. – *Ред.*

Кронштадтский, Бог являлся в Своем имени, как в неопалимой купине. Речь и слово – это, по сути, не сигнальная, а знаково-символическая система. В молитве мы общаемся через слово как через посредствующий знак. Святые отцы советуют заключать ум в слова молитвы, для того чтобы видеть через эти слова то, что выше слова, и слышать молитвенное молчание, которое глубже слова. То, что относится к символу, переходит на символизируемое, поэтому человек должен относиться с благоговением к каждому слову молитвы. Превращение человеческого слова в игру, шутки, ложь, брань, празднословие наносит молитве трудновосполнимый ущерб: слова ее становятся для молящегося холодными, жесткими и грубыми, похожими на инструмент, покрытый грязью и ржавчиной. Тот, кто хочет учиться науке из наук – молитве, должен взвешивать и обдумывать каждое свое слово. В этом отношении он должен быть похож на скупца, который, прежде чем отдать монету, долго удерживает ее в руке и размышляет.

Для православного монашества характерно учение об Иисусовой молитве; вернее, это заповедь для всех христиан, но монашество было тем садом, где дивные благоухающие цветы этой молитвы цвели особенно пышно. Иисусова молитва называется по-разному: памятью Божией, духовной песнью, любовью Божией, сердечным безмолвием – в зависимости от степени молитвы. Начинается она как память, затем переходит в таинственную песнь, которую дух поет день и ночь Богу, а затем вводит человека в безмолвие и любовь.

Для Иисусовой молитвы нужен труд. Наше сердце от грехов и страстей превратилось в камень. Нужно рыть скалу, чтобы найти источник. Проходят годы, человеку кажется, что труд его бесплоден, что он оставлен Богом, но это не так: в человеке происходит непрерывное, но незаметное изменение, подобное росту его тела. На каждую Иисусову молитву Бог неслышно отвечает сердцу: «Я с тобой!». Некоторые, прочитав учение отцов об Иисусовой молитве, хотят сразу пережить их состояния, но эти руководства написаны преимущественно для пустынников и аскетов, а наше сердце похоже на грязное болото. Иисусова молитва – ручеек, втекающий в это болото, но сколько времени нужно для того, чтобы его струи вытеснили, вымыли всю грязь и сделали воду прозрачной! К тому же в это болото непрестанно попадают стоки и выбросы наших грехов и страстей – того, что проникает в сердце, особенно через зрение и слух. Постепенно очищаются глубины нашего подсознания, тайники человеческого сердца; иногда благодать касается души, как бы показывая, что ожидает ее впереди, и скрывается снова. Человек переживает то помощь Божию, то богооставленность, то краткие просветы радости, то мучительные периоды бессилия и скорби. Благодать Божия скрывает этот путь от нас самих, чтобы мы не впали в гордыню, и только после пробуждения духа человек познаёт в молитве, как сладок рай и как благ Господь.

Святые отцы советуют вначале произносить Иисусову молитву устно, но негромко, полупрошепотом, вслух самому себе: громкий голос рассеивает мысли, и только при особенно сильном восстании страстей допустимо громко произносить, как бы кричать молитву, чтобы заглушить змеиную песнь сладострастия и гнева. Иисусову молитву надо произносить в темпе обыкновенной беседы, не слишком быстро, когда ум отключается от слов, и не слишком медленно, когда ум начинает дремать в них. Затем человек по временам переходит к безгласной молитве, стараясь внутренне четко произносить ее слова, причем отцы рекомендуют несколько сдерживать дыхание, то есть делать его поверхностным и редким, это помогает сосредоточению мысли. Мы можем проследить на себе, что концентрация внимания связана с задержкой дыхания. Однако возможна ошибка в следующем: человек, набирая воздух до отказа, делает затем долгие паузы, напрягая все силы, чтобы не выдохнуть его. Некоторым людям, поступавшим так, удавалось иногда мысленно произносить до десяти, даже до пятнадцати молитв после глубокого вдоха, но следствием подобной практики нередко оказывалась болезнь – расширение (эмфизема) легких и гипертония. Отцы советуют противоположное: употреблять при дыхании малое количество воздуха, как пищу во время поста.

Древние подвижники связывали слова Иисусовой молитвы с дыханием. Этот способ употребляют и некоторые современные нам монахи. Жизнь человеческого организма протекает в определенных ритмах, и когда молитва соединяется с этими ритмами, то получает помощь. Это не механический процесс, который умерщвляет дух, а нечто другое, похожее на поддержку дружеской руки, помогающей человеку, идущему по крутой горной тропе.

Человек – уникальный, неповторимый индивидуум, поэтому путь Иисусовой молитвы у каждого неповторим. Молитва – дар Божий, поэтому надо молиться Богу о ниспослании этого дара. Это, быть может, самый лучший и безопасный способ достигнуть молитвы: просить ее у Бога как великой милости. При молитве тело должно находиться в состоянии некоторого напряжения, как бы готовности к действию: при расслаблении тела ум обычно впадает в дремоту, внимание ослабевает, сознание покрывается какой-то мглой – человек говорит молитву, как во сне, не слыша самого себя. Напряжение мышц должно быть направлено к сердцу, живот подтянут, как у солдата в строю. Это напряжение дает определенную опору для молитвы, как правильное дыхание дает опору для голоса. Хорошо при молитве делать поясные и земные поклоны; при этом надо сначала произносить молитву, а потом делать поклон, а не полагать его во время молитвы. Поклоны смиряют человеческую гордыню и делают трезвенной душу. Некоторые считают полезным для внимания во время молитвы сидеть на невысокой скамеечке, прижав подбородок к груди. Однако все это – внешние приемы; сами по себе они полезны, но без них можно обойтись. Они похожи на посох в пути, на который опираются, а затем, когда он становится ненужным, отбрасывают прочь.

Самое главное – духовная сторона молитвы, но, поскольку душа связана с телом, внешнее может как помогать, так и мешать внутреннему. Полагаться на внешнее или же, напротив, совершенно пренебрегать им было бы неразумно и неправильно. Общие советы для занимающихся этой молитвой: не принимать чувственных образов, не стремиться к ощущению благодати и душевным восторгам, смотреть на молитву как на покаянный плач сердца, часто исповедоваться, всю жизнь считать приготовлением к молитве. Все наши дела, слова и мысли – это почва, на которой будут расти или увядать цветы молитвенных состояний.

Во время Иисусовой молитвы внимание должно быть сосредоточено на словах самой молитвы, но само по себе волевое усилие не может быть продолжительным, поэтому во время молитвы человек сознательно или бессознательно ищет того места, где проявится в форме слова молитва. Некоторые, прочитав наставления древних аскетов, ищут так называемого «сердечного места», но сердечное место – это закрытая дверь, которую силой можно сломать, а не открыть. Нужно определенное состояние души и духа, чтобы молитва ожила, проявилась, вошла в глубину сердца, именно не в физическую область сердца, а в его духовную глубину. Если ум, отягощенный и загрязненный помыслами, мы будем усиленно вбивать, как гвоздь молотком, в свое сердце, еще покрытое гнойниками греха и страстей, то результатом этого будет не приобретение духовной молитвы, а неуравновешенность, вспыльчивость, истеричность, быстро меняющееся настроение. Наш ум и сердце разъединены в результате грехопадения, но это является для них в некотором роде предохранением от большего зла; они могут сблизиться и соединиться друг с другом только через покаяние и очищение грехов, а еще вернее, их может соединить благодать. Поэтому сосредотачивать внимание надо не на источнике слова, а на его периферии, медленно и постепенно переходя к центру. Так, некоторые из старцев считают наиболее безопасным сосредотачивать внимание во время Иисусовой молитвы на движении губ, произносящих ее шепотом или безгласно. Этот прием дает возможность бороться с помыслами, не внимать им, почувствовать более четко структуру слова. При долгом упражнении Иисусова молитва сама соединяется с дыханием. Некоторых удовлетворяет этот способ молитвы, и они продолжают молиться так до тех пор, пока не появится сердечная теплота; для других следующим этапом молитвы становится фиксирование внимания в области гортани, где они чувствуют при молитве движение мышц, где как бы

рождается слово, выходящее из груди. Продолжая путь, точно от устья к истоку реки, человек ощущает уже, что слово рождается в области сердца, и вниманием опускается к своему сердцу по пути вдыхаемого воздуха, ориентируясь на пульсацию сердца¹⁹⁴. Здесь он яснее видит зарождение помыслов, и ему становится легче бороться с ними через молитву.

Есть два вида борьбы: первый – не внимать помыслам, а продолжать молиться (так человек затыкает уши, чтобы не слышать брань), а второй – отвергать, как бы отбрасывать и уничтожать помыслы. Один из святых сравнил ум с пауком, который сидит, притаившись неподвижно в паутине, и, как только муха попадает в нее, тотчас убивает свою жертву. Путь в сердце – это восхождение ума по ступеням; но лестница как бы «опрокинута» вниз, и большее погружение в глубину означает большее восхождение. По этой лестнице можно идти только малыми шагами, прыгнуть через ступени – значит сорваться с нее. Здесь внимание не должно переходить в насилие. Каждая ступень открывается сама, сердце постепенно притягивает ум, но сердце в физическом плане и сердечное место – это не одно и то же. Сердечное место похоже на тайную сокровищницу, замурованную в стене, ее открывает Господь как дар благодати человеку; это как бы «внутреннее сердце» в человеческом сердце, и самому войти в него невозможно, как невозможно сорвать с неба звезду. Сердечное место открывается человеку тогда, когда он этого не ожидает. Ожидать – значит чувствовать себя достойным. Бог дает благодать смиренным и молчаливым. Кто нашел это сокровище, тот не будет рассказывать о нем миру, а заградит свои уста молчанием, чтобы духовные воры не похитили его.

Мы говорим о символике слова, но есть еще другой план – мистика слова. У человека, кроме внешнего фонетического слова, существует еще скрытый и неведомый для него внутренний логос. Это способность не души, а духа. В пробужденном духе профористическое, внешнее слово приближается к внутреннему слову, поэтому ложь как раздвоенность, как противоречие между внутренним и внешним языками губительна для духовной жизни; она угащает ее, как вода огонь. Внутренний логос, или, как по-другому его называют, эндотетическое слово, – способность к непосредственному познанию, к прозрению и духовным интуициям – начинает сиять через внешнее слово и делает его мудрым и глубоко проникающим в душу. Поэтому слово молитвенников и аскетов несет в себе необычайную силу, превосходящую разум всех философов.

Наступает момент, когда молитва превращается в зрение. Душа молится в потемках, дух – в свете. Христос рассказал притчу о дивной жемчужине, спрятанной на поле, и о неком человеке, который, узнав о ней, продал все имущество, чтобы купить это место, и, овладев жемчужиной, стал богаче всех¹⁹⁵. Тот, кто жертвует всем ради Иисусовой молитвы, получает через нее всё, а главное, то, чего он не знал и не мог пожелать. Продать имущество – отказаться от земных привязанностей, от душевных знаний, упростить себя, сконцентрировать свою жизнь в одном, как лучи, проходя через увеличительное стекло, концентрируются в одной точке.

Иисусову молитву нельзя противопоставить другим видам молитвы, например, Псалтири: все они берут начало от одного источника – Духа Святаго. Псалтирь и каноны помогают, особенно вначале, Иисусовой молитве; сразу перейти только к одной Иисусовой молитве так же трудно, как перейти от привычной пищи к хлебу и воде, которыми питаются аскеты. Наш ум по привычке требует разнообразия; даже в поле молитвы лишь постепенно он переходит от широты познания к глубине. Постоянно держать ум в напряжении – это, по слову Антония Великого, то же, что держать все время

¹⁹⁴ Вот как говорит об этом преподобный Никифор уединенник, Афонский († XIV; память 4/17 мая): «Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышем, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий к сему, суть легкия, которыя облегчают сердце и, проводя чрез себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться» (Добротолюбие в русском переводе. Т. 5. С. 271). – *Ред.*

¹⁹⁵ См.: Мф. 13, 44–46. – *Ред.*

тетиву лука натянутой. На вопрос, что избрать: Иисусову молитву или Псалтирь, преподобный Варсануфий Великий отвечал: «И одно делать, и другое не оставлять»¹⁹⁶. Причем постепенно все больше времени и места в душе отдавать для Иисусовой молитвы. Укрепившись в сердце, Иисусова молитва вначале проявляет себя как духовная теплота. Часто, просыпаясь по утрам, человек, к удивлению своему, замечает, что в сердце его идет Иисусова молитва. Сны становятся чистыми и легкими. (Здесь не говорится об особых демонских искушениях, когда диавол приближается во сне к молитвеннику, как к своему врагу, и тот чувствует от этого приближения мертвящий ужас.)

Вторая степень непрестанной Иисусовой молитвы – это особый внутренний свет, который озаряет темные глубины человеческой души. Теплота приносит молитвеннику мир помыслов и покаяние, а духовный свет – радость и вместе с тем ощущение, что он ниже всякой твари, но в то же время не оставлен Богом. Тогда человек понимает, что смирение – истинная жизнь, а превозношение – ложная жизнь и крайняя нищета. Святые отцы не открывают нам дальнейших действий благодати или открывают через иносказания и намеки. Преподобный Исаак Сирий говорит об этом, что лишь немногие перешли на другой берег Иордана¹⁹⁷.

Иисусова молитва – это голос покаяния, а само покаяние подобно нити, протянутой между двумя полюсами – скорбью о грехах и надеждой. Молитва без сознания греховности переходит в горделивое возношение и ложную духовность, а молитва без надежды постепенно угасает, душа приходит в состояние уныния и расслабления. При молитве должно быть такое расположение души: «По грехам своим я достоин ада, но милосердие Божие не препобеждается никакими грехами. Господь простил бы и сатану, если бы тот смог покаяться».

Когда вступаешь в разговоры с мирскими людьми, спроси себя: «Сколько Иисусовых молитв я смог бы произнести за это время? Неужели есть на человеческом языке слова выше и прекраснее, чем «Иисус Христос»? На что я меняю Иисусову молитву?». Тайны Божии открываются молчаливым. Апостол Петр говорит о красоте молчаливого духа и о таинственной звезде, которая восходит в человеческом сердце¹⁹⁸.

Свет, струящийся издалека

Одной из самых больших опасностей в молитве является подмена духовных чувств душевными. Душевные чувства красочны и ярки. Они подобны шумным вздымающимся валам, которые выше там, где ближе дно. Они вырастают, как холмы на мелководье, между тем как бездна океана обычно спокойна; ее поверхность похожа на огромное поле, едва колеблемое рябью волн. Недаром величайший из океанов называется Тихим. Часто мирскими людьми энтузиазм, восторженность, состояние нервного возбуждения, эксцентричность, поэтическое воодушевление или обостренный интеллектуализм воспринимаются как пробуждение духа в молитве, но на самом деле это только суррогат молитвы.

Три душевные силы порабащают дух человека: первая – его оземленный рассудок, который непрестанно, как паук, плетет из самого себя нити суждений, представлений, домыслов, планов, воспоминаний, предположений, эвристических догадок и абстракций и бегают по этой паутине, стремясь поймать в нее свет истины. Вторая сила, подавляющая дух, – реактивная защитная сила души, которая в нашем падшем состоянии проявляет себя не в борьбе с грехом, а в соперничестве, гневе, ярости, непримиримости. Эта извращенно направленная энергия человеческой души сама стала страстью и обычно устремляется против того, кто мешает человеку осуществить его желание. Третья сила – стремление к наслаждению, постоянная жажда удовольствий. Наслаждение подобно морской воде: оно

¹⁹⁶ См.: Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ на вопрос 126. Репр. М., 1995.– Ред.

¹⁹⁷ То есть немногие сподобились вкушать тех благодатных даров, о которых невозможно поведать словом.– Ред.

¹⁹⁸ См.: 1 Пет. 3, 4; 2 Пет. 1, 19.– Ред.

оставляет после себя чувство горечи, не утоляет жажду, а, наоборот, распаляет ее. (Кто пьет горько-соленую морскую воду, тот еще больше хочет пить и среди моря воды умирает от жажды.) Человек часто смешивает нечто противоположное – душевное наслаждение и духовную радость: наслаждение поддывается под духовное утешение, имитирует его. Наслаждение имеет широкий спектр действия. Это не только грубые чувственные удовольствия, но и наслаждения другого порядка, более тонкие, например: эстетические, творческие, которые люди нередко путают с духовными состояниями. Но все душевные наслаждения принадлежат времени и земле. Все они преходящи. Они создают настроение, но не состояние. Наслаждения могут быть как явно порочными, так и терпимыми. Некоторые из них кажутся отдыхом и наградой для человека, например: наслаждение дружбой, семейными радостями, общение с природой... Но все они – земные, и если становятся целью жизни, то усыпляют дух.

Молитва всегда должна принадлежать духовному плану, потому что молитва – это отрыв ума и сердца от земли и обращенность к вечности. Это часто сопровождается трудами и болью, как если бы человек отрывал липкий пластырь от кровоточащей раны. Поэтому внимательная молитва – самый тяжелый подвиг. В молитве не запрещено просить у Бога земных благ, но в них нужно видеть не самоцель, а всего лишь средство для поддержания сил на земном пути. Душевная молитва, в какое бы разгорячение она ни приводила, какой бы вдохновенной ни казалась, является искажением самой сущности молитвы. Дух пробуждается только через покаяние и борьбу со страстями. Словом *покайтесь*¹⁹⁹ начали свою проповедь Христос и Его Предтеча. Единственный путь в Царствие Божие лежит через покаяние. Вне его действуют душевные, страстные силы.

Что представляет собой православная икона? Икона – это проявление благодати Божией на земле. Мы не можем внести в эту область какую-либо жесткую систему. *Дух дышит, где хочет*²⁰⁰, – сказал Господь. Мы только укажем некоторые признаки православной иконы, малопонятные для большинства наших современников. Лик на древних иконах величествен и строг. Здесь нет места сентиментальности и ласковости – этим проявлениям душевности, суррогата любви. Духовная любовь, отраженная в ликах древних икон, строга и требовательна. Взор святых на них смотрит на нас из вечности. Он как бы охватывает всю вселенную. Вечность и бесконечность отражены в нем. Тут нет и следа примиренности с грехом или снисходительности к нему. Поэтому лики древних икон непонятны, чужды, а иногда прямо страшны для плотского, привязанного к страстям человека. Но в этой ненависти к греху, в этой беспощадной правде – одно желание, всецелое желание – спасение человека. Истинная любовь, духовная любовь, отраженная древними иконописцами, не идет на компромиссы. Это кажется многим из современных людей жестокостью. «Суровые, страшные лики», – говорят они. Им хочется, чтобы икона их ласкала, им хочется «нежничать» с иконой. Духовная любовь неизмеримо глубже, чем душевная. Она больше соперничает нам, больше страдает за нас. Она как бы безгласно кричит от боли, но не за наши временные невзгоды, а за нашу оторванность от Бога, источника жизни. Она страшится нашей вечной гибели. Лики древних чудотворных икон строги, потому что они прозорливы. Они видят демонский мир, этот мир страшных врагов, окружающих человека, мир невидимых убийц, видят гнездо греха – жилище сатаны в человеческом сердце. Предание говорит, что Господь и Божия Мать никогда не улыбались: как может улыбаться мать, видя, что тело ее ребенка обвила змея или что он бредит в тяжелой, мучительной болезни?

В католических иконах нет метафизического трагизма. Там трагизм земных, душевных человеческих переживаний. А чаще всего другое – человеческая чувственность, то, что обращено к земле. Рай и ад или забыты, или оземлены, перенесены на землю. Там икона смотрит по-земному, может быть, добрыми глазами, но видит только земной мир. Перед такой иконой грешник, не пройдя через огонь покаяния, может вполне отдаться

¹⁹⁹ См.: Мф. 3, 2; 4, 17. – *Ред.*

²⁰⁰ Ин. 3, 8. – *Ред.*

душевыми переживаниями. Поэтому так часто на Западе поэты воспевают Деву Марию как прекрасную даму, а рыцари называли Ее королевой своего сердца, что для православного звучит как страшное кощунство и надругательство над святыней. Эта душевная чувственность и сентиментальность католических икон воспринимаются подсознанием человека как возможность примирения с Богом без покаяния, без изменения себя. Поэтому в католической мистике так много говорится о восторженной любви и так мало о покаянии, очищении сердца и повседневной жестокой борьбе со страстями. Православное сознание чувствует в этих по-человечески красивых, но в духовном плане не возрожденных, а только нежно-слащавых ликах нечто совершенно чужое. Эти едва ли не улыбающиеся, а иногда действительно улыбающиеся лица на иконах действуют на грешника усыпляюще, в них – капитуляция перед грехом, примирение с ним: грешник любит, когда на его безобразия смотрят сквозь пальцы.

В некоторые католические иконы люди влюблялись. Но в православную икону влюбиться невозможно: здесь гаснут страсти, здесь пробуждается дух. Поэтому страстный и сластолюбивый человек от такой иконы спешит отойти. В древних иконах нет томности, жалостливости и того, что можно было бы назвать убаюкиванием грешника. Кто знает ужас трансцендентного, демонического зла, тот не станет успокаивать грешника. Тот по-другому будет смотреть на земные страдания, которые так мало значат по сравнению с вечностью. Общение с Богом без сердечной чистоты, вернее, без стремления к сердечной чистоте, невозможно. А сердечная чистота невозможна без покаяния и борьбы с грехом. Поэтому невозможно и прощение грешника без его решимости бороться с собой, без пролития им, образно говоря, своей крови.

Древняя чудотворная икона одновременно близка и далека от грешника. Здесь близость духовной любви, любви к человеку как образу Божию и в то же время огромная дистанция, дистанция, отделяющая грешника от святости. Человек чувствует, как близок к нему Бог и как он сам далек от Бога. Одно из свойств святости – ненависть к греху. Святыня не может соединиться со скверным и нечистым. Лучи солнца падают на поверхность болота, но грязь от этого не превращается в свет. Икона – это свет, струящийся издалека. Отсутствие дистанции между святостью и грехом в иконе низводит ее в сферу душевных человеческих чувств и может в извращенном сознании грешника привести к ложной самоуспокоенности и даже стать «гарантом» безнаказанности его греха («греши как хочешь, Господь все равно по милости Своей примет тебя»).

Взор ликов на древних иконах кажется отрешенным от мира. Он устремлен не на молящегося, а как бы поверх него или, точнее, сквозь него (так луч, проходя сквозь стекло, устремляется вдаль), он видит человека на фоне вечности, в пересекающихся сферах земного и духовного миров; он видит в сердце человека то, что не видит, а часто боится увидеть сам человек. Ликов древних икон страшатся демоны, перед ними волнуются и кричат бесноватые, те, кого привыкли называть общим именем душевнобольных. Древняя икона кажется объята невидимым пламенем, пламенем Божественной благодати.

Освобождение духа

Учение о молитве тесно связано с православной антропологией²⁰¹. В антропологическом плане молитва является средством к освобождению духа от деформированных, растленных чувств души, находящихся в неуправляемом, хаотическом состоянии, борющихся друг с другом. Мир понимает свободу как возможность человека следовать своей главной страсти, которая на время победила прочие, и находить условия и средства для ее удовлетворения. С религиозной же точки зрения, эта «свобода» – состояние непрерывного рабства различным, постоянно сменяющим друг друга хозяевам. Страсти находят основание, как бы поле действия, в человеческом теле. Тело,

²⁰¹ Антропология – учение о человеке; соответственно православная антропология – учение о человеке в свете Священного Предания Церкви. – *Ред.*

«объединившись» с душой, подавляет дух – так союзные войска осаждают город, отрезав все его коммуникации. Но один из союзников этого вражеского войска, а именно человеческий разум, менее, чем другие силы души, поражен грехом и страстями, поэтому он по временам становится на сторону духа и делает попытки освободить его.

Борьба за освобождение духа имеет свою стратегию, свои закономерности и постепенность. Она начинается с внешнего. Если, еще находясь в страстном состоянии, человек будет пытаться пробудить силы духа, то или увидит бесплодность своих попыток, или – что много хуже – посредством горделивых фантазий приведет свою душу в состояние экзальтации, нервного возбуждения, иллюзорных, мечтательных представлений, которые по своей неопытности примет за духовные откровения. Такая душевная, экстатическая любовь подробно описывается в книгах западных «аскетов». Католические энтузиасты принимали подобные состояния за явления Божественного света, в то время как православные подвижники сказали бы, что это лишь дымное пламя человеческих страстей, доведенных до состояния экстаза.

Начинать борьбу надо с тела, с его приучения к дисциплине. Первое – знание меры, воздержание. Мера в еде и сне, в отдыхе и труде. Ласточка дает своему птенцу определенное количество пищи, как бы ни пищал птенчик: если он наестся досыта, то умрет. Надо давать телу необходимое и брать с него оброк – труд и бодрствование в молитве. Когда человек дремлет, то мышцы его расслабляются, когда человек напряженно думает, то концентрация мысли влечет за собой определенное напряжение, как бы поддерживает тело в тонусе. Если человек расслабляет во время молитвы мышцы, то он начинает дремать и грезить, поэтому полезно стоять на молитве подтянутым, как в строю, и делать поклоны, которые являются «вспомогательным языком» молитвы. При усталости и болезни можно сидеть, но не развалиясь, не облокачиваясь, не откидываясь на спинку стула, а прямо, соединив ноги вместе, слегка подтянув живот и приклонив голову, – это все помогает бороться с дремотой.

К душевно-телесным добродетелям принадлежат молчание, хранение зрения и слуха. Душевные силы таковы: словесная, желательная и раздражительная. К словесной относятся: способность мыслить на уровне слов и представлений, припоминать, предполагать, строить планы, мечтать, наблюдать, находить причинно-следственные связи, анализировать, синтезировать, проводить эксперименты, выявлять закономерности, составлять гипотезы и теории, применять найденные законы на практике, составлять различные знаковые системы и пользоваться ими. Так рождаются научное, философское, художественное творчество, законы, права, манифесты и конституции. Это необъятное поле действия человеческого интеллекта в двух его аспектах: рассудка и воображения. Здесь – главные корни цивилизации: в накоплении, сохранении и применении информации, идущей извне. Больше всего человек гордится своим рассудком. В нем – основа неверия, та интеллектуальная гордость, которая делает для человека его рассудок маленьким божеством, идолом, от которого он ждет помощи и спасения. В то же время этот рассудок по временам ощущает свою ограниченность, беспомощность и духовную слепоту, и тогда он ищет Бога.

Вторая сила – желательная, сюда относятся все виды наслаждения. Здесь – семейная, дружеская, родительская и чувственная любовь, здесь – патриотизм и общественная солидарность, любовь к искусству, радость от общения с природой, здесь – наслаждение поэзией, музыкой, живописью. Здесь же и человеческие страсти: эгоизм, себялюбие, сребролюбие и жадность, привязанность к вещам, чувство зависимости от внешнего (и в то же время – такие высокие чувства, как сопереживание, жалость, сострадание). К желательной части души относятся смех и шутки, в которых скрыт тайный блуд. Такие понятия, как удовольствие, ласковость, вежливость, изящество, такт, привлекательность, красавица, тоже относятся к желательной силе души. Иногда она обнаруживает себя как стремление к надмирной Божественной красоте и тоска по потерянному раю (это смутное чувство похоже на луч света, внезапно проникший в подземелье). И к ее же области, области желательной силы, принадлежат демоническая мистика и экстатические культы.

Вообще всякая мистика, кроме православной, целиком находится в поле душевных сил. Православная же по существу своему духовна (однако поскольку она включает в себя всего человека, то может проявляться вместе с тем и на душевном и телесном плане).

К извращенным проявлениям желательной силы относится также и тайная любовь ко злу и пороку, которую человек по временам явственно ощущает в своем сердце.

Третья сила души – раздражительная. Она подобна способности живого организма выбрасывать из себя всякое чужое, инородное тело, нейтрализовывать попавший в него яд и умерщвлять болезнетворное начало. Раздражительная сила – это крепость и войско души, это способность отличать добро от зла, защитная сила, психический фильтр, который должен задерживать грязь и шлак, это способность души к реакции и действию, святая ненависть к тому, что стоит между человеческой душой и Богом. Может раздражительная сила проявляться и в стремлении к добру, защите людей от несправедливости, в самопожертвовании. Но в греховном, падшем состоянии человека она чаще всего проявляется в постоянном недовольстве, ропоте, жестокости, гневе на людей, нетерпимости, высокомерии, насилии, ненависти, мести, соперничестве, зависти, злобе, равнодушии и безразличии, тайном садизме – от семейного деспотизма до тирании и некромании правителей.

Вообще в душевных проявлениях нужно разграничить следующие уровни: **вредное, ненужное, терпимое (или безразличное), нужное, необходимое, крайне необходимое** – и затем вести духовную борьбу с собой, отсекая сначала вредное, а потом ненужное.

Вредным в области действия словесной силы являются сознательная ложь, лукавство, хитрость, смех, издевки, клятвы, проклятия, брань, пустословие, осуждение – источники ложной и растлевающей информации. Лучше не знать, чем иметь ложные, извращенные сведения. По слову Соломона, лучше малое с правдой, чем великое с ложью²⁰². Только обуздав свой язык, приручив его, как дикого зверя, человек может заняться очищением своего ума от различных мыслей, мечтаний и чувственных помыслов, возникающих в сознании.

Вредные проявления желательной силы – это всякий вид удовлетворения похоти. Я не говорю о плотских грехах, это понятно каждому, но есть и другие, более тонкие виды удовлетворения похоти и сладострастия: встреча и общение с людьми, к которым мы имеем нечистую привязанность и пристрастие, чтение страстных книг и рассматривание подобных картин, просмотр телепрограмм и видеофильмов, ставших источником душевной заразы и разврата. Борьба с такими тяжелыми видами извращенного наслаждения, как употребление алкоголя и наркотиков (здесь наслаждение явно открывает свой демонический лик), отказ от непристойных бесед, анекдотов и тому подобного необходимы. Без этих внешних мер к ограждению души от порока невозможно добиться чистоты желаний, как невозможно смыть с себя грязь тому, кто стоит в болоте. Если человек будет служить своим страстям и в то же время пытаться молиться сердцем, то он получит нервное расстройство или же придет в то демоническое состояние, которое называется прелестью.

Вредным в области раздражительной силы души являются ропот на Бога и гнев на человека, ненависть от оскорбленного самолюбия или неисполненных желаний (поэтому невозможно победить гнев, не обуздав вначале похоть). Греховные проявления раздражительной силы таковы: мщение, коварство, злопамятство, насилие над волей другого человека, порой – даже под видом добра. Победе над гневом способствуют высокие жизненные цели, поставленные человеком перед собой, и ограничение своих желаний. Гнев побеждается покаянием и самоукорением. Сначала надо преодолеть гнев молчанием (как говорит преподобный Иоанн Колов, скорпион, помещенный в закупоренный сосуд, умирает), а затем бороться с ним в мыслях и сердце.

Следующая ступень – **терпимое** (то, что не является злом, но без чего можно обойтись). В отношении словесной силы это занятия наукой и философией, искусством,

²⁰² См.: Притч. 16, 8.– *Ред.*

чтение литературы и периодики; в отношении желательной – слушание серьезной классической музыки, посещение музеев и картинных галерей, пение мирских песен, путешествия; в отношении раздражительной – стремление к общественной деятельности, соревнования, игры и прочее, подобное сему.

Степень **нужного** в плане словесной силы – знание своей профессии, общественных, а также семейных прав и обязанностей, познание окружающей нас природы, изучение богословия – имеет практическое значение. В плане желательной силы **нужное** – дружеская, семейная, родительская любовь, патриотизм и общественная солидарность, общение с природой, жалость и сострадание к живым существам. В плане раздражительной – память о смерти, понуждение себя на добро, борьба со страстями, терпение, покорность воле Божией, памятование о своих грехах.

Наилучшее из **необходимого** для словесной силы – концентрация в молитве, для желательной – участие в богослужении как предощущение небесной красоты, для раздражительной – исполнение заповедей как волевой акт. Пробуждающийся дух, воздействуя на словесную силу, дает возможность для непосредственного, интуитивного познания духовного мира, того, что лежит глубже слова; воздействие его на желательную силу сообщает ощущение Бога как единственного блага, в сравнении с которым земные наслаждения кажутся горечью. Воздействуя на раздражительную силу, он пробуждает волю, побуждает стремиться к Богу, охраняет душу от действия греха и страстей и возобновляет, возрождает в душе чистоту и целомудрие.

При пробуждении духовных сил человек понимает, что **его** – только то, что перейдет в вечность, а себя он может найти лишь в Боге. Пробудившийся дух проявляет себя в тайном знании духовного мира как мира бесконечного, частицей которого является он сам, и в то же время мира, отраженного в нем, как солнце в капле воды; в переживании человеком всем его существом этого мира как высшей жизни и в обращенности к нему как к источнику света и единственному истинно реальному бытию. Тогда открывается как высшая духовная ценность безмолвие сердца, перед которым все прочие добродетели кажутся лишь ступенями лестницы, ведущей к нему. Это может показаться жестоким душевным людям, которые забывают, что всё от Бога, а не от наших сил. Бог может сотворить великие милости для всего мира, если найдет в этом мире чистое сердце, как миловал и спасал Он от гибели целые народы и страны за молитвы таких великих святых, как преподобные Арсений и Макарий, приняв как самую благоугодную жертву безмолвие их сердца²⁰³.

Человек получил от Бога великий дар – способность забывать, не менее ценную для души, чем умение запоминать. Если бы не способность забывать, то жизнь была бы невыносимой. Одна из причин нервных комплексов – заклинивание в памяти какого-нибудь события и нежелание в пласте эмоций забыть его, то есть разрядиться. Нервные комплексы похожи на катаральные зоны в нашем теле, на незатухающие очаги воспаления, которые болят от прикосновения. Забывать так же необходимо, как выбрасывать из квартиры сор и ненужный хлам.

Умение забывать, выносить вон из сознания ненужную информацию особенно ценно для молитвы. Мы вспоминаем посредством ассоциативных связей, поэтому следует постараться разрушить эти связи. Ими могут быть вещи, люди, местности и т. д. Нужно избегать встреч с теми, кто напоминает о прежней греховной жизни: самое сильное ассоциативное воздействие оказывает живой человек. Часто бывает необходимо разорвать дружбу с тем, с кем грешил, даже не молиться за него, иначе грех будет возобновляться в памяти. Следует выбросить вещи, несущие на себе печать греха. Если это невозможно, то хотя бы переставить вещи в комнате в другом порядке. Особую атмосферу создают книги, поэтому не должно держать в своей комнате страстную мирскую литературу. Это один из источников той разрушительной «радиации», которая постоянно облучает человека.

²⁰³ Вероятно, отец Рафаил имеет в виду преподобного Арсения Великого и Макария Египетского.–
Ред.

Желательно посещать места, где редко бывал прежде, чтобы разорвать паутинную сеть воспоминаний. Иногда во время молитвы хорошо плотно занавешивать окна в своей комнате и молиться в темноте.

Если нет возможности отказаться от тяжелой для нас беседы, то во время нее надо молчать и молиться, тогда слова собеседника будут лишь скользить по поверхности сознания, не проникая в сердце. Во время таких бесед мы нередко делаем ошибки, становимся в невыгодную позицию, а именно – хотим убедить человека и, демонстрируя перед ним свой ум, втягиваемся в разговор и бываем захвачены им, боимся огорчить человека, предпочитая огорчать Бога. Это извращенное понятие о доброте – потакать страстям другого, когда мы, для того чтобы скрыть смущение, улыбаемся и смеемся. Между тем смех – это нечто сродни опьянению, состояние духовного расслабления, когда человек перестает контролировать свое сердце и в результате оказывается незащищенным. В смехе есть блуд, а в шутке – дерзость, поэтому они незаметно для нас воспаляют нашу чувственность. Если не будешь сам проявлять хотя бы внутреннего интереса к словам недушеполезной беседы, то и беседа иссякнет. Человек чувствует, с каким настроением его слушают, поэтому если ты хочешь, чтобы разговор прекратился, то считай слова собеседника не более чем шумом ручья. Некоторые люди, чтобы держать необходимую дистанцию с другими, или говорили им правду в глаза, не страшась обидеть, или юродствовали, притворялись дурачками. С дурачка спрос невелик, но это не метод для всех.

Чтобы скорее забыть греховное прошлое, нужно изменить свои собственные привычки: ходить, лежать, говорить, сидеть за столом и так далее, таким образом также разрушаются определенные ассоциативные связи. Вообще же самыми мощными средствами очищения души от воспоминаний о прошлом являются покаяние и молитва. Прощеный грех забывается легче, а благодать, полученная в молитве, как бы закрывает на ключ двери подвалов нашего сознания, где «хранятся» наши грехи²⁰⁴. На своем небольшом опыте я испытал, что когда действительно молюсь, то уже не помню прочитанных мною в прошлом мирских книг, как будто никогда не держал их в руках, а когда преклоняюсь к сочувствию страстям, то опять воспоминания прочитанного всплывают в сознании, как морские гады из глубины на поверхность. Для того чтобы забыть прошлое, надо упростить самого себя, свое сознание, свою речь – так борец смазывает маслом свое тело, чтобы его труднее было схватить. Если же приходится слушать о чужих грехах, то надо выразить сочувствие грешнику и сказать, что и сам виновен в подобных прегрешениях, затем предложить молиться о том, о чьих немощах идет речь, и тогда такая беседа быстро прекратится.

Враги молитвы

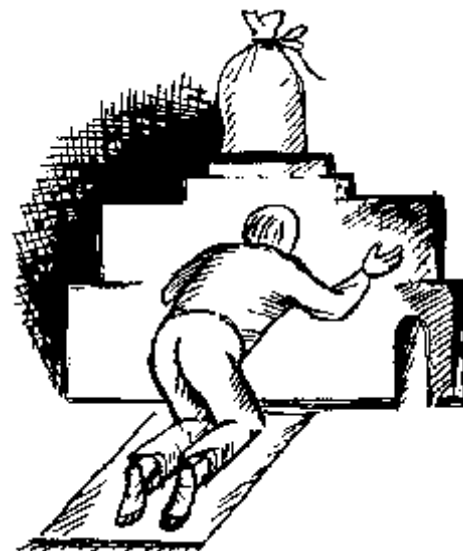
У молитвы существуют внутренние и внешние враги. Первый враг – это себялюбие. Себялюбие – неправильная любовь к себе. Оно проявляется в трех видах: как тщеславие, сребролюбие и сластолюбие, то есть стремление к наслаждению.

Молитва – внутренняя жизнь, а тщеславие – театральность, жизнь вовне, жизнь для людей. Молитва – это внутренний, невидимый и самый могущественный фактор бытия человеческой личности; если можно так сказать, молитва – это стержень личности, а тщеславие заменяет лицо маской и саму молитву превращает в представление. Тщеславный – это артист святости, он не может пребывать умом в своем сердце, он непрестанно репетирует роли, которые будет играть перед людьми, в том числе и роль молитвенника. Тщеславный будет намекать на силу и значительность своей молитвы, рассказывать о необыкновенных случаях или даже чудесах, которые происходят по его молитве. Когда тщеславный находится в окружении людей, то он готов молиться целыми часами, чтобы услышать аплодисменты своему благочестию. Страсть тщеславия дает ему

²⁰⁴ Точнее, память о них. – *Ред.*

для молитвы демоническую силу, а когда он остается наедине с самим собой, то желание молиться у него исчезает. Тщеславный не молится, а только играет в молитву, поэтому молитва его становится бездушной и лицемерной. Тщеславие постепенно переходит в гордость. Гордый не чувствует нужды в помощи Божией, он полагает, что ему достаточно своих личных совершенств, чтобы исполнить Евангелие или даже превзойти его. Гордый сам для себя становится богом, поэтому молитва или вообще исчезает, или при ней совершенно утрачивается чувство благоговения: он разговаривает с Богом, как с равным себе.

Далее – сребролюбие. Помыслы и чувства сребролюбивого находятся там, где его богатство. Он в непрестанном волнении: как сохранить, как увеличить его, даже на молитве он думает о деньгах. Его молитва – мертвая и холодная, это лишь некая внешняя дань Богу, потому что он надеется не на Бога, а на деньги, они стали его богом. Сердце сребролюбивого становится твердым как камень, молитва не оставляет в нем практически никакого следа, как стальной резец на алмазе. Апостол Павел назвал сребролюбие идолослужением²⁰⁵.

Сластолюбие, или любовь к наслаждениям, – это, в сущности, как себялюбие, неправильная любовь к себе, когда человек отождествляет себя со своим телом. Молитва требует трезвения как прозрачности ума, а наслаждение погашает свет ума. Наслаждение относится к комплексам нервного возбуждения, поэтому, как правило, оно оканчивается душевной опустошенностью, усталостью и тоской. Любое наслаждение – это потеря духовной силы. Наслаждение – один из самых главных врагов молитвы, как суррогат и подмена духовной радости. Любовь к наслаждениям делает человека холодным и эгоистичным, молитва для него становится чем-то непонятным и чуждым, внутренне он ненавидит ее. Если гордость – это прежде всего провокация против веры, «замена» Бога самим собой, а сребролюбие – враг надежды (не Бог, а богатство – источник и гарантия благополучия человека), то наслаждение – это грех против любви.

Следующий враг молитвы – забвение²⁰⁶. Вся жизнь – это школа, и каждый день – урок, который получает человек. Главный урок в том, что мы никогда не оставлены Богом. Забвение же уничтожает память о помощи и благодеяниях Божиих, которыми пронизана, словно лучами света, вся наша жизнь. Второй урок – что грех есть смерть. Сколько раз, совершая грех, мы ощущали опытно, что входим в область смерти и отвержения, что после совершения греха наша душа становится гниющим и разлагающимся мертвецом, которого мы носим в себе! Третий опыт нашей жизни – что единственная истинная радость – это Бог, а все остальное иллюзии и миражи. Забвение отнимает у нас память об этих необходимых знаниях, которые мы приобрели мучительным и горьким опытом. Забвение подобно птице, которая клюет созревшие плоды и оставляет ветви пустыми. Поэтому забвение – вид безумия: человек постоянно падает на одном и том же месте.

²⁰⁵ См.: Кол. 3, 5.– *Ред.*

²⁰⁶ Не следует смущаться тем, что в предыдущей статье отец Рафаил говорил о способности забывать как о даре Божиим, а здесь говорит о забвении как о беде. В первом случае речь шла об умении забывать о вредном и ненужном: о преждедосеянных прегрешениях, о влекущих ко греху предметах, о суетном и пустом. В настоящей же статье, напротив, говорится об опасности забвения того, что помнить необходимо: Бога, истинного смысла этой жизни, опыта, обретаемого на ее пути. И потому если в одном случае забвение – благо, то во втором, безусловно, является злом.– *Ред.*

Другой враг молитвы – незнание, или неведение. Незнание бывает волевым: человек не знает потому, что **не хочет** знать; а главное знание заключается в том, что истинно существующее – это невидимый мир, тогда как все видимое подлежит разрушению и смерти. Человек боится этого знания, он ищет счастья в веществе и материальности, в которой таится великая ложь, поскольку все материальное находится в рабстве у времени и смерти.

Еще один враг – это неразумие. Неразумие – неправильная шкала ценностей, неправильно выбранная цель или же неправильные средства для достижения цели. Неразумие – это пленение внешним, вечное кружение в той плоскости земного бытия, где только суета и томление духа. Истинная мудрость – считать единственным благом Бога и единственным злом – грех, а все остальное – промежуточными состояниями, не добром и злом, а только ситуациями. Если Бог – высшее и единственное благо, то самое важное в нашей жизни – богообщение, главным средством которого является молитва. Любовь к наслаждениям разлагает волю человека, делает его боязливым. Боязнь – это паралич души, трус – потенциальный предатель и отступник. Чтобы преодолеть боязливость, надо уничтожить ее причину, привязанность к тому, что человек боится потерять. Чтобы преодолеть боязливость, надо уничтожить пристрастия, любовь к телесному покою и наслаждениям. Боязливость рождает ложь. Ложь поглощает духовные силы человека, ибо за одной ложью следуют две другие. Лгущий человек вынужден держать в уме придуманную им картину, придавать ей видимость правды, а на это уходит огромное количество времени и сил. Поэтому великая мудрость – всегда говорить правду: правда проста, ложь многолика, Бог – истина, поэтому Бог прост. Вне правды невозможно видеть Бога, а молитва есть путь к видению Божества; ложь уничтожает или извращает молитву. Мир лжи – это область демона, какими бы причинами и обстоятельствами ни оправдывал себя человек.

Следующий враг молитвы – лень. Лень – одно из следствий наслаждения. Воля в духовном плане проявляется как внимание к словам молитвы. Силы души «обособились» друг от друга, поэтому для молитвы необходима воля, а не ожидание, когда захочется молиться. Наслаждение парализует волю, делает человека жестоким и упорным или, напротив, плаксивым и истеричным. Чтобы уничтожить лень, надо вести борьбу с мечтательностью и грезами, с тем тонким сладострастием, которое, как яд, впрыснутый в вену, разливается по человеческому телу и пленяет ум. Молитва – это во многом дело воли. Если мы не можем сконцентрироваться на словах молитвы и она выскальзывает из нашего внимания, как лучи солнца, которые нельзя задержать рукой, то можно временно оставить молитву и в качестве приготовления к ней заняться размышлением о следующих вещах.

1. Способность молиться является высшим достоинством человека. Если даром слова человек отличается от всех земных существ (у святых отцов он именуется словесным существом), то молитва делает его душу одного достоинства с Ангелами. (Преподобный Максим Исповедник пишет о молитвенниках, что их душа равна Ангелам, кроме того, что Ангелы не имеют, в отличие от людей, похоти и гнева.) Ни одна добродетель, ни одно духовное дарование, ни одна заповедь не способны возвести человека на такую высоту, как молитва, поэтому она – царица всех добродетелей.

Когда нам не хочется молиться и слова молитвы кажутся сухим песком, набившимся в рот, то мы должны сказать, что это ложь, что наш дух всегда хочет молиться, желает всегда быть с Богом, что отвращает от молитвы не лень, а болезнь нашей души. Как мы не можем отождествлять свое тело с гнойниками, покрывающими его, так не можем отождествлять себя и, главное, свой дух с той болезненной жаждой наслаждений, с тем стремлением к внешнему, которое противостоит нашей молитве. Надо спросить себя: «Кто я? Мой дух – око вечности, или мои страсти – могильные черви, питающиеся гнилью? Я – это дух, мое – это моя душа. Отчасти мое – это мое тело, которое воскреснет с другими свойствами, сообразными душевным, и тогда будет истинно моим, а остальное все не мое».

Искать счастье во внешнем – это самый страшный обман демона. Адам искал полноту бытия не в Боге, а во внешнем предмете, в некоем плоде, который он в безумии своем счел источником могущества, наслаждения и блаженства. Когда мы ищем смысл жизни и счастье во внешнем, то повторяем роковую ошибку Адама. Обоготворяя внешнее, он потерял Бога как внутренний фактор своей жизни. Обоготворяет внешнее страсть. Возврат от внешнего к внутреннему и от внутреннего к Богу может быть осуществлен только путем молитвы. Поэтому учиться молитве – значит учиться спасению. Найти свое собственное сердце – это найти Бога, а найти сердце можно только через Бога и встретиться с Богом можно только в сердце. Войти умом в сердце можно лишь при свете благодати, потому что без Бога глубины сердца сокрыты для нас и неведомы нам самим. Это сокровище, зарытое в землю; человек точно проходит по, казалось бы, знакомому месту, наступает на него и не знает, что хранится там.

Это первый помысл, первый предмет для размышления, которое, однако, не имеет ничего общего с медитацией. Медитация – это самовнушение, для которого, как при гипнозе, необходимо пассивное состояние нашего сознания. Медитация как бы вводит инородное вещество в духовную природу человека.

2. Второй предмет нашего рассуждения – время, действия в плоскости бытия, вечность и время. Все внешнее находится под властью времени, оно не наше, мы только соприкасаемся с ним; наше то, что мы можем удержать. В потоке времени рушится и исчезает все. Мы подобны человеку, сидящему на берегу реки и смотрящему на бегущую волну: он думает, что она – его, но через мгновение ее уже нет. Жизнь во времени – это низшая форма жизни, это только приготовление к жизни вечной. Великое заблуждение – считать дорогу, уходящую вдаль, своим собственным домом. Истинная жизнь – это вечная жизнь. Там нет потерь, разочарований, чувства своего бессилия, там не перемена, а раскрытие, при этом вечность – не какая-то неподвижность: вечность – динамика. Есть два аспекта вечности: вечная жизнь и вечная смерть. Третьего состояния нет. Земная жизнь протекает на фоне вечности, о которой мы забыли. Время будет убрано, как в театре убирают подмости, и тогда мы неожиданно окажемся в сфере вечности; там человек увидит себя, какой он есть. Кто не искоренял в своем сердце богоборческие страсти, у того в сердце царит смерть. Страсть и грех – это не просто слабость, их метафизическая основа – ненависть и богоборчество – это тоже царство, царство сатаны.

Молитва здесь, на земле, дает опыт соприкосновения с вечностью, молитва – это доказательство нашей борьбы с грехом и страстями. Молитвой мы как бы говорим демону: «Я не твой». Человек, чуждающийся молитвы, свидетельствует, что он любит свой грех и не хочет расстаться с ним.

3. Третий помысл – помысл о смерти. Один из парадоксов нашего сознания состоит в том, что мы повсюду видим смерть и меньше всего думаем о ней. Нам кажется, что мы – исключение из общего правила: все умирают, но нас смерть не коснется. Смерть всегда неожиданна, всегда трагична. Одна из причин этого – наша неподготовленность к ней, мы стараемся обмануть себя, чтобы спокойно грешить. В этом отношении мы все похожи на страуса, который, как говорят, спасаясь от врагов, зарывает голову в песок: он ничего не видит и думает, что враги его тоже не видят. Замечательно, что страус – одно из самых быстроногих животных, догнать которое не может даже всадник на коне, и если бы он знал, от кого и как надо спасаться, то сохранил бы себе жизнь. Если бы человек помнил о смерти и готовился к ней покаянием и молитвой, то смерть стала бы для него переходом в вечную жизнь, а не палачом, который вошел в двери его дома, чтобы связать и затем казнить.

Поэтому надо помнить о последнем дне своей жизни, которым может стать любой, даже сегодняшний день. Преподобный Иоанн Лествичник считает память о смерти необходимой для молитвы. Надо спрашивать себя: «Кто ты, зачем пришел сюда, когда и

куда уйдешь ты отсюда?». Иоанн Лествичник пишет: «Некоторые говорят, что молитва лучше, нежели память о смерти, я же воспеваю два существа в одном лице»²⁰⁷.

4. Следующий помысл – об аде. Ад – это место забвения, это вечное отвержение, там нет ни надежды, ни любви, это море ненависти. Мы содрогаемся, когда читаем повествования о камерах пыток в лагерях и застенках. С какой утонченной жестокостью палачи издеваются над своими жертвами, но там есть конец, по крайней мере, – смерть, а в аду нет смерти, вернее, там вечная смерть, не имеющая конца. Какими бы жестокими садистами ни были люди, какое бы дикое наслаждение ни находили они в мучениях своих жертв, все же в душе каждого палача иногда просыпается что-то доброе и человеческое, хотя бы как воспоминания детства. Но демон – насколько он более страшен и жесток, чем все злодеи, жившие на земле! Он – воплощение самого зла. Демон – это черный пламень ненависти к Богу, он мстит Богу в лице Его создания. Человек – образ Божий, поэтому, ненавидя Бога, демон ненавидит человека.

Однако самое главное в аду – это не мучение, а скорбь потери. Грешник знает, что он потерял, кем он мог быть и кем стал. Но в аду нет покаяния, там демоноподобление, и потому сознание потери вечной жизни вызывает у грешника ненависть к Богу, подобную ненависти демона. В аду самые близкие на земле люди будут ненавидеть друг друга, там мать для дочери и сын для отца предстанут в виде огромных человекообразных змей и скорпионов. Любить можно только доброе в человеке: действительное или предполагаемое. Рафинированное зло любить невозможно. Зло, когда в нем нет следов возрождающего добра, подлежит самоуничтожению. Ад – это разлучение, разделение добра и зла. Ад, как и рай, динамичен, но только в аду – процесс распада, там лишь центробежные силы, и грех, раскрываясь в вечности, будет делать каждого грешника все БОльшим и БОльшим подобием сатаны. И античному²⁰⁸, и современному гуманизму одинаково трудно было воспринять учение об аде, они предпочитали считать его либо «педагогическим приемом», либо «жуткой мифологией». На самом деле это – апология греха, самоуспокоение грешника, не желающего бороться со своими страстями. Если бы человек знал, как ужасен и мерзок демон, то он понял бы, что царство демона – это царство вечной смерти, что грех – не просто оскудение добра, но в метафизическом плане – убийство Христа; поэтому нераскаянный грешник – богоубийца. Грех – это разлучение души с Богом. Бог – жизнь и источник жизни, другого источника нет, бессмертие без Бога обращается в смерть.

5. Последнее размышление – о райском блаженстве. Человек создан для рая, рай – это пребывание с Богом; внутренний рай – это Божественный свет в человеческом сердце. Здесь, на земле, человек чувствует себя изгнанником, он несчастен, страдает, причем это универсальный факт. Внешние условия жизни не избавляют от страданий, значит, с человечеством произошло что-то по-настоящему ужасное, раз вся история его превратилась в трагедию. Так может страдать царь, потерявший свое царство. Человек ищет счастья, но нигде не находит его. Философия не дает ни счастья, ни истины – это лабиринт: открыв одну дверь, человек видит десять других закрытых, притом он не знает, приближается к выходу или нет. Чувственные удовольствия также не приносят счастья. У людей, всецело подчинившихся страстям, угрюмые и мрачные лица. Единственный просвет в человеческой жизни – это чувство близости к Богу, это капли духовной радости, которые ощутил человек в молитве, особенно в Таинстве или у чудотворной иконы. Они похожи на капли воды для умирающего в пустыне от жажды.

Человек ищет истинной любви, но здесь, на земле, он находит другую любовь, исковерканную, аффективную, перемешанную с грязью страстей, приносящую лишь одно жестокое разочарование за другим, сокрушающую душу. И только в некоторые мгновения своей жизни он чувствует, как прикосновение Божественного перста, другую, чистую,

²⁰⁷ Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 28, глава 46.– *Ред.*

²⁰⁸ Под «античным гуманизмом» здесь, очевидно, подразумеваются некоторые философские школы (в частности, ранний стоицизм, эпикуреизм), которые косвенно или совершенно принципиально отрицали бессмертие души и занимались вопросами устройства земной жизни.– *Ред.*

Божественную любовь; ее может дать только Бог, ей противостоят человеческие страсти. Рай – это любовь души к Богу и Бога к душе. Рай – лучи любви от каждого святого ко всем и от всех к каждому, это настоящий световой океан любви.

Встреча двух личностей

Что значит слово «святой», которое мы употребляем не только в литургической, но часто и в обыденной жизни? На основании чего Церковь канонизирует подвижников веры, свидетельствует об их святости и дает нам право обращаться к ним с молитвой?

Если мы спросим у окружающих нас людей, в том числе у христиан, живущих церковной жизнью, что значит «святой человек», то получим неодинаковые ответы. Одни скажут, что святой – это человек чистой и безукоризненной жизни, другие будут утверждать, что святость – это самоотверженное и бескорыстное служение людям, третьи укажут на такие ее признаки, как милосердие, сострадание, отзывчивость человека. То есть для большинства людей святость – это наличие высоких нравственных достоинств. Однако на самом деле все это качества и свойства святости, ее проявления в различных жизненных ситуациях и обстоятельствах, а не сама святость. Все перечисленные достоинства человека, даже в своей совокупности, не дают исчерпывающего представления о том, что мы хотим определить.

Слово «святость» по своему значению намного глубже. Мы не нашли ни одного его синонима, поскольку святость действительно не качество; святость – то, что делает человека новым творением, творческая Божественная сила. Святой – это человек, в котором пребывает и действует благодать. Святой – тот, кто дал в своем сердце место Духу Святому; это луч, воссиявший от Фаворского света. Здесь, на земле, благодать можно стяжать и потерять. Жизнь даже великих подвижников представляла собой постоянно меняющиеся взаимоотношения между благодатью и человеческой волей, между святостью и грехом – то состояние, которое называется у аскетов невидимой борьбой. В вечности, когда время испытаний останется уже позади, благодать Божия восполнит недостающее²⁰⁹ и соединится с душой человека неразлучно, неразрывно, навсегда; а после Воскресения она преобразит и одухотворит тела святых. Более того, святость в вечной жизни – это не статика, а вечное приближение к Божеству, вечное восхождение по духовным ступеням, вечное озарение Божественным светом (то, что на языке аскетике именуется обожением) все большей силы и интенсивности. В этом свете человек преображается и становится более и более способным созерцать Божественную красоту, сам делаясь от этого все более прекрасным, как кристалл, в котором отражаются и играют лучи восходящего солнца.

Почему мы прославляем святых? Или, точнее, что мы прославляем в святых? Святитель Григорий Палама – этот вдохновенный поэт исихазма, который больше всего любил безмолвие, – в борьбе с еретиками был вынужден обобщить мистический опыт восточных подвижников в определенных богословско-философских категориях. В этом

²⁰⁹ Преподобный Макарий Великий утверждает, что даже святые в своей земной жизни не достигают состояния совершенства. (Преподобный пишет об этом в своих творениях так: «Доныне не знаю ни одного человека христианина совершенного или свободного. Напротив того, если и упокоивается кто в благодати, доходит до тайн и откровений, до ощущения великой благодатной сладости; то и грех сопробывает еще внутри его» (*Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. С. 71.* – *Ред.*) Поэтому спасение всегда является для человека милостью и даром Божиим. Об этом свидетельствует также Карфагенский Собор («Определено и сие: если кто речет, что святые, в молитве Господней *остави нам долги наша*, не о себе глаголют, поскольку им уже не нужно сие прошение, но о других грешных, находящихся в народе их, и что не глаголет каждый из святых особо: *остави мне долги моя*, – но: *остави нам долги наша*, – так чтобы сие прошение праведника разумелось о других более, нежели о нем самом, – таковой да будет анафема» (Правила Карфагенского собора. Правило 129 // *Каноны, или Книга Правил, святых апостолов, святых Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов на русском языке. С. 204.* – *Ред.*.) – *Авт.*

отношении он явился продолжателем богословия великих каппадокийцев²¹⁰, сочетавших в своих произведениях опыт мистических созерцаний с блестящим знанием философии. Святой Григорий Палама, образно говоря, писал о Фаворском свете в Фаворском свете. Предвечный, вневременный и внепространственный Бог имеет бытие в Своей сущности – ипостасное, личностное бытие. Это внутренняя жизнь Божества, которая является абсолютной тайной. Она сокровенна и непостижима для Ангелов. Это Само Божественное естество, пребывающее в неприступном свете. Но есть то, что мы именуем благодатью, нетварными Божественными энергиями – силами, которые также предвечны, но могут сообщаться с сотворенным миром и воспринимаются нами как свойства и действия Божества. Святитель Григорий пишет, что Божественную благодать можно именовать Божеством. Святой становится причастником Божественной благодати, а так как Божественная благодать нераздельна и неразлучна с Божественным естеством, то святые неким непостижимым и невыразимым образом становятся общниками этого естества, оставаясь иными по природе. Поэтому, прославляя святых, мы прежде всего прославляем Бога, избравшего и освятившего их и пребывающего в них как в Своих нерукотворных храмах.

Затем мы прославляем личность самого святого, который при помощи благодати, но своей свободной волей и произволением боролся с грехом, живущим в нем, со страстями своей души и плоти, с демоническими силами, с обычаями гордого и богоборного мира. Жизнь святых – это исполнение Евангелия в различных обстоятельствах и ситуациях, исполнение, посильное человеку, так как исполнить заповеди во всей полноте – невозможно²¹¹.

Итак, прославляя святых, мы прославляем Божественную любовь к человеку и подвиг человека, который через борьбу с собой открыл себя этой любви.

В молитве мы обращаемся к святому как к личности, в некотором смысле знакомой нам по жизнеописанию. Однако этими сведениями о святом сокровенная глубина его личности вовсе не исчерпывается. В мистическом плане святой всегда остается гораздо выше, нежели мы можем знать или даже думать о нем. Основа молитвы к святым – это некое личностное ощущение. Суть его в том, что, с одной стороны, между нами и святым пролегает огромная нравственная дистанция – его святость и наши грехи, его подвиг и наши страсти, его огненная решимость служить Богу, которая была стержнем его жизни, и наша постоянная слабость и колебание. А с другой – мы близки к святому, потому что находимся с ним в одной Церкви и потому что он как причастник Божественной любви сострадает нам, грешным и несчастным. Личность всегда выше и шире своих проявлений и видимых свойств (которые и без того поразительны у святых.– Ред.), поэтому основой молитвенного общения со святыми является чувство благоговения.

Человек – общительное существо. Нам радостно находиться в кругу достойных людей. Для нас счастье – беседовать со старцем или подвижником, счастье даже немного побыть рядом с ним, так как само его присутствие согревает наше сердце; оно как будто оттаивает от мертвящего холода грехов. И, следовательно, сама возможность общаться со святыми посредством молитвы есть уже большой дар, нежели то, чего мы обычно испрашиваем у них в этой молитве.

²¹⁰ Великими каппадокийцами обычно называют святителей Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского.– Ред.

²¹¹ См.: *Так и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Также и псалмопевец говорит: *широка заповедь Твоя зело* (Пс. 118, 96). Даже самое полное и безукоризненное исполнение человеком евангельских заповедей перед совершенством законоположившего их Бога представляется недостаточным. Именно такое чувство испытывали святые, жизнь которых служит образцом исполнения заповедей Христовых для нас. Так, например, преподобный авва Агафон, великий по жизни (V в., память 2/15 марта), умирая, говорил ученикам: «Сколько мог я трудился в исполнении заповедей Божиих, но я человек; почему мне знать, угодны ли были дела мои Богу? <...> Не имею дерзновения, пока не предстану Богу, ибо иное суд человеческий, а иное суд Божий» (Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. С. 67–68).– Ред.

Литургическая и домашняя молитва – это образ той небесной любви, которая объединяет в вечной жизни Ангелов и святых. Любовь личностна. Предмет может нравиться, к предмету можно быть привязанным, но предмет любить нельзя, поскольку он безответен. Мы часто неправильно употребляем слово «любовь» по отношению к чему-либо. Но это не любовь, а желание быть владельцем и обладателем. Любить можно не «что», а «кого». Поэтому молитва – это глубокая внутренняя жизнь души. Приступая к ней, мы должны знать, что говорим с живой личностью, которая в Духе Святом не только слышит нас, но и проникает глубины нашего сердца, и потому молитва никогда не остается без ответа. Она является самой действенной силой в нашей жизни. А самое главное, она делает нас сродниками и своими в той семье, где отец – Господь, а дети Его – Ангелы и святые. В молитве должны присутствовать два чувства – покаяние и надежда. Молитва рождает благодарность Богу и покорность Его святой воле. Покаяние и надежда – корни молитвы. Благодарность Богу и покорность воле Его – цветы ее. А любовь к Господу и святым – ее плоды.

Человек – это единая личность, состоящая из двух природ – души и тела. Поэтому нам разрешено и даже благословлено молиться не только о вечных благах и об осуществлении главной цели человека – спасении души, но также и о житейских потребностях, о нуждах нашего бренного тела. Глубока человеческая личность. В гимнографии она сравнивается с бездной. Еще более глубока личность святого, преображенного благодатью. В этой тайне личности, в ее красоте как образа и подобия Божия – основа духовной любви и того неизреченного чувства, которое мы бы назвали мистическим трепетом молитвы, предчувствием сердца, неизреченной радостью тех, кто с Богом.

Некоторые из святых, особенно мученики, в предсмертной молитве испрашивали у Бога дар помогать людям в тех или иных обстоятельствах. Есть древний обычай просить у Иоанна Предтечи благословения на монашество, у Георгия Победоносца – помощи на войне, у великомученика Пантелеимона – исцеления от болезней и так далее. Этот обычай, основанный на предании, отразился и в литургической жизни Церкви. Существуют чудотворные иконы, особенно Божией Матери, название которых говорит само за себя, например: «Споручница грешных», «В скорбех и печалех Утешение», «Взыскание погибших» и множество других.

Есть также народный опыт: молиться тем или иным святым в зависимости от нужд человека. К таким взглядам Церковь относилась нейтрально – не благословляя и не отвергая. Тем более что некоторые «наблюдения» вообще относятся к области звуковых ассоциаций: например, в народе молятся пророку Науму, чтобы он навел на ум, в день мучеников Маккавеев освящают семена мака и тому подобное – то есть действия основаны на недоразумении.

Теперь мы сделаем небольшое отступление.

Мышление современного человека становится все более дробным и аналитическим. Науки разделяются на специальности, которые, в свою очередь, дробятся и умножаются на наших глазах. Возьмем, например, медицину. Раньше врач лечил практически все заболевания. Не только в древности, но даже еще столетие тому назад земские врачи, с современной точки зрения, обладали универсальными знаниями во всех областях медицины: они были и диагностами, и терапевтами, и хирургами, а самое главное – они видели перед собой живого человека как единый, цельный организм. Теперь таких врачей практически не существует. Их заменили специалисты. Больной с результатами компьютерных обследований в руках должен ходить из кабинета в кабинет. Больной как человек перестает существовать для врача: в нем видят только таблицу анализов. И современный человек свыкся с таким положением. Врач часто не обращает внимания на больного, вернее, он видит некую анатомическую и физиологическую «сумму» и берется лечить ту ее часть, которая укладывается в рамки его специальности, до остального ему дела нет, там его компетенция кончается – пусть больной стучит в двери следующего кабинета.

Это аналитическое мышление, эта привычка искать специалистов неожиданно проявилась в религиозной жизни современных христиан. Стали появляться руководства, к каким святым надо обращаться при той или иной болезни. Теперь святые «выстроены» согласно определенной таблице и подчинены неизвестно кем придуманному регламенту – в каких случаях они должны помогать, что они могут и не могут делать. Например, болезни живота лечит святой Модест, при грыже помогает великомученик Артемий, в общем, святые разделены на специальности. Подобные руководства издаются большими тиражами и быстро раскупаются. Между тем еще совсем недавно, хотя бы пятнадцать лет тому назад, в церковной литературе ничего подобного мы не находили. Такого рода «исследованиями» иногда занимались разве что этнографы, собиравшие материал о народных обычаях, обрядах и приметах. Но то, что делается теперь, можно назвать подменой церковного предания и даже народных обычаев какой-то спекуляцией. Составителей и издателей этих книг мало интересует церковная литургия. Они составляют свои книги по следующей схеме: берут жития святых, выписывают эпизоды и события из их жизни, чудеса, которые они совершили, и составляют свои справочники по некому формальному сходству. Например, святой был воином – значит, он покровитель воинов; занимался плотничеством – значит, он помощник в столярных работах; во время пыток ему надели на ноги железные сапоги – значит, он помогает от боли в ногах; он путешествовал по святым местам – это дает основание считать его помощником путешественников. Сами святые не уполномочивали авторов таких книг решать за них, в каких случаях и как они помогают людям, поэтому такой справочный материал относится по большей части к области фантазий. К святому подошел за помощью больной, он исцелил ему глаза, но если бы у человека была другая болезнь, он также исцелил бы ее. Мы видим здесь сужение личности святого до какого-то навязанного ему «профессионализма». Происходит подмена религиозного чувства совершенно неоправданным прагматизмом. Святой как личность как бы перестает существовать, от него остается лишь узкая специальность. Молитва как духовное общение, как устремление человеческой души к царству вечного света исчезает. До святого дела мало, его нашли в рубрике «Зубная боль». Если бы не ныл зуб, то он был бы не нужен.

Мы вовсе не против литургического предания и даже обычаев, имеющих под собой твердое основание. Но здесь речь идет как раз об уничтожении предания как передачи знаний в русле церковной жизни, о замене предания собственными домыслами. Святой связан с Богом, как луч – с солнцем, не по природе своей, а по благодати; и каждый святой имеет молитвенное дерзновение к Богу. Эти обширные справочники с рекомендациями и рецептами, выдуманными большей частью за письменным столом, являются предметом для острой и несправедливой критики Православия со стороны различных сект, особенно протестантского толка. На самом деле это вовсе не учение Церкви, а продукция для ширпотреба. Святые могли испросить у Бога особые дары, но мы хотим слышать их голоса, сохраненные в агиографии и литургике, а не тех, кто приписывает им «род деятельности» и «характер» чудес.

Молитва – это общение. Здесь идея этого общения как соприкосновения с новой жизнью, как освящения благодатью, как встречи двух живых личностей тускнеет и меркнет: святой должен сделать конкретное дело, оказать помощь, которую предписывает ему справочник, а затем он не нужен, если подобная ситуация не повторится. А что происходит с сознанием человека, с чем ассоциируется имя святого, об этом мало кто задумывается. Святые отцы писали, что, хваля добродетель, мы становимся участниками добродетели, что молитва – это один из путей уподобления тому, к кому она обращена. Теперь молитва постепенно теряет свою мистическую глубину: **кто** оказывается ненужным, остается **что**.

В последнее время появилось также множество неизвестно кем сочиненных молитв, которые на самом деле молитвами назвать трудно. Они написаны на душевно-чувственном уровне, и их стиль совершенно не отвечает внутренней динамике молитвы. Достаточно сравнить их с церковными молитвословиями, и мы увидим, что они

представляют собой лишь что-то сродни размышлениям или медитации либо поэзию, чаще всего не высшего качества.

В церковных молитвословиях душа находит себя, они представляют собой передачу мистического опыта святых, его словесное выражение. Этот опыт настолько глубок, что человек, читающий их, находит в них свое и себя. Эти молитвы – излияние сердца, очищенного благодатью и потому более глубоко ощущающего демоническую силу и тяжесть греха. Эти молитвы заключают в себе огромную духовную напряженность, но в то же время лишены чувственной восторженности, внешнего драматизма. Поэтому их читают всю жизнь, они соответствуют любому духовному возрасту, они воспринимаются как новые, они от духа и обращены к духу – стержню человеческой личности.

А молитвы, составленные «на все случаи жизни», приспособленные к различным обстоятельствам и нуждам, написаны от рассудка и потому трогают душу, но не дух. В них человек редко молится, то есть возводит око души к Богу; чаще всего он читает их как поучение: что христианин должен делать, думать и переживать в данном случае. И здесь опять происходит снижение религиозного чувства. Молитва не только по своему содержанию, но даже в структуре фразы и расстановке слов отражает внутреннее состояние авторов – и здесь, в этих молитвах, написанных в повествовательном ключе, с подробным изложением сущности дела, о котором просят Бога, очевидно скольжение от духа к душе. Человек не может найти в таких молитвах себя, не может назвать их голосом своего духа. Человек, прочитав такую молитву, «объяснил» Богу и самому себе, что надо делать, но дух его вряд ли пробудился от обычной дремоты.

Посредством молитвы мы включаемся в Небесную Церковь, в световом поле Божественной благодати мы преодолеваем свою тварную ограниченность и вызываем к жизни тот духовный потенциал, который назван образом и подобием Божиим. Мы углубляем и расширяем свое бытие, вернее, не мы, а Божественная сила, которой через молитву человек дает возможность действовать в своей душе.

Некоторые недоумевают: о чем молиться, когда Бог лучше знает, что нам нужно? Кто говорит так, тот не понимает суть молитвы. Бог хочет дать нам Себя как величайшее благо, но этот дар можно принять только через любовь; мы же любим не Бога, а себя. Это самое страшное последствие грехопадения. Основой жизни стал не Бог, а самость. Поэтому надо повернуть к Богу свое сердце, надо волевым усилием искать потерянное, воссоздавать разрушенное, выходить из плена страстей и создаваемых ими иллюзий в мир той высшей истины, которую открывает нам Евангелие. Однако действительно совершить это может не наша растленная природа, а Божественная благодать. Но благодать хочет, чтобы мы сами, свободно, по собственной воле стремились стяжать ее, подчиняли ей свой разум и чувства. И здесь происходит сложное взаимодействие человеческой воли и благодати, которое трудно охватить мыслью и заключить в слово: «Я не могу, но я решаю; я бессилен, но без меня Бог не может спасти меня; я поражен грехом, который въелся, как болезнь, в мое естество, но я стремлюсь к Богу; я немощен, но я совершаю; без помощи Божией я не способен даже помыслить о добром и в то же время я ответствен за зло, которое творю, включая каждое лживое слово и каждую нечистую мысль. Раз я ответствен за собственную душу и совесть говорит мне, что я делаю добро и зло не по необходимости, а произвольно, значит, есть во мне нечто, что стоит над бездной греха в моей душе. Моя воля растлена, как все чувства, но что же осталось во мне?».

Преподобный Максим Исповедник открывает нам, что существует две воли: одна – естественное хотение, а другая, названная им гномической волей, – это способность делать выбор²¹². «Не я вначале ищущу Бога, а Бог вначале ищет меня», и здесь ответ на призыв Божий должна дать гномическая воля: «Не “кто я есть”, а “кем хочу быть” и “Кто может спасти меня?»». Совершается взаимодействие благодати и воли, именуемоеся

²¹² «Мы, таким образом, по природе обладаем естественной волей, реализация которой зависит от нашего выбора, осуществляемого **гномической** (разрядка наша.– *Ред.*) волей. Гномическая воля не является свойством природы, а составляет принадлежность личности» (*Протоиерей Иоанн Мейендорф*. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 365).– *Ред.*

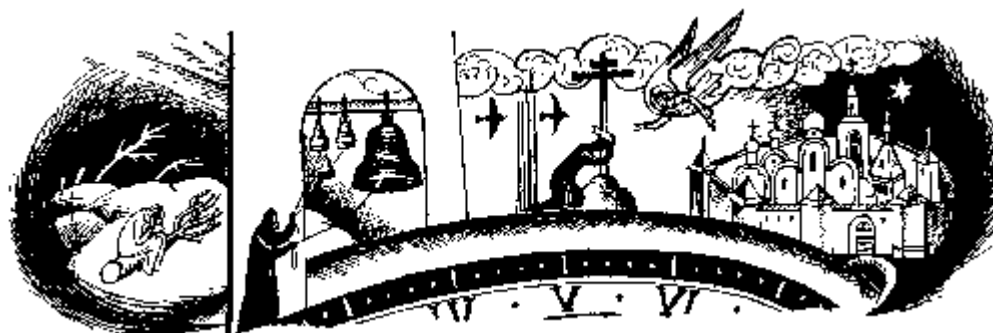
синергизмом. Но это слово может быть понято неправильно, в каком-то полупелагианском смысле. Поэтому мы должны помнить, что тут идет речь вовсе не о взаимодействии равных сил – воли и благодати; здесь **совершает** благодать, она творит, освящает, дает силы и обновляет падшее человеческое естество, а воля **обращена** к благодати как единственному средству спасения. Это устремление от себя к благодати.

Представим такую картину. Человек попал в омут, который затягивает его. Он сам не в силах сопротивляться движению воды. Но вдруг с берега ему бросили веревку, он схватился за нее обеими руками, и его вытянули на берег. Человек не мог спастись своими силами, но он сделал правильный выбор: не пытаясь сопротивляться воде, крутившей его, точно щепку, он ухватился за веревку и с ее помощью достиг берега. Нечто похожее происходит во взаимодействии человеческой воли и благодати. Господь по любви к нам дает и затем отнимает Свою благодать, вернее, явственное действие благодати; она как бы скрывается от нас и действует тайно. Мы должны снова и снова искать ее, видя свое бессилие и возлагая всю надежду лишь на Бога. Так формируется личность человека. У животного нет личности, но лишь природа: род, вид и в некотором отношении индивидуальность, то есть особенность. Личность есть принадлежность только Божества, Ангелов и людей.

Взаимоотношение между благодатью и волей более всего определяется в молитве. Молитва – это обращенность к Богу. В молитве благодать обновляет образ и подобие Божие в человеке, говоря неуклюжим современным языком – активизирует их, приводит в динамичное состояние, а свойство образа Божия – отражать в себе Первообраз. Поэтому в молитве человек учится любить Бога. Но духовная любовь – это также действие и дар благодати. Молитва неотделима от человеческой жизни. Если человек молится правильно, то исполнение евангельских заповедей открывается перед ним как истинная жизнь, через них он ощущает, как благ Господь. Молитва без исполнения заповедей превращается в бесплодный труд. В то же время без молитвы невозможно исполнить евангельские заповеди, ведь Господь сказал: *без Меня не можете делать ничего*²¹³. И опять: молитва, когда человек небрежет об исполнении заповедей, уподобляется посаженному на каменистой почве дереву, которое не может пустить корней.

Молитва – самое большое искусство и в то же время – самая простая вещь, как прост детский лепет, когда ребенок говорит «мама», чувствуя ее присутствие, ее тепло, ощущая всей душой, что без матери жизнь его невозможна. В молитве самое главное – не потерять чувство присутствия Бога как Живой Личности. Когда это чувство есть, то для молитвы нет нужды во внешних механизмах, тогда человек благодарит Господа за самый дар молитвы, за то, что он может возвести око сердца к Тому, Кому с трепетом поклоняются Ангелы.

На псалмы Псалом 51

Что хвалишиися во злобе, сильне?(3).

Здесь мужественный дух человека, укрепленный молитвой, обличает демона – лукавого духа. Святые отцы говорили: «Когда к тебе приходит неизвестный помысл, как

²¹³ Ин. 15, 5.– Ред.

бы скрытый во тьме, то спроси его со всей твердостью и решимостью воли: “Наш ли ты или от супостатов?”²¹⁴», и от прямого вопроса помысл не сможет укрыться и спрятаться, как извивающаяся змея, а ответит, кто он и кем послан.

Здесь душа обличает демона вопросом: *что хвалишься?* Хвалиться – значит торжествовать победу, еще не будучи победителем. Хотя бы демон захватил человека, словно борец своего противника, опутал его сетями греха, хотя бы тысячекратно обманывал и оболыщал его горькой сладостью порока, но пока в сердце человека есть покаяние, пока собственная совесть не предала его, демон все еще не победитель.

Благодать поднимает поверженного с земли, точно раненого воина, она разрывает демонские сети, как паутину. Демон может хвалиться только тогда, когда человек, сознательно отказавшись от покаяния, отдает свой последний вздох ему. Чем хвалиться сатане? Тем, что он восстал против Бога и так лишил себя истинной жизни? Хвалиться своей собственной смертью, подобно тому как некоторые самоубийцы высоко поднимали кубок с ядом, будто некий трофей?

Чем хвалишься, сатана? Своей собственной ложью, тем, что своей змеиной песней прельщал людей, что соблазнял их картинами греха, завлекая, как болотными огоньками, в трясину? Что разжег пламя ада, в котором будешь вечно гореть сам? Чем хвалишься? Злостью, в которую превратился ты, наполнив землю потоками крови и слез? Твою прежнюю любовь к Богу сменила бессильная ненависть, твое дыхание – это смертоносное зло; словно мертвой водой, текущей из ада, наполняешь ты злобой сердца людей. Этим ты хвалишься, сатана!

Ты *сильный* не своей силой, а нашей немощью. Молитва истинно сильных опалает тебя, точно огнем. Ты боишься молитвенников, как зверь – пылающего факела. Сильный не лжет, он сокрушает противника своей силой, а ты только лжешь. Хотя ты и царь, но ты царь над грешниками в аду, в чем же твоя слава? Если ты *сильный*, то почему так долго и бесславно борешься со мной – бессильным, ничтожным червем: разве это не посрамление твоей силы?

Беззаконие весь день...

Демон с утра до ночи строит ковы, и самой ночи как успокоения для него нет. Собственная злоба, кипящая в нем, не дает ему отдохновения и покоя. Ненависть к образу Божию в человеке – единственное чувство, которое движет демоном. Помни, душа моя, что демон никогда не спит и непрестанно следит за тобой, обдумывая, как бы усыпить и пленить тебя твоими же страстями. Как полководец разрабатывает план сражения, так он составляет каждый день свои планы, как поразить и погубить тебя, как отвлечь от Бога, как отнять память о смерти, как крепче привязать тебя к колесу земных забот, как подкупить ценой наслаждения, словно тридцатью сребрениками – Иуду, как настроить против тебя твоих друзей и близких, чтобы ввергнуть в уныние; как поразить неожиданными несчастьями, чтобы потопить в пучине отчаяния.

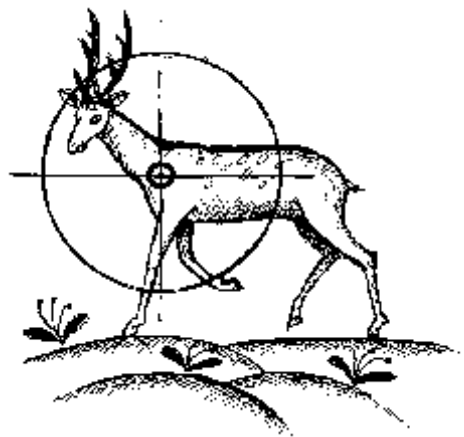
Помни: в тот день, когда ты забываешь о вечности и о кознях демона, он не забывает о тебе. Когда ты дремлешь не только на ложе, но и наяву, погруженный в мирские развлечения, он не спит и не дремлет, а бдит над твоей душой, как охотник, притаившийся у тропы, которой олени идут на водопой.

²¹⁴ См.: Нав. 5, 13.– Ред.

...неправду умысли язык твой...(4).

Какую неправду? – Что жизнь на земле вечна, что в грехе душа получит наслаждение и радость. Он лжет через наши страсти, лжет через нашу плоть, лжет через мир, который живет по своим обычаям, далеким от закона Евангелия. Но больше всего он обольщает нас через нашу гордыню. Демон не может говорить правду. Когда он говорит внешне правдоподобно, то делает это лишь для того, чтобы, усыпив человека, легче обмануть его. Так враг притворяется другом, чтобы, подведя человека к обрыву, неожиданно столкнуть его вниз. Поэтому святые отцы говорят: не верь демону, когда он по-видимому говорит правду; эта правда – черная ложь. Душа моя, когда ты лжешь, то подражаешь демону – *отцу лжи*²¹⁵; а подражая, уподобляешься ему. Поэтому пусть языком твоим движет правда, пусть слово твое соответствует мысли, а дело – слову. «Добрая» ложь – это яд, смешанный с медом. Истинное добро никогда не может иметь ложь своим союзником.

Если мы встанем на путь лжи, то непременно будем побеждены демоном: он самый искусный ее стратег; ложь – область его владычества. Дьявола невозможно победить его же оружием, поэтому пусть взор твой смотрит прямо, пусть язык твой говорит правду. Если будешь говорить правду, то демон не найдет в тебе **своего**. Если будешь говорить правду, то негодяи и лживые друзья убегут от тебя. Как мухи облепляют падаль, так темные духи и подлые люди – тех, кто лжет. Если человек посредством лжи и добьется чего-либо, то все равно эта ложь окажется слабым и ржавым звеном, которое когда-нибудь неожиданно порвется.

...яко бритву изощрену сотворил еси леств.

Псалмопевец сравнивает язык с наточенной бритвой. Дьявол постоянно изучает человека и затем наносит удары – словно тонким, отточенным лезвием, которое глубоко проникает внутрь, не оставляя следов на поверхности. Из раны, нанесенной таким оружием, вытекает лишь несколько капель крови, хотя бы оно достигло самого сердца. И в данном случае в первую очередь нужно иметь в виду клевету: демон – клеветник, ибо клеветает на Бога, поражая душу неверием; он клеветает на наших ближних, разрушая нашу любовь друг ко другу. Он клеветает на нас самих через людей, ожесточая наше сердце и наполняя ум недобрыми помыслами.

Возлюбил еси злобу паче благостыни, неправду, неже глаголати правду (5).

Дьявол не просто творит зло: он возлюбил его всей силой падшего ангельского естества. Это зло дает ему неутомимую энергию и силу. «Дьявол более заботится о моей гибели, нежели я – о своем спасении», – сказал один преподобный. Демон любит зло больше, чем мы любим добро. Поэтому зло так часто побеждает в нас. Дьявол возлюбил зло больше своего прежнего величия; тьму – больше света; *неправду*, то есть извращенный, кривой путь, больше, чем *правду*. Когда-то, будучи светлым Ангелом, он не устоял в правде, а в неправде стоит теперь крепко, как бы непоколебимо. Он говорит нам неправду через наши страсти, он обольщает нас через гордость.

Высшая правда – это Бог. Высшая истина из всего, что может сказать человек посредством слова, – это имя Бога, Бога истины; имени Бога страшится дух тьмы и потому так стремится отвлечь дух человека от Иисусовой молитвы.

²¹⁵ Ср.: Ин. 8, 44. – Ред.

Возлюбил еси вся глаголы потопныя, язык льстив (6).

Диавол хочет разъединить ум с сердцем, обратить его ко внешнему, потопить в потоке внешних впечатлений и в бушующем круговороте помыслов. Язык диавола коварен. Высшему добру он часто противопоставляет меньшее добро как якобы более нужное. Через это видимое добро он хочет «вернуть» человека в мир, потушить в нем огонь молитвы, которая опаляет его, вовлечь в многомыслие и многоделание, выкрасть имя Христа из храма сердца.

Сего ради Бог разрушит тя до конца... (7).

Диавол уже поражен на Голгофе, но конечное истребление его произойдет после Страшного Суда.

...восторгнет тя...

Восторгнет – то есть исторгнет, вырвет, как сорняк; и теперь мы должны вырывать греховные помыслы, как дьявольские плевелы, из своего сердца.

...и преселит тя от селения твоего...

Первое изгнание демона – из рая, а второе, будущее, – из преображенного космоса.

...и корень твой от земли живых.

Корень демона, которым он держится, – это наши грехи. Страшный Суд навсегда навеки произведет разделение между добром и злом. *В земле живых* – в Царствии Небесном – уже не будет испытаний и искушений. Под *землей живых* можно также понимать сердце человека, когда он вырвет из него греховные помыслы, точно прорастающие семена, и греховные привычки, точно сорняки, укрепившиеся корнями. Обратная сторона любви к Богу – это ненависть к греху и сатане.

Узрят праведнии и убоятся, и о нем возмемоутся... (8).

Праведники видят конечную погибель сатаны уже ныне через пророчества и откровения и трепещут, боясь, чтобы не стать добычей сатаны, чтобы не увлек он их за собой в царство тьмы и вечной смерти. *Возмемоутся* и возрадуются праведники после Страшного Суда, потому что освободятся от мерзкого змея – тирана, потому что грех с его гнусностью и безобразием навеки будет удален от их очей. Они увидят, что сатана, насмевавшийся над миром, оказался бессилен перед человеком, уповающим на Бога, и сделал самого себя посмешищем. И смех здесь – это радость праведников о своем спасении, о том, что тень адского чудовища, диавола, уже не будет омрачать их путь. И в этой жизни, еще на земле, преодолев искушение, праведники видят бессилие и немощь сатаны. И тогда их смех – это радость сердца после победы над искушением.

...и рекут...

Рекут – то есть засвидетельствуют. Праведники свидетельствуют своей жизнью, свидетельствуют благодатью, которая обитает в их сердцах, что *сильный во злобе* оказался бессильным, что древний змей обречен на поражение, что дракон, увлекший за собой с неба *третью часть звезд*²¹⁶, благодатью превращен в червя.

Иисусова молитва – это одновременно прославление Бога, плач покаяния и гимн победы над пораженным денницей.

...се, человек, иже не положи Бога помощника себе... (9).

Демон является в образе человека. Искушая людей, он говорит на человеческом языке. В притчах демон нередко сравнивается со злым и лукавым человеком. Он не

²¹⁶ Ср.: Откр. 12, 4. Здесь под звездами, согласно святоотеческим толкованиям, нужно понимать светлых некогда духов, увлеченных денницей, сатаной, к отпадению от Бога. – *Ред.*

поставил Бога помощником себе. Бог перестал быть для него источником жизни²¹⁷, свет благодати Божией померк в нем. Для него Бог не помощник, а враг; он черпает свои силы в ненависти к Богу. Сатана сам захотел стать равным Богу. Он отверг Его милость и помощь и теперь, как ослепленный лев, бросается из стороны в сторону, ища во мраке свою добычу – во мраке собственной богооставленности и во мраке человеческого сердца, в котором погас свет молитвы.

...но упова на множество богатства своего...

Диавол уповал на свою ангельскую силу и красоту, на величие и славу, которыми прежде наделил его Бог, уповал, как на достояние, вечно принадлежащее ему, и потому пал, обратившись в духа тьмы.

...и возмозже суетою своею.

Суета – это пустота. Царство ада – это великая пустота. Жизнь демона, как постоянная борьба с Богом, борьба, обреченная на поражение, – это безумие. Обольщение человека страстями сердца и ложью, иллюзиями ума – бессмысленная пустота. Демон пуст, как огромное сгнившее дерево, от которого осталась только кора. Когда человек живет во внешнем, когда он отдается страстям или погружается в свои фантазии, то жизнь его теряет смысл, она становится пустой внутри.

Ум, потерявший Бога, постепенно погружается в суету, она становится его родной стихией. И тогда вне суеты дел и мыслей человек представить себя уже не может.

Далее псалмопевец говорит:

Аз же яко маслина плодovита в дому Божию... (10).

Душа цветет, когда благодать касается ее. Из плодов маслин делали елей, который зажигали в лампадах и светильниках в храме. Но светильник – это и образ сердца с горящим в нем огнем молитвы.

...уповах на милость Божию во век и в век века.

Грех временен, а милость Божия пребывает вовеки. Иисусова молитва превращается в свет, озаряющий вечную жизнь. *Уповал*, значит, надеялся; надежда исполнилась. Здесь говорится о богообщении, которое начинается на земле и продолжается в вечности.

Исповемся Тебе в век... (11).

Буду славить Тебя вовеки. Молитва – это песнь души, вечное стремление образа к своему Первообразу, вечное преображение человека по подобию Божию. *Исповедать* – здесь значит быть в таинственном хоре вместе с Ангелами и святыми.

...яко сотворил еси...

Мое спасение совершила благодать Твоя. Мое спасение – Твоя победа.

...и терплю имя Твое...

²¹⁷ Эти слова не должно принимать в прямом смысле. Все существующее как в видимом, так и в невидимом, умопостигаемом мире приведено в бытие Богом, и Им же это бытие поддерживается и сохраняется. Следовательно, для всякой твари Бог, несомненно, является единственным источником бытия. Поэтому здесь автор говорит не о некоем «автономном», независимом от Бога бытии сатаны, но о том, что сатана по своей ненависти к Творцу отвергается от Него, все дальше и дальше удаляется от Жизни и Любви и потому уделом своим имеет смерть и вечную муку. – *Ред.*

Иисусова молитва требует труда и терпения. Наше сердце подобно твердой каменистой почве. Сколько надо труда, чтобы из ее недр извлечь на поверхность потаенное в ней сокровище!

Господь предупреждает нас, что для Иисусовой молитвы необходимо терпение. Могут пройти месяцы и годы упорного труда над Иисусовой молитвой, а вернее, над собственным сердцем. Это время испытания. Человеку кажется порой, что Господь не слышит его, что сам небесный свод над его головой выкован из меди и слова молитвы бессильно падают на землю. Ему кажется, что его молитва похожа на крики и стоны узника, брошенного в подземелье: теряется счет времени, но весь мир как будто забыл о нем, даже эхо не отвечает мольбам несчастного, каменные стены сжали его со всех сторон. Однако это не только время испытания воли: Иисусова молитва постепенно преобразует те глубины человеческого сердца, которые недоступны для нашего сознания. С каждым повторением ее душа человека в чем-то становится иной. Но от человека это сокрыто: стоящий на берегу не видит, что происходит на дне моря. Иисусова молитва вскрывает гнойные раны души, а затем очищает и исцеляет их. Преподобный Симеон Новый Богослов, говоря об этом, пишет, что даже следов не остается от прежних ран.

Когда благодать Божия касается человека, то пораженная прежде проказой душа становится чистой, как тело ребенка, но человек еще явственно не переживает общение с благодатью, иначе он прежде истинного исцеления своего решил бы, что уже исцелен.

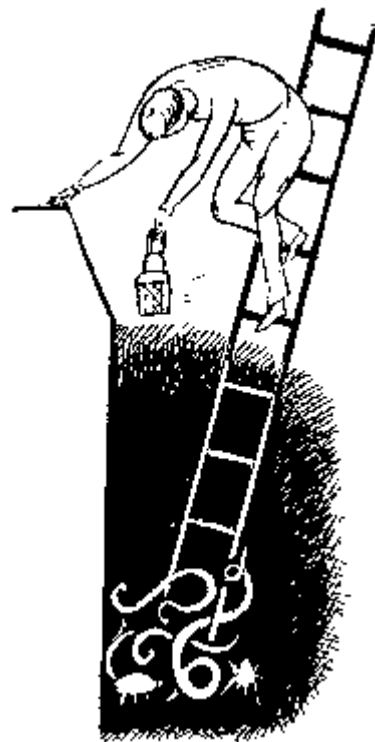
Многие люди, начав трудиться в Иисусовой молитве, охладевали к ней и бросали ее именно потому, что не могли исполнить слова псалмопевца: *терплю имя Твое*. Они хотели получить все сразу, схватить небесный жемчуг нечистой рукой, и поэтому им казалось, что имя Божие – этот небесный огонь – не согревает их душу, как горстка остывшего пепла, что имя Божие – эта сокровенная песнь сердца – остается безмолвным для них. Они хотели прежде, нежели усмирятся их страсти, услышать голос Духа. Не окончив пахать поле, они уже хотели получить плату, но слышали в ответ: «Паши еще, паши до вечера».

Необходимо терпение и по другой причине. Подвизаясь в делании Иисусовой молитвы, человек переживает период, когда перед ним открываются его грехи: точно фонарь спускают в темный подвал, и он видит змей и различных гадов, ползающих там, видит нечистоты... Человек видит все это в себе и недоумевает:

«Неужели это я? Кто может из этого вместилища скверн, из моего сердца, сотворить храм?»». И чем более озаряет свет молитвы его сердце, тем яснее познает он мрачное состояние своей собственной души. И здесь нужно терпение: чтобы потерпеть видение самого себя.

...яко благо пред преподобными Твоими.

Преподобие – это восстановление в человеке образа Божия, это жизнь по закону Евангелия. Человек уподобляется Богу через стяжание благодати, и тогда имя Божие открывается ему как великое благо и как источник духовных благ. Чем чище сердце человека, тем более открывается ему небесная красота имени Божия, дивной жемчужины, дороже которой нет ничего в мире²¹⁸. И душа желает лишь одного – созерцать эту красоту, быть наедине с Богом через призывание имени Его.

²¹⁸ См.: Мф. 13, 45–46. – *Ред.*

Псалом 115

Веромах, темже возглаголах... (1).

Верил в то, что Бог слышит меня, что Он так близок ко мне, как мое собственное сердце. Верил, что Господь услышит и исполнит мою молитву.

Когда благодать касается души человека, то вера становится действительностью, приобретает силу достоверности, где нет места колебаниям и сомнениям.

Есть разные степени веры. Одна утверждает существование Бога, другая живого Бога созерцает. *Веромах* – значит, моя душа почувствовала Бога, увидела Его особым духовным прозрением, а затем заговорили уста. Славянское *возглаголах* нельзя перевести как «говорил» или «сказал»: слишком слабы и немощны в этом случае русские слова. *Возглаголах* – это вопль сердца, воплощенный в слове, это эмоциональное самовыражение души, это звучание в речи сокровенных ее струн. *Возглаголах* – здесь сердце как бы сливается с произносимым словом. *Возглаголах* – это похоже на поток горной реки, сломавшей преграды льда, только там струи воды устремляются вниз по склонам, а здесь вопль молитвы устремлен от земли к небесам, он возносится ввысь.

...аз же смирихся зело.

Именно потому стала высокой молитва, что душа глубоко смирилась, приравняла себя к праху. Когда человек смиряет себя, то Бог возвышает его; когда человек возвышает себя, то Бог оставляет его и он становится добычей демонов.

Итак, непременное условие молитвы – вера и смирение сердца. Как смирить себя? Вспомни перед молитвой грехи, которые ты совершил, и добродетели, которых ты не достиг, войди умом своим в сердце и посмотри, сколько там нечистоты, лукавства, зависти, притворства, лжи. Словно груды грязи накопились в нем! Смирить себя – это осознать свое падение.

Аз же рех во изступлении моем... (2).

Рех – это высказал то познание, которое получил. *Во изступлении моем* – исступление есть выход из обычного состояния, здесь – восхищение ума к Богу, когда человек в благодати созерцает те сущности вещей, которые прежде были скрыты от него.

...всяк человек ложь.

В себе молящийся видит глубокое падение человеческой природы, он осознает: в самом себе человек не может найти точку нравственной опоры. Душа, изъязвленная страстями, подобна зыбкому болоту. Неопытному или гордому взору его поверхность может показаться прекрасным лугом, покрытым травой и цветами, но попробуй построить на нем здание: оно провалится, не имея фундамента. Так добрые порывы человека обычно не сохраняются надолго: их засасывает болотная топь.

Человек лжив: в нем нет постоянства. Его чувства появляются и исчезают, словно волны на поверхности моря. Можно ли надеяться на любовь человека, на его дружбу, на привязанность, если это всего лишь волны, которые возникли из морской глубины и, устремившись к берегу, разбились в брызги?

Да, чувства человека временны, хрупки и непостоянны, и потому в мире так много разочарований и обмана. Порой человек лжет, будучи уверен, что говорит совершенно искренне, потому что забывает о том, что он сам игрушка в руках времени, что вскоре он станет другим. Человек лжет потому, что его подсознание – это глубочайшая бездна, неведомая ему самому. Человек лжет потому, что под влиянием страстей он обманывает самого себя. Изменяя Богу, греша, он не может быть верным для людей. Поэтому надежда на человека – это надежда на сновидения, которые ты видел ночью, это источник постоянных тревог, разочарований и скорбей. Надеющийся на человека идет по хрупкому льду, который ломается под ногами. И самый большой лжец для каждого человека – это он сам.

Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми? (3).

Все, что мы имеем, и нас самих дал нам Бог. Он воззвал нас из бездны небытия и открыл нам путь в вечную жизнь. Мы можем только в изумлении созерцать Божественную любовь и Божественную милость, мы можем только восклицать с апостолом Фомой: *Господь мой и Бог мой*²¹⁹! Воля Божия – это наше спасение. Господь говорит: «Всем желанием Моим Я не хочу смерти грешника, но чтобы он покаялся и остался жив»²²⁰.

Чашу спасения прииму... (4).

Это евхаристическая Чаша и все средства, которые даны Церкви Богом для спасения людей.

...и имя Господне призову...

Не просто произнесу имя, а *призову*. Как ребенок зовет отца или мать во время опасности, во время скорби, чтобы они услышали его, не оставили его, но пришли ему на помощь. Поэтому нужно не просто повторять Иисусову молитву, но *призывать* в ней имя Божие.

...молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его (5).

То есть молитва в сердце моем будет во всякое время, при всех обстоятельствах, как в уединении, так и среди людей. Тогда и при многолюдстве сердце будет как в пустыне. При общении с людьми ум не должен выходить из сердца и растекаться по внешнему. Он должен смотреть на мир и на людей как бы из окон запертой башни. И еще: молитва, совершаемая втайне, имеет благодатное действие на тех людей, которые связаны с молитвенником общением или за которых он молится. Из его сердца имя Иисуса Христа, словно духовное солнце, излучает невидимый телесными очами свет и тепло.

Честна пред Господем смерть преподобных Его (6).

Смерть раскрывает содержание человеческой души, это итог жизни, и прежде всего итог молитвы. Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский, пишет, что стяжавший в сердце своем имя Иисуса Христа пройдет через мытарства как молния²²¹. В чьем сердце пребывало имя Божие, тот сподобится созерцать славу Божию в вечной жизни. Слово *честна* означает достойна, драгоценна, чиста. Не рождение, а смерть святых является праздником. Поэтому Ангел смерти является для молитвенников добрым вестником, а смерть – началом истинной жизни.

О, Господи, аз раб Твой... (7).

О, Иегова, вечно сущий, я раб Твой, – значит, я

²¹⁹ Ср.: Ин. 20, 28.– *Ред.*

²²⁰ См.: Иез. 33, 11.– *Ред.*

²²¹ «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним *во вратах*. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ей вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судие: *ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8), – и в настоящей жизни, и по исходе ей из тела» (Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве // Добротолюбие в русском переводе. Т. 2. С. 199).– *Ред.*

уже не раб сатаны, мира и своих собственных страстей. Рабство Богу дает человеку великую свободу и внутренний, сердечный простор, тогда как грех сжимает и стесняет его сердце. Сердце грешника точно зажато в железный кулак.

...и сын рабыни Твоя...

Здесь земное происхождение, знатность, родовитость превращаются в прах. Пред лицом Божиим все люди – малые дети. Все потомки одного праотца Адама. Единственное, что может сказать человек о своих родителях и предках, – это то, что они рабы Господа, а все остальное, по выражению святителя Григория Богослова, «древняя гниль»; то есть человек отказывается от всех преимуществ своего происхождения или, наоборот, не тяготится незнатностью рода, из которого происходит, или бедностью своей семьи. В духовном плане все люди равны, всем дана возможность спасения. В Царстве Небесном одно отличие – это мера благодати Духа Святого, которой сподобился человек. Апостол Павел писал, что хотя он из славного рода, но ради того, чтобы «приобрести» Христа, все посчитал уметами, мусором, который выбрасывают из дома²²².

...растерзал еси узы моя.

Узы – это грех, которым связан человек, точно преступник – цепями. Душа чувствует гибельность порока, она страдает и тоскует, как узник, заточенный в темнице. Прощение грехов ощущается душой с некой физической реальностью: «Как будто тяжесть спала с плеч», – говорит человек. Затем, *узы* – это сомнение и колебание. Живущие по своему разуму, а не по заповедям Божиим всегда пребывают в тревоге, в сомнениях и противоречиях. Когда души человека касается благодать, то противоречия исчезают, сомнения рассеиваются и в сердце его водворяются мир и покой.

Тебе пожру жертву хвалы... (8).

Прежде всего *жертва хвалы* – это Евхаристия, внутренне неразрывно связанная с Иисусовой молитвой. Затем, *жертва хвалы* – это благодарность человека Богу во всех обстоятельствах его жизни. *Жертву хвалы* принес Иов, когда произнес свои бессмертные слова: *Господь дал, Господь и взял. Буди имя Господне благословенно!*²²³ *Жертвой хвалы* была жизнь святителя Иоанна Златоуста, имевшего на устах и в сердце молитву: «Слава Богу за все!». Приносит *жертву хвалы* тот, кто в страданиях благословляет Господа и благодарит Его за страдания больше, чем за радость.

...и во имя Господне призову.

В начале псалма псалмопевец говорит: *имя Господне призову*, а теперь – *во имя Господне призову*. Это две степени молитвы. Первая – ум сосредотачивается на словах молитвы; вторая – душа явственно ощущает благодать, и человек призывает саму благодать *во имя Господне*. Первая – вхождение в сердце с молитвой, с именем Божиим; вторая – обретение в сердце благодати Божией.

Иисусова молитва привлекает и хранит благодать.

Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми Его... (9).

Это буквальное повторение пятого стиха, но здесь другой смысл.

Вечная жизнь – это вечное молитвенное созерцание Бога. *Все люди Его* – люди Божии – это святые в Царствии Небесном, где тайное станет явным. Молитва, которая совершалась в тайне сердца, тогда откроется перед всеми и сольется с молитвами Ангелов и святых, как голос – с общим звучанием хора.

...во дворех дому Господня... (10).

²²² См.: Флп. 3, 4–8. – *Ред.*

²²³ Ср.: Иов. 1, 21. – *Ред.*

Господь сказал: *В дому Отца Моего обителей много*²²⁴. Каждый получит по мере веры и дел свою обитель и награду, свою меру благодати.

...посреде тебе, Иерусалиме.

В Апокалипсисе новый Иерусалим, окруженный стенами из драгоценных камней²²⁵, – это Царствие Божие. Много обителей святых, но все они – внутри стен Небесного Иерусалима, где нет ни греха, ни зла, ни смерти, ни страданий. Иисусова молитва по смерти человека, словно огненные крылья, возносит его душу в прекрасный Небесный Град.

Псалом 133

Се, ныне благословите Господа, вси раби Господни... (1).

Ныне значит теперь, немедленно, не откладывая на будущее: каждый день может быть днем спасения, каждое мгновение – не только рубежом между прошлым и будущим, но и началом новой жизни.

Благословите. Совершенное благо – это Господь, а благое слово – имя Божие, имя Иисуса Христа. *Ныне благословить Господа* – значит начать творить Иисусову молитву, не давая обмануть себя лукавому помыслу, уверяющему тебя, что ты только лишь этот день или час отдашь мирским заботам, а затем, окончив свои дела, начнешь служить Богу. Дух Святой призывает нас *ныне благословить Господа*, а сатана говорит: «Не *ныне*, а потом, не сегодня, а завтра». Но земные дела не кончаются, и, как дым, проходят годы и десятилетия.

Раби Господни – это те, кто исполняет волю Божию, а не свои прихоти. В Библии написано: *воля Божия – святость ваша*²²⁶.

...стоящи во храме Господни...

Ум от внешнего должен возвратиться к себе, тогда сам человек становится храмом.

...во дворех дому Бога нашего.

Дом Бога – это глубина человеческого сердца, то, что аскеты именовали «сердечным местом». Но в сердце много обителей, расположенных одна в другой. Они раскрываются постепенно, их псалмопевец назвал *дворами*, окружающими дом Божий, как дворы окружали Иерусалимский храм.

В нощех воздежите руки ваша... (2).

То есть по ночам воздевайте руки ваши. Ночь и мрак у мистиков²²⁷ часто служат символом души, очищенной от помыслов и внешних образов, состояния отрешенности от мира. *Воздежите руки ваша* – то есть усердно молитесь, не ослабевайте в молитве, не давайте душе погрузиться в дремоту, утруждайте в молитве тело.

...во святая...

Во святая – то есть ко святилищу, ко «святому святых» Иерусалимского храма. Здесь – обращенность ума к сердцу.

...и благословите Господа.

Благословляйте Господа, непрестанно повторяйте Его имя. Старайтесь сочетать с этим именем свое сердце.

²²⁴ Ср.: Ин. 14, 2.– *Ред.*

²²⁵ См.: Откр. 21, 18–21.– *Ред.*

²²⁶ Ср.: 1 Фес. 4, 3.– *Ред.*

²²⁷ «Мистиками» автор называет здесь святых отцов Церкви, благодаря писаниям которых их личный мистический опыт, опыт богообщения становился известным другим людям.– *Ред.*

Благословит тя Господь от Сиона... (3).

Сион – образ благодати Божией. На Сионской горе был построен храм Иеговы; в Сионской горнице Дух Святой сошел на апостолов. *Благословит тя Господь от Сиона* – значит пошлет благодать, единственное нетленное сокровище.

...сотворивый небо и землю.

То есть сотворивший твою душу и тело. Благодать открывает для молитвы внутреннюю обитель человеческого сердца. Благодать преображает душу и тело человека.

Приложение к статье «Таинство послушания»

Часть 1

Все, о чем говорит в «Таинстве послушания» отец Рафаил, безусловно, верно, его высказывания аксиоматичны. Послушание превратилось в наши дни едва ли не в самую забытую и пренебрегаемую добродетель. И слова автора многих могут отрезвить, многим дадут возможность задуматься: имеют ли они послушание (или хотя бы стремление к нему), и если нет, то действительно ли оно «невозможно» или же это всего лишь ложь изворотливого самолюбия?

Но в то же время нельзя оставить без внимания один очень серьезный момент. Каждый человек пишет, говорит, учит из **своего** (именно из **своего!**) опыта. Суть учения может быть неоспоримой. Но существует такой важнейший фактор, как обстоятельства, которые, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), не изменяя сущности, оказывают тем не менее «на сущность существенное влияние»²²⁸. Это в том числе и те обстоятельства, в которых сложился как духовная личность пишущий, и те, в которых находятся читающие.

О людях, с которыми поддерживал духовную связь отец Рафаил, в среде которых находился, чьими советами и чьим опытом пользовался, благодаря которым формировался как священник и монах, мы можем узнать из его уже известной и пользующейся большой популярностью книги «Тайна спасения». В их числе и замечательный святитель митрополит Зиновий (в схиме – Серафим; [Мажуга]), и знаменитый духовник Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Романцов), и почитаемый Псково-Печерский старец схиигумен Савва (Остапенко), и такие удивительные, хотя практически никому доселе в России не ведомые грузинские подвижники, как архимандриты Парфений (Апциаури) и Гавриил (Уркетадзе), схимонахи Авраам (Чхеидзе) и Гавриил (Булискерия), и многие другие. С этими старцами отец Рафаил общался, говорил, «дышал одним воздухом»; их жизнь во многом и его жизнь.

Абсолютное же большинство из нас – как людей, приходящих сегодня в Церковь, так и людей, избравших для себя иноческий путь (особенно людей молодых), – подобного общения совершенно лишено. Мы живем, мы сформировались или формируемся совершенно в иных условиях, иной среде. Трудно было тем, на кого давил пресс атеистического режима, но тем, кто живет сегодня, осмелимся сказать, еще труднее. Грех, как говорит сам отец Рафаил, существовал всегда, но была и добродетель, ее чистые и светлые образцы, была любовь, было, наконец, человеческое тепло. А мы живем в мире, где это тепло и любовь с умножением беззакония оскудели до чрезвычайности²²⁹, так что от нас требуется в полном смысле этого слова подвиг, чтобы с помощью Божией самим сохранить их в своем сердце.

Слово о спасении, исходящее из реального, пусть даже и самого малого опыта, слышится нечасто. Путь духовной жизни точно скрыт в тумане, и стремящимся идти по нему приходится отыскивать его буквально наощупь, спотыкаясь и падая, терпя боль,

²²⁸ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения. Приношение современному монашеству. М., 2002. С. 8. – *Ред.*

²²⁹ См.: Мф. 24, 12. – *Ред.*

переживая скорбь. И, что тяжелее всего, идти чаще приходится в одиночку. Нередко кто-то берется указывать путь, но выясняется, что он и сам не только не прошел по нему, но даже и не находил его.

Те немногие духовно преуспевшие старцы (действительно старцы, а не, как принято уже стало говорить, «старики»), которым Господь, как некий драгоценный дар для нас, еще продляет их земную жизнь, для большинства практически недоступны. В крайнем случае, очень редко, к ним могут обратиться для исповеди, за советом или просто за благословением.

Ситуация, в которой мы находимся, объективно очень сложна. Период гонений, господства воинствующего атеизма не прошел для Церкви в России бесследно. Если говорить о монашеской жизни, то она в ту пору в своем собственном, «природном» виде, можно сказать, прекратилась; она лишь едва теплилась в нескольких чудом не закрытых обителях да в небольших общинах, складывавшихся вокруг «монашеских» приходов.

Традиция оказалась практически прерванной, то, чем живо монашество, – передача опыта иноческого жития от старца к ученику – сделалось почти невозможным. Старцы, сами сложившиеся, сформировавшиеся в условиях жизни в благоустроенных обителях, своими учениками и духовными чадами имели в большинстве случаев монахов ученых или приходских или же просто благочестивых мирян.

Сама Церковь в нашей стране многие десятилетия напоминала небольшой островок посреди моря какого-то безумного безбожия, и без того *малое стадо*²³⁰ сократилось, казалось, до самого минимума. Но затем произошло настоящее чудо. Церковь вновь обрела свободу, в ее открывшиеся двери хлынул поток изголодавшихся по истинно духовной жизни, по Богу, измученных скитаниями по распутьям греха, изломанных, очень разных и очень сложных людей. За полтора десятилетия открылись сотни монастырей, тысячи храмов, слова «Бог», «Церковь», «Православие» перестали быть запретными. Но... Могло ли за этот столь короткий срок вырасти целое поколение новых пастырей – игуменов, настоятелей, духовников, чтобы принять всех, кто стремится сегодня найти свой путь к Богу?

Были совершены тысячи хиротоний, и у престолов в поруганных некогда алтарях встали новые иереи Божии, чтобы совершать Таинства и пасти вверенную им Самим Христом паству. Но... Опыт – это такая вещь, которая приобретается лишь со временем, долгими годами поисков, ошибок и, наконец, правильных решений и поступков. Именно этого опыта катастрофически не хватает.

И это тем ошутимее, что жизнь до крайности осложнилась. Общественные потрясения, следующие одно за другим, «новые учения», увлекающие массы духовно не просвещенных людей, жестокость современного мира с небывалым обогащением одних и полным обнищанием других, падение нравственных устоев, страшная разобщенность, отчужденность людей друг от друга – все это, как и многое другое, делает нашу жизнь **сложной**.

Эта реальная сложность, разумеется, не может служить оправданием для уныния или отчаяния. Нет, она есть просто очень серьезный повод для серьезных же и ответственных рассуждений. Мы спасаемся действительно не своими силами, но благодатью Божией, спасаемся в Церкви. Однако от нас как от христиан, как от по-настоящему **ищущих** спасения людей требуется, чтобы мы проходили свой путь в высшей степени сознательно и осмысленно, очень трезво и очень осторожно. Ведь от того, что удастся с Божией помощью понять и приобрести нам, зависит в значительной мере и судьба тех, кто придет позже. Если мы научимся жить в этих условиях и искренне, от всего сердца, от всего произволения служить Богу, то сможем впоследствии передать это умение другим, тем, кто, как и мы сегодня, будет нуждаться в этом завтра.

Почему мы находим нужным говорить об этом здесь? Тема, затронутая отцом Рафаилом в «Таинстве послушания», очень важна. Вопрос о послушании как принципе,

²³⁰ См. : Лк. 12, 32.– *Ред.*

как делании, как образе жизни является сегодня для Церкви одним из первостепенных. Поэтому говорить о его необходимости, говорить о нем как об основе всей жизни в Церкви в целом и духовной жизни каждого отдельного человека обязательно нужно. И можно лишь радоваться тому, что отец Рафаил об этом пишет, и пишет с такой силой и убедительностью. Но вместе с тем, как уже было сказано выше, есть реальное различие между опытом автора и опытом читателей. И это различие может помешать правильно понять те или иные его слова; есть риск, что, прочитав их, человек, не обладающий достаточной мерой рассудительности, сделает, к сожалению, наряду с верными, и совершенно ложные выводы, чреватые различными заблуждениями и ошибками.

Поэтому, полностью принимая все сказанное отцом Рафаилом, мы все же берем на себя смелость в какой-то очень небольшой мере дополнить его труд, высказать некоторые мысли, представляющиеся нам также весьма важными.

Часть 2

Прежде всего по прочтении настоящей статьи может сложиться впечатление, что для человека, истинно желающего угодить Богу и преуспеть в духовной жизни, единственный путь – это монастырь. Однако такое впечатление, безусловно, было бы ошибочным. К угождению Богу, к жизни духовной, к преуспению в ней призваны решительно **все христиане без исключения**, в то время как для монашества требуется особое призвание Божие. К нему непосредственно относятся слова Спасителя: *Кто может вместить, да вместит*²³¹. А кто не может, тот и не должен дерзать на превосходящее его силы.

Кроме того, сегодня для монашеской жизни, для монастыря человек должен духовно созреть. Монашество возрождается в условиях, крайне неблагоприятных для него. Оторванность от традиций, нарушение преемственности (о чем уже говорилось выше), отсутствие, как выражается известнейший в России духовник архимандрит Кирилл (Павлов), «кадров», то есть опытных в духовной жизни старцев и стариц, способных к руководству вверенными им душами²³², необходимость в постоянных и очень тесных сношениях с миром и людьми мирскими и, как следствие этого, подмена в самих обителях законов духовных законами чисто мирскими же – вот лишь некоторые факторы, эту «неблагоприятность» обуславливающие.

Если прежде, приходя в монастырь, человек воодушевлялся примером подвижнической жизни братии, назидался их истинно богоугодным житием и сам, взирая на окружающих его, исполнялся благоговения и страха Божия, то сегодня это, к сожалению, не так. Большинство обителей открывается вновь, и их насельниками становятся люди, о монашеской жизни знающие главным образом из книг (а порой нет и того). В монастырь они приносят с собой мирские взгляды, мирской опыт, мирской дух. К каким последствиям приводит это подчас? Святитель Игнатий в позапрошлом столетии по этому поводу писал: «О монашестве о. Никандр (монах Николо-Бабаевского монастыря, весьма почитавшийся святителем за свою высокую духовную жизнь.– Ред.) понимал так же, как понимаю и я. Называл он монастыри пристанями, по назначению, данному им от Бога; говорил, что эти пристани обратились в пучины, в которых вредятся и гибнут душами многие такие люди, которые посреди мира проводили весьма хорошую жизнь. Некоторым, вопрошавшим его, советовал остерегаться от вступления в монастырь. Надо знать существенно нынешнее положение монастырей, которые могут еще показаться для верхоглядыв местами спасения. По крайней мере, в избрании монастыря должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным»²³³. Тем более уместны все эти предостережения в наши дни.

Нет, не должно быть и тени сомнения в том, что монашеская жизнь благословенна Богом; действительно, она – путь к Богу самый прямой, высший. Несомненно и то, что

²³¹ Мф. 19, 12.– Ред.

²³² См.: «Радонеж». 1999, № 11–12.– Ред.

²³³ Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского. М.; СПб., 1995. С. 117.– Ред.

решающийся посвятить себя сей жизни заслуживает за одно лишь свое намерение всяческого уважения. Однако именно для того, чтобы решимость эта не оказалась напрасной, не обратилась человеку во вред, необходимо на самом деле увериться: есть ли воля Божия на то, чтобы он (и именно в настоящий момент) избрал для себя монашество? Затем так же необходимо понять, что есть монашество в своей сущности, каков его идеал, осознать, как далека от этого идеала реальность (не охладевая вместе с тем в своем намерении к идеалу все же стремиться), и лишь после этого, по слову преподобного Иоанна Лествичника, «от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием», есть и «от чаши сей, которая со слезами», пить, «да не в суд себе воинствует». Ибо, как говорит этот же преподобный, «если не всякий, кто крестился, спасется, то умолчу о последующем»²³⁴.

Можно сказать, что данная статья написана в русле полемики с настроениями собственно антииерархическими, антимонашескими, в сущности своей – бунтарскими, анархическими. И, конечно же, направлена она не против тех, кто, видя всю сложность современной монашеской жизни, не решается, будучи не готов к ней, вступить в нее и избирает для себя какой-то иной, посильный и доступный ему путь, но против отрицающих сегодня возможность этой жизни в принципе, изобретающих некие особые и уродливые формы, долженствующие якобы заменить ее, против тех, в ком господствует дух гордыни и непослушания, кто отвергает систему иерархии как соподчинения (а следовательно, и монашество) в самой ее идее.

Часть 3

Хотелось бы коснуться также и проблемы взаимоотношений, складывающихся между наставниками и их духовными чадами, проблемы послушания – как в монастырской жизни, так и в жизни мирской.

В первую очередь, кажется, необходимо определить, какой смысл вкладываем мы в употребляющиеся здесь понятия: «наставник», «духовный отец», «духовное чадо». Наверное, если формальный подход вообще трудно назвать правильным, то тем более был бы он неуместен в настоящем случае. Поэтому выскажем такое мнение: **наставником** может быть в действительности лишь тот, кто на самом деле **наставляет**, имея целью помочь незаблудно шествовать наставляемому стезей, ведущей в Небесное Царствие. **Духовным отцом** может заслуженно именоваться тот священник, который реально (в той или иной мере – в зависимости от своей опытности, духовных и физических возможностей, обстоятельств) принимает на себя **отцовское** попечение о вверившейся ему о Христе душе. И **чадом** может называться только тот, кто действительно доверился своему духовнику, как ребенок отцу, кто решился на послушание ему о Христе (опять-таки – в той или иной мере, что зависит и от характера лиц, о которых идет здесь речь, и, снова, от конкретных обстоятельств).

Поясним, как мы понимаем эти взаимоотношения. Со стороны духовника, как нам кажется, необходима **ответственность** в отношении приходящего к нему человека, понимание того, что он ответствен за него, за его жизнь, за его вечное спасение и перед ним самим, и прежде всего перед Богом. Со стороны же чада необходимо **доверие**. При том можно сказать так: если нет ответственности, то не может быть и доверия. Если нет доверия, то невозможно по-настоящему за что-либо отвечать. И опять: со стороны духовника необходимо **внимание**, а со стороны чада – **послушание**. Здесь – прямая связь: чем, с одной стороны, больше ответственность и внимание, тем, с другой – больше доверие и послушание. И наоборот: чем больше доверие и послушание, тем больше ответственность и внимание²³⁵.

²³⁴ Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 1, глава 9.– *Ред.*

²³⁵ Вот что пишет примерно об этом же в своей новой книге воспоминаний (она готовится сейчас к изданию Московским Подворьем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры) сам отец Рафаил: «Сегодня послушников, которые отдали бы себя в беспрекословное, полное послушание, нет. Но, добавим, нет сейчас и старцев, которые могли бы мудро распорядиться с таким послушанием. Теперь в основе духовных

Если же все вышесказанное отсутствует, то ни истинное духовное руководство, ни истинное послушание невозможны. Напрасно будет мучиться духовник с «чадом», которое не доверяет ему, не слушает его, а поступает лишь по собственному смыслению и собственной воле. Также напрасно вверит себя человек «наставнику», не готовому отнестись к нему всерьез, с необходимым вниманием, тем более – взять на себя хотя бы и самую малую ответственность за него (мы уже не говорим – «наставнику», совершенно неопытному, не имеющему верных духовных ориентиров). Скажем даже более того: в таком случае человек совершит не только напрасный поступок, но, вполне вероятно, и трагическую ошибку.

Поэтому отношения «духовный отец – чадо» никак не могут быть установлены искусственно. Они могут лишь **сложиться** естественным путем и в той степени, в которой это возможно в данной ситуации. Если они не сложились, если их нет, то «выдумывать» их ни в коем случае нельзя. Однако что же тогда делать (ведь жизнь своевольная и самочинная, тем более если она носит характер «духовной», до добра довести не может)? Что делать мирянину и что – монаху, для которого вне зависимости от того, «сложились» или же «не сложились» отношения с игуменом или монастырским духовником, послушание является обетом?

Видимо, общий путь в этом отношении таков. Есть послушание Церкви – ее учению, уставам, канонам, оно обязательно для всех. Есть послушание священноначалию – в том, что касается частных, связанных с устройством церковной жизни в определенном месте (будь то Поместная Церковь, епархия, монастырь или приход), оно также общеобязательно. Есть то послушание, наконец, которое необходимо со стороны человека, пришедшего на исповедь, в отношении принимающего эту исповедь конкретного священника (это касается разрешения или же, напротив, запрещения на Причастие, определения сроков: как часто может этот человек причащаться; это касается, конечно же, того элементарного уважения, почтения, которое у исповедника к священнику должно присутствовать обязательно; это, вообще говоря, касается признания той власти «вязать и решить», которая дана священнику Самим Христом).

Вместе с тем человеку необходимо, если можно так выразиться, иметь послушание «в духе». Прежде всего послушание Богу, доверие Богу, Его всеблагому и всепремудрому Промыслу, смирение перед этим Промыслом и перед людьми, которые всего лишь его орудия. Затем – послушание людям, в первую очередь священству, но и вообще всем людям – послушание и отсечение **своей** воли во всем, в чем это только возможно, в чем это не противоречит евангельским заповедям и, следовательно, не душевредно. Должно осознать необходимость, целительную силу, спасительность послушания и, напротив, пагубность, гибельность своеволия – в соответствии с тем, как учит об этом Священное Писание и как объясняют это учение святые отцы Церкви.

Сегодня люди, испорченные своей безбожной жизнью, жизнью по лукавым и жестоким законам мира, придя в Церковь, видят зачастую соблазн там, где его нет, искушаются и отпадают от Церкви, от ее добрых, истинных пастырей. Иные не останавливаются перед тем, чтобы восстать против нее, против ее действительных или – нередко – мнимых недостатков, восстать, вместо того чтобы, пребывая в смиренном и богоугодном послушании ей, вместе с нею эти недостатки исправлять. Кто-то же, напротив, по слову преподобного Иоанна Лествичника, обольщается, принимая за пастыря волка²³⁶, оказывая послушание в том, в чем оно прямо греховно. Да, об этом действительно необходимо в наше время говорить: «по послушанию» нельзя воспринимать то, что несовместимо с христианским учением. «По послушанию» нельзя грешить, нельзя быть жестоким, нельзя быть безразличным, лицемерным, коварным, подлым, нельзя предавать, вообще нельзя жить и поступать противно Евангелию.

отношений должна лежать справедливость, и послушание ученика должно основываться на правде учителя».— *Ред.*

²³⁶ См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Слово 7, глава 57.— Ред.*

Пусть никого не удивляет такой странный «ряд», следующий за словом «послушание»: мы говорим здесь о тех пороках, которые люди зачастую оправдывают «послушанием» или которых от них ради «послушания» требуют. Нельзя верить свою жизнь тому, кто будет не вести человека к очищению от страстей, к познанию воли Божией, а навязывать **свою** волю, часто совершенно противоположную воле Божественной. Нельзя верить свою жизнь и спасение тому, кто сам не находится в послушании Церкви и ее священноначалию, не идет ее путем, но избирает для себя и своих чад некий «особый» путь. Нельзя, наконец, всецело верить свою участь и тому, кто с не принадлежащей ему властью повелевает людьми, ломает человеческие судьбы, требует послушания не Богу, а **себе**, чья жизнь отнюдь не свидетельствуется евангельскими добродетелями кротости и смирения.

Может быть, кому-то покажутся странными и эти слова. Но и об этом говорить надо. Обычно человеку в его падшем состоянии трудно бывает отсечь перед духовником, да и вообще перед кем бы то ни было свою волю, смириться, проявить истинное послушание хотя бы в самом малом. Для этого необходим подвиг самопонижения. И часто люди не выдерживают даже самого разумного и основательного духовного руководства именно потому, что не хотят смиряться. Но в то же время, как это ни парадоксально, множество людей ищет того, что можно было бы назвать «готовым спасением», ищет того, кто мог бы сказать: «Я знаю, как надо» – и повести за собой так, чтобы думать больше не приходилось ни о чем, так, чтобы избавиться от постоянного мучительного выбора между добром и злом, добродетелью и пороком, предоставив право этого выбора за себя другому. Знает ли этот другой, куда действительно должно идти, или же он всего лишь «слепец, ведущий других слепцов, чтобы вместе с ними упать в яму»²³⁷, – оказывается не важным. Важнее другое – его сила, его уверенность, способность подчинять, действовать решительно, без колебаний. Чем можно объяснить подобное явление? Отец Рафаил говорит об этом в своей книге, хотя и несколько по другому поводу: воля сломленная ищет подчинения воле более сильной. Но каков будет результат этого подчинения?

Надо сказать, что эта проблема, условно говоря, «проблема духовной власти», на самом деле очень серьезна. Для отравленного грехом человеческого естества, более, нежели всеми иными страстями, зараженного гордостью, стремление к власти свойственно. Священнику «духовная власть» над людьми дается в самой хиротонии, а поскольку он и сам человек, то соблазн злоупотребления ею всегда присутствует и в его жизни. Однако пастырь неизменно обязан помнить, что власть эта собственно не его. В разрешительной молитве Таинства Исповеди священник произносит такие знаменательные слова: «...властью Его (Христа.– Ред.) мне данною, прощаю и разрешаю...»²³⁸. То есть власть вся принадлежит только Христу. Вообще любому священнику, духовнику необходимо ясно сознавать, что он не есть лицо самодействующее, что он лишь *соработник у Бога*²³⁹, приставник, которому вверено временное попечение о человеческих душах. То попечение, которое опять-таки не собственно его дело, но Божие и за которое он обязан будет дать перед Богом **отчет**.

Главное содержание жизни священника не *господствование над наследием Божиим*²⁴⁰, а служение Богу и сему самому наследию, то есть людям. Ведь не напрасно же говорит Господь Своим ученикам: *А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на Небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится*²⁴¹. Поэтому священник не господин, не властитель, но слугитель – Бога и людей. И потому послушания он может

²³⁷ См.: Мф. 15, 14.– Ред.

²³⁸ Гребник. Издательство Сретенского монастыря. М.: 2002. С. 126.– Ред.

²³⁹ Ср.: 1 Кор. 3, 9.– Ред.

²⁴⁰ Ср.: 1 Пет. 5, 3.– Ред.

²⁴¹ Мф. 23, 8–12.– Ред.

требовать лишь до тех пор, пока остается верным в своем служении. Верность же заключается в том, чтобы искать только одного: исполнения воли Божией о себе и о своей пастве.

Это то, что касается пастырей. Ну а из тех, кто является «пасомым», избежать ошибки может, пожалуй, лишь тот, кто сам всем сердцем стремится жить по Евангелию, для кого оно стало в жизни единственным законом, кто осознал необходимость борьбы со страстями, кто ищет в своей духовной жизни истины, а не ложных «утешений» и «успокоения», достигающихся за счет многообразных компромиссов с собственной совестью. Его сердце всегда поможет ему познать пастыря доброго – не святого, не прозорливого, не безгрешного, но действительно ищущего спасения и себе, и своим духовным чадам.

Часть 4

Что до «руководства» посредством духовного чтения – еще одной проблемы, которой касается автор этой книги, то здесь мысль отца Рафаила тоже хотелось бы прояснить или, вернее, высказать наше отношение к этому вопросу. Если человек намеренно ограничивает круг своих духовных поисков лишь чтением, если он действительно решает, что «люди ему не нужны, ему довольно книг и он сам будет для себя наставником», если он оставляет духовника ни по какой иной причине, как по нежеланию отказываться от своей испорченной воли и своих ложных мнений, то он, без сомнения, на неверном, на очень опасном пути.

Но если человек искренне ищет и не может найти ответы на свои духовные вопросы, если они остаются без разрешения и он со скорбью, с глубоким сознанием своего «сиротства» и нищеты старается восполнить очевидный сегодня недостаток опыта и проистекающего от него живого слова посредством чтения, если при этом он не оставляет Церкви, ее таинственной жизни, если не допускает пренебрежения и превозношения в отношении священства, то этот путь чаще всего оказывается единственно верным. Этим путем шел в своей жизни святитель Игнатий (Брянчанинов), им следовал преподобный Паисий Величковский (которому фактически обязано своим возрождением российское монашество), и многие, многие другие, сердечной молитвой которых было прискорбное воззвание: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный*²⁴².

Часть 5

Предлагая издательские комментарии к статье отца Рафаила, мы попытались сказать от многого лишь очень малое. Но надо всегда помнить, что, как пишет в одном из своих писем архимандрит Иоанн (Крестьянкин), «готовых рецептов на все случаи жизни нет. Жизни учит сама жизнь». Жизнь – реальная и живая. *Бог больше сердца нашего и знает все*²⁴³ и каждому дает по сердцу его²⁴⁴. И мы верим, что если человек действительно ищет единого на потребу²⁴⁵, ищет Царствия Божия и правды Его²⁴⁶, ищет смирения и послушания, а не исполнения своей воли и удовлетворения своих страстей, то Господь все-таки посылает ему наставника, духовника, способного удовлетворить его духовные нужды, или же Сам, Ему единому ведомым образом, ведет его ко спасению.

Примечания

¹ **Кронос (Крон)**, в греческой мифологии титан, сын Урана и Геи; оскотив отца по наущению матери, стал верховным богом. Боясь так же быть низверженным сыном, глотал всех детей, которых рожала

²⁴² Пс. 11, 2.– *Ред.*

²⁴³ 1 Ин. 3, 20.– *Ред.*

²⁴⁴ См.: Пс. 19, 5.– *Ред.*

²⁴⁵ См.: Лк. 10, 42.– *Ред.*

²⁴⁶ См.: Мф. 6, 33.– *Ред.*

ему жена и сестра Рея. Однако вместо младшего сына Зевса Рея подложила Кроносу завернутый в пеленки камень. Возмужавший Зевс по совету своей жены Метиды дал Кроносу выпить волшебное зелье, после которого отец извергнул всех ранее проглоченных детей.

^{II} **Зерван (Зурван, Зарван)**, в иранской мифологии бог, персонификация времени и судьбы, верховный бог зерванизма.

^{III} **Сфинкс**, в греческой мифологии крылатая полуженщина — полульвица, обитавшая на скале близ Фив; задавала прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирала их. В Древнем Египте — статуя фантастического существа с телом льва и головой человека, реже животного.

^{IV} **Зиккурат**, культовое сооружение в Древнем Двуречье, представлявшее собой сырцовую башню из поставленных друг на друга параллелепипедов или усеченных пирамид, не имевших интерьера. В верхнем объеме его находилось святилище.

^V **Донасьен Альфонс Франсуа де Сад** (1740–1814), маркиз, французский писатель. В произведениях де Сада патологическая эротика, инцест неотделимы от насилия и жестокости (отсюда садизм). Сочинения его переполнены описанием пыток, убийств, богохульств. Созданные в стиле жизненного правдоподобия, романы де Сада, по существу, абсолютно фантастичны, носят черты утопии. Отвергая все моральные, культурные, социальные нормы и запреты, он превращает человека в чисто «природное» существо, в биологический механизм. С 1803 года — пожизненно в лечебнице для душевнобольных. (Сноску на приведенную в книге цитату мы, по вполне понятным причинам, дать не можем.)

^{VI} **Аристотель** (384–322 до Р. Х.), древнегреческий философ. Учился у Платона в Афинах; в 335 году основал Ликей, или перипатетическую школу (от греч. *peripatoV* — крытая галерея). Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все области античного знания. Основоположник формальной логики, создатель силлогистики. Основные сочинения: логический свод «Органон» («Категории», «Об истолковании», «Аналитики» 1-я и 2-я, «Топика»), «Метафизика», «Физика», «О возникновении животных», «О душе», «Этика», «Политика», «Риторика», «Поэтика».

^{VII} **Жан Поль Сартр** (1905–1980), французский писатель, философ и публицист, глава французского экзистенциализма. Участник движения Сопротивления. Основные темы художественных произведений: одиночество, поиск абсолютной свободы, абсурдность бытия. В конце 1960-х годов выступил как идеолог леворадикального экстремизма. В 1964 году Сартру была присуждена Нобелевская премия по литературе, от которой он отказался.

^{VIII} **Франц Кафка** (1883–1924), австрийский писатель. В романах «Америка», «Процесс», «Замок» и рассказах в гротескной и притчеобразной формах показал трагическое бессилие человека в его столкновении с абсурдностью современного мира. Достиг особой выразительности в описании кошмаров и фантастических превращений (сборник «Превращение») благодаря «протокольному», имитирующему реалистическую достоверность стилю. Преимущественное внимание не к характеру, но к характерности (к ситуации страха, отчаяния, тоски и т. д.) сближает Кафку с экспрессионистами.

^{IX} **Генрих Гейне** (1797–1856), немецкий поэт и публицист. Для его творчества были характерны романтическая ирония страдающего от «несовершенства и прозы жизни» героя, сарказм и лиризм. Известные произведения Гейне: «Книга песен», «Атта Трольль», «Германия. Зимняя сказка», «Путевые картины», сборник «Романсеро», книги «Романтическая школа», «К истории религии и философии в Германии».

^X **Иоганн Вольфганг Гёте** (1749–1832), немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени. Стихотворные циклы «Римские элегии», «Западно-восточный диван»; романы «Страдания молодого Вертера», «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера»; драма «Эгмонт», различные пьесы на исторические, мифологические и бытовые сюжеты. Автобиографическая книга «Поэзия и правда». Наиболее известное произведение — трагедия «Фауст».

^{XI} **Схиномен Савва** (Остапенко; 1898–1980), известный старец, подвизавшийся в двадцатом столетии в Псково-Печерской обители.

^{XII} Имеется в виду нынешний **Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II** (Шиолошвили), на тот момент митрополит, правящий архиерей Сухумо-Абхазской епархии.

^{XIII} *Гейне Г.* Стихотворения. Поэмы. М., 1984. С. 81

^{XIV} **Шарль Бодлер** (1821–1867), французский поэт. Участник Революции 1848 года. Предшественник французского символизма. Известен его сборник «Цветы зла», в котором анархическое бунтарство, тоска по гармонии сочетаются с признанием неодолимости зла, эстетизацией пороков большого города; цикл «Маленькие поэмы в прозе»; художественно-критические труды (так называемые отчеты о салонах, сборник «Романтическое искусство»).

^{XV} **Эпикур** (341–270 до н. э.), древнегреческий философ. Основал философскую школу в Афинах. Философию делил на физику (учение о природе), канонику (учение о познании, в котором Эпикур придерживался сенсуализма) и этику. Признавал бытие блаженно-безразличных богов в пространствах между бесчисленными мирами, но отрицал их вмешательство в жизнь космоса и людей. Девиз Эпикура — живи уединенно. Цель жизни — отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа (атараксия); познание природы освобождает от страха смерти, суеверий и религии вообще.

^{xvi} **Омар Хайям** (ок. 1048 – после 1122), персидский поэт, математик и философ. Единственным благом для человека считал наслаждение. Его известные философские четверостишия (рубайи) проникнуты гедоническими мотивами, пафосом свободы личности, антиклерикальным вольнодумством.

^{xvii} *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 23.

^{xviii} *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1. Стихотворения 1837–1841. С. 185.

^{xix} **Рабиндранат Тагор (Тхакур)** (1861–1941), индийский писатель и общественный деятель; писал на бенгальском языке. Сформировал гуманистическую концепцию «джибандебота» («божество жизни»). Романы, повести, рассказы, пьесы, публицистика Тагора направлены против расовой дискриминации, религиозной нетерпимости, кастовой системы и несправедливости женщины, проникнуты национально-освободительными идеями, размышлениями о правомерности насильственных и ненасильственных средств социальной борьбы.

^{xx} *Есенин С.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1970. Т. 3. С. 311.

^{xxi} **Артюр Рембо** (1854–1891), французский поэт. Один из ранних представителей символизма (баллада «Пьяный корабль»). Посвятил Парижской Коммуне 1871 года полные эмоционального одушевления стихи «Париж заселяется вновь», «Руки Жанны Мари». В книгах стихов и прозы «Сквозь ад», «Озарения» — «разорванность» мысли, нарочитая алогичность и антисимволистская, заостренно-прозаическая конкретность образов в сочетании с демонстративной антибуржуазностью и пророческим пафосом. Вскоре отошел от литературы, сделался торговым агентом в Эфиопии.

^{xxii} *Блок А.* Сочинения: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 298–299.

^{xxiii} Там же. С. 265–266.

^{xxiv} *Гомер.* Одиссея (пер. В. Жуковского). М., 1985. С. 130.

^{xxv} **Данте Алигьери** (1265–1321), итальянский поэт, автор лирических сонетов, автобиографической повести «Новая жизнь», философских и политических трактатов «Пир», «О народной речи». Наиболее известным его произведением является «Божественная комедия», состоящая из трех частей: «Ад», «Чистилище» и «Рай».

^{xxvi} **Джон Мильтон** (1608–1674), английский поэт, публицист, политический деятель. В период Английской революции XVII века сторонник индепендентов (радикальных пуритан). Автор памфлетов «Ареопагитика», «Защита английского народа», эпических поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», трагедии «Самсон-борец», сонетов, переводов псалмов, трактата «О христианской доктрине», труда «Краткая история Московии».

^{xxvii} *Шекспир У.* Гамлет. Избранные переводы: Сборник. М., 1985. С. 315.

^{xxviii} **Роберт Бернс** (1759–1796), шотландский поэт. Создал самобытную поэзию, в которой прославлял труд, народ и свободу, бескорыстную и самоотверженную любовь и дружбу. Собрал и подготовил к изданию произведения шотландского поэтического и музыкального фольклора, с которым тесно связана его поэзия.

^{xxix} **Альфред Лихтенштейн** (1889–1914), немецкий поэт-экспрессионист.

^{xxx} *Нейштадт В.* Чужая лира: Переводы из одиннадцати современных поэтов. Заметки об экспрессионизме. Биографические и библиографические примечания. М.; Пб., 1923. С. 99.

^{xxxi} **Павел Александрович Флоренский** (1882–1937), российский ученый, религиозный философ, священник. В 1904 году окончил физико-математический факультет Московского университета, в 1908 году — Московскую Духовную Академию, был доцентом и профессором Академии по кафедре истории философии. Редактировал журнал «Богословский вестник». Принял рукоположение в священный сан, служил в Сергиево-Посадской церкви Убежища сестер милосердия Красного Креста. С 1918 года — член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. В 1921–1924 годах — профессор ВХУТЕМАСа по кафедре «Анализ пространственности в художественных произведениях» на печатно-графическом факультете.

С 1921 года — член Карболитной комиссии ВСНХ и научный сотрудник Государственного экспериментального электротехнического института (ГЭЭИ). Редактировал Техническую энциклопедию, где опубликовал около 150 статей. В 1928 году был выслан в Нижний Новгород. По возвращении из ссылки снова работал в ГЭЭИ. Опять был арестован в феврале 1933 года. В заключении работал в г. Сковородино на Мерзлотоведческой станции и в Соловецком лагере особого назначения в лаборатории, где исследовалась возможность производства йода и агар-агара из водорослей. Расстрелян на Левашовской пустоши под Ленинградом.

Оставил после себя обширное религиозно-философское наследие, наиболее известная работа — «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи». Однако и по духу, и по содержанию, как раз с точки зрения Православия, многое в трудах Флоренского далеко не бесспорно.

Вот, в частности, как отзывался о религиозной философии и богословии Флоренского в своей книге «Пути русского богословия» протоиерей Георгий Флоровский:

«Флоренского упрекали в пристрастии к теологуменам, к частным богословским мнениям. И это очень важное наблюдение. К теологуменам у него, действительно, больше вкуса, чем к догмату, слишком соборному, для всех, слишком громкому и явленному, — а он предпочитает неясный шепот личного мнения <...> На словах он отрекается от себя, даже от своего, и обещается только передавать общее, всецерковное. Но делом он опровергает свое слово. Он всегда говорит именно от себя. Он остается субъективным и тогда,

когда хотел бы быть объективным. И в этом его двусмысленность. Книгу личных избраний он выдает за исповедь соборного опыта. Есть очень явственный налет **богословской прелести** на всех построениях Флоренского...» (Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 494).

^{XXXII} **Сизиф**, в греческой мифологии царь Коринфа. Мифами он рисуется как самонадеянный хитрец, идущий наперекор воле богов, причем подчеркиваются его жадность, презрение к законам и человеческим, и божественным. По смерти за все совершенные им недобрые дела его постигло наказание: он был осужден вечно вкатывать на гору камень, который, едва достигнув вершины, тотчас скатывался обратно. Отсюда выражение «Сизифов труд», то есть тяжелая и бесплодная работа.

^{XXXIII} Имеется в виду следующий случай. Однажды римский император Октавиан Август (63 до Р. Х. – 14 по Р. Х.) «обедал у своего друга Ведия Поллиона, у которого существовало традиционное наказание провинившихся рабов — он бросал их на съедение муренам — хищным рыбам с ужасной головой, напоминающей голову дракона, которых он для этого держал в специальных прудах.

И вот один из рабов, прислуживавших за столом, случайно разбил драгоценный бокал. Зная, что ему грозит страшная казнь, несчастный бросился на колени перед Августом и стал умолять его о заступничестве.

Естественно, Октавиана мало интересовала судьба какого-то раба. Но он прекрасно понимал, что каждым своим шагом, каждым своим поступком должен поддерживать в народе славу доброго и справедливого господина. Август оказался в неловкой ситуации: по идее, он должен был защитить несчастного раба, но в то же время, не имел права вмешиваться в отношения господина и раба, в соответствии с культом, который им же и насаждался.

Но Октавиан Август и тут проявил мудрость. Он потребовал, чтобы ему подали все остальные бокалы, и разбил их один за другим, избавив этим раба от казни» (*А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др.* История Древнего Мира. Древний Рим. Минск, 1998. С. 198).

^{XXXIV} **Платон** (427–347 до Р.Х.), греческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. После казни наставника путешествовал по разным странам, попал в Сицилию, где и познакомился с тираном Дионисием Старшим. Дионисий изгнал Платона (по другой версии — продал в рабство, но друзья его выкупили). После этого он возвратился в Афины, где основал философскую школу под названием «Академия».

^{XXXV} Очевидно, имеется в виду книга Николая Кузанского «De docta ignorantia» (1440), известная в русском переводе как «Об ученом незнании» (см.: *Николай Кузанский.* Сочинения: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 49–184). Буквальный перевод названия: «Об умудренном неведении».

^{XXXVI} **Сенека Луций Анней** (ок. 4 до Р. Х. – 65 по Р. Х.), римский политический деятель, философ и писатель, представитель стоицизма. Был воспитателем Нерона; по его приказу, обвиненный в заговоре, покончил жизнь самоубийством.

^{XXXVII} **Бодлер**. Во время своей последней, роковой поездки в Бельгию он снова стал искать утешения в наркотиках, и в апреле 1865 года с ним случился удар. Частично парализованный, он потерял возможность связно говорить; его перевезли в Париж, где он и скончался.

Бальмонт. С середины 30-х годов у Бальмонта прогрессирует психическое заболевание, усугубленное трудными бытовыми условиями, в которых он находился (приют «Русский дом» в Нуази-ле-Гран, близ Парижа). В творческом отношении этот последний период был для него почти бесплодным. Двадцать третьего декабря 1942 года он умер от воспаления легких там же, в Нуази-ле-Гран.

Блок. В апреле 1921 года нарастающая депрессия переходит у него в психическое расстройство, сопровождающееся болезнью сердца. Седьмого августа Блок скончался. В некрологах и посмертных воспоминаниях постоянно повторялись его слова из посвященной Пушкину речи об «отсутствии воздуха», убивающем поэтов.

^{XXXVIII} **Поль Верлен** (1844–1896), французский поэт-символист (сборники «Галантные празднества», «Романсы без слов», «Мудрость»; книга литературно-критических статей «Проклятые поэты»; автобиографическая «Исповедь»).

^{XXXIX} **Михаил Врубель** (1856–1910), российский живописец. Наиболее известные его работы: «Демон», «Сирень», иллюстрации к «Демону» М.Ю. Лермонтова, росписи Кирилловской церкви в Киеве.

^{XL} **Александр Скрябин** (1871/72–1915), композитор, пианист, профессор Московской консерватории. В его творчестве воплощены идеи экстатической устремленности к неизвестным «космическим» сферам, идея «преобразующей силы искусства». Скрябин — яркий новатор музыкально-выразительных средств, главным образом гармонии; впервые в музыкальной практике ввел в симфоническую поэму «Прометей» партию света. Ему принадлежат «Божественная поэма», «Поэма экстаза» и другие поэмы, десять сонат, прелюдии для фортепьяно и др.

^{XLI} **Архимандрит Софроний** (Сахаров [1896–1993]), известный подвижник и духовный писатель двадцатого столетия. Родился в Москве, окончил Высшую школу изящных искусств. С 1921 года — в эмиграции. Недолгое время проживал в Германии и Италии, в 1922 году прибыл в Париж. В 1924 году учился в только что открывшемся в ту пору Свято-Сергиевском Парижском богословском институте. В 1925 году отправился на Афон и поступил там в братию русского Свято-Пантелеимонова монастыря. С 1930 года — ученик и келейник преподобного Силуана Афонского († 1938; память 11/24 сентября), при котором находился до самой кончины. С весны 1939 года — в затворе. В 1941 году принял священный сан в

святогорском монастыре святого Павла и вскоре стал духовником нескольких обителей. В 1947 году был вынужден оставить Святую Гору и вернуться во Францию. В 1959 году перебрался в Англию, где в Эссексе основал обитель в честь святого Иоанна Предтечи. Скончался в глубокой старости. Автор книг: «Старец Силуан» (Париж, 1952), «Видеть Бога, как Он есть» (Эссекс, 1985), «О молитве» (Париж, 1991), «Рождение в Царство Непокоримое» (Москва, 2000) и других.

^{XLII} **Иеросхимонах Антоний** (Булатович [1870–1919]), один из виднейших деятелей, «апологетов» имяславия. Дворянин, происходивший из семьи потомственных военных. В 1891 году окончил Александровский лицей и вскоре поступил в лейб-гвардии гусарский полк 2-й кавалерийской дивизии. С 1896 по 1899 год находился в Эфиопии, совершал экспедиции по неисследованным районам страны, оставил путевые записки. По возвращении в Россию отправился в Маньчжурию, участвовал в боевых действиях по подавлению так называемого «восстания боксеров». Вообще во всех своих действиях, как в Эфиопии, так и в Маньчжурии, проявлял себя как исключительно мужественный, отличающийся незаурядной отвагой и способностями офицер. Был удостоен ряда наград.

В 1907 году по благословению святого Иоанна Кронштадтского уехал на Афон, там принял схиму и был рукоположен в священный сан. С 1912 года — один из самых заметных идеологов имяславия, автор ряда полемических трудов, посвященных его защите. Главный из них — «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус» (причем именно этот труд стал одной из основных причин осуждения имяславия как ереси в Послании Святейшего Синода от 18 мая 1913 года). О редактировании этой книги священником Павлом Флоренским упоминает отец Рафаил.

^{XLIII} Скорее всего, имеется в виду сочинение «Имена», переизданное в Москве в 1993 году.